ISSN 1609–9672

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

№ 4(73)
Гуманитарные науки

2012

И З В Е С Т И Я

Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины

Научный и производственно-практический журнал
Выходит 6 раз в год
Издается с октября 1999 г.

№ 4(73)
Гуманитарные науки

2012

Учредитель – Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации № 546 от 6 июля 2009 года)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А.В. Рогачев (главный редактор)

О.М. Демиденко (зам. главного редактора)
Л.А. Шеметков (зам. главного редактора)

В.В. Андреев, Го Вэньбинь, В.Ф. Багинский, Г.Г. Гончаренко, А.М. Дворник, Г.М. Евелькин, Е.В. Убоженко (ответственный секретарь), С.В. Жаворонок, В.Г. Жогло, Ф.В. Кадол, В.Н. Калмыков, В.В. Кириченко, Г.Е. Кобринский, Г.Г. Лазько, В.Д. Левчук, А.М. Литвин, А.В. Макаревич, О.А. Макушников, И.В. Максимей, Н.В. Максименко, Г.И. Нарскин, О.С. Осипова, А.Н. Сердюков, Н.В. Сильченко, Б.В. Сорвиров, А.А. Станкевич, М.И. Старовойтов, В.М. Хомич, И.Ф. Штейнер, В.А. Щепов, Я.С. Яскевич

Адрес редакции:
ул. Советская, 104, к. 2-17, 246019, Гомель
Тел. 57-37-91, e-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: http://vesti.gsu.by

© Известия Гомельского государственного
университета имени Франциска Скорины, 2012
© Proceedings of the F. Scorina Gomel State University, 2012

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

История

УДК 9 930.1(477)«18/19»

Украінская гістарычная думка ў пачатку эпохі нацыянальнага адраджэння (другая палова XVIII – 20-я гады XIX ст.)

Г.А. Аляксейчанка

У артыкуле разглядаюцца канкрэтна-гістарычныя ўмовы, асноўныя напрамкі і змест развіцця ўкраінскай гістарычнай думкі ў кантэксце эпохі нацыянальнага адраджэння.
Ключавыя словы: гісторыя, гістарычная думка, Украіна, нацыянальнае адраджэнне, асветніцтва, палітыка, нацыянальная эліта.

The article shows special historical conditions, basic directions and the development of Ukrainian historical thought during the period of national renaissance.
Keywords: history, historical thought, Ukraine, national renaissance, enlightenment, politics, national elite.

Ва ўмовах сучаснай метадалагічнай пераарыентацыі гістарычнай навукі, асваення здабыткаў сусветных навуковых школ і падрыхтоўкі новых генерацый даследчыкаў вялікая роля належыць звароту да ўласнай гістарыяграфічнай спадчыны. Крытычнае асваенне асноўных этапаў развіцця гістарычнай навукі, яе метадалагічнага інструментарыя, канцэптуальных пабудоў, даследчыцкай лабараторыі класікаў гістарычнай навукі дазваляюць перадаць яе лепшыя здабыткі наступным пакаленням гісторыкаў [1, с. 430–431], [2, с. 63].

Развіцце навуковай гістарычнай думкі Украіны звязана з уплывамі еўрапейскіх асветніцкіх ідэй і прынцыпаў грамадскага і навуковага жыцця. Спецыфіка гэтага працэсу на Украіне была вызначана тым, што ён адбываўся ў “пераломную” эпоху, калі на памежжы XVIII–XIX стст., следам за ліквідацыяй царскім урадам аўтаноміі Левабярэжнай Украіны і руйнаваннем Запарожскай Сечы, ва ўмовах сістэмнай інкарпарацыі ўкраінскага грамадства ў агульнаімперскую структуру, пачынаецца ўкраінскі нацыянальны рух. Ён разгортваўся ў форме нацыянальна-культурнага адраджэння, хаця напачатку меў выразны грамадска-палітычны вектар, што мела пад сабой аб’ектыўныя падставы.

Справа ў тым, што афіцыйны ўрадавы курс Пецярбурга не абмяжоўваўся перабудовай адміністрацыйнага ладу і органаў кіравання: пачыналася ўніфікацыя і нівеліроўка грамадска-саслоўнай структуры, прававых норм, сістэмы асветы і г. д.

Адказам на гэтыя імперскія захады стала арганізаваная апазіцыя былой казацка-старшынскай эліты і шляхты. Даводзячы легітымнасць “правоў і вольнасцей” Малароссіі, яе аўтаномнага статусу, што была замацавана вядомымі расійска-ўкраінскімі дагаворамі сярэдзіны XVII ст., патрыёты-маларосы выступалі за аднаўленне гістарычна склаўшагася status guo. У літаратуры гэтыя дзеячы атрымалі назву “аўтанамісты”. Іх першым арганізаваным выступленнем стала вядомая “маларасійская фронда”, калі скліканыя для выбараў дэпутатаў у кацярынінскую Укладальную камісію (1767–1768 гг.) прадстаўнікі ад шляхты, казацтва і мяшчанства ў сваіх наказах абраным дэпутатам салідарна выказаліся за “пацвярджэнне старынных правоў і вольнасцей” Маларосіі і насуперак жорсткаму адміністрацыйнаму націску падчас выбараў аддавалі перавагу кандыдатам, здольным абараняць інтарэсы свайго краю. Патрыятычны настрой і даволі высокая згуртаванасць адрознівалі маларасійскіх дэпутатаў на працягу ўсёй дзейнасці Укладальнай камісіі [4, с. 324–326].

Паварот да палітыкі «лисьего хвоста и волчьего рта», які быў вызначаны Кацярынай II для Левабярэжнай Украіны ў 70–80-я гады XVIII ст., прадугледжваў паслядоўны раскол мясцовай эліты, яе частковую бюракратызацыю, актыўнае выкарыстанне яе службова-кар'ерных амбіцый, імкнення да хуткай набілітацыі і інш. Гэты курс часткова павялічыў кола лаяльных да прэстола прадстаўнікоў маларасійскага "новага дваранства", што мела сваім вынікам спад апазіцыйных настрояў сярод мясцовай эліты. Аднак устойлівыя ў Маларосіі "умоначертания прежних времен" [5, с. 167], якіх апасалася імператрыца, канчаткова не зніклі: апазіцыйнасць праяўлялася ў больш латэнтных і замаскіраваных формах. На пачатку 90-х гг. XVIII ст. у адказ на паварот Геральдыі да больш жорсткіх умоў і патрабаванняў да набілітацыі казацка-старшынскіх слаёў у Левабярэжнай Украіне разгарнуўся актыўны і скаардынаваны рух за "дакументалізацыю" правоў украінскай эліты на атрыманне расійскага дваранства. Быў арганізаваны мэтанакіраваны пошук гістарычных звестак і дадзеных у розных архівах і сховішчах. Гэты зварот палітыкаў да гісторыі меў выразны прагматычны характар, але ен таксама абуджаў інтарэс да сваёй гістарычнай мінуўшчыны.

Новы ўздым аўтанамісцкага руху назіраўся пасля смерці Кацярыны II, калі пэўныя праявы маларасійскіх "сімпатый" Паўла I, а потым ліберальна-рэфарматарскі курс палітыкі Аляксандра I стваралі даволі спрыяльныя ўмовы для актывізацыі "маларасійскай партыі" А.А. Безбародкі ў вышэйшых эшалонах улады. У гэты час лабіраваўся шэраг аўтанамісцкіх праектаў (А. Безбародкі – І. Гудовіча, М. Міклашэўскага, Я. Лабанава-Растоўскага, Д. Трашчынскага і інш.) і назіраліся актыўныя захады па іх рэалізацыі [6, с. 348–349].

У падтрымку гэтай лініі на Наддняпроўшчыне з'явіўся вядомы цыкл запісак і трактатаў у абарону "маларасійскіх правоў і вольнасцей", напісаных у пачатку XIX ст. лідэрамі ўкраінскіх аўтанамістаў Р. Марковічам, Ф. Туманскім, А. Чэпам, В. Палетыкам, Т. Калінскім і інш. [7, с. 76–77]. Гэтыя дакументы, як нам уяўляецца, прызначаліся для інфармавання службовых асоб мясцовага і вышэйшага ўрадавага ўзроўня.

Адначасова азначаныя запіскі і трактаты мелі даволі шырокі выхад на гісторыю Маларосіі ад XV–XVI стст. і маглі стаць эфектыўным сродкам папулярызацыі сярод украінскага "новага дваранства" аўтанамісцкай дактрыны, а таксама важнейшых падзей і фактаў з гісторыі Гетманшчыны і Войска Запарожскага. З аналагічнай мэтай была напісана і знакамітая "История русов", якая большасцю спецыялістаў у жанравым плане вызначаецца як гісторыка-палітычны памфлет. Аднак надзвычай высокая папулярнасць гэтага твора ў 20–40-х гг. XIX ст., на наш погляд, была абумоўлена не толькі яго ідэйна-палітычным зместам, але і спробай цэльнай і паслядоўнай рэпрэзентацыі гісторыі ўкраінскага народа, якая была запатрабавана часам і людзьмі.

У гэтым сэнсе спробы прадставіць актыўны паварот тагачаснай украінскай эліты да гісторыі выключна як нейкі "пабочны прадукт" палітычных захадаў аўтанамістаў ці набілітацыйных працэдур нам уяўляюцца занадта катэгарычнымі і "лінейнымі". Больш глыбокую ацэнку гэтаму "рэнесансу" гістарычнай свядомасці дваранскай эліты Украіны даў класік украінскай гістарыяграфіі Д.І. Дарашэнка, які разглядаў яго як з'яву, "характэрную для тых эпох у жыцці зняволеных нацый, калі яны пад пагрозаю знішчэння гістарычнага ўкладу іх жыцця … мацней адчуваюць вагу ўласнай гістарычнай традыцыі і … намагаюцца акурат у гэтай мінуўшчыне знайсці маральную апору, прававую аснову і сілы для абароны сваіх грамадскіх і нацыянальных ідэалаў" [4, с. 11].

Апошнія даследаванні ўкраінскіх вучоных Н. Якавенка, Л. Довгай, П. Саса, А. Струкевіча і інш. дазваляюць рабіць больш шырокія сістэмна-акрэсленыя абагульненні, якія пераконваюць у тым, што ў навукова-асветніцкім асяроддзі Украіны канца XVII – пачатку XVIII ст. усталяваўся своеасаблівы культ гісторыі Бацькаўшчыны, а таксама адмысловы этас служэння ёй, які праяўляўся як маральна-грамадзянскі абавязак [8, с. 88–89]. Ад пачатку XVIII ст. высокаадукаваны стан "вайсковых канцэлярыстаў", які, па вызначэнню гісторыка А. Прыцака, "пачынае працэс секулярызацыі... навукі", адначасова ўзяў на сябе і адказную "місію дакументалізіраваць факт за фактам гісторыю краіны" [9, с. 63]. У гэтым асяроддзі ўзнікла і развівалася да другой паловы XVIII ст. казацка-старшынскае летапісанне, аснову якога складалі тры гісторыка-хранікальных помніка: летапісы Самавідца, Г. Грабянкі і С. Вя-

лічкі. Яны неслі на сабе выразны адбітак літаратуры барока, але адначасова вызначаліся рацыянальным стылем і логікай апавядання, даволі грунтоўнай і арыгінальнай дакументальнай базай [10, с. 90–94]. Цэнтральным тэматычным ядром казацка-старшынскіх летапісаў з'яўлялася славутая эпоха Хмельніччыны з дэталевай хронікай асноўных падзей і галоўных фактаў, вызначэннем асобных перыядаў, яркімі і змястоўнымі ацэнкамі гістарычных асоб.

Практыка казацка-старшынскага летапісання ў Левабярэжнай Украіне мела сваім галоўным вынікам істотнае ўмацаванне і пашырэнне традыцый гістарычнай храністыкі. Апошнія здабыткі ўкраінскай рэгіянальнай археаграфіі канчаткова пераконваць у тым, што летапіс Грабянкі і яго позняя кампіляцыя – "Краткое описание Малороссии" – сталі асновай для шэрагу мясцовых гістарычных хронік ("Летописец Краткий", "Нежинская летопись" і інш.), якія рэгулярна дапаўняліся звесткамі канца XVIII ст. і нават пачатку XIX ст. [11, с. 348–382]. Працяглае захаванне гэтай знешне "архаічнай" практыкі ў адукаваным асяроддзі ўкраінскага Наддняпроўя – праява жывога (хаця пераважна аматарскага) інтарэсу да мінуўшчыны і клопату аб яе зберажэнні ў гістарычнай памяці пакаленняў.

З сярэдзіны XVIII ст. новая генерацыя інтэлектуалаў-асветнікаў – Р. Покас, А. Дзівовіч, А. Шафонскі, С. Лукомскі, П. Сіманоўскі і інш. – здолела выратаваць з небыцця частку казацка-старшынскіх летапісаў, апрацавала і падрыхтавала іх для далейшага навуковага асваення. Яно разгарнулася ўжо на зыходзе XVIII ст. намаганнямі пецярбургскага "гуртка маларосаў" пад патранажам вядомага саноўніка і мецэната А.А. Безбародкі. Сябры гэтага гуртка вывучылі даступныя тэксты вядомых украінскіх летапісаў і пасля зверкі розных варыянтаў падрыхтавалі да выдання найбольш значныя. У выніку з'явіліся першыя апублікаваныя помнікі казацка-старшынскага летапісання: "Краткая летопись Малой России" (выдадзена ў 1777 г. В. Рубан пры ўдзеле А.А. Безбародкі) і "Летописец Малыя России", вядомы як летапіс Грабянкі (выдадзены ў 1793 г. Ф. Туманскім). Практыка т. зв. "сталічных" выданняў асобных гістарычных крыніц па Украіне атрымала свой працяг у пачатку XIX ст. Намаганнямі Я. Балхавіцінава, Я. Марковіча, М. Берлінскага, В. Анастасевіча і інш. у навуковы зварот былі ўведзены каштоўныя падборкі матэрыялаў і нават асобныя дакументальныя рарытэты. Сярод іх можна вызначыць найбольш змястоўныя ў навукова-інфармацыйным плане публікацыі крыніц па гісторыі Украіны ў часопісах "Российский магазин" Ф.В. Туманскага, "Улей" (1811–1812 гг.) В.Г. Анастасевіча і інш. [12, с. 185].

Адначасова сярод прыгаданых раней маладых аўтанамістаў разгортваецца праца па сістэматызацыі і папаўненню т. зв. сямейных (радавых) архіваў, мэтанакіраванаму пошуку гістарычных дакументаў, рукапісаў, рарытэтных рэчаў і г. д. [13, с. 158–159]. Варта падкрэсліць, што адсутнасць мясцовых навуковых цэнтраў, прафесійных кадраў і адпаведнага вопыту рабіла вырашэнне гэтай задачы надзвычай складанай. Заўважым дадаткова, што ад часоў Паўночнай вайны 1700–1721 гг. і на працягу ўсяго XVIII ст. багацейшыя архіўныя фонды Гетманшчыны і Запарожскай Сечы большай часткай былі знішчаны альбо вывезены з Украіны і раскіданы (у асноўным бессістэмна) па розных ведамасных архівах Расійскай імперыі [14, с. 3–4]. Характэрным у гэтым плане з'яўляецца лес Батурынскага архіва і бібліятэкі гетмана Мазепы, які сучасныя даследчыкі параўноўваюць са знакамітым «янтарным пакоем» [15, с. 175–180]. Неўпрадкаванай заставалася і большасць мясцовых архіваў. Каардынатарамі гэтага руху аматараў даўніны былі нашчадкі вядомых казацка-старшынскіх радоў В. Палетыка, А. Чэпа, В. Лукашэвіч, Я. Марковіч і інш. Маладыя інтэлектуалы-асветнікі не абмяжоўваліся "антыкварнымі заняткамі", яны жадалі быць "носьбітамі і творцамі гістарычных ведаў" [1, с. 158].

Азначаны "гістарыяграфічны рэнесанс" як феномен грамадскага жыцця тагачаснай Украіны і сёння вымагае свайго глыбокага асэнсавання. Пэўны арганізацыйны імпульс гэтай справе дала дзейнасць у Наддняпроўскай Украіне экспедыцый і камісій, створаных Акадэміяй навук Расіі ў сярэдзіне 70-х – 80-я гг. XVIII ст.[16, с. 33–34, 38–41]. У працу на ніве гісторыі ў розных формах і на розных узроўнях уключыліся дзесяткі руплівых даследчыкаў. Маштабы іх дзейнасці, як сведчаць навейшыя археаграфічныя распрацоўкі А.Б. Каваленкі [гл. 17–19], былі больш значнымі, чым гэта ўяўлялася спецыялістам раней. У выніку на працягу параўнальна кароткага тэрміну з'явіўся вялікі цыкл гісторыка-рэгіянальных апісанняў,

пабудаваных па асветніцкіх канонах “народаапісання” (геаграфія, прыродна-кліматычныя ўмовы, дэмаграфія, этнаграфічныя асаблівасці, культура і г. д.). Сярод іх вылучаюцца сваей грунтоўнай гісторыка-дакументальнай базай працы М. Антаноўскага, В. Рубана, М. Яноўскага, М. Берлінскага, М. Маркава, А. Леўшына, Г. Успенскага. У сучаснай украінскай гістарыяграфіі з імі звязваецца фарміраванне “... двух важных прагрэсіўных тэндэнцый – пашырэнне крыніцавай базы і пачатак актыўнага асэнсавання і абагульнення вузлавых момантаў айчыннай гісторыі...” [13, с. 226–227].

Актыўнае вывучэнне мінуўшчыны даволі хутка выйшла за межы гістарычнага агляду “родных ваколіц”. Сучасны даследчык В.В. Краўчанка ў гэтай сувязі адзначае, што на памежжы XVIII–XIX ст. урэшце стала відавочным: “Некалькі пакаленняў украінскага дваранства выхоўваліся, не маючы перад сабой ніводнай публікацыі з гісторыі сваёй Бацькаўшчыны, акрамя “Краткого описания Малой России”, створанага ў 30-х гг. XVIII ст. і выдадзенага ў змененым выглядзе ў 1777 г.” [20, с. 369].

У гэтых умовах адной з галоўных задач патрыётаў-асветнікаў стала напісанне абагульняючай гісторыі Украіны-Маларосіі. Сімвалічнай праявай грамадскага значэння гэтай справы стала прызначэнне ў 1781 годзе Ф. Туманскага, вядомага вучонага і асветніка, гістарыёграфам “па выбару усея Маларосіі” [9, с. 65]. Па падліках спецыялістаў за стварэнне такой абагульняючай гісторыі браліся каля дзесяці ўкраінскіх асветнікаў-энтузіастаў і знаўцаў айчыннай гісторыі. Сярод іх толькі часткова рэалізавалі свой намер Я. Марковіч, М. Антаноўскі, М. Яноўскі, Я. Ламікоўскі. Шэраг завершаных гісторый застаўся ў рукапісах, далейшы лес якіх нам не вядомы. Сярод іх – пяцітомная “История Малой России” А.І. Мартоса, змястоўныя працы А. Безбародкі, Ф. Туманскага, М. Берлінскага, А. Худорбы, А. Марковіча і інш.

Аднак руплівая і мэтанакіраваная дзейнасць украінскіх патрыётаў-асветнікаў мела бясспрэчныя навуковыя здабыткі. З'явіўся шырокі цыкл гісторыка-рэгіянальных апісанняў Наддняпроўскай Украіны, пленна развівалася гістарычная журналістыка. У 1798 годзе ўбачыла свет “Записка о Малой России» Я. Марковіча – скарочаны вырыянт рыхтаваўшайся аўтарам фундаментальнай гісторыі, з'явілася славутая “История русов”, якая стала першым вопытам цэльнай і паслядоўнай рэпрэзентацыі палітычнай гісторыі Украіны [13, с. 231]. Урэшце выхад у 1822 годзе першага выдання чатырохтомнай “Истории Малой России” Д. Бантыш-Каменскага засведчыў, што “ўкраінская гістарыяграфія канчаткова выйшла за межы летапіснай, кампілятыўнай гістарычнай літаратуры і падышла да таго рубяжу, з якога пачыналася гістарычная навука” [20, с. 370].

Такім чынам, можна цалкам пагадзіцца з Зянонам Когутам у тым, што разглядаемая намі эпоха аказала “значны ўплыў на зберажэнне гістарычнай свядомасці і фарміраванне новай украінскай гістарыяграфіі”. Разам з тым гістарычная думка стала не толькі сродкам захавання, абароны і ідэалагічнай артыкуляцыі нацыянальна-палітычных традыцый і культуры ўкраінцаў, яна выконвала фактарную ролю ў фарміраванні іх нацыянальнай ідэнтычнасці, вызначала перспектывы і змест наступнага этапа ўкраінскага нацыянальнага адраджэння [1, с. 159].

Літаратура

1. Калакура, Я. Українська історіографія / Я. Калакура. – Київ : Генеза, 2004. – 494 с.

2. Стельмах, С.П. Теоретичні новації у вітчизняній історіографії другої половини XIX століття / С.П. Стельмах // Навукові записки НУ «Киево-Могилянська академія». – Т. 18. – Історичні науки. – К., 2000. – С. 63–69.

3. Дорошенко, Д.И. Нарис історії України / Д.І. Дрошенко. – Львів : Світ, 1991. – 576 с.

4. Ефименко, А.Я. История украинского народа / А.Я. Ефименко. – Киев : Либідь, 1990. – 512 с.

5. Грушевский, М.С. Очерк истории украинского народа / М.С. Грушевский. – Киев : Либідь, 1991. – 397 с.

6. Потульницкий, В.А. Україна і всесвітна історія. Історіософія світової та української історії XVII–XX століть / В.А. Потульницкий. – Київ : Либідь, 2002. – 478 с.

7. Магочи, П. Українське національне відродження. Нова аналітична структура / П. Магочи // Українські історичний журнал. – 1991. – № 3. – С. 102–106.

8. Аляксейчанка, Г.А. Гістарычная свядомасць украінскай грамадскай эліты ў пачатку эпохі нацыянальнага адраджэння (другая палова XVIII – 20-я гг. XIX ст.) / Г.А. Аляксейчанка // Восточные славяне: историческая и духовная общность : материалы науч.-практ. конф., Гомель, 15–16 апреля 2008 г. / Гомельск. ун-т, о-во Кирилла Туровского ; ред. колл. : В.И. Коваль [и др.]. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2008. – С. 87–90.

9. Прицак, О. Доба військових канцеляристів / О. Прицак // Київська старовина. – 1993. – № 4. – С. 62–66.

10. Ковальский, Н.П. Украинские летописи / Н.П. Ковальский, Ю.А. Мыцык // Вопросы истории. – 1985. – № 10. – С. 81–94.

11. Бовгиря, А. Українські історичні хроніки пізньої доби (друга половина XVIII – початок XIX століття) / А. Бовгиря // Наукові записки інститута української археографії та джерелознавства ім. М.С. Грушевского. – Т. 10. – Збірнік прац молодих вчених та аспірантів. – Київ, 2005. – С. 347–384.

12. Аляксейчанка, Г.А. Асветніцкі этап у развіцці ўкраінскай гістарыяграфіі: людзі, ідэі, здабыткі / Г.А. Аляксейчанка // Зборнік навуковых прац гістарычнага факультэта ГДУ імя Францыска Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2009. – С. 183–187.

13. Бойко, О.Д. Історія України / О.Д. Бойко. – 3-те вид. – Київ : Академвидав, 2008. – 688 с.

14. Сохань, П. Повернути писемні скарби / П. Сохань, Л. Лозенко // Київська старовина. – 1993. – № 2. – С. 3–6.

15. Таирова-Яковлева, Т. Батуринский архив Ивана Мазепы / Т. Таирова-Яковлева // Батуринська старовина. Збірнік наукових прац, присвячений 300-літтю Батуринськой трагедіі. – Київ : Видавництво імені Олени Телиги, 2008. – С. 175–180.

16. Горленко, В.Ф. Становление украинской этнографии конца XVIII – первой половины XIX ст. / В.Ф. Горленко. – К. : Наукова думка, 1988. – 214 с.

17. «Сокращенное историческое описание Черниговской губернии...» 1787 г. / публ. О.Б. Коваленка // Сіверянський літопіс. – 1995. – № 2. – С. 82–95.

18. Коваленко, О. Неопублікована праця Андрія Пригари «Особое или топографическое описание города губернского Новгород-Северского» (1786 г.) // Сіверянський літопіс. – 1999. – № 4. – С. 160–165.

19. Коваленко, О. Невідома праця кінца XVIII ст. з історіі Стародуба / О. Коваленко, І. Петреченко // Сіверянський літопіс. – 2000. – № 3. – С. 160–166.

20. Кравченко, В.В. Нариси української історіографіі епохі національного відродження / В.В. Кравченко. – Харків : Вид. Харк. ун-та, 1996. – 376 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 327(476)

Приграничное экономическое сотрудничество между Республикой Беларусь и Украиной в 1990-е – 2000-е годы

Е.А. Бурик

В статье рассматривается состояние и развитие приграничного сотрудничества Беларуси с Украиной в экономической области. Обе страны, оказавшиеся в новой геополитической ситуации после распада СССР, предпринимали немалые усилия, направленные как на восстановление традиционных форм сотрудничества между субъектами хозяйствования, сложившихся в рамках СССР, так и на развитие новых, адекватных вызовам времени. Автор на основе статистических данных подробно анализирует основную форму приграничного экономического сотрудничества – внешнюю торговлю Брестской и Гомельской областей с сопредельными областями Украины. Акцент сделан на анализ инвестиционной деятельности в данных регионах. В статье определены факторы, сдерживающие либо стимулирующие развитие приграничного сотрудничества. Приведены свидетельства того, что развитие контактов на региональном уровне опережало становление межгосударственных отношений, которое приобрело затяжной характер.
Ключевые слова: приграничное сотрудничество, сопредельные области, межрегиональные соглашения, еврорегион, внешняя торговля, совместные предприятия, инвестиции.

The article considers the condition and development of the frontier cooperation between Belarus and Ukraine in economic area. Both countries, appeared in a new geopolitical situation after disintegration of the USSR, undertook the considerable efforts directed as to restoration of traditional forms of cooperation between subjects of economy, developed within the limits of the USSR, as well as to the development of new ones, appropriate for the needs of the time. The author on the basis of the statistical data analyzes the basic form of frontier economic cooperation in detail – international trade of Brest and Gomel regions with adjacent regions of Ukraine. The accent is made on the analysis of investment activity in the given regions. The article includes the factors constraining or stimulating the development of frontier cooperation. This article gives evidences that the development of contacts at regional level was ahead of the formation of interstate relations which has protracted character.
Keywords: frontier cooperation, adjacent regions, inter-regional agreements, euroregion, international trade, joint ventures, investments.

Введение. В начале 1990-х гг. Республика Беларусь заявила о себе на международной арене как самостоятельном субъекте международных отношений, начав проводить суверенную внешнюю политику. В этой сфере деятельности молодого государства четко обозначились задачи, предусматривавшие формирование пояса добрососедства с сопредельными странами. Одной из них, с которой Беларусь имеет вторую по протяженности после России границу (около 1084 км), является Украина. Соседние республики накопили богатый опыт сотрудничества в рамках единого СССР. Однако после его распада были разорваны ранее слаженно функционирующие хозяйственные и культурные белорусско-украинские связи. После 1991 г. начался параллельный процесс возобновления взаимоотношений на межгосударственном уровне и налаживания двусторонних региональных контактов. В реализации последнего активно участвовали прилегающие к границам административно-территориальные единицы: Брестская область с Волынской и Ровненской областями и Гомельская, имеющая общую границу с Житомирской, Киевской и Черниговской. Названные субъекты и обеспечивали самый широкий спектр сотрудничества.

Обстоятельного исследования по данной тематике, несмотря на востребованность в современных условиях регионализации, в отечественной историографии не имеется. Отдельные аспекты развития межрегиональных отношений встречаются в работах А. Тихомирова [1], Д. Юрчака [2], посвященных вопросам межгосударственного сотрудничества Беларуси и Украины. Наиболее изученным следует признать сотрудничество Брестской области с Украиной, исследованное в работах М.В. Стрельца и О.И. Билевич [3].

Цель данной статьи заключается в выявлении основных форм приграничного экономического сотрудничества Беларуси с Украиной и определении его влияния на развитие межгосударственных взаимоотношений в 1990-е – 2000-е гг.

При проведении исследования использованы материалы архивов Республики Беларусь и Украины, а также данные статистических управлений Брестской и Гомельской областей, не вошедшие в опубликованные статистические ежегодники.

Экономические контакты на белорусско-украинском пограничье. Установление контактов между белорусскими и украинскими приграничными территориями происходило в условиях глубокого экономического кризиса, вызванного распадом Советского Союза. Территории по обе стороны границы оказались в одинаковой социально-экономической среде, для которой стали присущи такие явления, как дефицит продовольствия, сырья, энергоресурсов, неплатежеспособность предприятий, высокий уровень безработицы среди населения. Подобные факторы сдерживали развитие приграничных контактов. Регионы не обладали необходимыми возможностями для восстановления утраченных связей.

На протяжении 1992 г. власти Украины, пытаясь урегулировать напряженную ситуацию в денежной сфере и закрепить независимую финансовую политику, провели ряд мероприятий по выходу из «рублевой зоны». В марте 1992 г. Верховная Рада приняла закон «Основы национальной экономической политики Украины», предусмотревший введение собственной валюты, а 7 ноября президент Л. Кравчук подписал указ «О реформе денежной системы Украины». С 23 часов 12 ноября 1992 г. обращение рубля на территории Украины прекращалось. Единственным законным платежным средством становился украинский карбованец. Выход Украины из рублевой зоны создавал определенную опасность экономической ситуации в Беларуси, на территории которой до 1993 г. в параллельном обращении ходили денежные знаки как бывшего СССР, так и Национального банка РБ. Дело в том, что государственная комиссия по проведению денежной реформы в Украине разрешила своим таможенным органам при выезде граждан за границу не изымать у них рублевую наличность, а с 16 ноября 1992 г. сняла любые ограничения по вывозу и ввозу рублевой наличности, сохранив ограничения на вывоз и ввоз украинского карбованца [4, арк. 242].

Жители Украины, стремясь эффективнее реализовать накопленные рублевые запасы, приезжали в соседние белорусские города, скупая и вывозя домой не только продукты питания, но и другие товары. Уже весной 1992 г. возник определенный ажиотаж в приграничных магазинах и на рынках Беларуси. Так, 29 марта в приграничный г. Лунинец прибыло более 500 жителей Украины. Закупив здесь товары, они потребовали от администрации станции изменить маршрут поезда Барановичи – Лунинец, продлив его до украинской станции Сарны. Получив отказ, украинцы блокировали пути станции, тем самым задержав движение поездов на маршрутах Санкт-Петербург – София и Рига – Львов [5]. После вмешательства милиции и большой вероятности назревания международного скандала украинская сторона организовала дополнительный поезд для бунтующих «коммерсантов».

Белорусское правительство предприняло меры по защите потребительского рынка страны, изменив порядок параллельного обращения рубля и расчетного билета Национального банка. С 10 ноября 1992 г. расчет за все продовольственные товары, включая табачные и винно-водочные изделия, на предприятиях розничной торговли всех форм собственности производился только за расчетные билеты Национального банка. Жителям других государств, командированным в Беларусь, обмен рублей на расчетные билеты производился предприятиями, куда они командировались, в размере не более 250 руб. Гражданам, прибывшим в Беларусь по иным причинам, разрешалось в банке менять рубли на расчетные билеты с взиманием комиссионного сбора в размере 30%; размер обменной суммы ограничивался до 2 тыс. руб. [6, л. 30]. Кроме того, для защиты экономических интересов Беларуси ужесточался таможенный режим на границе с Украиной, а также с Литвой и Латвией, откуда тоже наплывала рублевая масса.

Между белорусскими и украинскими субъектами хозяйствования продолжали развиваться установленные еще в советские времена тесные связи по взаимному обеспечению сельскохозяйственной техникой, комплектующими изделиями и другой продукцией произ-

водственно-технического и культурно-бытового назначения. Наиболее важным в этой области стали поставки ПО «Гомсельмаш» кормоуборочной техники и запасных частей, взамен которых с украинской стороны производились поставки материальных ресурсов и комплектующих изделий, необходимых для изготовления техники. Весной 1993 г. премьер-министры В. Кебич и Л. Кучма подписали Протокол согласования взаимных поставок продукции и расчетов между производственным объединением «Гомсельмаш» и предприятиями Украины на 1993 г. Согласно протоколу, «Гомсельмаш» заключил с Украиной 5500 договоров. На долю приграничных областей Украины пришлось 1114 договоров. Наибольшее количество поставок направлялось на предприятия Черниговской области, с которой было подписано 444 договора. Кроме сельскохозяйственной техники, «Гомсельмаш» поставлял Украине запчасти на общую сумму 6 620 млн. руб. и товары народного потребления на 1 500 млн. руб. в ценах на 1.04.1993 года [7, арк. 26].

В начале 1990-х гг. на фоне экономического кризиса требовалось объединить экономический потенциал сопредельных регионов, консолидировать усилия для поиска совместных решений идентичных проблем. Несмотря на растянутый процесс становления межгосударственных отношений, развитие сотрудничества на региональном уровне происходило более активно и охватывало разносторонние сферы деятельности: социально-экономическую, научно-культурную, экологическую, спортивную. Видение проблем с местного уровня позволяло точнее определить, какие формы сотрудничества между сопредельными областями следует развивать, чтобы соответствовать и своим, и соседским интересам, рациональнее распределять ресурсы. Юридической базой развития приграничного сотрудничества являлись межгосударственные договоры, республиканские законодательные акты, определяющие стратегию внешнеполитического и внешнеэкономического развития стран, а также межрегиональные соглашения. На протяжении 1990-х гг. руководители приграничных областей Беларуси наладили тесные контакты с украинскими коллегами, результатом которых стало документальное оформление двусторонних связей. Изначально подписанные договоры касались сферы экономических взаимоотношений и способствовали реализации ряда мероприятий сугубо экономического характера: прямых договоров между предприятиями, создания совместных предприятий и производств, формирования рыночной инфраструктуры и др. Доминирование экономической составляющей вызывалось объективными реалиями времени, в первую очередь, проблемами поддержания экономики регионов. Немаловажную роль играл и тот факт, что данная сфера сотрудничества постоянно оживляла и наполняла другие формы приграничного сотрудничества: социальную, научно-техническую и экологическую. В 1990-е гг. руководством Брестской области были подписаны договоры о двустороннем сотрудничестве с 4-мя приграничными областями Украины: Черниговской (17.03.1993), Волынской (16.12.1994), Житомирской (12.12.1996), Ровненской (26.12.1996), срок действия которых в последующие годы продлевался. Данные документы содействовали развитию широкого приграничного сотрудничества в социальной, научно-технической и культурной областях.

Схожесть экономических структур сопредельных приграничных областей сводилась к тому, что важнейшей отраслью их экономики являлось сельское хозяйство. Интеграция усилий приграничных регионов была весьма полезной для оперативного решения проблем сельскохозяйственного производства, особенно во время сезонных полевых работ, когда требовалась помощь в поставке семян, техники, в рабочей силе. Подобные проблемы неоднократно обсуждались на встречах представителей местных органов власти. Так, 2 апреля 1993 г. в г. Дубровица Ровненской области состоялось совместное совещание глав государственных администраций приграничных Камень-Каширского, Ратновского, Любомльского, Любешовского, Старовыжевского, Шацкого, Маневичского, Ковельского районов Волынской области, Дубровицкого, Рокитновского, Заречненского районов Ровненской области Украины и председателей исполнительных комитетов приграничных Малоритского, Брестского, Кобринского, Дрогичинского, Ивановского, Пинского, Столинского районов Брестской области. Участники совещания обсудили меры по активизации сотрудничества в сфере сельского хозяйства, возможности закупок ранних овощей, в частности огурцов в Беларуси, поставок семенного картофеля, семян кукурузы, а также продуктов питания. По обоюдному интересу тематика

совещания была расширена, и были выдвинуты предложения об организации совместных пунктов пропуска на границе и проведении совместного пограничного и таможенного контроля в целях более быстрого пересечения границы. Результатом встречи стала выработка Обращения к представителям президента Украины в Волынской и Ровненской областях и председателю областного исполнительного комитета Брестской области [8, л. 54–55]. Для развития сотрудничества документ провозгласил активизацию на основе заключенных договоров свободного перемещения в приграничных районах сельскохозяйственных грузов, в частности минеральных удобрений, горюче-смазочных материалов, техники, запасных частей, средств защиты растений, семян сельскохозяйственных культур, также предоставление права сельским Советам самостоятельно оформлять документы на перемещение продукции, произведенной в личных подсобных хозяйствах родственников, проживающих в сопредельных районах, а также разрешать вывоз продукции, полученной в качестве натуральной оплаты, лицам одного государства, работавшим в другом государстве по контракту при наличии подтверждающих документов. Безусловно, внедрение на практике данных мер позволяло разрешать многие проблемы, достаточно острые для белорусско-украинского приграничья. С другой стороны, предложения местных органов власти значительно опережали общую межгосударственную правовую базу, находившуюся в стадии становления. Основополагающий документ, регулирующий двустороннее сотрудничество между Республикой Беларусь и Украиной, – Договор о дружбе – был подписан главами государств в 1995 г. и начал действовать с 1997 г., и лишь 12.05.1997 года было подписано межправительственное соглашение о сотрудничестве приграничных областей Республики Беларусь и Украины.

Эволюция геополитических условий в восточноевропейском регионе влияла на приграничное и региональное сотрудничество Беларуси и Украины. Фактором, способствующим развитию связей, было то, что оба государства являлись государствами-участниками СНГ. Интеграционные процессы в рамках СНГ не всегда были результативны, несмотря на множество подписанных договоров. Сдерживающим фактором приграничного сотрудничества оставались таможенные режимы, установленные на недавно образованных границах; взаимодействие в рамках СНГ оказалось не в состоянии урегулировать этот тормозящий процесс. Между Беларусью и Украиной это остро сказывалось на торгово-экономических взаимоотношениях. Если Беларусь, Россия, Казахстан поддерживали и проводили в жизнь идеи бестаможенного пространства, то Украина, сильнее ориентируясь на сотрудничество с западноевропейскими странами, не поддерживала данные идеи. На заседании Совета глав правительств СНГ 13 марта 1992 г. в Москве украинская сторона отказалась подписать Соглашение о принципах таможенной политики. Объяснение этому следующее: данное соглашение предусматривало создание Таможенного союза и противоречило законодательно закрепленным принципам таможенной политики Украины, объявившей свою территорию единым таможенным пространством с национальным таможенным законодательством и таможенным тарифом [4, арк. 216]. Среди стран СНГ Украина придерживалась наиболее строгого погранично-таможенного контроля на границе, и это обуславливалось ее внешнеполитическим курсом. Вместе с тем, Киев высказывался за то, что определенные цели данного соглашения могут достигаться через межгосударственные договоренности о декларировании товаров, транспорта, грузов, упрощении и согласовании таможенных тарифов.

Географическое положение Гомельской области, имеющей границы с Украиной и Российской Федерацией, предопределило развитие приграничных контактов на трехсторонней основе. В 1993 г. между Черниговской, Сумской областями Украины, Брянской областью Российской Федерации, Гомельской, Могилевской областями Республики Беларусь было подписано соглашение «О взаимовыгодном экономическом сотрудничестве». Вскоре был создан Совет руководителей приграничных областей России и Украины, целью которого стало развитие взаимовыгодного экономического, научно-технического и культурного сотрудничества приграничных областей. В 1996 г. в него вошли 3 белорусские области: Витебская, Гомельская и Могилевская. Совет усилил обмен информацией по кардинальным вопросам развития сотрудничающих областей, помог выработке конкретных предложений по широкому кругу взаимодействия. 20 декабря 1996 г. на собрании Совета руководителей приграра-

ничных областей в г. Белгороде после оценки кризисных явлений в аграрных секторах сопредельных государств были выработаны предложения о формировании единого защищенного аграрного рынка трех государств. Собрание приняло Обращение к президентам, правительствам и парламентам Республики Беларусь, Российской Федерации и Украины, предложив в ближайшее время предпринять согласованные меры для свободного движения продовольствия и сельскохозяйственного сырья, развития рыночной инфраструктуры, защиты сельскохозяйственных товаропроизводителей трех стран на мировом рынке, а также выработать единую политику в области ценообразования [9, л. 14–15].

Значительное внимание Совет уделял вопросам пограничного и таможенного режима пересечения государственных границ, ходатайствуя об установлении таможенных, налоговых льгот приграничным территориям, упрощении таможенного и пограничного режимов пересечения границы для жителей приграничных районов. Много усилий Совет приложил решению проблем сотрудничества в культурной и образовательной сферах, выступая инициатором и финансистом различных мероприятий, конкурсов, премий и проектов, конференций. Так, в 1996 г. Совет утвердил ежегодную премию «Баян» за сохранение единого духовного пространства славянских народов. Премия преследовала цель не только активизировать и поощрить творческую деятельности в области литературы и искусства, но и пропагандировать идею единства корней и духовной общности трех славянских народов, призванную содействовать укреплению добрососедства.

Как видно, Совет охватил широкий круг проблем, хотя его решения имели рекомендательный характер. Но даже признание наличия определенных проблем на местах и попытка донесения их до руководства уже давали эффект. На опыте почти десятилетнего функционирования Совета Брянской, Черниговской, Гомельской областей в апреле 2003 г. была создана более прогрессивная форма сотрудничества – еврорегион «Днепр».

Несмотря на заключенные региональные торгово-экономические соглашения между Беларусью и Украиной, предусматривающие разнообразные формы взаимоотношений, на практике их условия реализовывались менее успешно, превалировали традиционные формы контактов. Основной формой приграничного экономического сотрудничества оставалась внешняя торговля. Анализ динамики внешнеторгового оборота приграничных областей показывает, что торговля между ними развивалась неравномерно. На протяжении 1996–1999 гг. для белорусских областей было характерно отрицательное сальдо торговли. Наблюдался неравномерный вклад обеих областей белорусского пограничья во внешнюю торговлю: значительная доля товарооборота принадлежала Гомельской области [10, с. 170, 416]. Данное явление объяснялось концентрацией в Гомельской области значительного числа крупных промышленных предприятий общереспубликанского значения, значительная часть которых задействована в сфере машиностроения и нефтепереработки.

Приоритетным товаром, поставляемым в Украину и влияющим на динамику экспорта и рост товарооборота Гомельской области, являлись нефтепродукты. Если в 1998–1999 гг. их доля в экспорте Гомельской области в Украину составляла 9,8% и 9,4% соответственно, то уже с 2000 г. она возросла более чем в 5 раз, составив 52,4% [11]. В последующие годы динамика продолжала сохраняться, что было обусловлено, главным образом, обострившимися украино-российскими отношениями по вопросам энергоносителей. Основным поставщиком нефтепродуктов являлся ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод», на котором перерабатывалась как российская нефть, поступавшая на завод по нефтепроводу «Дружба», так и белорусская нефть с Речицких месторождений. Объемы поставок нефтепродуктов в Украину носили периодический характер и, как правило, увеличивались в летнее время и в периоды срыва поставок нефтяного сырья для загрузки украинских нефтеперерабатывающих заводов. Цены в этом случае формировались исходя из загрузки собственных мощностей нефтеперерабатывающих заводов и не имели жесткой привязки к ценам мирового рынка. Для продвижения своей продукции на украинский рынок ОАО «Мозырский нефтеперерабатывающий завод» пользовался услугами представительства концерна «Белнефтехим», начавшего действовать в Украине с 2001 г.

Кроме нефтепродуктов, ряд групп товаров из Гомельской области пользовался повышенным спросом на украинском рынке, из года в год составляя большую долю экспортных товаров. По статистическим данным 2000 и 2005 гг., к ним относились бумага, картон и изделия из них (доля в экспорте 10% и 19%), недрагоценные металлы и изделия из них (доля в экспорте 7% и 17,8%), текстиль и текстильные изделия (доля в экспорте 3,2% и 4,7%), тракторы (доля в экспорте в 2000 г. 6,7%), стекло и изделия из него (доля в экспорте 0,04% и 4,7%). Основными поставщиками этих товаров являлись «Белорусский металлургический завод», «Светлогорский целлюлозно-картонный комбинат», «Гомельобои», «Гомельстекло», «Гомсельмаш». Для поиска новых каналов сбыта, рекламы своей продукции и организации ее поставок предприятия проводили широкую работу по организации выставок, семинаров, рекламных акций в Беларуси и Украине. Для более эффективного партнерства налаживалась товаропроводящая сеть белорусских предприятий в Украине, осуществляющих дилерские и дистрибьюторские функции. Например, по состоянию на 2006 г. дилерской сетью «Гомсельмаш», генеральным дилером которой являлся ООО «Производственно-лизинговое предприятие «Украгропостач» (г. Киев), были охвачены все 24 области Украины и Автономная Республика Крым. Для привлечения украинских партнеров к сотрудничеству в 2005 г. «Гомсельмаш» совместно с генеральным дилером провел 6 семинаров-совещаний с руководителями сельхозпредприятий как приграничных Киевской и Житомирской областей, так и более отдаленных – Тернопольской, Хмельницкой, Винницкой, Черкасской, во время которых продемонстрировал на полях Гомельской области технику производства «Гомсельмаш». В Украине создан ряд торговых домов и магазинов, где широко представлялась продукция белорусских предприятий.

В перечень продукции предприятий Брестской области, поставляемой в приграничные области Украины, входили масло животное, сухое обезжиренное и сухое цельное молоко, альбумин, рыбопродукты, сахар, газовые плиты, спички и др.

Межобластное сотрудничество сопредельных белорусско-украинских территорий выглядело следующим образом. Основными торговыми партнерами Гомельской области оставались приграничные ей Киевская область, без г. Киева (ее товарооборот среди приграничных областей Украины составлял 35,5%), Житомирская и Черниговская (доля товарооборота – 27,3% и 22,5% соответственно). Брестская область вела наиболее активную торговлю с Волынской областью (доля товарооборота – 41,6%), вторым по значимости партнером выступала несколько отдаленная от нее Киевская область (доля товарооборота – 37,3%)[1]. Отдельного внимания требует торговое сотрудничество с г. Киевом, крупнейшим промышленным центром, товарооборот с которым значительно превышал внешнеторговые показатели, сложившиеся с сопредельными регионами Украины. Более того, внешнеторговый потенциал приграничных белорусских областей в большей степени ориентировался на сотрудничество с географически отдаленными областями Украины, среди которых значительный вес занимали Донецкая, Днепропетровская и Львовская области. Отрицательным следствием этого оставалось снижение эффективности экспорта из-за возрастания транспортных расходов.

Приграничное экономическое сотрудничество призвано развивать инвестиционную деятельность, создавать совместные и иностранные предприятия по обе стороны границы. Однако инвестиционное взаимодействие приграничных областей Беларуси и Украины было крайне слабым: на протяжении 1990-х гг. Украина инвестиционных вложений в экономику приграничных областей не осуществляла. Сотрудничество в данной сфере на межгосударственном уровне также было неактивным, только в 1997 г. на территории Беларуси было зарегистрировано одно совместное предприятие с участием украинского капитала [1, с. 7]. Со стороны Беларуси на протяжении 1994–1995 гг. в экономику Волынской области поступили 2 инвестиции на сумму 84,6 тыс. дол. США, что составляло 0,2% от общей суммы иностранных инвестиций области. Белорусские инвестиции вкладывались в предприятие со 100-процентным иностранным капиталом «Волмет» (г. Ковель), производящее металлические контейнеры [12, арк. 35].

[1] Подсчитано по данным текущего учета Главных статуправлений Гомельской и Брестской областей.

В белорусские приграничные области инвестиции Украины стали поступать в начале 2000-х гг.: в 2002 г. в Брестской области и в 2003 г. в Гомельской области они составили соответственно 10,0 и 369,9 тыс. дол. США[2]. Благоприятный фон для поступления иностранных инвестиций создавали как республиканские законодательные акты, например, вступление в силу Инвестиционного кодекса Республики Беларусь в 2001 г., так и постановления местных органов власти. Так, в 2002 г. Брестский облисполком утвердил Положение о поддержке инвестиционной деятельности на территории области, которое предусмотрело такие виды поддержки, как льготы по налоговым платежам, поступающим в бюджет области, предоставление поручительств Брестского облисполкома, оказание финансовой помощи субъектам малого предпринимательства и др.

Основная доля украинских инвестиций в экономику приграничных областей поступала в сферу промышленности: машиностроение, металлообработку, а также в торговлю. В наименьшей степени инвестировалось сельское хозяйство. С 2006 г. инвестирование со стороны Украины уменьшилось. Размеры белорусского капитала в экономическом комплексе приграничных украинских областей также оставались незначительными. На начало 2007 г. инвестиции в экономику Волынской области составили 200 тыс. дол. США, или 0,1% от общего объема иностранных поступлений [13], Житомирской – 6000 тыс. дол. (или 4,1% от общего объема) [14], Киевскую – 217,8 тыс. дол. [15], в экономику Черниговской области было инвестировано 9,8 тыс. дол. [16]. На протяжении 1997–2007 гг. в Волынской области осуществляли деятельность от 9 до 11 совместных белорусско-украинских предприятий. С участием брестских партнеров по данным на 1998 г. действовало 4 совместных предприятия, что составляло более 37% от общего количества белорусско-украинских СП [17, арк. 19]. Белорусско-украинские СП в основном действовали в агропромышленном комплексе, занимались производством строительных материалов и торгово-посреднической деятельностью, работали в сфере услуг. В АПК наиболее эффективно работали «Ваш выбор техно» и «Волыньлеспром». Территориально эти предприятия были сосредоточены в г. Луцк (3), г. Ковель и г. Нововолынск (по 2), г. Владимир-Волынский, Камень-Каширский и Любомльский районы (по 1).

Существенной преградой для установления экономических контактов между субъектами хозяйствования сопредельных регионов оставалась недостаточная информация о производственных возможностях и потенциале партнеров. Для расширения торгово-экономических отношений между приграничными территориями двух стран проводился ряд мероприятий по взаимному обмену информацией о хозяйственном потенциале регионов, расширялась реклама. Подобную функцию призвана решать торгово-экономическая миссия, входящая в состав Посольства Украины в Беларуси. Ее основная цель – представление и защита интересов Украины в области внешнеэкономической деятельности. Сотрудники миссии распространяли среди украинских партнеров материалы о производственных возможностях белорусских предприятий, предложения о взаимных поставках изделий и сырья, а также данные об особенностях внешнеэкономического законодательства Беларуси. И на региональном уровне проводилась заметная работа по заполнению данного пробела. Так, руководство Волынской администрации предлагало белорусским партнерам на льготных условиях размещать рекламу своей продукции на страницах местных электронных и печатных СМИ, а также бесплатно – на официальном сайте областной администрации. Подобная договоренность была достигнута с редакциями Волынской областной государственной телерадиокомпании, телерадиокомпании «Аверс», «Волынской газеты» и радио «СИД». На сайте областной администрации располагались информационные материалы о работе Белорусской универсальной биржи и ее Брестского филиала. Более активизировалась рекламная деятельность, организация выставок, ярмарок, бизнес-форумов, семинаров, а также других мероприятий по расширению торгово-экономического сотрудничества с образованием на приграничных территориях еврорегионов – «Буг» и «Днепр». Эффективными среди перечисленных форм стали презентации продукции на ярмарках-выставках, где заинтересованные субъекты

[2] По данным текущего учета Главных статуправлений Гомельской и Брестской областей.

хозяйствования получили возможность без посредников знакомиться с качественными параметрами изделий, обсудить вопросы цены, условий поставок и послепродажного обслуживания. Так, в рамках еврорегиона «Буг» стало традиционным проведение выставок-ярмарок «Содружество» в г. Брест, «Восток – Запад» в г. Луцк, «Любдом – Весна» в г. Люблин, в рамках еврорегиона «Днепр» – «Весна в Гомеле». В выставках принимали участие предприятия сопредельных регионов на условиях взаимного бесплатного предоставления площадей.

Активизации приграничного сотрудничества территорий Беларуси и Украины помогало установление контактов на уровне районных административно-территориальных единиц и развитие побратимских отношений между городами. Разноплановое взаимодействие между Любешовским районом Волынской области, с одной стороны, Дрогичинским и Ивановским районами Брестской области, с другой, было закреплено Соглашением о сотрудничестве, подписанным 4 февраля 1997 г. в г. Любешов. Условия данного соглашения нашли практическое воплошение в сотрудничестве сельскохозяйственных предприятий, педагогов, художественных коллективов, заведений физической культуры и спорта. Среди районов Брестской и Волынской областей традиционно развивались дружеские отношения между Березовским и Иваничевским, Малоритским и Ратновским районами, городами Кобрин и Ковель, а также между Столинским и Дубровицким районами Ровенской области. Встречи на районном уровне были полезными для обеих сторон, они отмечались конструктивностью и конкретностью переговоров и обычно проходили в неформальной обстановке, что содействовало развитию более тесных отношений. На протяжении 1998 г. было проведено несколько таких встреч: в рамках Соглашения о сотрудничестве между Любешовским районом и Ивановским и Дрогичинским районами в июле состоялась встреча в с. Мохро Ивановского района, где обсуждались общие направления сотрудничества; тогда же делегация Иваничевского района Волынской области навестила Березовский район Брестской области для обсуждения вопросов организации участия в областном празднике жатвы. Представители Ратновского и Малоритского районов определили программу совместных действий в области мелиорации, в частности, пропуск паводковых вод по мелиоративным системам обеих областей, наполнению воды в р. Рита и обмену научными достижениями в данном направлении [18, арк. 36]. Между данными территориальными единицами ежегодно организовывались совместные ярмарки продукции, произведенной предприятиями этих районов. В середине 2000-х гг. участились взаимные визиты официальных делегаций Кобринского и Ратновского районов, результатом которых явилось развитие контактов в сфере сельского хозяйства и спорта.

Новой формой сотрудничества приграничных городов стала совместная работа исполнительных органов власти. Мозырский городской Совет депутатов неоднократно проводил совместные сессии с коллегами из Коростеньской рады Житомирской области, на которых обсуждались текущие вопросы сотрудничества в сфере жилищно-коммунального хозяйства и культуры. С 2003 по 2005 гг. депутаты провели пять совместных сессий, рассматривая преимущественно вопросы социальной политики: поддержка семей, воспитание молодежи, помощь престарелым людям [19, с. 35].

Укрепившимися формами приграничного сотрудничества малых территориально-административных единиц стали: в экономической области – торговые операции, ярмарки, обмен опытом ведения хозяйственной деятельности; в культурной – участие в празднествах городов, организация концертно-зрелищных программ, конкурсов; в сфере обеспечения безопасности – рабочие встречи и обмен опытом между сотрудниками органов внутренних дел приграничных районов. Контакты на местном уровне не только позитивно влияли на экономику районов, но и способствовали взаимному обогащению культур, а также заметно оживляли межличностные связи жителей приграничья.

Заключение. Подводя итог анализу приграничного белорусско-украинского сотрудничества, важно прежде всего учитывать дезинтеграционные геополитические реалии, сложившиеся после распада СССР. Экономическая нестабильность начала 1990-х гг. явилась, с одной стороны, тормозом восстановления утраченных торгово-экономических связей, а с другой – катализатором объединения экономических потенциалов сопредельных регионов. В результате контакты на региональном уровне опережали становление межгосударственных

отношений. Если между приграничными областями Беларуси и Украины в первой половине 1990-х гг. действовал ряд договоров о двустороннем сотрудничестве, позволивших развивать взаимовыгодные коммерческие связи между субъектами хозяйствования и другие формы партнерства, то развитие межгосударственных отношений приобрело затяжной характер. Основополагающим документом, регулировавшим межгосударственные контакты, до 1997 г. оставался Договор между УССР и БССР, подписанный еще 29.12.1990 г.

Приграничное белорусско-украинское сотрудничество в экономической сфере развивалось не с чистого листа, а учитывало накопленный советский опыт. Поэтому, кроме поиска новых форм взаимосвязей, немалые усилия направлялись на восстановление традиционных контактов между субъектами хозяйствования. Преобладающей формой приграничного экономического сотрудничества, о чем наглядно свидетельствуют показатели, была внешняя торговля. Анализ товарооборота приграничных областей Беларуси с Украиной помог выявить основных торговых партнеров: для субъектов Гомельской области ими стали Киевская и Житомирская области, а для Брестской – Волынская. Вместе с тем, статистические данные показали, что белорусское приграничье проводило более активную торговлю с географически отдаленными и промышленно развитыми областями Украины – Донецкой, Днепропетровской, Львовской.

Экономическое сотрудничество с приграничными областями Украины заметно оживилось в начале 2000-х гг. благодаря расширению инвестиционной деятельности, налаживанию дилерской и дистрибьюторской сетей, обмену экономической информацией, обеспечению рекламы. Данная тенденция подтверждена статистическими данными, которые стали фиксироваться в Беларуси с 2006 г. и позволили проанализировать динамику торговли непосредственно между приграничными областями двух государств. Активизации контактов способствовали ежегодные встречи руководителей приграничных областей Беларуси и Украины, включивших в повестку дня вопросы расширения спектра сотрудничества, межрегиональную деятельность торгово-промышленных палат сопредельных регионов, развитие партнерских отношений.

Таким образом, приграничное сотрудничество белорусских регионов с Украиной постепенно становилось действенным механизмом развития межгосударственных взаимоотношений в различных плоскостях сотрудничества. Контакты на региональном уровне, несмотря на наличие неулаженных межгосударственных вопросов, осуществлялись достаточно активно, создавая поле для расширения сотрудничества и способствуя формированию пояса добрососедства в белорусско-украинском приграничье.

Литература

1. Ціхаміраў, А. Беларуска-ўкраінскія адносіны ў 1991–2006 гг. / А. Ціхаміраў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 2. – С. 3–10.

2. Юрчак, Д.В. Белорусско-украинские связи в 1991–2004 годах : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Д.В. Юрчак. – Минск, 2010. – 24 с.

3. Билевич, О.И. Участие Брестской области в осуществлении внешней политики Республики Беларусь на украинском направлении / О.И. Билевич, М.В. Стрелец // Вестник Брестского государственного технического университета. – 2010. – № 6. – С. 3–7.

4. Доручення Кабінету Міністрів України та документи про їх виконання // Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (далее – ЦДАВО України). – Фонд 5269. – Оп. 2. – Спр. 15. – Арк. 216, 242.

5. Заря. – 1992. – 2 апреля.

6. Переписка с Советом Министров РБ о торгово-экономическом сотрудничестве с другими республиками, о выпуске ценных бумаг, об охране историко-культурного наследия за 1992 г. – Т. 7 // Государственный архив Гомельской области (далее – ГАГО). – Фонд 1174. – Оп. 8. – Д. 2556. – Л. 230.

7. Листування з Республікою Білорусь з питань підготовки до укладення міжурядових угод (копії угод, договорів, протоколів) // ЦДАВО України. – Фонд 2. – Оп. 15. – Спр. 3236. – Арк. 26.

8. Документы о развитии внешнеполитического и внешнеэкономического сотрудничества республики с зарубежными странами (справки, информации, сведения и др.). – Т. 2 // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 7. – Оп. 12. – Д. 754. – Л. 54–55.

9. Переписка с посольствами и управлениями Гомельской области о собрании Совета руководителей приграничных областей Беларуси, России и Украины за 1996 г. – Т. 1 // ГАГО. – Фонд 1174. – Оп. 8. – Д. 2917. – Л. 14–15.

10. Регионы Республики Беларусь : стат. сб. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. – Минск : Нац. стат. комитет РБ, 2009. – 870 с.

11. Подсчитано по: Внешняя торговля Гомельской области : стат. сб. / Мин-во статистики Респ. Беларусь ; Гомельское обл. управление статистики. – Гомель, 2002. – С. 67.

12. Інформації, план оргзаходів про стан та перспективи розвитку співробітництва області з Республікою Білорусь в 2000 році // Державний архів Волинської області (далее – ДАВО). – Фонд Р-3505. – Оп. 1. – Спр. 140. – Арк. 35.

13. Стан співробітництва Волинської області з Республікою Білорусь // Текущий архив Управления внешних экономический связей Брестского областного исполнительного комитета (далее – облисполкома). – Папка: «Волынская область».

14. Стан співробітництва Житомирської області з Республікою Білорусь // Текущий архив Управления внешних экономический связей Брестского облисполкома. – Папка: «Житомирская область».

15. Про співробітництво між Київською областю та Республікою Білорусь // Текущий архив Управления внешних экономический связей Брестского облисполкома. – Папка: «Киев».

16. Стан інвестиційного співробітництва між Чернігівською областю та Білоруссю // Текущий архив Управления внешних экономический связей Брестского облисполкома. – Папка: «Черниговская область».

17. Документи про співпрацю області з Берестейською областю, Республікою Білорусь (інформації, угода, листи і інше) за 1997–1998 рік // ДАВО. – Фонд Р-3505. – Оп. 1. – Спр. 70. – Арк. 19.

18. Документи про співпрацю з країнами СНД (листи, пропозиції до проектів Програм, огляди і інше) за 1997–2000 рік // ДАВО. – Фонд Р-3505. – Оп. 1. – Спр. 131. – Арк. 36.

19. Межрегиональное и приграничное сотрудничество государств-участников СНГ: проблемы, перспективы : информационно-аналитический доклад / Исполнительный комитет СНГ. – М. : «Производственно-издательский комбинат ВИНИТИ», 2006. – 240 с.

Брестский государственный
университет имени А.С. Пушкина

Поступило 09.12.11

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 94(474.5)”19”:339.5(410)”19”

Проблема Срединной Литвы во внешней политике Великобритании

Е.Н. Дубровко

Статья посвящена анализу места проблемы Срединной Литвы во внешней политике Великобритании. В контексте британской внешней политики конца 1920 – начала 1922 годов анализируется позиция Великобритании по факту появления этого государственного образования, его существования и присоединения к Польше. Рассматриваются британские проекты урегулирования польско-литовского конфликта и факторы, их обусловившие.
Ключевые слова: Срединная Литва, Великобритания, «виленский вопрос», Лига Наций, принцип «wait and see», англо-французские отношения.

The article is devoted to the analysis of Middle Lithuania problem place in the foreign policy of Great Britain. In the context of British foreign policy at the end of 1920 – the beginning of 1922 the position of Great Britain upon occurrence of this state formation, its existence and joining to Poland are analyzed in the article. The British projects of the Polish-Lithuanian conflict setting and its factors are considered here.
Keywords: Middle Lithuania, Great Briatin, “Vilensky question”, League of Nations, wait-and-see principle, English-French relations.

Срединная Литва являлась марионеточным польским государством, существовавшим на территории Виленщины и Гродненщины в 1920–1922 годах. Её появление было результатом стремления Польши включить в свой состав земли с центром в городе Вильно, не полученные ею по итогам Парижской мирной конференции 1919 года, оформившей новое территориально-политическое устройство Европы после Первой мировой войны. Ограничившись в ходе конференции установлением демаркационной линии между польскими и литовскими войсками и принятием Декларации в отношении временных восточных границ Польши, великие державы в последующие годы оказались перед лицом очага нестабильности в Восточной Европе. Проблемы этого региона не могли не привлечь внимание Великобритании как одной из ведущих мировых держав. Анализ места, которое проблема Срединной Литвы заняла во внешней политике Великобритании, несомненно, позволит пополнить знания о механизмах формирования восточноевропейской политики государств-ведущих субъектов международных отношений.

В историографии этот вопрос отдельно не поднимался, а в близких по тематике работах встречаются крайне противоречивые оценки связи британской политики и факта возникновения Срединной Литвы. В работах советских историков 1950-х – 1960-х гг. можно обнаружить утверждения, что создание этого государства было осуществлено с одобрения или даже «по указке» стран Антанты [1, с. 10]. В середине 1980-х гг. появились более объективные оценки. В частности, исследователь К.Я. Почс указывал, что Великобритания в сфере польско-литовских отношений быстро смирялась со свершившимися фактами, уделяя главное внимание недопущению военных действий [2, с. 57]. Современные польские историки пришли к мысли, что именно опасение недовольства и протеста со стороны Великобритании толкнуло Польшу на организацию «бунта» и создание Срединной Литвы [3, s. 48], [4, s. 158]. Однако последующая политика Великобритании в отношении этого государства не получила должного освещения.

Однозначно, у британского ведомства иностранных дел не было сомнений, что действия корпуса Л. Желиговского по занятию территории Виленщины направлялись из Варшавы [5, p. 593–598]. Уже 11 октября 1920 года Великобритания предложила Франции в знак протеста отозвать послов из Варшавы [6, p. 592].

12 октября последовал протест со стороны британского поверенного в делах, который совместно с французским послом в Варшаве вручил соответствующую ноту главе Польского государства Ю. Пилсудскому. В ней указывалось, что Вильно был обещан Литве, и Польша,

таким образом, нарушила обязательства, данные ею на конференции в Спа в июле 1920 г. [7, s. 213], [8, s. 61]. Одновременно польскому представителю в Лондоне было заявлено в британском ведомстве иностранных дел, что польское правительство должно официально выступить против действий Л. Желиговского и организовать эвакуацию Вильно, чтоб не подрывать доверие к себе со стороны союзников [5, p. 593–598], [9, s. 517–518].

От других решительных действий, как и от открытых обвинений Варшавы в захвате Вильно, Великобритания воздержалась. Более того, уже 16 октября глава британского ведомства иностранных дел инструктировал британского представителя в Варшаве просто придерживаться status quo и даже посоветовать умеренность литовцам [10, p. 613–614].

Такое потепление отношения Великобритании к занятию Вильно обусловлено было несколькими обстоятельствами. Во-первых, Франция не поддержала предложения об отзыве послов, заявив о передаче «виленского вопроса» на рассмотрение международной организации – Лиге Наций [11, p. 615–616]. Чтоб избежать обострения отношений с ней, британский кабинет министров решил действовать в этом вопросе в тесном сотрудничестве с французским правительством [12, s. 523].

Во-вторых, сыграла роль позиция Польши: с одной стороны, решительность, которую проявило её руководство, заявляя о возможности отставки Ю. Пилсудского и главы польского министерства иностранных дел Е. Сапеги, а с другой, существовавшая в британском кабинете уверенность, что «польский народ не дезавуирует действия своей армии». Это вызвало опасения дестабилизации ситуации в Восточной Европе и даже разрыва Польши с союзниками [13], [14, p. 600–601], [15, p. 604–605], [16, s. 521–523]. Такая ситуация была крайне нежелательна для британского правительства, особенно после того, как в Лондон пришли известия о подписании прелиминарного мирного договора между Польшей и Советской Россией и Украиной. Это позволяло надеяться на урегулирование ситуации в восточноевропейском регионе и налаживание экономических отношений, к которому стремилась в этот период Великобритания [17, p. 599].

В-третьих, территория Срединной Литвы, очерченная в донесении британского представителя из Варшавы как район между «линией Фоша» и «восточной границей Литвы по советско-литовскому договору», не могла вызвать нареканий формального характера со стороны Великобритании [18, p. 596–597]. Появление такого государственного образования не нарушало решений союзников о польско-литовском разграничении в данном районе и не затрагивало советской территории по советско-литовскому договору июля 1920 года, которому Великобритания всё ещё придавала большое значение.

В-четвёртых, единственным способом защиты литовских интересов в отношении Вильно было, по мнению британского представителя, использование «военной силы» [15, p. 604–605]. Это для Великобритании было недопустимо. Все остальные её демарши, как указал глава британского ведомства иностранных дел Кёрзон, представляли собой лишь «сотрясание воздуха» и сокрытие своего бессилия [5, p. 598].

В этих обстоятельствах Великобритания согласилась оставить вопрос польско-литовских отношений за Лигой Наций [19, p. 609]. Последовавшее 17 октября совместное англо-французское заявление в министерство иностранных дел Польши полностью соответствовало этой позиции [20, p. 618].

Надо отметить, что осенью 1920 года единства по вопросу о способе решения польско-литовских противоречий в британском ведомстве иностранных дел не было. Показательно, что, когда на заседаниях Лиги Наций был поднят вопрос о возможности проведения плебисцита, английская делегация оказалась в затруднительном положении. Её глава, А.Дж. Бальфур, был вынужден запросить инструкций из Лондона в связи с нехваткой информации как о позиции Великобритании, так и о ситуации в Виленщине [21, p. 2–4]. Однако к моменту обсуждения вопроса о польско-литовских отношениях ответ на запрос А. Бальфура не был получен [22, p. 632–634]. Лишь после принятия 28 октября Лигой Наций положительного решения по вопросу проведения плебисцита на спорных территориях пришла телеграмма от графа Кёрзона [23], [24, p. 645–646]. Её содержание показывает, что идея плебисцита не находила поддержки в британском внешнеполитическом ведомстве, так как её

реализация потребовала бы значительных материальных затрат, связанных с необходимостью временной оккупации плебисцитной зоны войсками союзников, которая, кроме того, могла вызвать сопротивление Советской России. Вместе с тем ответ Кёрзона показывает, что будущее Литвы в качестве независимого государства не рассматривалось. Из двух вариантов – поглощение Россией или союз с Польшей – второй считался более желательным. Именно идею федерации, утвердившуюся в британском ведомстве иностранных дел, Кёрзон предлагал отстаивать на заседаниях Лиги Наций [16, s. 521–523], [25, p. 641–642]. Но, как уже отмечалось, британская делегация не смогла действовать в соответствии с этими запоздавшими инструкциями.

Вплоть до начала марта 1921 г. Лига Наций искала пути реализации проекта плебисцита на спорной территории между Польшей и Литвой. Однако ряд сложностей, связанных с необходимостью определения территории плебисцита, обеспечения его объективности путём вывода войск Л. Желиговского и отправки туда военного контингента союзников, толкнули Совет Лиги к отказу от плебисцита и принятию резолюции о рекомендации Польше и Литве вступить в непосредственные переговоры [26, s. 574].

На протяжении этого периода правительство Великобритании воздерживалось от сепаратного вмешательства в польско-литовские отношения [27], [28, s. 4]. Одновременно в британском ведомстве иностранных дел все прочнее утверждалась идея о выгодности польско-литовской федерации для Великобритании. Уже с середины февраля 1921 года в беседах с польскими и литовскими представителями британские чиновники указывали на значительные преимущества такого варианта развития событий в связи с исторической, религиозной и культурной близостью обоих государств [29, p. 719–722], [30, s. 25–27], [31, s. 60]. В Великобритании было известно о неприятии литовским правительством идеи федерации. Об этом неоднократно писали британские представители из Ковно [32, p. 661–664]. Однако, как указал граф Кёрзон в декабре 1920 г., делая пометку на внутриведомственной документации, «мнение литовцев его не интересовало» [33, p. 692].

Британский интерес к идее федерации Польши и Литвы в конце 1920 – начале 1921 года определялся целым комплексом обстоятельств. Прежде всего, сохранялась уверенность в невозможности существования Литвы в качестве независимого государства [34, p. 667–670], [35, p. 653]. Поэтому её тесный союз с одним из соседних государств казался неизбежным. В текущий момент федерация Литвы с Польшей несла для Великобритании наибольшие выгоды. Поддержка идеи польско-литовской федерации, заявленной в среде польского руководства, могла стать шагом к улучшению англо-польских отношений и определённому «отрыву» Польши от Франции, об усилении влияния которой свидетельствовало заключение франко-польского договора весной 1921 года. Польско-литовская федерация была полезна для налаживания британской торговли с Польшей и для усиления политического влияния Великобритании в регионе. Сама Польша всё активнее пропагандировала идею англо-польского экономического сотрудничества, заявляя о готовности предоставить Великобритании железнодорожные концессии и консультируясь по вопросу заключения польско-советского торгового договора [36, p. 683–686], [37, p. 693], [38, s. 55], [39, s. 73]. Польско-литовский союз упростил бы осуществление плана использования Польши в качестве базы для реализации британских коммерческих и промышленных интересов в России. Это было особенно актуально в связи с подходом к концу англо-советских переговоров о заключении торгового соглашения и польско-советских мирных переговоров. С другой стороны, такой союз способствовал бы отрыву Литвы от Германии, что позволило бы Великобритании контролировать немецкое проникновение в Советскую Россию через этот регион [34, p. 667–670]. И наоборот, сохранение польско-литовских противоречий усиливало риск германо-литовского сближения или советизации Литвы, что выводило этот регион из потенциальной сферы влияния Великобритании [40, p. 36], [41, p. 4b, 41].

В этих обстоятельствах Великобритания в марте 1921 года поддержала предложение Совета Лиги Наций о проведении непосредственных польско-литовских переговоров с целью решения спорных вопросов. В преддверии этих переговоров Великобритания пыталась склонить польское и литовское правительства к идее федерации, особенно настаивая на тес-

ном экономическом сотрудничестве обеих стран [42, p. 2–3], [43, p. 4–6], [44, p. 14–15], [45, s. 51–63], [46, s. 89–90].

Польско-литовские переговоры проходили в Брюсселе с 20 апреля по 3 июня 1921 года. В ходе них 20 мая был опубликован так называемый «первый проект Гиманса», названного по имени бельгийского дипломата, председательствовавшего на конференции. Он предусматривал тесное сотрудничество в экономической и военной сфере, в вопросах внешней политики между Польшей и Литвой, которая должна была состоять из двух кантонов со столицами в Вильно и в Ковно [47, s. 47–49]. Положения проекта вполне соответствовали задачам британской политики в восточноевропейском регионе. Кантональное устройство Литвы соответствовало британским представлениям о зыбкости её как государственного образования и возможности присоединения её к России. Создание кантона со столицей в Вильно, совпадавшего по территории с так называемой «Срединной Литвой» и находящегося в тесной связи и с Ковенской Литвой, и с Польшей, было отражением поиска компромисса. В то же время тесные экономические связи между Ковно-Вильно-Варшавой должны были способствовать реализации экономических интересов Великобритании в регионе, а отказ от самого слова «федерация» в проекте был попыткой добиться согласия ковенского правительства. Таким образом, соответствие этого проекта принятой в британском ведомстве иностранных дел идее федерации не вызывало сомнений, поэтому Великобритания предпринимала попытки подтолкнуть Литву и Польшу к его принятию [48, p. 82–83].

Хотя безусловного согласия сторон на реализацию «первого проекта Гиманса» не последовало, Совет Лиги при согласии британского делегата 28 июня его утвердил, назначив на июль дальнейшие польско-литовские переговоры. О поддержке британским ведомством иностранных дел данного варианта решения вопроса свидетельствует появление инструкций для британских представителей в Польше и Прибалтике, предписывающих подталкивать литовское и польское правительства к продолжению переговоров [49, p. 118], [50, p. 135].

В преддверии нового раунда польско-литовских переговоров в британском ведомстве иностранных дел рассматривались проекты возможных компромиссных решений этого спора, реализация которых позволила бы добиться стабилизации в регионе. В частности, предполагался отказ от кантональной системы и передача Вильно Литве при сохранении союза с Польшей [51, p. 155–156]. Однако говорить об их влиянии на содержание так называемого «второго проекта Гиманса», предложенного 3 сентября 1921 года, не приходится. Он предполагал превращение Виленщины в автономный литовский кантон без чётко определённого союза с Польшей [52, p. 60–65]. Тем не менее, британское ведомство иностранных дел поддержало и этот проект, вновь инструктируя своих представителей в Польше и Литве подталкивать соответствующие правительства к его принятию. Показательно при этом, что Великобритания отказалась от оценки второго проекта, указывая на авторство Лиги Наций и на её ответственность за его внедрение в жизнь [53, s. 195], [54, s. 46], [55, p. 181]. 20 сентября Совет Лиги единогласно принял «второй проект Гиманса» [52, p. 65]. Однако ни одна из сторон не признала этого решения. Польша вновь подняла вопрос о проведении плебисцита на спорных территориях и попыталась прозондировать мнение Великобритании по этому поводу [56, p. 256–257]. Для сотрудников британского ведомства иностранных дел было очевидно, что польская идея проведения плебисцита и вывода войск Желиговского – «мошенничество». Вместе с тем, они не проявили желания вновь вмешиваться в данный вопрос, указывая, что, «к счастью», это проблема Лиги Наций [57, p. 220].

По отношению к дальнейшим событиям конца 1921 – начала 1922 года, вплоть до обнародования акта объединения Срединной Литвы и Польши и решения польского сейма о принятии власти в Виленской земле в марте 1922 года, британское ведомство иностранных дел демонстрировало выжидательную позицию, по-прежнему поддерживая идею польско-литовской федерации [58, s. 193–195], [59, p. 336]. Такая позиция Великобритании в определённой мере стимулировала активные действия Польши и была воспринята там как изменение в её пользу [8, s. 128, 130]. Её принятие обозначало предоставление польскому правительству carte blanche в решении вопроса о Виленщине.

Ратификация сеймом Польши решения о принятии власти в Виленщине не вызвала официального протеста Великобритании. По сути, этот «fait accompli» был воспринят достаточно спокойно. Лишь в начале апреля 1922 года британский посол указал польскому министерству иностранных дел, что Польша должна принять специальный устав автономии на территории Виленщины [60, s. 166–168], [61, p. 452–453].

Причины отстранения Великобритании от польско-литовского спора становятся понятными в контексте всей британской внешней политики конца 1921– начала 1922 года, в которой приоритетное место заняли противоречия на Ближнем Востоке и подготовка к Вашингтонской и Генуэзской конференциям. В этих обстоятельствах «виленский вопрос» как менее важный окончательно перешёл в сферу деятельности ведомства иностранных дел и стал рассматриваться как «разменная монета» в дипломатической игре. Его решение могло быть использовано при необходимости для привлечения на сторону Великобритании либо Польши и Франции, либо России [62, s. 192]. На момент рубежа 1921–1922 годов в преддверие Генуи выжидательная позиция, позволявшая Польше реализовать аннексию Виленщины, была нацелена на реализацию первого варианта. Она могла рассматриваться как минимальная уступка Польше и Франции в восточноевропейском регионе. При этом Великобритания страховала себя от обязанности гарантировать сложившееся положение путём отказа от включения Польши в англо-французский гарантийный пакт, проект которого обсуждался в данный период [63, s. 15], [64, s. 56]. Принципиального же значения детали решения споров между Польшей и Литвой для Великобритании не имели. При любом варианте с учётом уже заключённых этими странами договоров и при условии успеха международной экономической конференции в Генуе все эти территории должны были стать доступны для осуществления транзита в Россию из Европы, в том числе из Германии, допуск которой на российский рынок стал рассматриваться в Великобритании как необходимый для нормализации международной экономической жизни [65, с. 338].

Таким образом, позиция Великобритании по проблеме существования Срединной Литвы, изначально крайне неприязненная по отношению к Польше, с которой связывалось её появление, уже с осени 1920 года вплоть до марта 1922 года характеризовалась всё большим дистанцированием, переходом к принципу «wait and see» [ожидать и наблюдать]. Набиравшая свою популярность в британском ведомстве иностранных дел идея польско-литовской федерации, дипломатическими методами доводимая до польской и литовской сторон, появилась как не обязательная, но приемлемая альтернатива польско-литовскому конфликту. Эта пассивная британская позиция и появление идеи федерации, не очень настойчиво отстаиваемой Великобританией, были предопределены приоритетными задачами британской внешней политики 1921 – начала 1922 года. Среди них, во-первых, налаживание выгодных для Великобритании экономических отношений в Европе при включении в них России и Германии. Это требовало, как минимум, избегания дестабилизации в польско-прибалтийском регионе и, при возможности, усиления там британского влияния. Во-вторых, сглаживание англо-французских противоречий в Европе для получения уступок от Франции в ближневосточных делах и в вопросах отношений с Германией и Россией, а также поддержки на конференции в Вашингтоне, что могло быть достигнуто, в том числе, и путём согласования позиций в вопросе о Срединной Литве.

Как видно, во внешней политике Великобритании проблема Срединной Литвы заняла третьерядное место, рассматриваясь сквозь призму отношений с Францией, Россией и Германией и опосредованных ими отношений с Польшей и балтийским регионом, что придавало ей в некотором роде инструментальное значение.

Литература

1. Жепкайте, Р.С. Борьба литовского народа за Вильнюс в 1918–1928 гг. : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / Р.С. Жепкайте ; АН ЛитССР, 1965. – 22 с.

2. Почс, К.Я. «Санитарный кордон»: Прибалтийский регион и Польша в антисоветских планах английского и французского империализма (1921–1929) / К.Я. Почс. – Рига : Знание, 1985. – 176 с.

3. Kamiński, M.K. Polityka zagraniczna Rzeczypospolitej Polskiej 1918–1939 / M.K. Kamiński, M.J. Zacharias. – W-wa : Wyd-wo LTW, 1998. – 315 s.

4. Historia dyplomacji Polskiej : w 5 t. / pod red. G. Labuda [i inn.]. – W-wa : Wyd-wa Naukowe PWN, 1980–1999. – T. 4 : 1918–1939 / P. Lossowski [i inn.]. – 1995. – 718 s.

5. Documents on British Foreign Policy (DBFP). 1st Ser. / ed. by R. Butler [and others]. – London : Her Majesty's stationary office. – 1961. – Vol. 11. – P. 593–598.

6. DBFP. – Vol. 11. – P. 592.

7. Tommasini, Fr. Odrodzenie Polski / Fr. Tommasini. – W-wa : Nakładem księgarni F. Hoesicka, 1928. – 364 s.

8. Świtalski, K. Diariusz 1919–1935 / K. Świtalski. – W-wa : Czytelnik, 1992. – 836 s.

9. Archiwum Polityczne Ignacego Paderewskiego : w 6 t. T. 2 : 1919–1921 / red. H. Janowska. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wyd-wo PAN, 1974. – S. 517–518.

10. DBFP. – Vol. 11. – P. 613–614.

11. DBFP. – Vol. 11. – P. 615–616.

12. Archiwum Polityczne Ignacego Paderewskiego : w 6 t. T. 2 : 1919–1921 / red. H. Janowska. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wyd-wo PAN, 1974. – S. 523.

13. Conclusions of a Conference of Ministers held at 10, Downing Street, S.W., on Monday, 18th October, 1920, at 4 p.m. // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2011.

14. DBFP. – Vol. 11. – P. 600–601.

15. DBFP. – Vol. 11. – P. 604–605.

16. Archiwum Polityczne Ignacego Paderewskiego : w 6 t. T. 2 : 1919–1921 / red. H. Janowska. – Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdańsk : Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wyd-wo PAN, 1974. – S. 521–523.

17. DBFP. – Vol. 11. – P. 599.

18. DBFP. – Vol. 11. – P. 596–597.

19. DBFP. – Vol. 11. – P. 609.

20. DBFP. – Vol. 11. – P. 618–619.

21. Copy of letter from Mr. Balfour to Lord Curzon. 22nd October, 1920 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2011.

22. DBFP. – Vol. 11. – P. 632–634.

23. League of nations. The dispute between Lithuania and Poland. Report presented to and adopted by the Council of the League of Nations Meeting in Brussels, October, 1920 [October 28th, 1920] // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2011.

24. DBFP. – Vol. 11. – P. 645–646.

25. DBFP. – Vol. 11. – P. 641–642.

26. Pobóg-Malinowski, Wł. Najnowsza historia polityczna Polski : w 3 t. / Wł. Pobóg-Malinowski. – 3-e wyd. – Londyn, 1985. – T. 2 : 1914–1939. – 900 s.

27. Lithuania // HC Deb 22 November 1920 [Electronic resource]. – Mode of access : http://hansard.millbanksystems.com. – Date of access : 01.03.2011.

28. AAN – Zespół 463. – Sygn. 58. – S. 1–16.

29. DBFP. – Vol. 11. – P. 719–722.

30. AAN – Zespół 463. – Sygn. 57. – S. 19–49.

31. AAN – Zespół 322. – Sygn. 229. – S. 54–60.

32. DBFP. – Vol. 11. – P. 661–664.

33. DBFP. – Vol. 11. – P. 692.

34. DBFP. – Vol. 11. – P. 667–670.

35. DBFP. – Vol. 11. – P. 653.

36. DBFP. – Vol. 11. – P. 683–686.

37. DBFP. – Vol. 11. – P. 693.
38. AAN – Zespół 463. – Sygn. 58. – S. 55–64.
39. AAN – Zespół 463. – Sygn. 58. – S. 68–74.
40. A Monthly Review of Revolutionary Movements in British Dominions overseas and Foreign Countries. No. 24, October 1920 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2011.
41. A Monthly Review of Revolutionary Movements in British Dominions overseas and Foreign Countries. No. 27, January 1921 // The National Archives [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nationalarchives.gov.uk/cabinetpapers. – Date of access : 21.09.2011.
42. DBFP. – Vol. 23. – P. 2–3.
43. DBFP. – Vol. 23. – P. 4–6.
44. DBFP. – Vol. 23. – P. 14–15.
45. AAN – Zespół 463. – Sygn. 57. – S. 51–63.
46. AAN – Zespół 463. – Sygn. 57. – S. 80–98.
47. Budecki, Zd. Stosunki polsko-litewskie po wojnie światowej 1918–1928 / Zd. Budecki. – W-wa : Nakładem koła naukowego szkoły nauk politycznych, 1928. – 93 s.
48. DBFP. – Vol. 23. – P. 82–83.
49. DBFP. – Vol. 23. – P. 118.
50. DBFP. – Vol. 23. – P. 135.
51. DBFP. – Vol. 23. – P. 155–156.
52. The Lithuanian-Polish dispute. Correspondence between the council of the League of Nations and the Lithuanian Government since the Second Assembly of the League of Nations 15th December, 1921 – 17th July, 1922 / Lithuanian information bureau. – London : Eyre and Spottiswoode ltd, 1922. – P. 60–65.
53. AAN – Zespół 463. – Sygn. 57. – S. 195–208.
54. AAN – Zespół 463. – Sygn. 58. – S. 46–49.
55. DBFP. – Vol. 23. – P. 181.
56. DBFP. – Vol. 23. – P. 256–257.
57. DBFP. – Vol. 23. – P. 220.
58. Documenty z dzieów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. W 2 t. –Warszawa : Instytut Wydawniczy Pax, 1989. – T. 1 : 1918–1932 / T. Jęndruszczak [i in.]. –1989. – S. 193–195.
59. DBFP. – Vol. 23. – P. 336.
60. AAN – Zespół 463. – Sygn. 59. – S. 163–182.
61. DBFP. – Vol. 23. – P. 452–453.
62. AAN – Zespół 463. – Sygn. 59. – S. 184–199.
63. AAN – Zespół 463. – Sygn. 59. – S. 8–21.
64. AAN – Zespół 463. – Sygn. 59. – S. 51–63.
65. Виноградов, К.Б. Дэвид Ллойд Джордж / К.Б. Виноградов. – М. : Мысль, 1970. – 412 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 94:355.422(476.2)"1941"

«Забытый» фронт

П.Л. Жданович

В статье проанализирован ход боев на Гомельском направлении в 1941 г. Автором показано, что бои за Гомель стали частью Смоленского сражения и Центральный фронт сыграл важную роль в срыве наступления группы армий «Центр» на Московском направлении в июле-августе 1941 г.
Ключевые слова: Центральный фронт, Западный фронт, группа «Центр», Гомельское направление, Смоленское сражение, оборона Киева.

The article analyzes the battles at Gomel direction in 1941. The author shows that the battles for Gomel became a part of Smolensk battle and the Central front played an important part in disruption of the attack of the "Tsentr" armies at Moscow direction in July and August in 1941.
Keywords: Central front, Western front, group "Tsentr", Gomel direction, Smolensk battle, defence of Kiev.

Более 70 лет прошло со дня начала Великой Отечественной войны – самой трагической и разрушительной в истории человечества. Однако по-прежнему сохраняется научный и общественный интерес к военным событиям лета 1941 года. Вновь и вновь задаются вопросы, многие из которых остаются без ответа.

Наиболее сложным периодом для объективного анализа являются первые месяцы войны, особенно на территории Беларуси, где был создан самый сильный (по предвоенным представлениям) Западный военный округ. Но именно здесь и наносился главный удар немецкой группы армий «Центр» в направлении на Москву.

У широкой публики, да и у многих профессиональных историков сложилось мнение и убеждение, что военные действия на территории Беларуси были скоротечными и закончились катастрофой для Красной армии. Исключение составляют локальные события – героическое сопротивление пограничных застав, оборона Брестской крепости, сражение 100-й дивизии И.Н. Руссиянова под Минском и 23-х дневная оборона Могилева. На самом же деле наши войска в Беларуси отступали хотя и с огромными потерями, однако ведя не только тяжелые кровопролитные бои, но и пытаясь закрепиться на различных рубежах и даже организовать контрнаступления. Более того, на территории Беларуси решались стратегические задачи, повлиявшие на изменение плана «Барбаросса» и дальнейший ход войны. Об этом свидетельствуют события, происходившие на территории Гомельской и Полесской областей в июле-августе 1941 года.

Обратимся к фактам. Бои на Гомельском направлении продолжались 50 дней, а оборона областного центра г. Гомель – 12 дней. Гомельская область была оккупирована 23 августа, в то время как г. Смоленск – 16 июля.

В районе Гомеля была воссоздана 4-я армия, которая в тяжелейших боях ранее была разбита. Начальник штаба этой армии Л.М. Сандалов отмечал: «В дивизии, отдельные армейские части беспрерывным потоком шло людское пополнение, боевая техника, стрелковое оружие и кухни». Все это «… происходит в довольно короткие сроки» [1, с. 143].

Из Гомеля фактически осуществлялось руководство созданием в Беларуси массового партизанского и подпольного движения. Выделенных немецким командованием соединений для наступления на Гомель явно не хватало. Хотя среди них была самая сильная в танковых частях Германии Берлинская дивизия под командованием Вальтера Моделя. Уже в июле 1941 года число немецких дивизий на Гомельском направлении было доведено до 25.

24 июля 1941 года И.В. Сталин неожиданно подписывает приказ об образовании Центрального фронта со штабом в Гомеле. Сразу отметим, что этот незаслуженно «забытый фронт» просуществовал всего один месяц. Автору этих строк пришлось работать в Цен-

тральном архиве Министерства обороны Российской Федерации. Так вот, журнал военных действий Центрального фронта на протяжении многих лет не был востребован ни одним исследователем.

Перед специалистами по военной истории в связи с образованием этого фронта возникает ряд закономерных вопросов. Почему в разгар Смоленского сражения Западный фронт разделяется на два? Почему образованный фронт получает громкое название «Центральный»? Почему руководство фронта размещается в Гомеле? Какие задачи ставились фронту? Почему фронт был создан только на основе имеющихся, потрепанных в боях частей, без подкреплений и резервов? В конце концов, что дала вся эта затея? Попытаемся ответить на эти вопросы.

Для возникновения на гомельском направлении особой ситуации в июле-августе 1941 года существовали объективные и субъективные предпосылки. Во-первых, при планировании операции «Барбаросса» немецкое командование сосредоточило войска группы армий «Центр» и «Юг» по обе стороны Полесья, считая этот район непригодным для ведения современной механизированной войны (лесные массивы, непроходимые болота и отсутствие дорог).

Во-вторых, начиная с Бреста советские войска на юге Беларуси оказывали, хотя и разрозненно, упорное сопротивление и сдерживали продвижение противника. Достаточно вспомнить, что части 75-й стрелковой дивизии в районе Малориты (фактически на государственной границе) сражались до начала июля, а потом с боями отступили к Мозырю, где также проявили себя с самой лучшей стороны. Надо отметить и то, что северный фланг немецкой группы армий «Юг» никак не мог справиться с 5-й армией генерала М.И. Потапова в районе Коростеня.

В-третьих, немецкие соединения продвигались по территории Беларуси сходящимися клиньями в направлении на Смоленск – Москву. В результате Гомель оказался как бы в стороне от главного удара и приобрел стратегическое значение только к середине июля.

В-четвертых, многие части Красной армии, вернее их остатки, отступали и выходили из окружения через лесные массивы в направлении на Гомель. Возможно, владели информацией о том, что здесь противник продвинулся менее всего, а может быть уходили от направления главного немецкого удара, где непрерывно передвигались войска вермахта в сторону Москвы.

В-пятых, в Гомеле с середины июля располагались центральные ведомства Беларуси, в том числе Правительство и ЦК КПБ(б) с соответствующими для того времени обеспечением и инфраструктурой.

Итак, к середине июля на карте военных действий создалась уникальная ситуация. Линия фронта образовала большую дугу, выступающую на 100–120 км в сторону Гомеля – Мозыря. Это видели как в Ставке советского Верховного командования, так и в немецком Генеральном штабе. Но, очевидно, ни одна, ни другая сторона точно не знала состояния и наличия сил, создавших такую ситуацию. В частности, начальник немецкого Генерального штаба Ф. Гальдер отметил 13 июля в дневнике: «Гомельская группировка. Она до сих пор не выявлена нашей разведкой» [2, с. 138]. Дело в том, что в этот день свежие советские части прибывшей из Поволжья 21-й армии нанесли внезапный удар по противнику в районе Жлобина – Рогачева. При этом был форсирован сложный Днепровский рубеж. Появились первые освобожденные города и населенные пункты, пленные и трофеи. Немцы были в шоке. Их отборным частям – победителям Европы – пришлось в панике отступать на 30 км. Это для первого месяца войны был редчайший, а может быть и единственный случай такой наступательной операции. В тыл противника по приказу И.В. Сталина были направлены три кавалерийские дивизии. Во взаимодействии с воинскими частями проявили высокую активность и боеспособность первые белорусские партизанские отряды.

Советская сторона исходила из того, что необходимо любой ценой ликвидировать реальную угрозу для взятия Москвы. Именно по этой причине были активизированы боевые действия на Гомельском направлении. И Западный фронт разделился на два за счет выделения из него Центрального. Это особо подчеркивало его значение. Возможно, что это было сделано специально. Можно предположить, что немцы узнали о создании нового фронта и

его громком наименовании «Центральный». Подобные вещи скрыть невозможно. К этому времени они уже столкнулись с неожиданностью, когда по Днепру перед ними оказался сильный второй эшелон советской обороны. И научились ценить противника. Война на Востоке резко отличалась от «военно-туристических» походов по Европе.

Немцы почувствовали реальную угрозу для удара по правому флангу группы армий «Центр» с выходом в тыл ее основным силам. Гомельской проблемой занялся лично Гитлер. У Советского командования возникла надежда на развитие успеха. Создается уже упомянутый Центральный фронт в составе 13-ой (с включением в нее 4-ой армии) и 21-ой армий. Фронту передавались кавалерийские группы О.И. Городовикова, а затем и 3-я армия. Командующим был назначен генерал-полковник Ф.И. Кузнецов [3, л. 1].

Конечно, это был крайне слабый фронт. Вот что написал по этому поводу маршал Г.К. Жуков в своей книге: «Наиболее слабым и опасным участком обороны наших войск является Центральный фронт. Наши 13-я и 21-я армии, прикрывающие направления на Унечу – Гомель, очень малочисленны и технически слабы». Это было сказано И.В. Сталину 29 июля 1941 года, Г.К. Жуков предложил: «Прежде всего, укрепить Центральный фронт, передав ему не менее трех армий, усиленных артиллерией», а также во главе фронта поставить опытного и энергичного командующего И.Ф. Ватутина.

Г.К. Жуков считал, что после возможного немецкого удара по Центральному возникнет угроза Юго-Западному фронту, поэтому надо сдать Киев. К сожалению, в последующем его предвидение оказалось верным. Все это было отвергнуто, а Г.К. Жуков после разговора со Сталиным отстранен от должности начальника генштаба [4, с. 318–320].

Центральному фронту ставились следующие задачи:

– прочно прикрыть Гомельское направление, обеспечивая стык с Юго-Западным фронтом;

– ударами во фланг группы армий «Центр» нанести ей урон и не допустить войска правого крыла группы к участию в наступлении на московском направлении [1, с. 162].

Как видно их этого, первая задача была оборонительной, а вторая наступательной и более трудной. Обе они были взаимосвязаны. Временной интервал для решения этих задач не был установлен.

Конечно, большое значение для возникшего у советского командования оптимизма на Гомельском направлении имело контрнаступление 63-го корпуса 21-ой армии под командованием Л.Г. Петровского. Даже спустя 70 лет после этого события оценка, данная в свое время Л.М. Сандаловым, точна и справедлива: «Безусловно, что в тех условиях прорыв корпуса Петровского на Бобруйск был выдающимся событием» [1, с. 166]. Г.К. Жуков также отметил: «Этим контрударом войска 21-й армии сковали 8 немецких дивизий. В то время это имело очень большое значение» [4, с. 275].

Центральный фронт в короткие сроки заявил о себе активно. Продолжались повсеместно бои, строились оборонительные укрепления. Шло переформирование выходящих из окружения частей. В районе Мозыря была воссоздана 3-я армия под командованием В.И. Кузнецова. Активно включились в материальное обеспечение фронта предприятия Гомельской и Полесской областей. В «вязкой» обороне застряли немецкие части.

Ф. Гальдер бесстрастно фиксирует события под Гомелем:

12 июля. «Здесь следует, однако, ожидать сильной контратаки противника с юга» (речь идет о районе Рогачева).

13–15 июля. В дневнике высказываются предположения о готовящемся наступлении противника из района Гомеля.

16 июля. «Противник силой до семи дивизий перешел в наступление из района Гомеля на правый фланг группы армий «Центр» (подчеркнуто нами).

В последующие дни Ф. Гальдер с большим беспокойством пишет о крупных силах противника под Гомелем, прибывающих подкреплениях и ожесточенных боях. Это беспокойство достигло вершины немецкого командования.

26 июля уже сам Гитлер отметил: «Наиглавнейшее – южный фланг группы армий “Центр”» [2, с. 136–224].

А сейчас откроем лаконичный журнал военных действий армий советского Центрального фронта, из которого можно проследить как героическое, так и трагическое в его короткой истории. Вот только некоторые записи:

27 июля. Бои в районе Могилева. На остальных участках фронта войска укреплялись на занимаемых позициях. ВВС фронта произвели за день 29 самолетовылетов, нанося удары по войскам и аэродромам противника.

28 июля. Отмечаются ожесточенные бои.

29 июля. Войска 13 армии наступали в направлении Кричев и Чериков. Удары наносила советская авиация.

30 июля. Наступление войск фронта на участке Кричев – Пропойск. Авиация уничтожила автоколонну и бомбила аэродром в Бобруйске.

31 июля. Встречные бои на реке Сож. Уничтожено 4 немецких самолета в районе Гомеля.

1 августа. Немецкий прорыв на участке Парадино, Кричев, в который устремились 100 танков. Части 45 ск. отходят.

2 августа. Части 3 армии усиленно отбивали атаки противника. ВВС Центрального фронта потеряли 6 самолетов.

4 августа. Готовится контрудар в направлении на Рославль. Отмечается подход новых сил противника со стороны Мстиславля. Сбит немецкий самолет «М-110», потеряно три самолета «СБ».

10 августа. В течение ночи и дня войска производили отход, ведя непрерывные бои с прорвавшейся мотопехотой и танками противника.

Примечание автора: в этот день командующим фронтом был назначен генерал-лейтенант М.Г. Ефремов.

11 августа. Всего произведено 109 самолетовылетов. Уничтожено 11 танков противника.

12 августа. Фиксируется угроза правому флангу 13-ой армии в районе Унеча – Почеп.

Зафиксирован воздушный таран летчика Кривошеева немецкого самолета НЕ-111.

14 августа. Армии фронта продолжали вести бои на всем фронте, особенно упорные и кровопролитные на фронте 21-ой армии.

Сбиты 6 самолетов противника. Наши потери – 5 самолетов.

Вторую ночь с 14 на 15 августа противник бомбит Гомель. Вновь возникло много пожаров.

15 августа. Отход 13-ой армии вследствие угрозы окружения.

В этот же день принято решение о передаче 13-ой армии в подчинения Брянского фронта.

16 августа. Армии фронта продолжали вести бои, особенно упорные на Гомельском направлении.

17 августа. Войска Центрального фронта вели упорные оборонительные бои на всех направлениях [5, с. 1–23].

И так весь месяц. Дневник фронта показывает следующее:

– советские войска не только активно оборонялись, но и предпринимали попытки наступать;

– сковали значительные силы немецких войск;

– в условиях нехватки армейских частей оперативно реагировали на немецкие прорывы и контрудары;

– активно использовали авиацию в боевых и разведывательных целях;

– осуществляли своевременный отход частей с целью избежать их окружения.

В дневнике фронта отсутствуют победные реляции. Фиксируются как успехи, так и неудачи. В условиях оборонительных боев воинские части вместе с населением сделали все возможное, чтобы выполнить задачи, поставленные перед Центральным фронтом.

Реакция немецкого командования на ситуацию на Гомельском направлении была болезненной и вызвала большие последствия для хода всей войны.

Данный факт, к сожалению, не получил достойной оценки со стороны историков и общественности. Может быть причина в том, что общее поражение Красной Армии в 1941 году затмило все героические события.

В директиве группе армий «Центр» № 65 от 24 июля 1941 г. предписывается 2-ой танковой группе Г. Гудериана вместе с пехотными дивизиями под командованием фельдмаршала фон Клюге начать наступательные действия в направлении Гомеля и Брянска. На это же ориентируются части группы армий «Юг». Это весьма примечательное событие, характеризующее ситуацию на Гомельском направлении.

23 июля Гитлер на первое место ставит операцию в районе Гомеля, а 28 июля объявляет командующему сухопутными войсками важнейшую задачу – ликвидировать угрозу на правом фланге группы армий «Центр» путем разгрома вражеской группировки, находящейся в районе Гомеля и севернее [6, с. 299].

30 июля Гитлер дает директиву № 34 о переходе группы армий «Центр» к обороне. Таким образом, останавливается наступление на Москву и впервые осуществляется корректировка плана «Барбаросса». Причина – угроза флангам группы армий «Центр».

Для решения гомельской проблемы была создана «Армейская группа Гудериана» в составе танковых, механизированных и пехотных дивизий. С Московского направления снималось 12 пехотных и 6 подвижных дивизий, которые должны били нанести удар «…в строго юго-западном направлении, на Гомель…» [6, с. 294]. Сторожить оборону на пути к Москве оставлено было всего 10 дивизий. Напомним, что на Гомельском направлении было сосредоточено 25 немецких дивизий. Это подчеркивает ключевое значение усилий Советского Центрального фронта в 1941 году.

Здесь уместно вспомнить знаменитый спор Гудериана с Гитлером. Прославленный немецкий военоначальник предлагал дожать Москву любой ценой. Очевидно, в этом для немецкой стороны были все шансы. Но война пошла по другому сценарию.

Любой военный специалист сделает из анализа однозначный вывод: слабый Центральный фронт никак не мог удержать те силы, которые направлялись на Гомель. Тем более что главный удар Гудерианом наносился с севера, фактически в тыл фронту, по линии на Унечу – Почеп. К тому же перешла в активное наступление и 2-я полевая армия с запада.

Центральный фронт 19 августа оставил Гомель, а 30 августа была завершена полная оккупация Беларуси. 25 августа Центральный фронт был ликвидирован решением Ставки Верховного главнокомандования, и его части перешли в подчинение созданному Брянскому фронту.

Какие же из вышеизложенного следуют выводы?

Центральный фронт в 1941 году не только выполнил главную задачу – не допустить войска правого крыла группы армий «Центр» в наступление на московском направлении, но и внес решающий вклад в решение более важной проблемы – приостановку наступления немецких войск на Москву.

Верховное командование Германии и прежде всего Гитлер преувеличили реальные возможности советских войск на Гомельском направлении к нанесению угрожающего контрудара в тыл группы армий «Центр». Этому способствовал контрудар 21-ой армии в направлении на Бобруйск, упорное сопротивлении всех войск Центрального фронта, отсутствие у немцев точных разведданных, а также факт образования Центрального фронта со штабом в г. Гомеле.

Для ликвидации советских войск под Гомелем были отвлечены значительные немецкие силы с центрального направления. Потери вермахта на Гомельском направлении только с 12 по 25 августа 1941 года составили:

– 52-я пехотная дивизия – 80% потерь личного состава;

– 45-я пехотная дивизия – 80% потерь личного состава;

– 293-я пехотная дивизия – 80% потерь личного состава;

– 17-я пехотная дивизия – 2000 человек при подходе к Гомелю, 7000 человек в бою за Гомель;

– 134-я пехотная дивизия – 60% потерь личного состава;

– 112-я пехотная дивизия – 70% потерь личного состава.

Итого, согласно справке штаба Центрального фронта, противник потерял около 71 900 тысяч убитыми и ранеными, 174 танка и 48 самолетов [8, с. 202]. Вполне допустимо сформулировать краткий тезис «Центральный фронт спас Москву». Ибо последовавшее 30 сентября повторное наступление немецких войск на столицу попало на крайне неблагоприятный период – к Москве были подтянуты значительные советские резервы и наступил период распутицы и холодов.

Ряд авторов утверждает, что группа Гудериана была повернута с московского направления для участия в окружении Киева. Однако отметим, что это не так. Гитлер решил отправить Гудериана на Киев после взятия Гомеля. Об этом решении Гудериан узнал только 23 августа [7, с. 267]. Напомним, что благоприятная ситуация под Киевом для немцев возникла в конце августа (севернее столицы Украины) – первой половине сентября (южнее).

Центральный фронт с местным населением, созданными и приступившими к боевым действиям партизанскими отрядами вписал поистине героическую страницу в историю Великой Отечественной войны, в срыв немецкого стратегического плана «Барбаросса». Знать и помнить об этом должен каждый историк, государственный деятель и порядочный гражданин. Необходимо рассмотреть вопрос о достойном увековечивании заслуг Центрального фронта и его героев в специальных мемориальных досках и знаках, а также вернуться к запоздалому награждению наиболее выдающихся бойцов фронта, хотя и посмертно. Наш общий долг – возвратить память об этом «забытом» фронте и отдать должное всем его солдатам и командирам.

Литература

1. Сандалов, Л.М. 1941. На Московском направлении / Л.М. Сандалов. – М. : Вече, 2006. – 576 с. (Военные тайны XX века)

2. Гальдер, Ф. Военный дневник (1941–1942) /Ф. Гальдер ; пер. с нем. И. Глаголева. – М. : «Изд-во АСТ» ; СПб. : Terra Fantastica, 2003. – 893 [3] с. (Военно-историческая библиотека)

3. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. – Ф. 226. – Оп. 648. – Д. 24. – Л. 1–27 (Центральный фронт Красной Армии).

4. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. – Т. 1. – М. : Изд-во Агентства печати новостей, 1978. – 383 с.

5. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. – Ф. 226. – Оп. 648. – Д. 21. – Л. 1–23 (Журнал военных действий армий Центрального фронта).

6. Дашичев, В.И. Стратегия Гитлера – путь к катастрофе (1933–1945) : ист. очерки, док. и материалы / В.И. Дашичев ; в 4 т. Т. 3 : Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР (1941–1943). – М. : Наука, 2005. – 607 с.

7. Гомельская область в первые месяцы Великой Отечественной войны : документы и материалы / сост. : В.Д. Селеменев и др. ; редкол. : В.И. Адамушко и др. – Минск : НАРБ, 2010. – 272 с.

8. Гудериан, Г. Воспоминания солдата / Г. Гудериан ; пер. с нем. – Смоленск : «Русич», 1999. – 656 с.

Гомельский областной музей
военной славы

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 947.0”186”:625.1

Проекты железнодорожного строительства в западных губерниях Российской империи в начале XX в.

С.Б. Жихарев

В статье проанализированы наиболее крупные проекты железнодорожного строительства в западных губерниях Российской империи в конце 90-х гг. XIX в. – 1914 г. Отмечается, что в начале XX в. вместо транзитных железнодорожных магистралей в западных губерниях сооружаются главным образом стратегические. Новый фактор, оказывающий влияние на характер железнодорожного строительства в регионе в начале XX в., – союзник России по Антанте Франция, рассчитывающая на максимально эффективное использование в грядущей войне с Германией человеческих и материальных ресурсов Российской империи.
Ключевые слова: железные дороги, железнодорожное строительство, проект, стратегическое планирование, государственные интересы, железнодорожная сеть.

The article studies the most significant railroad construction projects in west provinces of the Russian Empire in late 1890s – early 1900s. It is marked that at the beginning of the 20th century strategic railroads were built in west provinces instead of transit commercial mains. A new factor that influenced the character of railroad construction in the region in early 20th century was France, an ally of Russia in the Entente that had counted on the most effective use of human and material resources of the Russian Empire in the forthcoming war with Germany.
Keywords: railways, railroad construction, project, strategic planning, national interest, railroad network.

При определении эффективности железнодорожного строительства обычно оценивают его результаты. Важнейшими критериями здесь служат протяженность функционирующих железнодорожных линий, корреляционные параметры плотности железных дорог на единицу пространства и их протяженность в соотношении с количеством населения определенной территории. Немаловажен при этом учет величины расходов на сооружение одной версты железной дороги. При этом из поля зрения исследователей ускользают аспекты, связанные с проектированием железных дорог. Несмотря на то, что далеко не все проекты государственного и частного железнодорожного строительства воплощались в жизнь (свое влияние могли оказывать самые различные неблагоприятные факторы), они все же дают объективное представление о масштабах потребностей в железнодорожных путях сообщения государства и населения.

Автор не претендует на исчерпывающую полноту в исследовании заявленной проблемы. Таковая требует специальной поисковой работы в центральных архивах Санкт-Петербурга, Вильнюса и Киева. В данной статье основное внимание будет сконцентрировано на наиболее крупных проектах железнодорожного строительства в западных губерниях Российской империи в конце 90-х гг. XIX в. – 1914 г. Выбранная хронология носит не случайный характер. Если 90-е годы позапрошлого столетия ознаменованы в России беспрецедентным по своему масштабу железнодорожным строительством, сопоставимым лишь с концессионным периодом второй половины 1860–70-х годов, то Первая мировая война резко снизила темпы введения в строй новых железнодорожных магистралей. Строительство местных железнодорожных линий небольшой протяженности в обозначенном регионе может стать предметом дополнительного исследования.

Среди проектов железнодорожного строительства, реализованных в начале XX в., особого внимания заслуживает стратегическая железная дорога Бологое-Седлец (1030 в.), состоявшая из двух линий Бологое-Полоцк протяженностью 450 в. и белорусско-польского участка Полоцк-Седлец (580 в.). В строительстве магистрали особую заинтересованность проявил французский генеральный штаб. Французская сторона рассчитывала, что в случае войны с Германией и ее союзниками Россия сосредоточит свои войска в Польше и Восточ-

ной Пруссии, отвлекая на себя значительное число немецких дивизий, и тем самым ослабит давление германских армий на Францию. Оперативная переброска российских военных резервов из центра страны к западным губерниям представлялась возможной только при условии постройки дополнительных железнодорожных коммуникаций, обладающих высокой пропускной способностью. Для постройки Бологое-Седлецкой линии Франция оказала России существенную финансовую помощь [1, с. 30], [2, с. 116], [3, с. 131], что было очень кстати в условиях затронувшего Россию мирового экономического кризиса 1900–1903 гг.

1 сентября 1901 г. последовал указ Николая II, санкционировавший отчуждение земель под линию железной дороги [4]. Для сооружения Бологое-Седлецкой железной дороги планировалось занять до семи тысяч шестисот десятин земли. Трасса стратегической железнодорожной магистрали пересекала Валдайский уезд Новгородской губернии, Осташковский Тверской губернии, Торопецкий и Велико-Луцкий Псковской губернии, Невельский, Полоцкий и Лепельский Витебской губернии, Борисовский Минской губернии, Виленский, Ошмянский и Лидский Виленской губернии, Слонимский, Волковыский, Пружанский, Бельский и Бресть-Литовский Гродненской губернии, Яновский Люблинской губернии и Седлецкий уезд Седлецкой губернии [4].

С 1902 по 1907 гг. под руководством инженера Н.М. Герсеванова велось сооружение однопутной линии Бологое-Полоцк. В ее строительство государство вложило 53 млн. рублей (118391 руб. на версту) – беспрецедентную для стратегической железной дороги сумму [2, с. 116]. Французский кредит дал возможность вести строительные работы с истинно русским размахом. Удорожанию объекта способствовали капитальный характер всех построек, оснащение станций и разъездов по последнему слову техники, развитая инфраструктура железной дороги, высокий архитектурный и художественно-декоративный уровень отделки всех без исключения построек, начиная от зданий вокзалов и водонапорных башен и заканчивая депо и керосиновыми погребами.

На строительстве польско-белорусского участка Седлец-Полоцк в 1900 г. настаивали российские военные. Так, своем рапорте от 14 апреля 1900 г. начальник отдела Главного штаба по передвижению войск и военных грузов отмечал, что «ввиду роста железных дорог в Германии и Австрии и крайней слабости нашей железнодорожной сети и принимая во внимание новую группировку войск в Западном пограничном пространстве, с объявлением мобилизации приобретает особо важное значение осуществление новой железной дороги от Седлеца через Гайновку, Волковыск, Лиду, города Вилейку, Полоцк, Ново-Сокольники, Дно и до Санкт-Петербурга» [5, л. 115]. В свою очередь 18 ноября 1900 г. штаб Виленского военного округа направил военному министру рапорт, где обосновывал необходимость постройки параллельной Петербурго-Варшавской железной дороге новой магистрали в направлении через Ново-Сокольники, Полоцк, Вилейку, Лиду, Волковыск, Гайновку к Седлецу. В рапорте особо подчеркивалось, что Полоцк-Седлецкая железная дорога поможет решить ряд проблем военного и экономического характера. Во-первых, она разгрузит Петербурго-Варшавскую линию, во-вторых, удаленность новой железной дороги от границы затруднит ее захват противником, в-третьих, в масштабах Виленской губернии Полоцк-Седлецкая линия упростит рокировку войск с северо-западного театра военных действий на передовую и обратно и, наконец, в-четвертых, проектируемая стратегическая магистраль будет выполнять определенные народнохозяйственные функции [5, лл. 131–132].

В 1907 г. прокладка участка Полоцк-Седлец с ответвлением Мосты-Гродно была завершена. Для ее постройки планировалось освоить 81 млн. рублей. Линия строилась двухпутной под руководством крупного российского инженера В.В. Тимофеева-Рясовского. В отличие от строителя Бологое-Седлецкой магистрали инженера Н.М. Герсеванова он стремился к максимально рациональному расходованию государственных средств. При постройке Полоцк-Седлецкой железной дороги Тимофеев-Рясовский сэкономил более 12 млн. руб., т. е. 15% от общей суммы расходов, предусмотренной сметой [3, с. 132].

Примечательно, что уже в ходе строительства новых железнодорожных линий в западных губерниях предусматривалось выведение из строя их наиболее важных элементов в случае возникновения угрозы вражеской оккупации. Например, 8 июня 1900 г. по инициати-

ве Главного штаба было принято решение об устройстве специальных минных колодцев в каменных опорах мостов Витебск-Жлобинской железной дороги с отверстием в 50 саженей. На большинстве Занеманских железных дорог аналогичным способом предполагалось уничтожение мостов диаметром 25 саженей, а на линии Гродно-Волковыск даже с отверстием в 10 саженей [5, л. 72 об.].

На участках железнодорожных линий, расположенных параллельно границе с Восточной Пруссией, возводились оборонительные укрепления или велась адаптация уже существующих построек для военных целей. Начиная с 7 апреля 1899 г. в водонапорных башнях Либаво-Кошедарского участка Либаво-Роменской железной дороги делались специальные бойницы для ведения круговой обороны [6, л. 72 об.]. На администрацию железной дороги возлагались также обязанности по реализации специальных мероприятий по защите практически всех мостов от нападения вражеских подразделений. Возле каждой береговой опоры мостов готовились особые площадки, на которых в военное время планировалось строить стрелковые окопы [6, л. 31]. По мнению начальника военных сообщений Виленского военного округа полковника Харкевича, на участках Московско-Брестской железной дороги, входящих в район дислокации северо-западной армии, дополнительные работы не требовались. Удаленность железной дороги на 200 в. от границы минимизировала возможность внезапного прорыва к ее путям и постройкам вражеской кавалерии [6, л. 11].

В военном ведомстве Российской империи отрабатывались также сценарии по восстановлению инфраструктуры железных дорог, оказавшихся в зоне военных действий и разрушенных отступившим неприятелем. В 1894 г. был разработан план восстановления участка Петербурго-Варшавской железной дороги между станцией Ораны и Гродно, разрушенного условным противником [7, л. 10]. Согласно легенде учений, разрушению подверглись ст. Ораны, Марцинкинцы, Поречье и Гродно. Оказались условно взорванными 4 моста, некоторые участки верхнего строения пути и телеграф. На 805 версте Петербурго-Варшавской железной дороги (ст. Гродно) уничтожены водонапорные башни, разрушены 3 гидравлических и 2 пожарных крана, испорчен поворотный круг, 8 стрелок и обрушена часть дистанционных мастерских. Вражеские войска при отступлении вывезли со станции все телеграфные и телефонные аппараты, взорвали 150 телеграфных столбов и уничтожили провода на протяжении 4 верст. Для восстановительных работ на участке Ораны-Гродно Главный штаб планировал привлечь железнодорожную роту в количестве 250 человек, рабочих из других войск, а также мобилизовать местных жителей [7, л. 10 об.].

В планы Военного министерства России входила постройка стратегической железнодорожной линии Пинск-Ковель-Владимир-Волынский (250 в.). О приоритетном значении этой железной дороги свидетельствует тот факт, что 30 декабря 1903 г. Николай II разрешил «заморозить» постройку линии Ломжа-Новокаминка, а высвободившиеся 3 млн. рублей перепрофилировать на проведение технических изысканий дороги Пинск-Ковель-Владимир-Волынский [8, л. 6]. Руководство изысканиями трассы будущей железной дороги возлагалось на военного инженера полковника Фельдта. 28 января 1904 г. в специальном письме он просил минского губернатора оказать содействие в проведении инженерных и геодезических работ (право пользования земскими лошадьми, беспрепятственный доступ на казенные и частные угодья) [9, л. 82]. На предварительные работы и составление расценочной ведомости военный министр А.Н. Куропаткин отводил 5 месяцев. Следовательно, только в июне 1904 г. должно было начаться возведение насыпи и укладка верхнего строения пути. Приблизительная стоимость железной дороги не превышала 16 млн. рублей. Управление строительством поручалось Военному министерству, а выполнение работ – железнодорожным батальонам [8, л. 7]. Финансовые затруднения, вызванные русско-японской войной, потребовали сокращения сметы расходов, и 28 марта 1905 г. последовал императорский указ об отчуждении 350 десятин земли в Ковельском и Владимир-Волынском уездах Волынской губернии для строительства железной дороги *Ковель-Владимир-Волынский* [10]. Фактически это означало, что продление железной дороги до Пинска не произойдет и из 250 верст линии Пинск-Ковель-Владимир-Волынский будет построена лишь пятая часть.

По военно-стратегическим соображениям планировалась постройка так называемых «Занеманских линий» – группы железнодорожных дорог в составе Гродно-Волковыск, Парчев-Кобрин, Бобруйск-Барановичи, Могилев-Житомир. 7 июля 1898 г. Управление казенных железных дорог предписало начать изыскания стратегической линии Гродно-Волковыск в направлении Гродно-Скидель-Дубно-Волковыск. С самого начала указывалось, что эта линия пройдет от Гродно по правому берегу р. Неман до пересечения Немана возле реки Княжия Воды, а затем далее на Волковыск и должна проектироваться по кратчайшему пути с минимальными затратами. Тем не менее, существовала вероятность, что трасса будущей линии могла уклониться в сторону и пройти через м. Озеры с населением в 23 тысячи человек и годовым оборотом промышленных предприятий в 40000 рублей [11, лл. 1, 12]. Лоббированием подобного варианта в Петербурге занялось Гродненское управление госимуществ. Издержки, вызванные удлинением железной дороги Гродно-Волковыск на 3,5 версты, должны компенсироваться более эффективным использованием лесных богатств края (50000 десятин леса), развитием торговли, промышленности и сельского хозяйства. Сторонники корректировки направления железной дороги в пользу м. Озеры доказывали, что стабильное и большое количество грузов, общий рост государственных доходов от торговли и предприятий окупят затраты на удлинение этой железной дороги. Таким образом, эта железная дорога получит не только стратегическое, но и хозяйственное значение. 2 сентября 1899 г. Управление железных дорог Министерства путей сообщения на инициативу чиновников Гродненского управления госимуществ ответило отказом. Корректировка направления железнодорожной линии к м. Озеры увеличит стоимость ее сооружения на 260 тыс. руб. [11, лл. 36–36 об.].

В мае 1911 г. в Совет министров России поступил представленный Московской земской управой проект стратегической железной дороги Москва-Вильно. Этот отрезок рассматривался как головной участок Великой сибирской магистрали и важное звено железнодорожного пути Берлин-Варшава-Вильно-Москва-Иркутск-Владивосток-Китай. Участок Москва-Вильно имел большое стратегическое, транзитное и местное значение, обеспечивая более прочную экономическую связь центра с окраинами. В случае войны с Германией Московско-Виленская железная дорога рассматривалась как основная коммуникационная линия между Виленским районом и центральными губерниями Российской империи. Участок Москва-Вильно облегчит доступ московских товаров на рынки северо-западного края и будет обслуживать 6 губерний и 20 уездов с населением около 1100 тыс. человек, остро нуждающихся в железнодорожных сообщениях в связи с бездорожьем и высокой стоимостью гужевой доставки [12, лл. 40–41].

С ходатайством о разрешении произвести изыскания железной дороги от Ржева через г. Белый, Велиж, Витебск и Лепель до г. Молодечно (515 в.) 1 января 1911 г. в МПС обратились присяжный поверенный Р.Н. Шулепников и купец Ф.Ф. Шульц. 7 мая 1911 г. командующий Виленским военным округом разрешил проведение изысканий в пределах вверенного ему района [13, лл. 27–28]. Существовали 2 варианта направления будущей железной дороги. Московское губернское земство предлагало строить магистраль от Москвы на Рузу, затем через станцию Ново-Душно на Поречье и далее к Лепелю. Против данного проекта выступили представители городов Сычевка, Белый, Бешенковичи, Велиж, Сураж, Витебск, Островно. Они рекомендовали обойти г. Поречье и прокладывать новую транспортную артерию от Рузы через Сычевку, Белый, Велиж, Сураж, Витебск, Островна, Бешенковичи к Лепелю. Для экономии средств земства и исполнительные учреждения Смоленской и Витебской губерний предлагали взять за основу результаты изысканий Шулепникова и Шульца, соединив Москву через Рузу и Сычевку с г. Белый, а Лепель – с Вильно (745 в.). В итоге восторжествовал вариант Московских органов местного самоуправления. 23 ноября 1911 г. Рузский уездный предводитель дворянства граф В.В. Мусин-Пушкин в официальной переписке с Витебским городским головой отмечал, что «сейчас производятся технические изыскания новой железнодорожной линии Москва-Вильно, которая проектируется от Москвы на Звенигород, Рузу, Ново-Дугинскую, *Поречье*, Витебск, Лепель и Ново-Вилейск» [14, л. 5]. Владельцам промышленных и деревообрабатывающих предприятий, расположенных в 20–30 в. от проектируемой железной дороги, направлялись специальные анкеты. Все респонденты в

анкетах отвечали единодушно: железная дорога крайне необходима, она улучшит экономическое положение населения. Первая мировая война расстроила планы сторонников постройки Московско-Виленской магистрали.

Довольно типичным примером населенного пункта, обойденного железнодорожным строительством, являлся г. Лепель. В 1908 г. появились 3 проекта железнодорожного строительства, в соответствии с которыми через Лепельский уезд планировалось проведение современных транспортных коммуникаций [15, лл. 343–345]. В июне 1908 г. Путивльская городская дума и общество Новозыбковского подъездного пути подготовили совместный проект постройки железной дороги от Терны через Путивль, Глухов, Стародуб, Сураж, Климовичи, Мстиславль, Горки до Орши и далее на Лиозно, Сено, Чашники, Лепель и Березвечь. Вскоре железнодорожное общество Новозыбковского подъездного пути заявило о возможном строительстве железнодорожной магистрали со ст. Семеновка на Стародуб, Сураж, Климовичи, Мстиславль, Оршу, Сено и Лепель. В сентябре 1908 г. появился проект Первого общества подъездных железнодорожных путей по строительству магистрали от г. Льгова – конечного пункта строящейся Северо-Донецкой железной дороги – до г. Риги (1000 в.). Она должна была пройти через города Севск, Трубчевск, Сураж, Чериков, Могилев, Лепель, ст. Березвечь Свенцянского подъездного рельсового пути, ст. Новосвенцяны, ст. Субочь Либаво-Роменской железной дороги и г. Бауск. В этом случае Свенцянский узкоколейный путь перешивался бы на широкий. До октября 1908 г. на предполагаемой трассе железной дороги Льгов-Рига фигурировал г. Лепель. Однако на совещании правления Общества подъездных путей 23 и 25 октября 1908 г. направление магистрали скорректировали, и г. Лепель с уездом снова оказался в стороне от будущей железной дороги. Ситуация приобрела настолько драматичный характер, что выплеснулась на страницы периодической печати. В газете «Жизнь» в 1909 г. появилась серия эмоциональных по тональности статей, авторы которых доказывали необходимость проведения Льгово-Рижской железной дороги через города Лиозно, Сенно, Чашники и Лепель, а не в сторону Могилев-Поставы [15, лл. 345]. По мнению журналистов, выбор именно такого направления будет в полной мере соответствовать как интересам местного населения, так и железной дороги.

В преддверии Первой мировой войны на Министерство путей сообщения возлагалось проведение целого комплекса работ по повышению пропускной способности железных дорог в приграничных западных губерниях. В 1912 г. была составлена смета, включавшая в себя перечень работ, поставок и материалов для усиления Полесских железных дорог. К категории приоритетных мероприятий относились работы по укладке второго пути на участках Брянск-Гомель и Лунинец-Брест. Для этого выделялась сумма 11085500 рублей [13, лл. 31–31 об.]. Постройка второго пути на участках Брянск-Гомель и Лунинец-Брест была вызвана стратегическими соображениями, как продолжение уже построенного 2 пути на участке Лунинец-Гомель. На удвоении колеи участков, образующих железнодорожную линию Брянск-Брест, особенно настаивал Генеральный штаб Франции [3, с. 134].

Накануне Первой мировой войны у белорусских губерний появился шанс обрести довольно значительные по протяженности железнодорожные линии, способные реализовать экономические интересы местных населенных пунктов. Начиная с 1909 г. предпринимались шаги по воплощению в жизнь проекта постройки линий Брянск-Мосты (700 верст) и Рославль-Мосты (577 верст), известных под названием «Белорусская железная дорога» (примыкала к 26 городам и местечкам с населением 4 млн. человек) [16, с. 168]. И хотя в силу неблагоприятных факторов (особенностей государственной железнодорожной политики на данном этапе и Первой мировой войны) она осталась на бумаге, тем не менее, активность местных властей, торгово-промышленной элиты и населения в деле продвижения этого проекта может служить свидетельством о довольно высоком уровне развития процессов экономической модернизации в регионе.

Кроме обозначенных мероприятий, планировалось также проведение большого числа других работ. О наиболее существенных работах с указанием средств, ассигнованных на их проведение, можно узнать из таблицы 1.

Таблица 1 – Перечень работ по повышению эксплуатационных качеств железных дорог [13, лл. 31–101]

№	Наименование работ	Ассигновано средств (рублей)
	I. Полесские железные дороги	
1	Сооружение дополнительных главных путей между ст. Гомель Либавский и Новобелица; устройство путепровода через главные пути Либаво-Роменской железной дороги	1962000
2	Постройка новой водонапорной башни на ст. Гомель (высота 10 саж., бак емкостью 20 м³)	30000
3	Постройка 2 пути на станции Гомель для пропуска 41 пары поездов в сутки	100000
4	Постройка 2 пути на станции Лунинец и ее последующее расширение для пропуска 41 пары поездов в Брест-Брянском направлении и 19 пар в направлении Вильно-Сарны	1014243
5	Расширение ст. Брянск для пропуска 41 пары поездов	3100000*
	II. Либаво-Роменская железная дорога	
6	Реконструкция воинской платформы продовольственного пункта ст. Гомель в расчете на железнодорожный состав из 40 вагонов; увеличение освещенности воинской платформы продовольственного пункта электрическими фонарями	7913

Таким образом, в начале XX в. вместо транзитных железнодорожных магистралей в западных губерниях сооружаются главным образом стратегические. Крупномасштабные проекты создания внутренних железнодорожных путей, предназначенных для реализации экономических интересов местного населения, как правило, кладутся «под сукно» либо корректируются исходя из военных и политических интересов государства. Решить транспортные проблемы отдельных населенных пунктов или промышленных предприятий могли местные железные дороги небольшой протяженности либо узкоколейки. Однако их строили явно недостаточно, и большой поддержки в высших государственных инстанциях эти проекты не имели. Новый фактор, оказывающий влияние на характер железнодорожного строительства в регионе в начале XX в., – союзники России по Антанте и в первую очередь Франция. Именно французский Генеральный штаб «дирижирует» постройкой новых стратегических линий и модернизацией существующих, рассчитывая на максимально эффективное использование в грядущей войне с Германией человеческих и материальных ресурсов Российской империи.

Литература

1. Васильев, Н. Транспорт России в войне 1914–1918 гг. / Н. Васильев. – М. : Воениздат, 1939. – 257 с.

2. Вульфов, А. Заповедная железная дорога / А. Вульфов // Наука и жизнь. – 2001. – № 12. – С. 116–120.

3. Киштымов, А. Этапы железнодорожного строительства на Беларуси / А. Киштымов // Гістарычны альманах. – 2002. – Т. 7. – С. 117–144.

4. Об отчуждении земель и имуществ, потребных для сооружения Бологое-Седлецкой железной дороги // Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗРИ). – Собр. 3.

* Сумма делится пополам между Риго-Орловской и Полесскими железными дорогами.

– Т. 21. – 1901. – Отдел 1. – СПб., 1903. – № 20629.

5. О вновь проектируемых и строящихся железных дорогах // Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). – Фонд 1956. – Оп. 3. – Д. 315. – 150 лл.

6. Дело о строительстве на железнодорожных станциях округа оборонительных сооружений // РГВИА. – Фонд 1956. – Оп. 3. – Д. 293. – 48 лл.

7. О порче и разрушении железных дорог // РГВИА. – Фонд 1956. – Оп. 3. – Д. 229. – 130 лл.

8. О вновь проектируемых и строящихся железных дорогах // РГВИА. – Фонд 1956. – Оп. 3. – Д. 391. – 11 лл.

9. Рапорт Новогрудского уездного исправника Минскому губернатору о начале изысканий в Минской губернии в связи с постройкой железнодорожной линии Пинск-Ковель-Владимир-Волынский // Национальный исторический архив Беларуси в Минске (далее: НИАБ в Минске). – Фонд 295. – Оп. 1. – Д. 7496. – 107 лл.

10. Обь отчуждении земель под устройство железной дороги Ковель-Владимир-Волынский // ПСЗРИ. – Собр. 3. – Т. 25. – 1905. – Отдел 1. – СПб., 1908. – № 26020.

11. Дело о строительстве железнодорожных линий и шоссейных дорог в Гродненской губернии 1898–1909 гг. О производстве изысканий для строительства линии железных дорог по направлению Гродно-Скидель-Дубно-Волковыск и Клещели 1898 г. // Национальный исторический архив Беларуси в Гродно. – Фонд 31. – Оп. 1. – Д. – 173. – 199 лл.

12. Московско-Виленская железная дорога. Москва-Звенигород-Руза-Поречье-Витебск-Лепель-Ново-Вилейск (Вильно). Экономическая записка. – СПб. : Типография МПС, 1912. – 50 с. // НИАБ в Минске. – Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 397. – 66 лл.

13. Вновь проектируемые и строящиеся железные дороги и работы на железных дорогах // РГВИА. – Фонд 1956. – Оп. 3. – Д. 519. – 335 лл.

14. Дело о проектировании новой железной дороги Москва-Вильно через Витебск // НИАБ в Минске. – Фонд 2496. – Оп. 1. – Д. 397. – 66 лл.

15. О необходимости постройки железной дороги через г. Лепель. 1908 г. // НИАБ в Минске. – Фонд 1416. – Оп. 6. – Д. 882. – 720 лл.

16. Жихарев, С.Б. Из истории одного проекта: Белорусская железная дорога (1909–1911 гг.) / С.Б. Жихарев // Европа: актуальные проблемы этнокультуры : материалы IV Междунар. науч.-теорет. конф., г. Минск, 23 июня 2011 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка ; редкол. : В.В. Тугай (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГПУ, 2011. – С. 167–169.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 378.4(476.2-21)

Становление Гомельского государственного университета

А.И. Зеленкова, М.П. Савинская

Освещаются основные этапы становления Гомельского госуниверситета, открытого в мае 1969 г. на базе педагогического института. Анализируются проблемы создания материально-технической базы университета, трудности решения кадрового вопроса, организация учебно-методической, научно-исследовательской и воспитательной работы в вузе в первые годы его работы. Источниками для написания статьи стали как документы архивов (Национальный архив Республики Беларусь), так и воспоминания преподавателей, чья судьба тесно связана с университетом. Впервые введены в научный оборот некоторые документы по раннему периоду истории Гомельского государственного университета.
Ключевые слова: образование, университет, учебная работа, преподаватели, студенты, наука, материальная база, становление, воспоминания.

The article enlightens basic stages of formation of Gomel State University that was opened on the basis of the Pedagogical Institute in May 1969. It also analyzes the problems of formation of financial and technical base of the university, the difficulties of the staff employment, the organization of educational and methodical, research and pedagogical work in the higher education establishment during the first years of its functioning. The sources of this article are both the archive documents (The National Archive of the Republic of Belarus) and the lecturers' memories whose fates were closely connected to the university. For the first time some documents describing the early years of Gomel State University are open for carrying out research.
Keywords: education, university, educational work, lecturers, students, science, financial base, formation, memories.

На протяжении 1960-х годов руководство БССР неоднократно обсуждало вопрос об открытии в Гомеле второго университета в республике. В этот период происходило интенсивное промышленно-экономическое развитие Восточного Полесья и ощущался большой недостаток в высококвалифицированных кадрах для отраслей народного хозяйства и культуры. Почти сорок лет Гомельский педагогический институт осуществлял подготовку учителей естественно-гуманитарного профиля для системы образования республики. После долгих дискуссий в 1969 г. Гомельский государственный педагогический институт получил более высокий статус. Партийно-советское руководство приняло решение о преобразовании педагогического института в университет.

Несмотря на успехи в подготовке педагогических кадров, в деятельности педагогического института в 1930–1960-е гг. было немало трудностей, что во многом связано с неоднозначными событиями в истории страны. Руководство молодого университета стремилось организовать работу так, чтобы университет стал ведущим учебно-методическим, научным и культурным центром Полесья. Однако в годы становления вуза педагогическому коллективу приходилось преодолевать трудности объективного и субъективного характера. В первые годы университет использовал материальную базу бывшего пединститута, состоявшую из двух учебных корпусов, трёх общежитий, спортивного комплекса, столовой и стадиона. Для организации учебного процесса и проведения научно-исследовательской работы университетского уровня необходимы были новые лекционные аудитории, лаборатории, кабинеты и другие учебные помещения. Из-за нехватки площадей занятия проводились в три смены, а в лабораториях не устанавливалось новое оборудование. До официального открытия вуза, предвидя такую ситуацию, Госстрою БССР и Министерству высшего и среднего специального образования БССР было поручено в течение 1969–1970 гг. разработать план строительства Гомельского государственного университета и рабочие чертежи главного учебного корпуса и общежития [1, с. 176]. Гомельским горисполкомом 30 мая 1969 г. было принято решение об «отводе для строительства университета территории в районе расположения учебного

корпуса бывшего пединститута». Министерством высшего и среднего специального образования БССР в качестве готового проекта был предложен проект строящегося учебного корпуса Могилёвского пединститута, который по своим масштабам и архитектурному оформлению удовлетворял и университет, и город [2, л. 336]. Это решение предусматривало не только перспективное развитие университета, но и конкретное начало строительства нового учебного корпуса в начале 1970 года. Принятое горисполкомом решение учитывало также имеющиеся у Минвуза БССР фонды капитальных вложений для развития в ближайшие годы университета и рациональное использование уже сложившегося комплекса зданий. 23 июня 1969 г. решение Гомельского горисполкома было отвергнуто Госстроем БССР. Для строительства университета была предложена площадка за пределами города в районе деревни Волотова, где в будущем предусматривалось начать размещение городского жилищного массива. Однако освоение данного района предполагало крупные дорогостоящие работы по намыву грунта для дорог, созданию многокилометровых транспортных, тепловых и других коммуникаций. Эти работы при существующих возможностях могли начаться не ранее 1974 года. В сложившейся спорной ситуации 30 октября 1970 г. Министр высшего и среднего специального образования БССР Н.М. Мешков вынужден был обратиться за помощью к секретарю ЦК КПБ П.М. Машерову: «Имея в виду отдалённую перспективу, Минвуз БССР и ректорат ГГУ, уступая требованиям Госстроя БССР, соглашаются в принципе на отведённую площадку в районе д. Волотова. Совершенно очевидно, что на освоение района городу понадобится продолжительное время, так как нельзя выходить на отведённую под застройку университета площадку, представляющую голое, пустое место. Минвуз БССР не может взять на себя расходы по производству этих крупных дорогостоящих работ, по предварительным расчётам понадобятся огромные капитальные вложения – несколько десятков миллионов рублей. Строительство такого комплекса надо осуществлять поочерёдно, начав реально где-то с 1974 года. Минвуз БССР на развитие ГГУ на ближайшие пять лет может выделить из своих капвложений 4 млн. рублей и уже в 1971 г. начать строительство одного учебного корпуса и одного общежития, а в 1974 г. заложить новый учебный корпус. Таким образом, за 1971–1972 гг. можно построить учебный корпус и общежитие. На строительство указанных объектов у Минвуза имеются необходимые средства (3 млн. рублей). Решатся многие проблемы. Мы выиграем время, крайне необходимое для развития университета, и создадим на многие годы более или менее нормальные условия для работы ГГУ. После того, как будут созданы необходимые условия для жизни и деятельности университета на новом месте (в районе д. Волотова), нынешний комплекс зданий университета, а также намечаемые к строительству в этом месте учебный корпус и общежитие могут быть использованы в будущем для развёртывания в г. Гомеле нового высшего учебного заведения» [2, л. 337–338].

Летом 1971 г. началось строительство нового корпуса по ул. Советской. Учитывая значимость Гомельского государственного университета как нового научного центра, Министерство высшего и среднего специального образования БССР продолжало настаивать на необходимости строительства не отдельного корпуса, а целого учебно-лабораторного комплекса, включавшего общеуниверситетскую библиотеку на 1,5 млн. томов, факультеты со сложным инженерным и технологическим оборудованием и вычислительными центрами, общеуниверситетским аудиторным фондом, актовый зал на 1200 человек, большую столовую. В письме заместителя Министра Ф.Н. Капуцкого в Госстрой БССР отмечалось, что ревизионная бригада Белорусской республиканской конторы стройбанка БССР изменила расчёт стоимости технического проекта, ссылаясь, что это не комплекс здания, как было указано в разрешительном письме Госстроя БССР, а главный учебный корпус. В документе была высказана просьба: «Ввиду архитектурной, градостроительной и научной значимости здания ГГУ дать указания Белорусской республиканской конторе стройбанка» вернуться к ранее планируемой стоимости технического проекта Гомельского университета [3, л. 168].

Руководство Минвуза БССР, понимая трудности становления молодого университета, особенно его материальной базы, оказывая помощь, в то же время с первых месяцев его деятельности постоянно контролировало организацию учебно-методической работы. Так, уже в конце 1 семестра 1969/1970 учебного года в Гомельский государственный университет был

направлен инспектор Управления вузов с целью проверки физического факультета. В отчёте инспектора С.И. Лобова отмечалось, что «с момента преобразования педагогического института в университет с точки зрения кадров физический факультет существенных изменений не претерпел. В настоящее время на физфаке работает 25 человек (3 доцента, 12 старших преподавателей и 10 ассистентов). Из них степень кандидата физико-математических и технических наук имеют 6 человек. Среди части сотрудников наблюдается тенденция к уходу из ГГУ, главным образом тех, кто по роду своей работы больше был «пединститутским», а не «университетским» работником (специалисты по методике преподавания физики и математики, по педагогике). Из БГУ прибыло 2 кандидата (Харитонов, Шпеньков), на 0,5 ст. работает Ушаков – сотрудник завода «Луч», кандидат технических наук. Нет ни одного доктора наук или профессора, нет профессоров-физиков, подавших заявления на работу в ГГУ. Ректором университета принимаются усилия для приглашения на работу специалистов высшей квалификации, но приглашаются при этом главным образом специалисты, работающие в той же области, что и ректор» [4, л. 2].

В соответствии с планом работы Коллегии Министерства и Управления вузов с 11 по 17 апреля 1971 г. была проведена проверка организации учебно-методической работы в Гомельском государственном университете. Проверку осуществляли работники Управления вузов и Отдела преподавания общественных наук, а также группа опытных преподавателей (профессоров и доцентов) Белорусского государственного университета им. В.И. Ленина. За первые два года руководством ГГУ было сделано очень много для того, чтобы улучшить материальную базу вуза, обеспечить его квалифицированными кадрами, поднять организацию учебного процесса на более высокий университетский уровень. В этот период в университете осуществлялась подготовка специалистов на 7 факультетах по 10 специальностям. Контингент студентов дневного обучения составлял 2 742 человека, заочного – 1 957. На 26 кафедрах работало 297 преподавателей: 1 член-корреспондент АН БССР, 16 профессоров и докторов наук, 88 доцентов и кандидатов наук. На условиях штатного совместительства работали 1 доктор наук и 7 кандидатов наук. После преобразования пединститута в университет преподавательский состав увеличился на 125 человек, количество преподавателей, имевших учёное звание, увеличилось на 7%. Среди вновь принятых на работу было 14 докторов наук, профессоров, 36 кандидатов наук, доцентов. Общий процент преподавателей ГГУ, имевших учёное звание и степень, составлял 37% [5, л. 35–36].

Комиссия Минвуза БССР проверила учебно-методическую работу университета, факультетов, кафедр, посещала заседания Совета ГГУ, кафедр, ознакомилась с работой кабинетов и лабораторий, посетила занятия 66 преподавателей. Особое внимание уделила постановке практикумов, курсовым работам, введению специализаций. Как отмечалось в справке, составленной заместителем начальника Управления вузов на основе отчётов проверяющих специалистов, уровень преподавания в университете был вполне удовлетворительным. Однако «в работе многих преподавателей сказывалось отсутствие опыта университетской работы. Циклы дисциплин, требующие большого количества лабораторных и практических занятий, оснащены необходимым минимумом приборов и оборудования, позволяющим вести преподавание на уровне требований университетского образования. Университет приступил к решению вопроса специализаций, коренного вопроса университетского образования. В университете созданы факультетские методические советы и методические комиссии по работе с первокурсниками. Учебный процесс ведётся по стабильным расписаниям. 1 и 2 курсы традиционных университетских специальностей (математика, физика, биология, язык и литература) работают по университетским учебным планам, 3 и 4 – по переходным, 5 – по учебным планам пединститутов. Экономические специальности, гидрогеология, история, физическое воспитание переходных планов не имеют. Кафедры начали чтение спецкурсов, проведение спецсеминаров, спецпрактикумов, постановку курсовых работ в соответствии с требованиями университетского учебного плана. Университет ввёл систему контроля за текущей успеваемостью студентов, составляя графики сроков выполнения текущих работ и посещаемости, экраны хода выполнения планируемых работ. Эта весьма эффективная форма ведётся во всех деканатах и позволяет иметь представление о том, как каждый студент учится и посещает занятия» [5, л. 37–38].

Отмечая положительные моменты в работе университета, комиссия подчёркивала, что ГГУ находится только в стадии становления и многие вопросы, от которых зависит качество выпускаемых специалистов, ещё не решены. Прежде всего, это касалось вопросов материальной базы: «Контингент студентов ГГУ растёт, в будущем году предстоит защита дипломных работ (впервые в истории университета), будет увеличиваться количество специализаций и глубина их содержания. На материальной базе сегодняшнего дня все эти вопросы решать будет крайне трудно».

Для улучшения учебного процесса, подчёркивали члены комиссии, необходимо устранить ряд недостатков. В первую очередь требовалось решить кадровый вопрос: «На день проверки в университете насчитывалось 30 вакансий, а к новому учебному году вуз получит ещё 30–35 единиц. Замещение их представит большую трудность, тем более, что нужно подбирать преподавателей на определённые курсы с учётом требований специализаций. Так, на сегодняшний день на мехмате не обеспечено чтение курсов по некоторым важным областям современной математики (геометрия, функциональный анализ и др.), на историческом факультете не обеспечено чтение курса истории СССР в объёме 352 часа. Абсолютное большинство преподавателей ГГУ не имеет опыта работы в университете, более 1/3 всех преподавателей (118 человек) имеют стаж вузовской работы менее 5 лет. При кафедрах университета не созданы научные семинары. Методические советы факультетов не способствуют обмену опытом работы кафедр, почти ничего не делают для повышения педагогического мастерства молодых преподавателей. Весьма остро стоит вопрос о повышении квалификации преподавателей университета. Между тем университет не выполняет план направления своих работников на факультеты повышения квалификации (в 1970/1971 учебном году вместо 14 прошли переподготовку только 6 человек). В самом университете нет системы работы с молодыми преподавателями. Работа кафедр в этом направлении не обобщается и не направляется ректором. Не использует университет и возможность приглашения опытных преподавателей БГУ для оказания методической помощи и чтения части общих специальных курсов. Составленный на пятилетие (1971–1975 гг.) план повышения квалификации весьма примитивен, неконкретен, не учитывает всего количества преподавателей и имеющихся форм повышения квалификации (индивидуальное соискательство, перевод на должности научных сотрудников, направление в целевую аспирантуру). Несмотря на то, что ГГУ работает уже два года, по конкурсу избрано лишь 122 преподавателя. Остальные 151 человек зачислены на работу приказом ректора. Такое положение порождает у этих преподавателей чувство неуверенности и весьма осложняет обстановку в университете» [5, л. 38–39].

Особое внимание в отчётах всех, проверявших учебный процесс, уделялось организации таких специфически университетских форм учебной работы, как спецкурсы, спецсеминары, общие и специальные практикумы, курсовые и дипломные работы. В документах отмечалось, что количество спецкурсов и спецсеминаров было различным на кафедрах и факультетах. Если математические кафедры организовали для студентов 22 спецкурса и спецсеминара, то на двух литературоведческих кафедрах – всего два спецкурса, тематика которых носит вспомогательный характер и не решает вопросов углубленной специализации. Вопросы актуальности тематики специализаций пока не решены на большинстве факультетов, исключая физический, где в качестве специализаций определились такие направления, как физика твёрдого тела и радиофизика.

При всей успешности работы, проделанной университетом по оснащению лабораторий, нехватка оборудования негативно влияла на учебный процесс. Так, из-за отсутствия соответствующей учебной лаборатории на физфаке не проводились лабораторные работы по курсу ядерной физики. Механико-математический факультет не имел учебно-лабораторной базы для проведения практических и лабораторных занятий по методам вычислений, вычислительным машинам и программированию, для организации вычислительной практики. В справке комиссии Минвуза отмечалось, что этот вопрос требовал скорейшего решения, так как «на будущий год эти курсы и практику должны будут пройти в обязательном порядке все студенты факультета». Рекомендовалось также увеличить лаборантский состав.

Университетское образование требовало от студентов значительное внимание уделять самообразованию, работе в библиотеках, кабинетах и лабораториях. Комиссия указала руководству университета на то, что в вузе не ведётся на научной основе изучение бюджета времени студентов. Например, совершенно неоправданно были перенесены факультативные занятия по физвоспитанию на 3–4 курсах в разряд обязательных на всех факультетах [5, л. 42–43]. Результаты проверки были обсуждены на расширенном заседании Совета университета с участием представителей Гомельского обкома и горкома КПБ.

Важным источником по истории высшего образования в Гомеле являются воспоминания преподавателей, чья судьба тесно связана с нашим вузом. В годы становления университета одни из них были уже известными учёными, другие – только начинали свою преподавательскую и научную деятельность.

Решение кадрового вопроса, как отмечалось в приведённых выше документах, было одним из важнейших в первые годы работы университета. Во все крупные учебные заведения и научные организации руководство ГГУ направило письма с приглашением учёных для замещения вакантных должностей по необходимым специальностям. Среди тех, кто ответил на приглашение, был Александр Петрович Мещерский. В марте 1970 г. он был переведён в Гомельский государственный университет на должность доцента кафедры истории КПСС и научного коммунизма, а в августе 1971 г. был назначен её заведующим. Александр Петрович вспоминает, что родился он в 1931 г. в Курской области в семье военнослужащего, а школу закончил в Пинске, где после войны служил отец и остались жить его родители. Узнав, что в Гомеле открывается университет, Александр Петрович решил связать свою судьбу с Белоруссией. К этому времени он защитил кандидатскую диссертацию, получил учёное звание доцента и приобрёл значительный научный и педагогический опыт. Закончив с отличием исторический факультет университета в г. Черновцы, работал в Государственном архиве Иркутской области в должности старшего научного сотрудника, а затем – директора архива. С 1962 г. преподавал в Иркутском педагогическом институте и в течение четырёх лет занимал должность декана исторического факультета. Возглавив кафедру в Гомельском госуниверситете, А.П. Мещерский «получил задание от ректора В.А. Белого, проявляя творчество и инициативу, сформировать кафедры исторического профиля». Александр Петрович отмечает, что в первые годы работы университета для обеспечения педагогическими кадрами учебного процесса по историческим дисциплинам были выбраны 4 основных направления: избрание на основе всесоюзного конкурса на замещение вакантных должностей; приглашение преподавателей, используя личные контакты с руководителями ведущих университетов страны (МГУ, БГУ); чтение отдельных курсов и спецкурсов преподавателями БГУ по совместительству; привлечение работников культурно-просветительских учреждений Гомеля (областного краеведческого музея и областной библиотеки) для проведения практических занятий.

Несколько другая ситуация была на тех факультетах, которые существовали ещё в педагогическом институте (физико-математический, химико-биологический, физического воспитания, филологический). Одним из направлений решения кадрового вопроса была рекомендация кафедрами наиболее талантливых выпускников для работы в вузе. В год открытия университета окончил с отличием механико-математический факультет и получил рекомендацию для поступления в аспирантуру Селькин Михаил Васильевич, в настоящее время доктор физико-математических наук, профессор нашего вуза. Как вспоминает Михаил Васильевич, любовь к математике у него проявилась ещё в школе, во многом благодаря замечательному учителю математики Льву Захаровичу Черноглазу. Будучи студентом, он проявлял интерес к научной работе и с удовольствием посещал занятия математического кружка, созданного на факультете. Однако о карьере учёного тогда не задумывался. Большую роль в выборе жизненного пути, по словам Михаила Васильевича, сыграл известный математик, создатель и руководитель математической школы, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор физико-математических наук, профессор Леонид Александрович Шеметков. В годы обучения в аспирантуре и работы над кандидатской диссертацией, как было принято в то время, по воспоминаниям Михаила Васильевича, он представлял результаты своих исследований на научных конференциях, семинарах всесоюзного уровня в Москве, Киеве, Новосибирске, Свердловске,

Сухуми, Красноярске. При этом, заинтересованный в решении кадрового вопроса университет выделял молодым учёным необходимые для таких командировок средства.

История Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины неразрывно связана с историей и культурой страны, деятельностью преподавателей, сотрудников, выпускников и студентов нашего вуза. При изучении данной темы большое значение имеют не только архивные документы, но и воспоминания тех, чья жизнь тесно связана с университетом.

Литература

1. Старовойтов, М.И. Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины : исторический очерк / М.И. Старовойтов, А.И. Зеленкова, М.П. Савинская. – Гомель : УО «ГГУ им. Ф. Скорины», 2005. – 359 с.

2. Докладная записка Министра высшего и среднего специального образования БССР Н.М. Мешкова Секретарю ЦК КПБ П.М. Машерову. 30 октября 1970 года // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1220. – Опись 1. – Дело 1667.

3. Письмо Зам. Министра высшего и среднего специального образования БССР Ф.Н. Капуцкого Зам. Председателю Госстроя БССР т. Ю.В. Шпиту. 20 декабря 1973 года // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1220. – Опись 2. – Дело 311.

4. Отчёт инспектора Управления вузов С.И. Лобова о командировке в Гомельский государственный университет. Январь 1970 года // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1220. – Опись 1. – Дело 1714.

5. Справка о проверке организации учебно-методической работы в Гомельском государственном университете. 1971 год // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 1220. – Опись 1. – Дело 53.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 94(476):351.741+331.108.2"1863/1914"

Конфессиональные аспекты кадровой политики российских властей в полицейских учреждениях МВД белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв.

А.А. Киселев

В статье рассматривается кадровая политика российского правительства после польского восстания 1863–1864 гг. Ограничения в поступлении на службу в государственные органы власти по ведомству МВД в белорусских губерниях распространялись на местных уроженцев католического вероисповедания. Это было обусловлено тем, что католичество воспринималось как признак польской национальности. Несмотря на либерализацию политической жизни в период политического кризиса 1905–1907 гг., ключевые должности в местной администрации оставались недоступными для поляков. В первую очередь это касалось личного состава полицейских учреждений, поскольку последние были обязаны бороться с польским сепаратизмом в крае.
Ключевые слова: Министерство внутренних дел, полиция, кадровая политика, религиозная принадлежность, внутренняя политика.

The staff policy of the Russian government after the Polish revolt of 1863–1864 is considered in this article. It shows that the restrictions to take into service in the local government in the jurisdiction of the Ministry of Internal Affairs in Belarusian provinces were extended on local residents of Catholic religion. It was because of the fact that Catholicism was perceived as a sign of the Polish nationality. In spite of liberalization of a political life in time of the political crisis of 1905–1907 the key posts in the local administration were remained inaccessible to the Poles. Principally it concerned the staff of the police establishments as they were to struggle against the Polish separatism in Belarusian provinces.
Keywords: Ministry of Internal Affairs, police, staff policy, religious affiliation, internal policy.

Польское восстание 1863–1864 гг. поставило перед российскими властями вопрос о политической лояльности чиновников из числа местных уроженцев католического вероисповедания. Большинство из них проявляли нескрываемую симпатию к политическим и национальным идеалам польского восстания, пополняли ряды повстанческих отрядов, оказывали им всякого рода услуги: от информирования повстанцев о мероприятиях военных и гражданских властей до хранения агитационных материалов и игнорирования распоряжений высшей администрации края. По мнению виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева, польское восстание 1863–1864 гг. приобрело широкий размах благодаря тому, что «все нити … сосредотачивались в руках туземных чиновников, наполнявших присутственные места и канцелярии и поэтому имевших полную возможность скрывать от правительства все заговоры и политические организации, содействовать их развитию и парализовывать распоряжения правительства, касавшиеся пресечения зла в самом его начале» [1, л. 68]. В циркуляре от 19 июня 1863 г. он констатировал, что во «время настоящего мятежа многие из чиновников и служащих лиц польского происхождения, оставив занимаемые ими должности, скрылись с мест своих жительств и присоединились к шайкам мятежников» [2, с. 377].

Все это потребовало решительно изменить традиционную кадровую политику российских властей в западных губерниях Российской империи. Однако перемена курса началась еще до назначения М.Н. Муравьева виленским генерал-губернатором. Так, в секретном распоряжении министра внутренних дел П.А. Валуева от 17 февраля 1863 г. на имя виленского генерал-губернатора В.И. Назимова санкционировалось начало кадровой чистки среди полицейских служащих Министерства внутренних дел. При назначении на должности по ведомству Министерства внутренних дел преимущество предоставлялось жителям внутренних губерний, однако среди местных уроженцев дискриминации подвергались лица католического вероисповедания. В новых условиях главным подтверждением политической лояльности чиновника становилась «без сомнений национальность избираемого лица», которая «пред-

ставляет одно из главнейших ручательств, и потому коренное русское происхождение должно быть предпочитаемо туземному, в особенности римско-католического исповедания, отличающегося своим фанатическим направлением, столь враждебным основным законам империи» [3, л. 20]. Показательно, что конфессиональная принадлежность являлась для властей основным этническим маркером, в результате чего понятие «поляк» и «католик» в глазах администрации Северо-Западного края длительное время оставались тождественными.

Это распоряжение министра стало лишь первым шагом в кадровой политике по вытеснению чиновников-поляков и массовому замещению освободившихся должностей в крае чиновниками православного вероисповедания из числа уроженцев западных или внутренних губерний. В служебной записке виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева от 14 мая 1864 г. указывалось, что в западных губерниях следует все «высшие служебные должности по всем ведомствам, а также все места, имеющие прикосновение с народом, заместить русскими чиновниками, прочие же должности замещать русскими постепенно» [4, с. 575], что и было утверждено императором Александром II 22 мая 1864 г. В системе учреждений МВД после соответствующего распоряжения генерал-губернатора от 7 июля 1864 г. и запроса от 15 июля 1864 г., в котором требовалось указать численность чиновников польского происхождения в полицейских управлениях и фамилии лиц, подлежащих немедленной замене русскими чиновниками, последовали новые увольнения и перемещения. В частности, витебский губернатор В.Н. Веревкин 26 июля 1864 г. предоставил список из 43 чиновников польского происхождения, среди которых 39 человек занимали должности в уездных и городских управлениях МВД Витебской губернии [1, л. 14–17]. В целом из всего списка 16 чиновников (37%) как благонадежных в политическом отношении губернатор предлагал оставить, а остальных «считал полезным заменить лицами русского происхождения, ежели сии последние будут иметь потребные способности и честные правила» [1, л. 17]. Из 15 чиновников-католиков Гродненской губернии губернатором И.Н. Скворцовым предполагалось оставить на должностях всего 3 служащих (20%), а остальных заменить на чиновников из великороссийских губерний [1, л. 19–20]. Минский губернатор П.Н. Шелгунов направил список из 25 фамилий, из которых на службе в губернии собирались сохранить всего 5 человек (20%). Показательно, что должность приходилось покидать даже доказавшим на деле свою лояльность чиновникам. Так, в служебной характеристике минского частного пристава А.Ф. Бартошевича указывалось, что он «весьма благонадежен, оказал много усердия при розысканиях по поручениям полковника Лосева, при исполнении служебных обязанностей неоднократно подвергался оскорблениям со стороны поляков во время происходивших в городе манифестаций» [1, л. 43]. Однако частного пристава губернатор все равно рекомендовал перевести в одну из великороссийских губерний. Такая отметка встречается напротив фамилии 5 служащих, а остальных рекомендовалось просто заменить русскими. Только в рапорте могилевского губернатора А.П. Беклемишева от 18 сентября 1864 г. указывалось, что начальниками полицейских управлений «чиновники католики аттестуются с весьма хорошей стороны, и всех их они желают оставить при занимаемых ими должностях, под личною свою ответственность за благонадежность в политическом отношении» [1, л. 46–47].

В феврале 1865 г. виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев еще раз напомнил губернаторам о том, что нахождение чиновников-католиков на службе возможно только после строгой проверки «личного состава штатных чиновников польского происхождения», причем проверяемые чиновники должны были засвидетельствовать политическую «благонадежность и преданность правительству не на словах, а на самом деле» [1, л. 69]. Циркулярное предписание заканчивалось пожеланием того, чтобы чиновники, которые «остаются в душе преданными революционным устремлениям мятежной польской партии» [1, л. 70], добровольно покинули государственную службу и не вынуждали власти прибегать к увольнению. По свидетельству П.А. Черевина, в период генерал-губернаторства М.Н. Муравьева назначения на посты в губернии Северо-Западного края получили около 2000 чиновников из внутренних губерний, но вместе «с прежними не составили однако перевеса на стороне русских в общей массе чиновников, и только впоследствии при г. Кауфмане стало число русских чиновников превышать польских» [5, с. 27].

После назначения в 1868 г. на должность виленского генерал-губернатора А.Л. Потапова во внутренней политике происходит частичный пересмотр некоторых методов в системе управления краем, сложившейся в период 1863–1865 гг. В области кадровой политики корректировка выразилась в том, что «мало-помалу – и, конечно, негласно – был расширен доступ поляков в государственную службу» [6, с. 266]. Вместе с тем некоторое отступление на практике от административных и политических принципов деполонизаторской политики М.Н. Муравьева не привело к пересмотру всей системы управления, в том числе и направленности кадровой политики в регионе. По крайней мере, в Минской, Могилевской и Витебской губерниях «на основании Высочайших повелений 27 июня и 2 ноября 1869 г. и 25 декабря 1870 г. лица польского происхождения не могут быть определяемы ни на какие должности» [7, л. 3]. Впрочем, несмотря на подобные запретительные меры, в белорусских губерниях сохранялись исключения из этого административного правила. В своей всеподданнейшей записке за 1885 г. витебский губернатор В.М. Долгоруков, считая «настоятельно необходимым и недопущение на государственную службу лиц польского происхождения» [8, л. 31], вынужден был констатировать, что в подначальной ему губернии служило 180 чиновников-поляков. Однако в полицейских учреждениях установка на дискриминацию католиков в доступе к классным должностям, по всей видимости, выдерживалась. Так, в 1885 г. среди классных чиновников уездных полицейских управлений Виленской, Гродненской и Могилевской губерний (исключая смотрителей тюрем, столоначальников и регистраторов) процент католиков был минимальным [9], [10], [11]. В частности, в Виленской губернии он составил 4% (3 чел.) всех чиновников, в Могилевской – 1% (1 чел.), а в Гродненской губернии среди 84 полицейских чинов католиков вообще не оказалось. Показательно, что на классных должностях казначея, бухгалтера и помощника бухгалтера в уездных казначействах процент католиков был заметно выше: 19% (7 чел.) – в Могилевской губернии, 18% (4 чел.) – в Виленской и 5 (16%) – в Гродненской губернии. При этом католики замещали должность начальника уездного казначейства в то время, когда по ведомству МВД чины католического вероисповедания выше поста секретаря и заседателя управления не поднимались. Приведенные выборочные данные показывают, что чиновников-католиков не удалось полностью удалить с государственной службы в пределах западных губерний. Вместе с тем по ведомству МВД кадровая политика, направленная на недопущение католиков к полицейским должностям, сохранила свою силу и проводилась более последовательно, чем, например, по линии Министерства финансов. Впрочем, последнее не означает, что лица римско-католического вероисповедания вообще не имели возможности поступить на службу в полицию. Так, в 1903 г. в Виленском Городском полицейском управлении на католиков приходилось 75% всех служащих, однако такой значительный процент достигался исключительно за счет 271 вольнонаемных городовых [12, л. 108]. На классных должностях по Виленскому ГПУ католиками были лишь 1 столоначальник, 1 письмоводитель и 5 околоточных надзирателей. Интересно то, что администрация губерний Северно-Западного края помимо конфессиональной принадлежности личного состава обращала внимание на этническую идентичность служащих. Среди католиков не оказалось ни одного поляка, зато проходили службу 84 белоруса и 194 литовца. В уездных полицейских управлениях доля католиков составила 34%, однако высокий процент обеспечивался тем, что на службе находились 217 штатных урядников и стражников полицейской стражи, 22 вольнонаемных городовых и 17 писцов. Показательно, что среди них не оказалось ни одного этнического поляка, а католицизм исповедовали 235 белорусов и 21 литовец. Таким образом, при комплектовании состава нижних чинов полиции конфессиональные различия отступали на второй план, что обусловливало высокий процент католиков на службе в городских и уездных полицейских управлениях, по крайней мере, в отдельных губерниях Северо-Западного края в начале XX в.

Существенная корректировка внутриполитического курса российского правительства в западных губерниях произошла в период политического кризиса 1905–1907 гг. В указе от 12 декабря 1904 г. была обнародована программа будущих политических и административных преобразований в Российской империи, в том числе планировалось «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих право инородцев и уроженцев отдель-

ных местностей Империи». В развитие этого постановления 1 мая 1905 г. был принят указ об отмене некоторых постановлений, ограничивающих права поляков в западных губерниях [13]. В самом указе не было никаких упоминаний о порядке прохождения поляками государственной службы в белорусских губерниях, однако к законодательному акту для сведения и руководства высших административных лиц было разослано секретное извлечение из журнала Комитета министров. В этом документе разъяснялась позиция высших органов власти по вопросу о кадровой политике в отношении поляков, желавших служить в Северо-Западном крае. Секретность разъяснения обусловливалась тем, что согласно российскому законодательству о государственной службе «различие вероисповедания или племени не препятствуют определению в службу» [14, с. 4], а имевшиеся ограничения для службы поляков в западных губерниях отчасти противоречили этому принципу государственной службы. Постановление следовало рассматривать как административное «наставление начальникам ведомств не замещать известные должности в Западном крае лицами польского происхождения, не создавая в то же время никаких препятствий к получению ими соответствующих должностей в прочих местностях империи» [7, л. 4]. При этом отмечалось, что это ограничение имеет «местное и временное значение».

К выписке из журнала Комитета министров прилагался перечень должностей, которые оставались недоступными для поляков в западных, в том числе белорусских, губерниях. Этот список служил начальникам государственных учреждений руководством для производимых кадровых перемещений. Согласно ему по ведомству Министерства внутренних дел для лиц польской национальности «закрытыми» оставались должности начальников и их заместителей в городских, уездных полицейских и губернских жандармских управлениях; по ведомству Министерства финансов – должности управляющих казенных палат, управляющих акцизными сборами и таможенными округами, таможнями; окружные таможенные ревизоры; управляющие отделениями государственного банка, отделениями Крестьянского поземельного банка, Государственного дворянского земельного банка, а также уполномоченный в Виленском земельном банке. По Министерству земледелия и государственных имуществ «закрытыми» оставались посты начальников управлений земледелия и государственных имуществ, директора и управляющие средних и низших сельскохозяйственных учебных заведений. Полякам было невозможно занимать должности управляющих контрольными палатами, а также главных контролеров контроля железных дорог и над постройкой оборонительных сооружений в Ковно. Поскольку железные дороги относились к стратегическим объектам ведомства Министерства путей сообщения, то на такие посты, как начальники, директоры и управляющие железными дорогами, управление которых находилось в городах западных губерний, а также по линии Московско-Брестской железной дороги, назначение поляков запрещалось. Такое же требование распространялось на заместителей должностных лиц данной категории, начальников службы движения и всех «агентов, имеющих в своем распоряжении сведения по мобилизации и передвижению воинских частей» [7, л. 2 об.]. Не меньшие предосторожности применялись в отношении замещения поляками должностей по «внутренним путям и шоссейным дорогам»: начальников округов и их помощников, инспекторов судоходства и начальника Висло-Неманского пути. В силу особой роли в крае системы учреждений Министерства народного просвещения негласные административные запрещения для поляков распространялись на должности директоров, инспекторов и начальников как государственных образовательных учреждений, так и «пользующихся правами правительственных учебных заведений». Кроме того, поляки не могли рассчитывать на место преподавателя русского языка и словесности, истории, педагогики. В «начальных училищах», то есть в области начального образования, для них была доступна лишь должность законоучителя римско-католического исповедания. Особый подход в кадровых перемещениях был выработан для чинов Министерства юстиции: область ограничений распространялась только на территорию виленского генерал-губернаторства. В Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях лица польского происхождения не могли получить назначение на должности старшего председателя и председателей департаментов судебной палаты, председателей окружных судов, прокурора и товарищей прокурора в судебной палате и окружных судах. Все ос-

тальные должности по всем ведомствам являлись открытыми для поляков, однако в документе специально оговаривалось, что «перечень, конечно, не может быть понимаем как создающий обязательство для начальников ведомств замещать все другие, не перечисленные в нем должности, в пределах Западного края лицами польского происхождения» [7, л. 4].

В циркуляре за № 10 от 10 января 1906 г. виленский генерал-губернатор К.Ф. Кршивицкий, комментируя решение Комитета министров от 1 мая 1905 г., приказал руководствоваться следующими указаниями. Он дал ясно понять, что отмену ограничений для лиц польского происхождения нельзя трактовать как право «неограниченного определения их на эту службу» [15, л. 3]. Органы государственной власти в Северо-Западном крае должны «прежде всего сохранить облик русских учреждений» в особенности, когда получили развитие «крайние стремления инородческих элементов населения к обособлению от общерусской жизни» [15, л. 4]. Роль личного состава государственных учреждений в этих условиях заключалась в создании «надлежащего сплоченного противовеса» сепаратистским и революционным движениям [15, л. 4]. Показательно, что в черновом варианте циркуляра приводился пример участия в революционных беспорядках 1905 г. чиновников-поляков, служивших по ведомству Министерства путей сообщения в Управлении Полесской железной дороги. В этой связи на государственную службу могут быть приняты только те лица польской национальности, которые в течение более или менее продолжительного времени послужили по вольному найму, безукоризненны в политическом отношении при условии, что в данном государственном учреждении «элемент служащих инородческого происхождения не поглощал русских» [15, л. 4]. Все прошения об определении на службу поступали на личное рассмотрение генерал-губернатора с характеристикой политической лояльности кандидата и статистическими сведениями о национальном составе чиновников в органе государственной власти. Кроме того, губернаторам предлагалось изложить соображения о размере процентной нормы поляков среди чиновников края.

Гродненский губернатор И.Л. Блок в своем представлении допускал 10% норму чиновников-поляков в составе служащих государственного учреждения. Однако он отмечал, что любой фиксированный процент имел бы «только формальное значение» [15, л. 6], поскольку обстоятельства иногда вынуждают отступать от правил. В частности, гродненский губернатор сослался на то, что в губернии происходит «частое назначение врачей польской национальности только по той причине, что подыскание русских кандидатов, при ограниченности окладов содержания врачей в Гродненской губернии, было бы равносильно оставлению населения на продолжительное время без медицинской помощи» [15, л. 6]. В секретном отношении от 23 марта 1906 г. на имя виленского генерал-губернатора начальник управления Виленского почтово-телеграфного округа предлагал установить ту норму, которая была выработана в 1903 г. Военным министерством и Министерством внутренних дел для почтово-телеграфных чиновников в Сувалкской губернии. Согласно инструкции среди низших чинов, служащих на железной дороге и почтово-телеграфных учреждений, доля русских (православных) должна составлять не менее 33%, среди чиновников среднего звена – не менее 60%, а «высшие должности должны быть замещаемы исключительно русскими людьми» [15, л. 39]. При определении процентной доли специально отмечался факт того, что чиновник не должен был быть женат на католичке. Кроме того, оговаривалось, что на пограничных станциях и важных объектах количество русских чиновников «должно быть соответственно увеличиваемо по указанию Начальника военных сообщений» [15, л. 39].

В какой степени рекомендации генерал-губернатора К.Ф. Кршивицкого были актуальными для местного руководства, можно отчасти судить на основании сведений о личном составе чиновников отдельных учреждений Виленской губернии в 1906 г. Например, в марте 1906 г. во всех учреждениях Виленской и Ковенской губерний, входивших в состав Виленского почтово-телеграфного округа, насчитывалось 1151 человек, из которых только 25 (2,2%) являлись католиками [15, л. 8]. В Виленской казенной палате из 199 служащих 20 относились к католикам (10%) [15, л. 15]. В правлении Виленского округа путей сообщения штатные должности занимало 20 человек, из них католиками было 6 чиновников (30%) [15, л. 22]. В Управлении земледелия и государственных имуществ Виленской и Ковенской гу-

берний служило 35 человек, из которых 9 были католиками (26%). Примечательно, что начальник управления вместо традиционной отметки о вероисповедании указал национальность сотрудников: 14 великорусов, 12 белорусов, 5 литовцев, 3 малороссов и 1 чех. В Виленской Контрольной палате согласно данным, предоставленным ее управляющим, служило 116 чиновников, из них лишь 10 (8,6%) исповедовали католичество [15, л. 49].

Таким образом, большинство чиновников государственных учреждений Виленской губернии ко времени издания циркуляра относились к лицам «русского происхождения», причем критерием определения национальности служило, как правило, вероисповедание. Вместе с тем представляется важным практика применения циркуляра виленского генерал-губернатора № 10. Как представляется, губернаторы предпочитали не допускать массового притока на государственную службу поляков, в особенности в органы Министерства внутренних дел. По крайней мере, в циркуляре виленского губернатора от 23 августа 1907 г. уездным исправникам настоятельно рекомендовалось «ввиду особых условий, в которых находится вверенная мне губерния в отношении национальных и вероисповедных вопросов, крайне желательным укомплектование полицейской стражи лицами православного исповедания» [16, л. 9]. При замещении должностей полицейских урядников лицами «инославного или иноверного исповедания» начальникам уездных полицейских управлений предписывалось в каждом случае входить с отдельным представлением на имя губернатора. В предписании виленскому полицеймейстеру от 31 декабря 1907 г. губернатор требовал от него «в видах постепенного сокращения числа католиков на должностях городовых, не прибегая, однако, без уважительных причин к увольнению с этих должностей католиков, состоящих ныне на службе, озаботиться образованием кадра кандидатов на должности городовых из лиц, не принадлежащих к католическому вероисповеданию» [16, л. 13]. Причина такого отношения к лицам римско-католического исповедания раскрывается в секретном предписании виленского генерал-губернатора К.Ф. Кршивицкого от 27 февраля 1909 г. В нем он указывал виленскому губернатору, что «полиция, будучи призвана, между прочим, к наблюдению за недопущением польской частью местного населения противоправительственных действий с оттенком польской пропаганды, как, например, по открытию неразрешенных польских школ, по проведению в жизнь польских национальных идей в недозволенной законом форме, по моему убеждению, не может быть пополняема, в произвольном числе случаев, лицами польского происхождения и римско-католического вероисповедания» [16, л. 32].

Примечательно, что польская национальность и католичество в большинстве случаев по-прежнему оставались неразрывными в представлениях местной администрации. Например, согласно постановлению Особого совещания начальников полиции Минской губернии в феврале 1913 г. было принято, что русским по происхождению считается лишь то лицо, которое исповедует «православную веру от родителей, рожденных в православии» [17, л. 69]. В этой связи показательно, что сам по себе переход в православие из католичества уже не отменял польской национальной принадлежности, но все же православное вероисповедание, а не язык и культурная идентичность, оставалось главным критерием в определении русской национальности в крае в начале XX в.

После расформирования виленского генерал-губернаторства одним из губернаторов вновь был поставлен вопрос о допуске на службу, в особенности по ведомству Министерства внутренних дел, «лиц польского и литовского происхождения ввиду отсутствия соответственных кандидатов из лиц русского происхождения» [18, л. 70] и установлении процентной нормы. В своем конфиденциальном письме от 18 сентября 1912 г. губернаторам западных губерний директор Департамента полиции Министерства внутренних дел С.П. Белецкий ссылался на циркуляр генерал-губернатора К.Ф. Кршивицкого от 10 января 1906 г. как наиболее адекватное с точки зрения аппарата МВД решение данного вопроса. Особую важность кадровой проблеме в западных губерниях придавал тот факт, что «чины полиции имеют непосредственное соприкосновение, в порядке надзора и репрессии, с проявлениями жизни местного польского общества, преследуемыми законом, напр.: в деле полонизации населения через открываемые тайные польские школы и тайную противоправительственную пропаганду, поддерживаемую и до последнего времени руководимыми лицами римско-католического

исповедания» [18, л. 71]. В этих условиях появление на полицейских должностях в крае лиц польского происхождения, по мнению директора Департамента, было бы нежелательным, «так как трудно рассчитывать на вполне объективное и беспристрастное отношение к служебному долгу в случаях коллизии его с вполне естественными национальными страстями и религиозными убеждениями» [18, л. 71–72]. Вакантные места в полицейских структурах края предлагалось заполнять лицами русского происхождения, чьи многочисленные ходатайства о принятии на государственную службу имеются «в отдельных частях центральных учреждений, в том числе и в Департаменте полиции» [18, л. 72]. Несмотря на достаточно четкую позицию по этой проблеме, директор предложил губернаторам высказать свои соображения и представить сведения о кадровой практике с 1 мая 1905 г. Так, в ответном письме витебского губернатора М.В. Арцимовича от 13 января 1913 г. сообщалось, что в губернии по ведомству Министерства внутренних дел служит 1107 человек, в том числе 152 католика (13,7%). Самый высокий процент католиков оказался среди служащих земских и городских учреждений самоуправления (687 чел.) – 17%, по крестьянским учреждениям (133 чел.) – 14%, а вот в таких учреждениях, как губернское правление, полицейские управления, дворянском депутатском собрании и канцеляриях предводителей дворянства (287 чел.) – всего 4,5% католиков. Если говорить о лицах, занимающих классные должности, то в письме витебского губернатора приводились точные сведения по двум последним категориям служащих этого ведомства. В частности, католиками оказались 3 депутата от дворянства, 1 помощник полицеймейстера, 1 помощник пристава, 2 полицейских надзирателя, 1 заседатель дворянской опеки, 3 земских начальника, 4 делопроизводителя земских начальников и 16 канцелярских чиновников. В заключении витебский губернатор отметил, что приведенные данные свидетельствуют об отсутствии «особого стремления лиц католического вероисповедания к занятию должностей в правительственных учреждениях по ведомству МВД» [18, л. 73], что снимает вопрос о необходимости введения для них процентной нормы. Интересно, что этот ответ в министерстве сочли недостаточным и в письме от 25 января 1913 г. потребовали от витебского губернатора более детальных соображений. В ответном письме М.В. Арцимовича сообщалось, что среди 183 полицейских чиновников насчитывалось всего 4 чиновника-католика (2,1%), назначенных на должности после указа 1 мая 1905 г. Эти чиновники в свое время были приняты на службу канцеляристами, и «все они вполне отвечают своему назначению» [18, л. 74]. В целом витебский губернатор констатировал, что «представители администрации Витебской губернии пользовались Высочайше утвержденным 1 мая 1905 г. Журналом Комитета министров с большой осмотрительностью и допускали на классные полицейские должности католиков лишь изредка, в виде исключения, и притом таких лиц, которые при продолжительном испытании обнаружили выдающиеся способности и преданность правительству» [18, л. 74]. В принципе, витебский губернатор признавал пользу от применения закона от 1 мая 1905 г., но, учитывая политические условия в крае, считал, что введение процентной нормы для чиновников-католиков не имеет смысла. По всей видимости, такой подход в кадровой политике был принят и в остальных белорусских губерниях.

Таким образом, ограничение доступа католиков на государственную службу в органы власти белорусских губерний после польского восстания 1863–1864 гг. становится одним из инструментов внутренней политики российских властей, направленной на деполонизацию края. Интересно, что политика по вытеснению поляков с постов в полицейских учреждениях МВД западных губерний началась еще во время управления генерал-губернатора В.И. Назимова. Вместе с тем ограничения при поступлении на государственную службу для католиков никогда в полном объеме в белорусских губерниях не выдерживались, однако в полицейских управлениях МВД их процент был минимальным. В период революционных событий 1905–1907 гг. вследствие либерализации внутриполитического курса кадровая политика была пересмотрена в сторону восстановления для католиков-поляков права замещения должностей в государственном аппарате белорусских губерний. Однако ключевые должности в местных властных структурах, в том числе городских и уездных полицейских управлениях, оставались закрытыми для лиц польской национальности. Кроме того, губернские власти были обязаны сохранить русский по характеру состав администрации в запад-

ных губерниях, что означало преобладание на постах чиновников православного вероисповедания. Несмотря на частичный пересмотр принципов кадровой политики, административная практика должностных назначений на территории белорусских губерний после 1905 г., по крайней мере, по ведомству Министерства внутренних дел, в большей степени ориентировалась на порядки, сложившиеся после польского восстания 1863–1864 гг., причем ограничения для католиков по некоторым позициям даже усилились. Это было обусловлено тем, что польское национальное движение в западных губерниях по-прежнему представляло политическую угрозу для целостности Российской империи.

Литература

1. По высочайше утвержденному 27 мая 1864 г. Положению Западного комитета о мерах к восстановлению в Западном крае православия и русской народности и подавления в оном проявлений польской пропаганды // Литовский государственный исторический архив. – Ф. 378. – 1864. – Д. 312.

2. Сборник распоряжений графа Михаила Николаевича Муравьева по усмирению польского мятежа в северо-западных губерниях 1863–1864 гг. / сост. Н. Цылов. – Вильно : тип. А. Киркора и бр. Роммов, 1866. – 385 с.

3. Об устройстве полиции в городах и уездах // Литовский государственный исторический архив. – Ф. 378. – 1863. – Д. 18.

4. Дакументы і матэрыялы па гісторыі Беларусі (1772–1903 гг.) / пад рэд. Н.М. Нікольскага. – Мінск : Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1940. – Т. 2. – 938 с.

5. Черевин, П.А. Воспоминания П.А. Черевина 1863–1865 гг. / П.А. Черевин. – Кострома : тип. «Северный рабочий», 1920. – 76 с.

6. Западные окраины Российской империи. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – 608 с.

7. Извлечение из Высочайше утвержденного 1 мая 1905 г. журнала Комитета министров о порядке выполнения пункта седьмого Именного указа 12 декабря 1904 г. в отношении девяти западных губерний // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 299. – Оп. 2. – Д. 13147.

8. Особая всеподданнейшая записка витебского губернатора о положении губернии вообще от 18 апреля 1885 г. // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 54057.

9. Памятная книжка Виленской губернии на 1885 г. – Вильна : тип. Губ. правления, 1884. – 299 с.

10. Памятная книжка Гродненской губернии. Адрес-календарь и статистическо-справочные сведения. – Гродно : тип. Губ. правления, 1884. – 412 с.

11. Адрес-календарь Могилевской губернии на 1885 г. – Могилев на Днепре : тип. Губ. правления, 1885. – 228 с.

12. О числе католиков служащих в правительственных учреждениях в пределах Северно-Западного края // Литовский государственный исторический архив. – Ф. 378. – 1903. – Д. 275.

13. О порядке выполнения пункта седьмого Именного указа 12 декабря 1904 г. в отношении девяти западных губерний // Полное собрание законов Российской империи. – Собрание 3-е. – Т. XXV. – 1905. – № 26163.

14. Устав о службе по определению от правительства. – СПб. : Гос. типография, 1896. – Т. III. – 340 с.

15. О допущении на государственную службу лиц польского происхождения // Литовский государственный исторический архив. – Ф. 378. – 1906. – Д. 44.

16. О порядке замещения должностей околоточных надзирателей Виленской городской полиции лицами католического вероисповедания // Литовский государственный исторический архив. – Ф. 378. – 1907. – Д. 214.

17. Приказы Департамента полиции, минского вице-губернатора об увольнении в отставку офицерских чинов, прекращении бегства легкораненых с санитарных поездов, учета и контроля трофейного оружия, разрешение приобретения, хранения, выписки из-за границы оружия. Журнал Особого совещания сотрудников полиции Минской губернии 16–18 февраля 1913 г. об организации, правах и обязанностях полиции // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 705. – Оп. 1. – Д. 10.

18. Переписка должностных лиц с витебским губернатором о представлении сведений об уездных предводителях дворянства; об определении, перемещении и увольнении со службы разных лиц, о допуске лиц польского происхождения на государственную службу; о приезде в целях совершения террористического акта Фельдмана, имевшего свидание за границей с Савинковым // Национальный исторический архив Беларуси. – Ф. 1430. – Оп. 1. – Д. 54199.

Военная академия Республики Беларусь Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 572.029:316.344.32:316.647.8(476.2)“20”

Стереотип современного интеллигента в представлении гомельчан в начале XXI в.

Н.В. Королева

Данная статья посвящена исследованию стереотипа современного интеллигента в представлении гомельчан в начале XXI в. Дается характеристика основных представлений о культурных традициях интеллигенции в глазах жителей г. Гомеля, анализируются стереотипы о современной интеллигенции в среде различных половозрастных групп гомельчан.
Ключевые слова: стереотип, интеллигенция, культурные традиции, материальная культура, духовная культура, досуг, Гомель, гомельчане, респонденты, профессиональная группа, образование.

This article investigates the stereotype of a modern intellectual in the representation of Gomel citizens at the beginning of the 21st century. It describes the basic concepts of cultural traditions of the intellectuals in the eyes of Gomel citizens, it analyzes the stereotypes of modern intellectuals among Gomel citizens of different age groups.
Keywords: stereotype, intellectuals, cultural traditions, material culture, spiritual culture, leisure, Gomel, Gomel citizens, respondents, professional group, education.

Каждый этнос характеризуется своеобразием культурных традиций и самосознания. В процессе длительного исторического развития в этнической общности происходит постепенное формирование комплекса обобщающих, типичных представлений о внешнем облике и особенностях образа жизни представителей данного народа, т. е. этнического стереотипа. Подобные представления складываются также в отношении различных социопрофессиональных групп. В их структуре выделяется интеллигенция – общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным творческим трудом, развитием и распространением культуры [1, с. 781]. Представители интеллигенции широко заняты в различных отраслях производства и непроизводственной сфере экономики и выполняют важные экономические и культурные функции, значительно влияя на формирование социокультурной среды белорусского этноса. Они характеризуются определенной спецификой и своеобразием материальной и духовной культуры, общественных традиций, что обусловлено во многом влиянием их профессиональной деятельности, поэтому актуальным видится изучение стереотипа о представителе современной интеллигенции.

В культурных традициях населения Беларуси в начале XXI в. происходят существенные трансформации и распространяются новшества, что объясняется спецификой социокультурного и экономического развития общества, поэтому важным также видится изучение тех изменений, которые произошли в представлениях о культурных традициях современной интеллигенции в начале XXI в.

Гомель является крупным областным центром, где находится большое количество производственных предприятий, научных и культурных учреждений, поэтому интеллигенция является достаточно многочисленной в структуре его населения, а также достаточно представлена в Гомельском регионе. По данным на 2010 г., около 30% всех занятых в экономике Гомельской области работали в сферах деятельности, связанных с умственным трудом [2, с. 77]. Исследование, проведенное по материалам, собранным в областном центре, позволяет рассматривать проблему стереотипа о представителях современной интеллигенции в региональном преломлении.

Новизна данного исследования состоит в том, что впервые на основе материалов полевого исследования изучаются представления о современной интеллигенции в глазах жителей г. Гомеля в начале XXI в.

Цель работы – характеристика стереотипа современной интеллигенции в представлении гомельчан в начале XXI в.

В ходе исследования ставились следующие задачи: охарактеризовать основные стереотипы о культурных традициях интеллигенции в представлении гомельчан в начале XXI в.; проанализировать особенности восприятия образа современной интеллигенции в среде различных половозрастных групп жителей областного центра; определить факторы, влияющие на формирование представлений и характеристик современной интеллигенции среди жителей г. Гомеля.

Изучение материальной и духовной культуры, общественных традиций, специфики социальной жизни представителей различных социопрофессиональных групп проводилось советскими и современными этнографами, однако работы по изучению культурных традиций интеллигенции фрагментарны. Общественная жизнь городского населения, основные формы его культурной жизни, уровень образованности, участие в профессиональных объединениях в советский период нашли отражение в таких работах, как «Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі» [3], «Изменения в быту и культуре городского населения Беларуси» [4], «Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья» [5] и др. На современном этапе ряд работ посвящен исследованию профессиональной структуры населения и ее динамике, изучению социальных характеристик различных социопрофессиональных групп, в том числе и интеллигенции. В основном это статистические издания, в частности, «Статистический ежегодник Республики Беларусь» [6], «Интеллектуальные ресурсы белорусского общества» [7] и др. Исследование общественных традиций представителей различных профессиональных групп, в том числе интеллигенции, в начале XXI в. находит отражение в 6 т. многотомного издания «Белорусы» – «Грамадскія традыцыі» [8]. Однако исследования стереотипа представителей интеллигенции не проводились.

Источниками для написания данной работы послужили материалы полевого исследования, которое проводилось летом 2011 г. среди жителей г. Гомеля. Всего в ходе исследования было проанкетировано 224 человека, в опросах приняли участие 40 респондентов. Количество женщин-респондентов равняется 58%, мужчин – 42%. Около 50%, принявших участие в исследовании, входят в возрастную группу от 18 до 30 лет, еще треть – респонденты от 30 до 60 лет, небольшая часть – люди старше 60 лет. Как сферу своей деятельности респонденты указывали медицину, техническое производство, сферу обслуживания, спорт, образование, культуру, науку; некоторые отметили, что являются студентами, пенсионерами или безработными. Чуть менее двух третей указали, что имеют высшее образование, остальные – специальное или среднее специальное. Большинство респондентов – 96% – являются белорусами по национальности. Таким образом, обследование осуществлялось в однородной с этнической точки зрения среде, опросы также проводились среди представителей различных половозрастных горожан. В круг исследования были включены как респонденты, непосредственно представляющие интеллигенцию, так и представителей других социопрофессиональных групп.

Результаты исследования показали, что более чем три четверти опрошенных гомельчан имеют сложившиеся или же в определенной мере сложившиеся представления об образе современной интеллигенции начала XXI в. Большинство респондентов отметили, что отличают для себя представителей интеллигенции судя по грамотной речи (67%), по внешнему виду (48%) и по роду деятельности (45%).

По профессиональной принадлежности опрошенные гомельчане чаще всего соотносят интеллигенцию с такими сферами деятельности, как наука, образование, культура, медицина; реже – с церковью, техническим производством и финансовыми структурами, а в меньшинстве случаев – со спортом. Показательно, что подавляющее большинство респондентов (от 70 до 80%) считают приоритетными для современной интеллигенции занятия наукой, образованием и творческими профессиями. Также две трети опрошенных считают, что представители интеллигенции в обязательном порядке должны иметь высшее образование, а 85% респондентов заявили, что в их понимании отождествляются понятия об образованном человеке и представителе интеллигенции.

Относительно своеобразия культурных традиций интеллигенции большинство респондентов высказали мнение, что их быт и уклад жизни отличается определенным своеобра-

зием, во многом обусловленным влиянием их профессиональной принадлежности, однако существует и специфика, которая определяется уровнем их материального благосостояния.

О жилище и условиях жизни современной интеллигенции опрошенные гомельчане отметили, что не видят больших отличий в сравнении с представителями других слоев населения, но указали на ряд особенностей. Большинство респондентов (80%) обратили внимание на аккуратность, порядок и функциональность, присущие жилищам интеллигенции; интерьер определяется в первую очередь вкусовыми предпочтениями хозяев, но обстановка комнат строго регламентируется в зависимости от их функций. Отмечалось частое присутствие в интерьере картин, фотографий, иногда – комнатных растений. Большая часть респондентов указала, что в доме интеллигенции оборудовано место работы. Многие опрошенные также отмечали, что в домах интеллигенции присутствует большой книжный шкаф или стеллаж.

Относительно внешнего вида представителей современной интеллигенции 65% гомельчан отметили, что их характеризует приверженность к классической стилистике в костюме. Интеллигенты чаще всего выбирают для себя строгий, официально-деловой стиль в одежде, а также их отличает элегантность и хороший вкус. В.В. Будник, сотрудница Областной библиотеки им. Ленина (1988 г.р.), отметила: «Считаю, что сегодня представители интеллигенции все-таки предпочитают классический стиль в одежде. Мужчины часто носят на работу костюмы, обязательна для них свежая рубашка, часто дополняемая галстуком. Они ухаживают за обувью. Женщины тоже стараются следить за собой, выбирают неброские тона, дополняют костюм интересными аксессуарами, носят обувь на каблуке, стараются прическу поддерживать в порядке».

В питании современная интеллигенция, как отметило большинство проинтервьюированных, уделяет внимание употреблению здоровой пищи, стараются включать в свое меню овощи, фрукты, крупы, рыбу, первые блюда. К.А. Игнатов, врач (1965 г.р.), отметил: «Считаю, что представители интеллигенции сегодня стараются выбирать по возможности правильное и сбалансированное питание. Мне кажется, что многие обязательно изучают состав продуктов, чаще берут что-то полезное». Однако значительное число опрошенных также указало, что, по их мнению, особенности питания, его специфика и конкретное меню представителей интеллигенции определяется в первую очередь материальными возможностями и личными предпочтениями.

В отношении представлений о характере досуга современной интеллигенции большинство опрошенных считают, что в нем преобладают общественные формы. Около 85% отметили, что в свободное время представители интеллигенции предпочитают посещать культурные учреждения. Л.И. Пахомова, вахтер (1960 г.р.), отметила: «Думаю, интеллигенция регулярно посещает театры, музеи, ходит на концерты, выставки. Хотя иногда могут пойти в кино или цирк, с друзьями в кафе посидеть». Излюбленными местами культурного досуга называли Гомельский драматический и Молодежный театры, дворец Румянцевых-Паскевичей, галерею им. Г.Х. Ващенко, ДК железнодорожников им. В.И. Ленина. Около 35% опрошенных указали, что для интеллигенции характерны также прогулки по оживленным улицам города либо же посещения центрального парка им. А.В. Луначарского. Как одну из популярных форм досуга более половины респондентов назвали посещение читальных залов, например Областной библиотеки им. Ленина и городской библиотеки им. Герцена, с целью чтения либо же подбора литературы. 30% отметили посещение секций, кружков по интересам, курсов.

Как отмечали опрошенные, свой отпуск представители интеллигенции предпочитают проводить как в активной форме, совершая туристические поездки по Беларуси и за ее пределами, так и в более пассивной, отдыхая дома либо же на даче. Около 50% респондентов отметило, что дачный досуг в среде интеллигенции имеет определенную специфику. Г.Н. Измайлова, преподаватель в школе (1969 г.р.), отметила: «Думаю, у многих представителей интеллигенции имеется дачный домик, где они могут проводить выходные, отпуск, а также небольшой огородик, клумбы для удовольствия. Они в первую очередь отдыхают на даче, проводят время на природе, а занятия хозяйством – это все-таки второстепенно».

Показательно, что на вопрос «Ассоциируется ли для вас представитель современной интеллигенции с человеком, который ведет здоровый образ жизни и занимается спортом?» 75% опрошенных отметили, что ассоциируется либо в определенной мере ассоциируется. По словам Д.Н. Бондарь, электромонтера (1987 г.р.), «интеллигент уделяет внимание спортивным занятиям, ведь это полезно для здоровья, но это скорее “физкультура”, чем спорт профессиональный». Среди распространенных в среде интеллигенции видов спорта респонденты называли катание на лыжах, коньках, плавание, бег, волейбол, бадминтон, катание на велосипеде, шашки, шахматы и др.

Относительно домашнего времяпрепровождения около 40% гомельчан указали, что представители современной интеллигенции предпочитают отдых в кругу семьи. В.И. Дашкевич, индивидуальный предприниматель (1962 г.р.), отметила: «Думаю, интеллигенция проводит много времени вместе с детьми в беседах или играх, смотрят интересные фильмы и передачи, семейные ценности для них важны». Около 50% также указало на распространенность в их среде традиции принимать гостей у себя дома и совершать визиты к родственникам, друзьям, коллегам, знакомым.

Среди домашних видов досуга современной интеллигенции респонденты называли чтение, прослушивание музыки и просмотр телепередач, проведение времени в Интернете, кулинарию, игры и общение с детьми, вышивание и вязание для женщин. Относительно предпочитаемой литературы бытует представление, что это в первую очередь научные и научно-популярные издания, актуальная периодика («Гомельский вестник», «Советская Белоруссия», «Аргументы и факты» и др.), историческая литература, а также издания, связанные с профессиональной деятельностью. Предпочтения в музыке, по мнению респондентов, определяются личными вкусами, но чаще всего упоминали классику различных жанров. Среди телепередач опрошенные адресовали вкусы представителей интеллигенции к информационным, аналитическим, научно-популярным и просветительским программам, а также интеллектуальным играм («Время», «Выбор», «Вести», «Что? Где? Когда?», «Один против всех» и др.). Респонденты отмечали также распространенность в среде интеллигенции разнообразных хобби. По словам В.В. Дедкова, водителя (1976 г.р.), «список увлечений интеллигенции сегодня очень широк – это и коллекционирование, и занятия музыкой, сочинительством, и фотографирование, и разгадывание кроссвордов».

Относительно представлений о традициях семейного воспитания респонденты указывали, что в первую очередь они проявляются в привитии детям правил грамотной речи и хорошего тона, а также стремлении развивать их кругозор. В.Ф. Лебенок, продавец (1960 г.р.), отметила: «Детей стараются воспитывать на своем примере, приобщают к чтению, записывают в разные кружки и спортивные секции».

Проведенные исследования также позволяют выявить особенности представлений о современной интеллигенции в глазах различных половозрастных групп опрошенных гомельчан. В частности, респонденты в возрасте до 25 лет чаще, чем опрошенные более старшего возраста, высказывали мнение, что представителей современной интеллигенции выделяет внешний вид и стиль одежды среди представителей других социопрофессиональных групп. Если опрошенные в возрасте до 30 лет в большинстве случаев считают, что современная интеллигенция выбирает преимущественно общественные формы досуга, то проинтервьюированные в возрасте после 40 лет чаще склоняются к мнению о ее приверженности к семейному времяпрепровождению. Также у респондентов в возрасте после 30 лет в целом на 15–20% чаще представитель интеллигенции ассоциируется с человеком, ведущим здоровый образ жизни. Что касается разницы в представлениях мужчин и женщин, выступавших в качестве респондентов, то некоторая разница выявилась только относительно мнения о визуальных представлениях об интеллигенции. Среди женщин преобладало мнение, что представители интеллигенции предпочитают элегантный стиль в костюме, среди мужчин – официально-деловой.

Таким образом, в глазах жителей Гомеля образ современного интеллигента в начале XXI в. вбирает достаточно типичные характеристики и представления об образованном человеке, занимающимся умственным трудом, условия жизни и бытовые предпочтения которого

соотносятся с его культурными ориентациями. Опрошенные гомельчане основные сферы деятельности современной интеллигенции связывают с нематериальными сферами общественного производства, в первую очередь наукой, образованием и культурой, а представитель интеллигенции им видится человеком, прежде всего имеющим высшее образование и высокую квалификацию. Относительно культурных традиций современной интеллигенции можно также отметить существование ряда стереотипов, которые в первую очередь заключаются во мнении об определенном влиянии уровня образованности и профессиональной принадлежности на условия жизни, внешний вид, предпочтения в костюме и питании, а также их детерминированность уровнем финансового благосостояния. Времяпрепровождение представителей современной интеллигенции в представлении опрошенных гомельчан характеризуется как разнообразными формами общественного, так и домашнего досуга, а выбор его конкретных видов и специфика определяются общим уровнем культуры и образованности.

Литература

1. Республика Беларусь: энциклопедия : в 6 т. ; редкол.: Г.П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелЭн, 2006–2009. – Т. 3. – 2006. – 896 с.

2. Статистический ежегодник Гомельской области / Нац. статистический комитет РБ ; редкол.: В.М. Буйневич [и др.]. – Гомель : Главное стат. управление Гомельской обл., 2011. – 394 с.

3. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / АН БССР ; редкол.: В.К. Бондарчик [и др.]. – Минск : Наука, 1990. – 248 с.

4. Изменения в быту и культуре городского населения Беларуси / АН БССР ; редкол.: В.К. Бондарчик [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1976. – 111 с.

5. Общественный, семейный быт и духовная культура населения Полесья / АН БССР ; редкол.: В.К. Бондарчик [и др.]. – Минск : Наука и техника, 1987. – 376 с.

6. Статистический ежегодник Республики Беларусь / Нац. статистический комитет РБ ; редкол.: В.И. Зиновский [и др.]. – Минск, 2011. – 634 с.

7. Интеллектуальные ресурсы белорусского общества / редкол.: Г.Н. Соколова [и др.]. – Минск : Право и экономика, 2007. – 114 с.

8. Беларусы : у 12 т. ; рэдкал.: В.М. Бялявіна (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларуская навука, 1994–2009. – Т. 6 : Грамадскія традыцыі. – 2002. – 606 с.

9. Материалы полевого исследования, выполненного в 2011 г. по теме «Этнокультурные процессы в среде городского населения Гомельщины : традиции и современность». – № госрегистрации 20111166.

Белорусский государственный
университет

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 94:32(=162.1)(476)"1795-1921"

О трансформации национально-политического сознания поляков Беларуси в 1795–1921 гг.

А.М. Кротов

В статье рассматривается трансформация национально-политического сознания белорусских поляков, происходившая в условиях утраты ими доминирующего положения на белорусских землях. Автор доказывает, что сконструированная ими идеология предполагала собственную идентификационную мимикрию и должна была содействовать вовлечению непольского населения кресов в борьбу за реализацию польских политических интересов; называет факторы, которые привели к краху этой идеологии и усилению в сознании белорусских поляков национального компонента, перерождению поляка-«краёвца» в поляка-националиста.
Ключевые слова: восточные кресы, национально-политическое сознание, национальная идеология, белорусское национально-культурное возрождение, русификация, «краёвость», польский национализм.

The transformation of national and political consciousness of the Poles on the territory of Belarus, that took place in conditions of their loss of dominant position in Belarus, is considered in this article. The author proves that the ideology constructed by them surmised mimicry of their own identification and was to include un-Polish population of east borders ("kreses") into the struggle for realization of political interests of the Poles; besides the article states the factors that have ruined this ideology and strengthened the national component in the consciousness of the Poles on the territory of Belarus, reborn the Pole-"krayovets" into the Pole-nationalist.
Keywords: east borders, national and political consciousness, national ideology, Belarusian national-cultural renaissance, russification, "krayovost", Polish nationalism.

Национально-политическое сознание польского национального элемента на белорусских землях уже неоднократно становилось предметом научно-исследовательского интереса. Результаты исследований нашли своё отражение в многочисленных публикациях. Однако авторы этих публикаций, иногда очень кропотливо вникая в нюансы развития польского движения на так называемых «кресах всходних» [1], старательно обходят своим вниманием неудобные для научной оценки ситуации, в которых необходимо прямо выразить своё отношение к политическим целям и задачам польского присутствия в Беларуси, польским национальным интересам. В полной мере это касается и вопроса трансформации национально-политического сознания белорусских поляков, белорусская составляющая которого, как представляется, была значима лишь в условиях краха польской государственности, поражений национально-освободительного движения, истощения материальных и физических возможностей ведения активной борьбы с преобладающим противником, ослабления воли поляков к такой борьбе и спада их патриотического энтузиазма.

В реалиях новой жизни кресовые поляки сделали попытку катализировать процесс белорусского национально-культурного возрождения, оказать содействие развитию национально-политического сознания белорусов и предотвратить тем самым русификацию Беларуси, грозившую потерей всех результатов польской «культурной» работы на кресах. Начинается процесс приобщения белорусов к делу противодействия российской экспансии, результатом которого должно было стать политическое обособление Белорусско-Литовского края и от России, и от Польши под руководством польского кресового элемента. Однако польско-советская война 1919–1920 гг. и завершивший её Рижский мирный договор показали истинное отношение поляков к белорусскому народу и его будущему. Вынужденные в сложившихся исторических обстоятельствах делать выбор между «краёвостью» и польским национализмом, «кресовяки» остановились на втором. Они отказались от права считаться особой, кресовой разновидностью польской нации, на которое ещё недавно претендовали, выра-

зив тем самым свою солидарность с польским народом, с его жизненными интересами, подразумевавшими инкорпорацию белорусских территорий в состав польского государства и создание условий для полонизации жившего на них непольского населения.

Причины зарождения в XIX в. в поляках интереса к «тутэйшей» культуре в научной литературе трактуются по-разному. Что касается польских авторов, то, несмотря на наличие вполне объективных, заслуживающих серьёзного отношения к себе оценок (Р. Радзика, например) [2], доминирует литература вполне традиционной направленности, которая оказывается мало полезной для выяснения причин трансформации польского национально-политического сознания на «восточных кресах» в период российского господства. Польские учёные, например, склонны объяснять внезапно проснувшийся в «кресовяках» интерес к белорусской (да и украинской) культуре довольно пафосно, исходя из свойственного полякам возвышенного отношения ко всему, что связано с польскостью. Сыграл свою роль и субъективный фактор – европейский романтизм и одна из его самых ярких тенденций – тенденция «укоренения», предполагающая поиск истоков творчества в недрах народной культуры. Поборников романтизма подсознательно манило, притягивало всё истинно народное, всё то, чего они не могли найти уже в польской светской культуре, позиционирующей себя в качестве европейской. При этом нельзя не заметить, что поляков европейцы никогда не воспринимали как равных. Ещё придворный поэт Генриха Валуа Филипп Депорт (1546–1605), пробывший вместе с королём несколько месяцев в Польше, прощаясь с ней, писал: «Прощай, о Польша, край равнин безлюдный, / Под льдом и снегом спящий беспробудно! / С тобою я прощаюсь навсегда: / Твой воздух, нравы – всё мне так постыло, / Что возвратиться разве только силой / Меня заставит что-нибудь сюда. / Прощайте вы, о странные хоромы, / Курные избы с крышей из соломы, / Внутри которых люди и скоты / Нашли приют – одна семья большая, – / Златого века прелести вкушая, / Исполненные дикой простоты» [3].

Подобное отношение к Польше со стороны Запада, характерное, кстати, и для других эпох, порождало в польском обществе комплекс неполноценности по отношению к Западной Европе, который, как утверждает руководитель международного проекта «Россия – Польша. Взаимное видение в литературе и культуре» В.А. Хорев, оказался устойчивым и проявлялся на протяжении всей польской истории [4, с. 33].

Белорусы были, пожалуй, единственными, кто, не видя других примеров, поддался польским внушениям и признавал за поляками статус «европейцев». Это импонировало полякам, вызывало в них довольно смешанные, но в целом позитивные чувства по отношению к белорусам, с элементами некоей идеализации, внушало чувство ответственности за их судьбу и судьбу ставших уже «польскими» кресов. Белорусы, которые без борьбы уступили доминирующую роль в своей стране полякам, не воспринимались как угроза для польскости. Они стали объектом своеобразной заботы, опеки. А сама Беларусь в рамках развивавшейся в польской литературе и политической мысли после разделов Речи Посполитой кресовой мифологии представала в идиллическом виде «польского рая» [5, с. 13].

Российские учёные далеки от идеализации целей и задач польской «культурной» работы на кресах. Сегодня, как это было и в дореволюционный период, они видят в культурных интересах поляков в Беларуси проявление польского экспансионизма, антироссийскую инспирацию – не более того. Вообще в своих оценках современные российские историки и культурологи всё чаще и чаще используют наработки русских учёных и публицистов конца XVIII – начала XX в., которые привлекают их предметной основательностью и вдохновляют, видимо, своим эмоционально-психологическим настроем. Образ «коварного ляха», судя по всему, и сегодня в России не утратил своей политической актуальности [4].

В российско-польских научных и литературных перепалках то и дело, как это было уже на протяжении двух последних столетий, возникает тема Беларуси и белорусов. И всякий раз они представляются в негативном свете. Оба соседа, веками «воспитывавшие» белорусов в менторском духе, недовольны получившимся результатом. Но поскольку оба они не брали в расчёт главный фактор «дидактического» процесса – исторический опыт самих белорусов, их национальное сознание (каким бы проблемным оно не представлялось), ошибки в расчётах их удивлять не должны.

При этом поляки всё же сетуют на «чёрную» неблагодарность белорусов, на их несознательность, недальновидность и готовность распрощаться со всем тем, что хотя бы формально делает их самобытным европейским народом. Белорусы же, в подавляющем большинстве, с недоумением смотрят на проявления польского «неравнодушия» к белорусским делам и подозревают присутствие в нём корыстной стратегической составляющей. В то же время, отдавая полякам должное, никто не ставит под сомнение вклад их «филологических подстрекателей» в дело белорусского национально-культурного возрождения. Именно их деятельность привлекла к нему этнических белорусов, в скором времени начавших доминировать и перенаправивших его в иное русло, ведшее совсем не туда, куда по замыслам пионеров белорусского национально-культурного возрождения оно должно было вывести – к отрыву Беларуси от такого мощного центра притяжения и генератора чуждых польскости влияний, каким являлась Россия.

В то время как российское общественно-политическое мнение фокусировалось на Варшаве, «польская каверза» обретала непривычный для неё вид, распадаясь на региональные разновидности. Вместо одного «польского вопроса» и одного «польского дела» возникали их варианты, и решение оных стало проблемой не одних только русских, но и, стараниями поляков, других народов, своими историческими судьбами с Россией и Польшей связанных. В том числе и белорусского…

Неудачи в вооружённой борьбе с русским царизмом не сломили волю поляков к борьбе. Они продолжили её на культурном и идеологическом фронте. Плацдарм для наступления здесь они готовили уже давно. В сознании кресовой шляхты, не только в силу того, что она уже психологически освоилась на кресах, в чуждом этнокультурном окружении, но ещё и потому, что она владела здесь земельной собственностью, зарождается и развивается чувство кресового патриотизма [6]. Особенно благоприятной для этого генезиса была обстановка на белорусско-литовских кресах, где польский элемент был серьёзно затронут процессом этнокультурного миксирования. И это его представители хорошо понимали. Не могло пройти для польских мигрантов бесследно ни долгое проживание в чуждой этнокультурной среде, ни массовая интеграция в шляхетское сословие представителей местной элиты. Разумеется, чувства родства с белорусами и, тем более, с украинцами у кресовых поляков не появилось. Скорее даже наоборот. Как пишет А.В. Липатов: «Соседство в силу “самого себя” не только сближает, но и отталкивает, не только притягивает, но и разводит, вызывает не только симпатию, но и антипатию» [7, с. 362]. Конечно же, интересы польского и местного элемента на кресах не совпадали, как не совпадали и образ их жизни, быт, воззрения, нравы. Но при всём пренебрежении кресовой польской элиты к местному хлопу её представители всё-таки вынуждены были считаться с ним, искать понимание и находить его. Совершенно естественным образом стало формироваться чувство эмоциональной, психологической связи с кресами, с «тутэйшим» его населением. Но всё же, как показало будущее, это чувство оказалось намного слабее того, которое связывало поляков с польским народом и исторической Польшей.

Произошедшая в менталитете кресовых поляков метаморфоза не противоречила глубоко укоренённому в каждом шляхтиче-«кресовяке» чувству национального превосходства над культурно и этнически чуждым ему местным простым людом. Он ощущал себя на кресах настоящей элитой, тем активным меньшинством, которое обязано было взять на себя ответственность за их судьбу. Михал Ромер – один из видных идеологов краёвого движения утверждал: «Они (краёвые землевладельцы – *А.К.*) считали себя не отличным и чужим “меньшинством”, не частью другого чужеземного народа, а руководителями местной краёвой общественности, от имени которой их предки и даже они сами, особенно во время восстаний, создавали историю этого края как его настоящие граждане» [1, с. 126]. Польскость стала признаком избранности, принадлежности к данной элите. Но одно дело – демонстрировать свою «польскость» местному хлопу, другое – шляхте центральнопольской, т. наз. «короняжам»…

Подвергнувшиеся деполонизирующему воздействию окружающей среды «кресовяки» ощущали и осознавали своё отличие от «короняжей» – поляков «высшей пробы» – и понимали, поддерживая национально-освободительные порывы последних, что при возрожде-

нии независимого польского государства (если таковое произойдёт) им достанется роль вспомогательного, второстепенного элемента, которая их, конечно же, не могла удовлетворить. Вряд ли такое государство «кресовяки» смогли бы в полной мере считать своим. Тем не менее, трансформация менталитета «кресовяков», несмотря на всю её значимость, не могла быть радикальной. Она не означала самоизоляцию носителей кресовой польскости, разрыв с исторической Польшей. С ней их по-прежнему связывали многие узы: гражданский долг, национальная самоидентификация, костёл, шляхетская идеология и пр. Это позволяет считать данную трансформацию процессом поверхностным, вынужденным, всегда готовым к возвращению на исходные позиции, своеобразной мимикрией.

Другое дело – кресы, ставшие уже для многих поляков родными. Здесь польская шляхта, являвшая собой социальную и культурную элиту, могла выполнить соответствовавшую её социально-политическим амбициям ведущую функцию в государственно-политической организации пассивной в политическом смысле белорусской «этнографической массы». Разумеется, с расчётом на то, что в рамках этого процесса она, как ведущая прослойка, должна занимать не просто руководящее положение, а положение привилегированное, сулящее монополию на государственную власть.

Борьба за «польское дело» в Беларуси в сложившейся исторической ситуации на взгляд «кресовяков» была куда более перспективной, нежели борьба за дело общепольское в масштабах бывшей Речи Посполитой. Но эта борьба создавала в Беларуси тот польский вопрос, который история поставит на повестку дня уже после развала Российской империи и суть которого будет сводиться к тому, существовать или не существовать белорусскому государству. Поскольку этот вопрос затрагивал жизненные интересы белорусского народа, то его нельзя считать тождественным тому польскому вопросу, над решением которого безуспешно бился русский царизм.

Нельзя сказать, что в России упрощали характер польской угрозы. Отнюдь нет. Тем не менее, высокая актуальность придавалась лишь тем её элементам, которые представляли непосредственную опасность русским имперским интересам. Как опасность воспринимался, в частности, сам факт присутствия поляков в Беларуси, ибо он означал присутствие польских культурных влияний, разлагающих «православие, самодержавие, народность». Ещё в канун восстания 1863–1864 гг. митрополит Литовский Иосиф Семашко предупреждал Александра II: «Для России ныне кажется важнее Царства Польского влияние его на западные губернии, а может быть и далее. Оно запустило сюда глубоко когти и препятствует слитию сих губерний с единокровною Россиею» [8, с. 12].

В 1863 г. известный русский публицист, издатель и литературный критик М.Н. Катков писал о многовековом противостоянии между русскими и поляками с искренней убеждённостью: «Между этими двумя соплеменными народностями история издавна поставила роковой вопрос о жизни и смерти. Оба государства (русское и польское – *А.К.*) были не просто соперниками, но врагами, которые не могли существовать рядом, врагами до конца. Между ними вопрос был уже не о том, кому первенствовать или кому быть могущественнее: вопрос между ними был о том, кому из них существовать» [9].

Утверждение Каткова, что русские и поляки «существовали рядом», основывалось на искреннем его (и не только его) убеждении, что население огромной буферной территории, разделяющей Россию и Польшу, является русским или польским. Он не хотел принять тот факт, что этнографической границы между русскими и польскими землями не существовало, равно как и то, что люди, жившие в буферной зоне, не считали себя ни русскими, ни поляками. Не хотел замечать шедшего здесь процесса формирования новых наций, которые должны были рано или поздно заявить о своём праве на самоопределение. В этом праве он им, судя по всему, и от имени России, и от имени Польши отказывал: «Поляку естественно отстаивать польское дело, а русскому естественно отстаивать русское дело. Утратив политическую самостоятельность, поляк не отказался от своей народности, он рвется из своего плена и не хочет мириться ни с какой будущностью, если она не обещает ему восстановления старой Польши со всеми ее притязаниями… (Поляку – *А.К.*) нечего прибегать к разным теориям,

ему нечего толковать о правах народностей… Ему достаточно назваться поляком, чтобы всякий мог понять, чего он хочет или чего бы должен хотеть…» [9].

Несмотря на успех, достигнутый Россией в борьбе с польским инсургентством, в русской общественно-политической мысли присутствовало твёрдое убеждение, что оно не искоренено и что поляки будут продолжать борьбу. В России прекрасно понимали, что поляки борются не только за восстановление польского государства, но и за восстановление его в тех границах, где в прошлом огнём, мечом и католической пропагандой распространялось польское влияние, т. е. в «истиннорусских» пределах, включавших белорусские и украинские земли. Потому в общественно-политической мысли России всё чаще и чаще стали раздаваться голоса в пользу того, что рано или поздно Польша должна отделиться от России, и в качестве основного довода приводилось то неоспоримое обстоятельство, что польский народ был народом иной культуры, вероисповедания, обладавшим самостоятельными государственно-политическими традициями. При этом, однако, подчёркивалось, что благожелательность русских в решении польского вопроса будет напрямую зависеть от польских притязаний. Для того чтобы эти притязания не распалялись, с поляками нужно было вести работу – «успокаивать и умирять их» [9].

Забегая наперёд можно сказать, что уже во время Первой мировой войны, осознав безнадёжность дела приручения и умиротворения поляков, «чуждых русским во всех отношениях», даже русские националисты стали говорить о необходимости отречения от Польши и создания польского самостоятельного государства в польских этнографических границах. В 1915 г. в записке «По поводу “Воззвания” Верховного главнокомандующего к польскому народу», подписанной такими видными националистами, как Ф. Самарин, В. Кожевников, Л. Тихомиров, Д. Хомяков, было сказано: «Никаким великодушием мы не можем привлечь к себе сердца народа, который не хочет от нас ни казни, ни милости, ни гнева, ни великодушия, а только независимости и свободы» [10].

В 60–70-х гг. XIX в. российские власти начинают активно разыгрывать подброшенную им поляками «карту» в виде белорусского национально-культурного возрождения. В рамках «теории западнорусизма» они пытаются доказать, что белорусы являются самобытным ответвлением русского этноса. Их этнографические отличия рассматриваются как результат польских влияний, подлежащий искоренению. В то же время начинается интенсивное изучение российскими учёными белорусской народной культуры. Власти разрешают печатать на белорусском языке «гражданкой» этнографические сборники. В правительственных статистиках и картах начинается использование терминов «Белоруссия» и «белорусы».

Однако, вопреки ожиданиям, многочисленные научные исследования, которые должны были послужить укреплению западнорусизма, посодействовали оформлению собственно белорусской культурной традиции. И уже первое её публичное проявление, как утверждает А. Смоленчук, стало одновременно попыткой прорыва на «политическую территорию». В конце 70-х – начале 80-х гг. XIX в. белорусские народники выступили с теоретическим обоснованием существования белорусов как «отдельной ветви славянского племени» [1, с. 120].

Таким образом, и поляки, и русские внесли лепту в белорусское национально-культурное возрождение. Но именно поляки, пробудив интерес к белорусской культуре, сообщили ему первоначальный импульс. Ведь, как пишет Ю.В. Чернявская, в первой половине XIX в. большинство исследователей, даже из тех, кто признавал самобытность белорусского этноса, считали, что эта культура безвозвратно погибла, а её проявления являлись своего рода атавизмом [11, с. 63–64]. Борясь с польской идеологической диверсией, русские смогли предотвратить те её последствия, которые были наиболее губительны для их политических интересов в Беларуси. Однако они не смогли помешать осознанию белорусским народом границ своей культурной автономии. Новорождённая белорусская интеллигенция начинает укреплять ставший уже шатким фундамент белорусского этноса, сознательно и намеренно конструировать белорусскую этничность, закладывать новый национально-культурный базис. Она не только открыто заявила о праве белорусского народа на свою собственную культуру, но и сделала многое для того, чтобы «тутэйшы» крестьянин, впаянный в ландшафт «роднага кута» и имеющий весьма слабое представление о мире, внешнем по отношению к

его малой родине [11, с. 60], превратился в «белоруса» – человека с развитым самосознанием, умевшего составлять своё представление о внешнем мире и о своеобразии собственной группы. Хотя Ф. Богушевич и Я. Купала начинали писать по-польски, а Я. Колас и М. Богданович – по-русски, все они сознательно, намеренно пришли к творчеству на белорусском языке и помогали вырастить в каждом «тутэйшем» крестьянине «белоруса».

Ход белорусского национально-культурного возрождения показал нежизнеспособность доктрин «литвинскости» и «краёвости». Эти оригинальные конструкции польской политической мысли оказались малопривлекательными для тех, на кого они были рассчитаны. Белорусы, не став под знамёна «краёвости», проявили неожиданное для поляков рвение на поприще национально-культурного возрождения, инициированном «филологическими подстрекателями» из числа кресовых поляков. Политика культурной русификации и политической деполонизации, которую проводили российские власти, равно как и провал акции заражения идеями «краёвости» местного, «тутэйшего» элемента, содействовали отходу «кресовяков» от сконструированной ими идеологии и укреплению в их сознании польского национального компонента. Как оказалось, только участие в польском национальном движении на практике могло позволить «кресовякам» сохранить общественно-политическое и экономическое доминирование на кресах. Нет оснований не согласиться с Р. Радзиком в том, что в начале XX в. завершилась эволюция сознания местной польской общественности. На смену типу gente Ruthenus, natione Polonus пришёл тип поляка-католика или поляка-националиста [2, s. 108]. Свойственная полякам мегаломания, составлявшая неотъемлемый элемент их национального менталитета, ущемлённый в эпоху чужеземного господства, активнейшим образом проявила себя после восстановления независимого польского государства в 1918 г. и в ходе разгоревшейся в 1919–1920 гг. польско-советской войны.

Включения в состав польского государства «кресов всходних» добивались все политические силы без исключения и объясняли его «историческим правом». Были напрочь забыты все разговоры о краёвости, об унии, которая бы объединила Польшу и «Литву», о трёхкантональной федерации, которая бы объединила Польшу, Литву и Беларусь (со столицей в Вильно), о проекте двухкантональной федерации, в которой рядом с единой и независимой Речью Посполитой существовало бы и другое польское государство – т. наз. «Малая Польша», иные промежуточные комбинации [12, с. 109–132]. Мнение белорусской общественности о переменах, произошедших в поведении поляков и ставших следствием очередных метаморфоз в их национально-политическом сознании, передаёт еженедельник «Беларускі звон»: «Для чего нужны были... неискренние разговоры о Литве, о кантонах, об автономии... Ныне вас, паночки, мы вынуждены аттестовать как политических хитрецов, с которыми искренне говорить не о чем» [13].

Ответом на многочисленные возмущения национальных меньшинств, в том числе и белорусского, стало следующее заявление Ст. Войцеховского, являвшегося в 1922–1926 гг. президентом Польши: «Чувствую необходимость... чтобы всегда помнили о том, что мы – поляки, а поляк – это не абы что... Польский хозяин никому обиды не чинит – но при том условии, что только он будет в Польше хозяйствовать, что только он будет править, что только он будет руководить» [14]. Эксперименты с национально-политическим сознанием закончились...

Литература

1. Смалянчук, А.Ф. Паміж краёвасцю і нацыянальнай ідэяй. Польскі рух на беларускіх і літоўскіх землях. 1864 – люты 1917 г. / А.Ф. Смалянчук. – СПб. : Неўскі прасцяг, 2004. – 406 с.

2. Radzik, R. Między zbiorowością etniczną a wspólnotą narodową. Białorusini na tle przemian narodowych w Europie Srodkowo-Wschodniej XIX stulecia / R. Radzik. – Lublin : Wydawnictwo Uniwersitetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2000. – 301 s.

3. Депорт, Ф. Прощание с Польшей / Ф. Депорт // Французская лирика XVII века (переводы разных авторов) [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://sftyurin.ru/207/rec.php. – Дата доступа : 25.02.2012.

4. Хорев, В.А. Польша и поляки глазами русских литераторов : имагологические очерки / В.А. Хорев. – М. : Индрик, 2005. – 232 с.

5. Antologia polskiej literatury kresowej XX wieku / Wybór tekstów, wstęp i objaśnienia Bolesława Hadaczeka. – Szczecin : Ottonianum, 1995. – 548 s.

6. Кралюк, П. История и «Я». Вячеслав Липинский: от «хлопомана» до «хлопофоба» / П. Кралюк // День [Электронный ресурс]. – 2003. – 24 янв. – Режим доступа : http://www.day.kiev.ua/290619?idsource=14656&mainlang= rus. – Дата доступа : 27.02.2011.

7. Липатов, А.В. Стереотипы национального восприятия: специфика национальной истории, особенности национальной культуры и адекватная оптика научного рассмотрения / А.В. Липатов // Studia polonica. К 70-летию Виктора Александровича Хорева. – М. : Индрик, 2002. – С. 361–371.

8. Горизонтов, Л.Е. Русско-польское противостояние XIX – начала XX века в геополитическом измерении / Л.Е. Горизонтов // Европейские сравнительно-исторические исследования / Ин-т всеобщ. истории РАН. – Вып. 2 (2006) : География и политика / отв. ред. А.А. Улунян. – М. : Наука, 2006. – С. 9–31.

9. Катков, М.Н. Польский вопрос / М.Н. Катков // Русский вестник [Электронный ресурс]. – 1863. – Т. 43. – № 1. – С. 471–482. – Режим доступа : http://dugward.ru/library/katkov/katkov_polskiy_vopros.html. – Дата доступа : 03.02.2012.

10. Сергеев, С. «Польский вопрос» в русской националистической мысли XIX – нач. XX в.: попытки «позитивного» решения / С. Сергеев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.apn.ru/publications/article 22377.htm. – Дата доступа : 03.02.2012.

11. Чернявская, Ю.В. Белорусы. От «тутэйшых» – к нации / Ю.В. Чернявская. – Минск : ФУАинформ, 2010. – 512 с.

12. Цвікевіч, А. Адраджэнне Беларусі і Польшча / А. Цвікевіч. – Мінск – Вільня – Берлін : Вызваленне, 1921. – 191 с.

13. Палітычныя хітруны // Беларускі звон. – 1921. – № 24. – С. 1.

14. Дабрадзействы «польскага гаспадара» // Савецкая Беларусь. – 1923. – 25 вер. – С. 3.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 947.6“1917-1918”:321.74

Паўночна-Заходняя абласная арганізацыя РСДРП(б) – партыя ўлады ў Беларусі (лістапад 1917 – люты 1918 г.)

Р.Р. Лазько

Зроблена спроба сацыя-псіхалагічнай характарыстыкі Паўночна-Заходняй абласной арганізацыі РСДРП(б), якая ад імя бальшавіцкай партыі ажыццяўляла ўладу ў Беларусі пасля Кастрычніцкага перавароту 1917 г. У гэтым кантэксце аналізуюцца вытокі яе нігілістычнага стаўлення да справы самавызначэння беларускага народа.
Ключавыя словы: РСДРП(б), Паўночна-Заходняя абласная арганізацыя, салдаты фронту, фарміраванне органаў улады, дэмабілізацыя, страта ўплываў, ідэя сусветнай рэвалюцыі, беларускі рух, антыбеларускі псіхалагічны комплекс, варожасць.

The author makes an attempt to characterize in social and psychological area the north-western regional organization RSDRP(b) which exercised its power on behalf of the Bolshevik party in Belarus after the October revolution of 1917. In this context the article analyzes the results of its nihilistic attitude towards the self-identification of Belarusian people.
Keywords: RSDRP(b), North-Western regional organization, front soldiers, authority formation, demobilization, loss of influence, idea of world revolution, Belarusian movement, anti-Belarusian psychological complex, hostility.

У апошнія гады беларуская гістарыяграфія ўзбагацілася цікавымі даследаваннямі сацыяльна-палітычнай сітуацыі ў Беларусі пасля прыходу бальшавікоў да ўлады [16], [24], [27 і інш.]. У іх аналізуюцца і адносіны паміж бальшавіцкімі ўладамі Заходняй вобласці і беларускімі нацыянальнымі арганізацыямі, а ў гэтай сувязі разглядаецца і пытанне аб роспуску Ўсебеларускага з’езда адпаведна з рашэннем Саўнаркама вобласці. Названы факт даследчыкі тлумачаць арыентацыяй бальшавіцкай арганізацыі не на дэмакратычныя пераўтварэнні, якія стаялі на парадку дня, а на сусветную рэвалюцыю. Адзначаецца таксама ўплыў ішоўшай таталітарнай эвалюцыі бальшавіцкай партыі на стаўленне яе абласной арганізацыі да беларускага руху. Згаджаючыся з гэтымі ацэнкамі, мы не можам прызнаць іх вычарпальнымі. Яны пакідаюць без адказу шэраг пытанняў, звязаных з фарміраваннем канфліктнай палітычнай сітуацыі ў Беларусі ў першыя месяцы савецкай улады, асобныя істотныя элементы якой прараслі новымі канфліктамі ў перыяд “другога прышэсця” бальшавікоў у Цэнтральную Беларусь пасля нямецкай акупацыі. Адно з такіх пытанняў выяўляецца пры супастаўленні палітыкі савецкай улады ў Беларусі і Украіне ў той самы час, дзе мясцовыя бальшавікі па загаду з цэнтра прыступілі да стварэння хай сабе і фармальнай, але асобнай Украінскай савецкай рэспублікі. Чаму гэта аказалася немагчымым у Беларусі? Дзеля пошуку адказаў на гэтае і іншыя пытанні, якія паглыбляюць разуменне адносін паміж савецкай уладай і беларускім нацыянальным рухам, неабходна больш пільна прыгледзецца да правадніка палітыкі расійскага савецкага цэнтра ў Беларусі, звярнуць увагу на некаторыя асаблівасці яго сацыяльнай базы і псіхалогіі.

Гэтым праваднікам нацыянальнай палітыкі савецкага ўрада на беларускай тэрыторыі з’яўлялася Паўночна-Заходняя абласная арганізацыя РСДРП(б), якая аформілася ў верасні 1917 г. [23, с. 278–284]. Тады яна налічвала звыш 7 тысяч членаў партыі і каля 2 тысяч спачуваючых. Яе кадравы склад і арганізацыйная структура выяўлялі пэўную спецыфіку, здольную ў адпаведны момант пераўтварыцца ў відавочную слабасць арганізацыі, пагражаючую ёй істотнымі і драматычнымі наступствамі. Такой спецыфікай з’яўлялася колькасная перавага ў шэрагах абласной арганізацыі салдат трох армій Заходняга фронту: у арганізацыі II арміі налічвалася 2388 членаў партыі, X арміі – 1156, III арміі – 632. У буйнейшай тэрытарыяльнай арганізацыі – мінскай – налічвалася каля 1200 бальшавікоў, у іншых значна меней [23, с. 278–284], прычым ёсць падставы сцвярджаць, што і ў гэтых арганізацыях пераважалі служачыя тылавых рэзервовых часцей, а таксама арганізацый, абслугоўваўшых фронт. Выступаю-

чы на VI з'ездзе РСДРП, адзін з лідэраў мінскіх бальшавікоў прапаршчык А. Мяснікоў (праз месяц абраны старшынёй абласнога камітэта) прызнаваў слабасць апоры партыі сярод мясцовага намесніцтва: "Моцных сувязей з рабочымі няма, – казаў ён. – З прычыны блізасці да фронту наша арганізацыя па сутнасці ваенная" [6, с. 68].

Некаторы час, аднак, – пакуль фронт заставаўся адносна стабільным – гэта кадравая слабасць абласной арганізацыі была хутчэй патэнцыяльнай, чым актуальнай. Больш таго, распрапагандаваныя бальшавікамі салдаты Заходняга фронту паслужылі ім інструментам у захопе ўлады на фронце і ў Заходняй вобласці. Гэта была тая кардынальная задача, якая яшчэ на працягу месяца пасля перавароту ў Петраградзе паглынала большую частку іх часу і сіл. Пры гэтым адзначым, што тут бальшавікам давялося весці барацьбу не толькі з органамі Часовага ўрада і Заходняга фронту, але і са сваімі сапернікамі ў саветах і выбарных армейскіх органах. Справа ў тым, што шэраг мясцовых саветаў не падтрымалі Кастрычніцкі пераварот, называлі бальшавікоў "захопнікамі ўлады" і заклікалі народ змагацца з імі [18, с. 329]. Створаны ў Мінску на наступны дзень пасля перавароту ў сталіцы Ваенна-рэвалюцыйны камітэт не меў ні дастатковай сілы, ні неабходнага аўтарытэту, каб прымусіць існаваўшыя дэмакратычныя органы прызнаць уладу ленінскага Саўнаркама і яго прыхільнікаў у Заходняй вобласці. Усведамляючы гэта, мінскія бальшавікі імкнуліся падпарадкаваць сабе губернскія, абласныя і франтавыя саветы шляхам правядзення новых з'ездаў саветаў – губернскага сялянскіх дэпутатаў, рабочых і салдацкіх дэпутатаў Заходняй вобласці і франтавога з'езда салдацкіх дэпутатаў. Хоць выбары на гэтыя з'езды праводзіліся імі ў абход існаваўшых выбарных органаў саветаў і з парушэннямі дэмакратычнай працэдуры (асабліва першыя два) [гл. 24, с. 148–149], [27, с. 13–16], бальшавікам не ўдалося дамагчыся пераканаўчай перамогі. Далікатнасць сітуацыі падкрэсліваў факт існавання ў Мінску пасля гэтых выбараў на працягу значнага часу двух выканкамаў губернскага савета сялянскіх дэпутатаў – бальшавізаванага і эсэраўскага, прычым апошні быў абноўлены пасля альтэрнатыўных бальшавіцкім новых выбараў, праведзеных першага снежня старым кіраўніцтвам савета [27, с. 15].

Узяўшы на ўзбраенне прынцып "пераможцаў не судзяць" і абапіраючыся на франтавыя арганізацыі, мінскія бальшавікі паспяшаліся сфарміраваць агульныя для ўсіх саветаў органы ўлады, якія былі названыя Абласным выканаўчым камітэтам Заходняй вобласці і фронту (Аблвыканкамзах) з заканадаўчымі функцыямі і Саветам Народных Камісараў (СНК) Заходняй вобласці і фронту. Прадстаўніцтва ўсіх трох саветаў у гэтых органах улады было непрапарцыянальным: ад з'езда дэпутатаў Заходняга фронту ў склад Аблвыканкамзаха былі ўведзены 100 чалавек, ад двух іншых з'ездаў – па 35, ад прафсаюзаў – 11 чалавек і па некалькі чалавек – ад саюзаў чыгуначнікаў і паштова-тэлеграфных служачых. Характэрна, што такое прадстаўніцтва было прынята адпаведна з пастановай франтавога з'езда дэпутатаў [4, с. 287]. У партыйных адносінах у новых органах улады пераважалі бальшавікі (звыш 70%) і левыя эсэры (каля 18%). Беларускія нацыянальныя арганізацыі засталіся па-за гэтымі органамі, з імі нават не вяліся сур'ёзныя перагаворы [16, с. 51].

Новыя органы ўлады пачалі функцыяніраваць 26 лістапада. Але і пасля іх стварэння паралельна працягвалі дзейнічаць органы гарадскіх і земскіх кіраванняў, якія даволі паспяхова займаліся надзённымі мясцовымі справамі. Як піша беларускі даследчык, "па сутнасці, да канца 1917 года паралельна існавалі дзве ўлады – абраных летам-восенню самакіраванняў і надзеленых уладнымі паўнамоцтвамі саветаў" [27, с. 27].

Улада створаных Паўночна-Заходняй абласной арганізацыяй бальшавікоў новых органаў была няпоўная і ў геаграфічных адносінах, бо ў іх не былі прадстаўлены саветы Віцебскай і Магілёўскай губерняў. Тут па розных прычынах новыя бальшавізаваныя савецкія органы ўлады былі створаны пазней і на Мінск не арыентаваліся: у Віцебску з-за існаваўшай арыентацыі мясцовых бальшавікоў на геаграфічна блізкі ім Петраград і саперніцтва двух бальшавіцкіх цэнтраў – Віцебскага і Мінскага [гл. 25, с. 39]; у Магілёве – з-за відавочнай перавагі ў губерні ўплываў партыі эсэраў.

Новыя выбары ў губернскія і абласныя саветы супалі з завяршаючым этапам іншай палітычнай кампаніі – выбараў ва Ўстаноўчы сход, якая да таго часу цягнулася ўжо некалькі месяцаў, паспеўшы набыць стратэгічнае значэнне ва ўспрыняцці галоўных палітычных сіл

краю, за выключэннем беларускіх арганізацый[1]. Такое ўспрыняцце гэтых выбараў было абумоўлена ацэнкай Устаноўчага сходу, што паспела замацавацца ў грамадскай свядомасці, як "гаспадара зямлі рускай", які замацуе праведзеныя пасля Лютаўскай рэвалюцыі пераўтварэнні і створыць законныя падставы для іх далейшага развіцця. У цэлым па вобласці бальшавікі на гэтых выбарах атрымалі пераканаўчую перамогу: 50,7% галасоў, у два разы болей, чым у цэлым па краіне. Іх галоўныя сапернікі эсэры атрымалі 32,2%. Найбольш значным поспех бальшавікоў быў у акрузе Заходняга фронту, дзе за іх спіс было пададзена 66,7% галасоў [28, с. 11–12], [25, с. 135]. У існуючай літаратуры мы не знаходзім дастаткова пераканаўчага тлумачэння гэтага несумненнага поспеху, асабліва відавочнага на фоне таго палітычнага трукацтва, да якога ў той самы час бальшавікі былі вымушаны звяртацца на выбарах у губернскія і абласныя саветы. На нашу думку, гэты іх поспех у цэлым па вобласці лягчэй зразумець у супастаўленні з не менш відавочнай няўдачай у Мінску, дзе яны прайгралі блоку Аб'яднанай яўрэйскай сацыялістычнай партыі і меншавікоў (23% супраць 50%) [17, с. 53], і ў Магілёўскай выбарчай акрузе, дзе атрымалі толькі 12,8% галасоў супраць 81% галасоў, пададзеных за эсэраў [26, с. 135]. Як бачым, бальшавікі прайгралі ў буйных адміністрацыйных і прамысловых цэнтрах, дзе іх палітычныя сапернікі мелі моцную апору ў выглядзе ўласных арганізацыйных структур, земскіх і тылавых органаў (Магілёўская губерня) і спрыянне з боку камандавання Заходняга фронту і Стаўкі. Тут прапагандысцкая дзейнасць бальшавікоў, якая, у асноўным, праводзілася праз салдат фронту, сустракала эфектыўнае супрацьдзеянне. Але ў той жа час, ва ўмовах дэзарганізацыі фронту, салдаты-агітатары паспяхова даходзілі да мас па-за гэтымі цэнтрамі, папулярна тлумачачы сялянам і насельніцтву перыферыйных гарадоў, навошта ім трэба галасаваць за бальшавіцкі спіс на выбарах ва Ўстаноўчы сход. Адзін з такіх агітатараў, якому давялося служыць у Бабруйску, успамінаў, што ўсе довады сваіх праціўнікаў у саветах і прафсаюзах бальшавікі "разбівалі, зводзячы да двух галоўных пытанняў: да пытання аб уладзе і цягнуўшайся імперыялістычнай вайны". А ў вёсцы, акрамя таго, акцэнтавалася патрабаванне спынення вайны і перадачы сялянам зямлі без выкупу [7, с. 180, 182–183] – найбольш балючыя пытанні сялянскага жыцця. Варта падкрэсліць, што, выносячы гэтыя пытанні ў цэнтр сваёй агітацыйнай перадвыбарчай кампаніі, бальшавікі Заходняй вобласці ставіліся да выбараў ва Ўстаноўчы сход цалкам сур'ёзна, прынцыпова. Так, напрыклад, 2-я абласная партыйная канферэнцыя, якая праходзіла ў Мінску 5–7 кастрычніка 1917 г., паслаўшы прывітанне Леніну і Зіноўеву, выказала надзею, што "на ганаровых месцах ва Ўстаноўчым сходзе мы ўбачым сваіх правадыроў Леніна, Зіноўева і іншых" [9, с. 354]. На гэтай пазіцыі бальшавіцкая арганізацыя вобласці заставалася і пазней, яшчэ праз месяц пасля кастрычніцкага перавароту [4, с. 258], [15, с. 165]. Такім чынам, бальшавікі вобласці атрымалі на выбарах падтрымку салдацкіх і сялянскіх мас як партыя, ішоўшая ва Ўстаноўчы сход з найбольш радыкальнай *дэмакратычнай* праграмай, як тая партыя, якая збіралася ўзаконіць, легалізаваць запатрабаваныя і ўжо пачатыя пераўтварэнні рашэннямі Ўстаноўчага сходу. Змена арыентацыі на Ўстаноўчы сход на супрацьлеглую была праведзена бальшавіцкай арганізацыяй Заходняй вобласці ў снежні адпаведна з дырэктывамі петраградскага цэнтра, якія грунтаваліся на ацэнцы вынікаў выбараў у агульнарасійскім маштабе. Яны, як вядома, закончыліся пройгрышам бальшавікоў (22,5% галасоў супраць 60,5% галасоў эсэраў і іншых сацыялістычных партый) і пагражалі ім адхіленнем ад улады дэмакратычным шляхам.

Змена курса заходнеабласной арганізацыі бальшавікоў у адносінах да Ўстаноўчага сходу спалучалася з іншымі фактарамі, якія ўздзейнічалі на розныя слаі насельніцтва і ўсе разам вялі да агульнага выніку – няўхільнага зніжэння даверу насельніцтва вобласці да бальшавіцкай партыі, звужэння яе сацыяльнай базы. Сярод гэтых фактараў неабходна назваць анархію ў вёсцы пры ажыццяўленні дэкрэта аб зямлі, няздольнасць уладаў справіцца з забеспячэннем гарадоў харчаваннем і палівам, рост злачыннасці [12, с. 269–271], [17, с. 53–54, 61]. У гэтай сітуацыі паміж новай уладай і шырокімі слаямі насельніцтва, асабліва гараджан, інтэлігенцыі, пачалі хутка складвацца адносіны адчужэння і ўзаемнай нецярпімасці.

[1] Беларускія нацыянальныя арганізацыі ўжо зарыентаваліся на скліканне Ўсебеларускага ўстаноўчага сходу, хоць з характэрнай для іх раз'яднанасцю ўдзельнічалі і ў выбарах расійскага Ўстаноўчага сходу [гл. 24, с. 164].

Тым часам разгарнулася стыхійная дэмабілізацыя Заходняга фронту, фактычны яго распад, падрыхтаваны папярэдняй працяглай палітыкай бальшавікоў, накіраванай на пераўтварэнне імперыялістычнай вайны ў грамадзянскую. Мяснікоў, адзін з мясцовых праваднікоў гэтай палітыкі, яшчэ ў канцы 1922 г. з поўным цынізмам расказваў аб дзейнасці яго мінскай арганізацыі летам 1917 г. з мэтай разлажэння войск фронту, якая абарочвалася вялізнымі стратамі сярод рускіх войск. На ўчастку, дзе вёў прапаганду супраць наступлення сам Мяснікоў, "паклалі цэлую дывізію, але з наступлення нічога не выйшла" [14, с. 136]. Дасягнулі, аднак, галоўнага – салдацкія масы пайшлі за бальшавікамі, праціўнікамі вайны. На працягу наступнай паловы года бяздзеянне войск, пагаршэнне іх забеспячэння і антываенная прапаганда бальшавікоў, якая пазбаўляла вайну ўсялякага сэнсу, на фоне агульнага пагаршэння сітуацыі ў краіне прывялі да поўнай дэзарганізацыі і дэмаралізацыі часцей фронту. Дайшло да таго, адзначае расійскі даследчык, што рускія салдаты "прадавалі немцам гаспадарчы інвентар, хлеб, жывёлу і коней. Пашыралася эпідэмія дзяльбы грашовых скрынак вайсковых часцей паміж салдатамі, якія звальняліся" [20, с. 23]. Выпадкі рабавання салдатамі цывільнага насельніцтва пераўтварыліся ў жахлівую паўсядзённасць. Масы дэмаралізаваных узброеных людзей пакідалі свае пазіцыі, гвалтам бралі цягнікі і адпраўляліся ў тыл. Гэта "войска" не толькі страціла баяздольнасць (што канстатавала і германскае камандаванне), але і стала небяспечным для цывільнага насельніцтва і нават для новай улады. Усведамляючы гэта, Аблвыканкамзах і камандаванне Заходняга фронту на чале з Мясніковым, маючы згоду галоўнакамандуючага Крыленкі, імкнуліся як найхутчэй пазбавіцца ад старой арміі: "Яна не прыдатная для нас… Тады давайце разложым яе, і чым хутчэй мы гэта зробім, тым лепш, хутчэй пазбавімся ад гэтай абузы", – так Мяснікоў тлумачыў логіку сваіх паводзін [14, с. 136]. Пры гэтым кіраўніцтва вобласці і фронту старалася пакінуць найбольш баяздольныя (і, натуральна, найбольш бальшавізаваныя часці), пераўтвараючы іх у апору новай улады. Але гэта была малая частка асабовага складу фронту[2]. Да таго ж лепшыя бальшавізаваныя часці давялося адправіць на поўдзень для барацьбы з Украінскай Цэнтральнай Радай.

У выніку бальшавіцкая партыя Беларусі апынулася заложніцай сваёй палітыкі абяззбройвання Расійскай дзяржавы ў інтарэсах рэвалюцыі, якую праводзіла на працягу вайны. Яна мусіла заплаціць за гэту палітыку стратай сваёй асноўнай апоры ў Беларусі – салдацкіх мас Заходняга фронту – і агаліць сярмяжскую грубую праўду аб немясцовым, небеларускім характары сваёй Паўночна-Заходняй абласной арганізацыі і ўстаноўленай ёю ўлады. 23 снежня 1917 г. у Мінску адбылася трэцяя надзвычайная абласная і франтавая канферэнцыя РСДРП(б). Яе дэлегаты прадстаўлялі каля 60 тысяч членаў партыі і спачуваючых [23, с. 311], [4, с. 958]. На першы погляд, канферэнцыя выявіла выдатны рост абласной партыйнай арганізацыі за некалькі месяцаў, прайшоўшых пасля першай, вераснёўскай канферэнцыі, якая зафіксавала 7 тысяч членаў партыі і 2 тысячы спачуваючых. Але калі параўнаць з 2-ой абласной партыйнай канферэнцыяй, якая адбылася 5–7 кастрычніка, то даводзіцца прызнаць, што пасля кастрычніцкага перавароту партыйная арганізацыя вобласці перажывала хутчэй застой (у асабова-колькасных адносінах), чым рост, бо на другой канферэнцыі былі прадстаўлены звыш 56 тысяч членаў партыі і спачуваючых [23, с. 285]. А ў пачатку 1918 г. наогул адбываўся спад шэрагаў абласной арганізацыі, які ў другой палове лютага, у момант аднаўлення вайны з Германіяй, прыняў катастрафічны характар. У выніку на акупіраванай тэрыторыі замест масавай партыйнай арганізацыі засталося толькі ядро "чалавек 25–30", якім кіраваў паспешліва створаны раённы камітэт [21, с. 86].

Такі пераважна вайсковы характар абласной бальшавіцкай арганізацыі накладваў на яе спецыфічны адбітак, які моцна адрозніваў яе ад партыйных арганізацый іншых нацыянальных раёнаў Расіі. Усе яны стаялі на дагматычна-інтэрнацыяналісцкіх пазіцыях, мяркуючы, што рэвалюцыя ў Расіі паслужыць штуршком да хуткай і непазбежнай пралетарскай рэвалюцыі ў іншых, больш развітых і таму лепш падрыхтаваных да яе краінах. Менавіта да гэтай, сусветнай рэвалюцыі, рыхтавалі яны рабочы клас сваіх рэгіёнаў, праводзячы прапаганду ў інтэрнацыяна-

[2] Нам невядомы агульны колькасны склад гэтых часцей. Аднак агульная колькасць баявога складу ўсяго фронту ў лютым 1918 г., перад наступленнем немцаў, у параўнанні з сакавіком 1917 г. скарацілася на 80–85% [20, с. 24].

льным духу, у духу салідарнасці з рэвалюцыйнымі сіламі Расіі і замежных краін. Такая ідэалагічная пазіцыя прымушала бальшавіцкія арганізацыі ў нацыянальных раёнах глядзець на рашэнне дэмакратычных задач, уключаючы і барацьбу супраць нацыянальнага ўціску, толькі як на сродак падрыхтоўкі мас гэтых рэгіёнаў да сапраўднай – сусветнай пралетарскай рэвалюцыі. Калі ж пасля прыходу бальшавікоў да ўлады, на фоне прыкмет крызісу ў іншых краінах, з'явіліся падставы меркаваць, што інтэрнацыянальная пралетарская рэвалюцыя ўжо пачынаецца, задачы барацьбы за нацыянальнае вызваленне наогул успрымаліся як прыкрая замінка на шляху барацьбы за сусветную рэвалюцыю. "Працоўнае сялянства, рабочыя і салдаты ўсіх народнасцей пойдуць поруч супраць агульнага ворага – буржуазіі, пад агульнымі сцягамі, з агульнымі лозунгамі" ў барацьбе за народаўладдзе і мір, – гаварылася ў закліку СНК Заходняй вобласці і фронту і ВРК фронту ад 5 снежня 1917 г. "І ўсе правы працоўных у галіне іх быту, мовы і г. д. будуць забяспечаны поўнасцю толькі шляхам гэтай барацьбы – міжнароднай, класавай, а не нацыянальнай" [4, с. 377]. Але падкрэслім, такой была агульная пазіцыя бальшавіцкіх арганізацый, працаваўшых у нацыянальных рэгіёнах. Яна прымушала Леніна нярэдка асабіста ўмешвацца ў іх паводзіны, цярпліва, хоць і не заўсёды паспяхова, папраўляць іх, каб не забягалі наперад і не шкодзілі актуальнай лініі партыі [гл. 22, с. 84–85].

Спецыфіка ўплыву догмы сусветнай рэвалюцыі на дзейнасць Паўночна-Заходняй абласной арганізацыі бальшавікоў выяўлялася ў яго спалучэнні з антыбеларускім псіхалагічным комплексам яе кіраўніцтва, што за даволі кароткі час сфарміравала яго востра агрэсіўную антыбеларускую палітычную пазіцыю. Добра ўсведамляючы характар сваёй арганізацыі як пераважна франтавой, салдацкай [11, с. 217] і тым самым не меўшай істотнай ідэалагічна абумоўленай апоры сярод карэннага насельніцтва, прызнаючы і сябе людзьмі выпадковымі ў Беларусі [10, с. 43, 107], кіраўнікі арганізацыі не настроены былі на тое, каб з дастатковай увагай падыйсці да праблемы самавызначэння беларускага народа, стаўшай актуальнай у 1917 г. Ставіўся пад сумненне нават факт яго існавання як асобнага этнасу. Прызнанне існавання беларускага народа са сваімі прыроджанымі правамі і інтарэсамі пры амаль поўнай адсутнасці прадстаўнікоў гэтага народа ў мясцовай бальшавіцкай арганізацыі лагічна вяло да высновы, што іншыя арганізацыі, а не бальшавікі, з'яўляюцца выразнікамі яго інтарэсаў. Яшчэ амаль праз год пасля прыходу бальшавікоў да ўлады В. Кнорын пісаў у бальшавіцкай "Звезде": "Да апошняга часу… мы лічылі, што беларусы не з'яўляюцца нацыяй. Тыя этнаграфічныя асаблівасці, якія аддзяляюць іх ад *астатніх рускіх (*падкр. мною. – *Р.Л.*) павінны быць зжытыя. Нашай задачай з'яўляецца не стварэнне новых нацый, а знішчэнне старых нацыянальных рагатак" [10, с. 33]. Ідэалагічны дагматызм і адчуванне сваёй чужароднасці ў краі, у які закінуў лёс, у сваім спалучэнні сфарміравалі не проста нігілістычнае, а варожае стаўленне лідэраў Паўночна-Заходняй арганізацыі РСДРП(б) – пазней РКП(б) – да нацыянальнага руху беларускага народа. Гэты рух аб'ектыўна перашкаджаў ім з поўным перакананнем і годнасцю выконваць сваю місію служэння сусветнай рэвалюцыі. Неабходнасць ліквідаваць гэтую перашкоду ў ажыццяўленні высокай місіі апраўдвала ўжыванне супраць яе самых жорсткіх сродкаў. Сярод іх адмаўленне існавання беларускай нацыі было кардынальным, але не самым вострым. З вясны 1917 г., калі бальшавікі ў Мінску ўпершыню сутыкнуліся з арганізаваным беларускім рухам, яны імкнуліся пераканаць сялян, сярод якіх шукалі апору, што гэты рух з'яўляецца справай мясцовых памешчыкаў і ставіць сваёй мэтай адарваць беларускіх рабочых і сялян ад працоўных мас усёй Расіі, каб падпарадкаваць тым жа памешчыкам [19, с. 132–133]. Аднак прапаганда ў гэтым духу пасля прыходу бальшавікоў да ўлады была, як мінімум, мала эфектыўнай, аб чым сведчыць факт іх уцёкаў з Мінска 18 лютага 1918 г. пры першым паведамленні аб наступленні немцаў. Яны адыходзілі пад варожыя выкрыкі мінчан і нават закідванне іх каменнем з тратуараў [3, л. 11], [1, л. 25]. Ведаючы аб варожым стаўленні да сябе з боку мясцовага насельніцтва, бальшавіцкія ўлады вобласці нават не спрабавалі арганізаваць супраціўленне немцам. Гэта сведчыць аб тым, што за два месяцы сваёй вострай барацьбы супраць беларускага нацыянальнага руху (пасля разгону з'езда яго прадстаўнікоў) бальшавікі Заходняй вобласці разыйшліся і з шырокімі масамі насельніцтва Беларусі. Беларускія рабочыя і сяляне не прынялі іх "высокую" місію служэння сусветнай рэвалюцыі.

Бясслаўнае заканчэнне першых 100 дзён бальшавіцкай улады ў Беларусі завяршыла фарміраванне ў іх менталітэце антыбеларускага комплексу, у аснове якога ляжала ідэалагіч-

нае непрыняцце беларускага нацыянальнага руху. Цяпер ідэалагічна абумоўленая палітычная варожасць да яго дапоўнілася звычайнай, рацыянальна не матываванай нянавісцю. Таму зусім не пустым гукам, не звычайным запалохваннем праціўніка былі заявы лідэраў абласной бальшавіцкай арганізацыі ў момант вяртання іх улады на Міншчыну ў канцы 1918 г. накшталт пагрозы Мяснікова павесіць на ліхтарах усю "беларуска-авантурніцкую шайку" [13, с. 184]. Гэта былі заявы аб намерах, якія неўзабаве ўвасобіліся ў інструкцыі створаных імі органаў улады праваднікам адпаведнай палітыкі на месцах: "Будзь бязлітасны да ворага свайго. За горла яго і калена на грудзі" – заклікаў адзін з першых загадаў Мінскага губрэўкама [5, с. 72].

Зразумела, сам стан беларускага нацыянальнага руху, які спазняўся ў сваім развіцці ў параўнанні з рухамі суседніх народаў, таксама ўплываў на фарміраванне адносін да яго з боку Паўночна-Заходняга абласнога камітэта РСДРП(б) – спачатку нігілістычных, а потым і адкрыта варожых. Аднак яго запозненасць менш уплывала на гэты працэс як у параўнанні з адзначанымі вышэй ідэалагічнымі і псіхалагічнымі фактарамі, так і да пэўнага часу ў параўнанні з іншымі нацыянальнымі рухамі ў Беларусі – украінскім у часцях Заходняга фронту і ў суседняй Украіне, мясцовым польскім рухам, знайшоўшым падтрымку з боку 1-га польскага корпуса былой расійскай арміі. Слабасць беларускага руху толькі стварала магчымасць да пэўнага часу недаацэньваць яго як палітычнага праціўніка, але не была прычынай, каб не бачыць яго як аб'ектыўную рэальнасць, народжаную ў рэчышчы гістарычнага развіцця беларускага народа. На працягу восені 1917 г., на вачах у бальшавікоў, беларускі рух хутка рос, набываў уплывы, што неўзабаве выявілася ў правядзенні масавага Усебеларускага з'езда. Сам Кнорын сведчыць, што мінскія бальшавікі яшчэ ўлетку 1917 г. разумелі, на якой мове неабходна было звяртацца да беларускіх сялян, калі спрабавалі распаўсюджваць сярод іх свае адозвы, – менавіта на беларускай. "Але нязначнае распаўсюджванне гэтых адозваў (сяляне не ўмелі чытаць нават на рускай мове. – *Р.Л.*), адсутнасць працаўнікоў, ведаючых беларускую мову ў партыі, зрабілі тое, што надалей гэта практыка была закінута… Дзякуючы гэтаму, на працягу году спецыфічная беларуская праца праходзіла па-за партыяй і зрабілася справай чужых для партыі элементаў" [11, с. 217]. Гэта праца, з пункту гледжання бальшавіцкіх лідэраў Заходняй вобласці, не вартая была часу і сіл менавіта таму, што матывы дзейнасці бальшавіцкай арганізацыі краю знаходзіліся па-за інтарэсамі беларускага народа.

Шмат вады сплыло, перш чым Кнорын з таварышамі набылі здольнасць з павагай, хоць і з ранейшай варожасцю, паставіцца да дзейнасці "чужых для партыі элементаў" і вынесці крытычныя высновы з уласнага вопыту. Першым вымушаным крокам у гэтым накірунку была вядомая рэакцыя на скліканне беларускімі арганізацыямі Ўсебеларускага з'езда, якая развівалася ад яго недаацэнкі як палітычнай з'явы да спробаў расколу і зрыву, а ўрэшце завяршылася яго гвалтоўным разгонам па загаду Саўнаркама вобласці. Паспяховая праца гэтага прадстаўнічага форума падштурхнула абласную бальшавіцкую арганізацыю да разгляду ўпершыню ў сваёй гісторыі нацыянальнага пытання. Яно было пастаўлена на парадак дня 3-й абласной партыйнай канферэнцыі, якая была прызначана 15 снежня і адбылася 23 снежня 1917 г. Даклад зрабіў К. Ландар. На жаль, ні пратакол яго абмеркавання, ні прынятая рэзалюцыя не захаваліся [1, л. 45, 54], [4, с. 529, 626–628] (магчыма, зусім не выпадкова). Аднак сэнс прынятага канферэнцыяй рашэння няцяжка зразумець, прасочваючы паводзіны бальшавіцкіх уладаў вобласці ў адносінах да беларускага руху ад гэтага часу і да іх зыходу ў лютым з Міншчыны на ўсход, бліжэй да сваёй прарадзімы. Рашэнне было відавочна канфрантацыйным.

Літаратура

1. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 35-п. – Воп. 1. – Спр. 71.
2. НАРБ. – Ф. 60 (цяпер 1440). – Воп. 3. – Спр. 211.
3. НАРБ. – Ф. 1440. – Воп 3. – Спр. 433.
4. Великая Октябрьская Социалистическая революция в Белоруссии. Документы и материалы. Т. 2 : Победа социалистической революции и упрочение советской власти в Белоруссии (октябрь 1917 – март 1918 г.). – Минск : Госиздат БССР, 1957.
5. Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 – июль 1920 г.) : сб. док. и материалов. – Минск, 1961.

6. Шестой съезд РСДРП (большевиков). Протоколы. – М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1958.

7. В борьбе за Октябрь в Белоруссии и на Западном фронте. Воспоминания активных участников Октябрьской Революции. – Минск : Гос. изд-во БССР, 1957.

8. Ігнатоўскі, У. Вялікі Кастрычнік на Беларусі (X 1917 – II/VII 1920) / У. Ігнатоўскі // Беларусь. Нарысы гісторыі, культуры і рэвалюцыйнага руху. – Мінск, 1924.

9. Кастрычнік на Беларусі : зб. артыкулаў і дакументаў. – Мінск, 1927.

10. Кнорин, В.Г. Избранные статьи и речи / В.Г. Кнорин. – Минск : Беларусь, 1990.

11. Кнорын, В. Камуністычная партыя на Беларусі / В. Кнорын // Беларусь. Нарысы гісторыі, культуры і рэвалюцыйнага руху. – Мінск, 1924.

12. Лёсік, Я. Мінск / Я. Лёсік // Творы. – Мінск : Маст. літаратура, 1994. (Аўтар перадае апакаліпсічнага маштабу карціны, якія назіралі мінчане штодня ў пачатку 1918 г. Гл. тут с. 269–271).

13. Мясников, А.Ф. Избранные произведения / А.Ф. Мясников. – Ереван : Изд-во Айастан, 1965.

14. Мясников, А.Ф. О работе партии на Западном фронте в 1917–1918 гг. / А.Ф. Мясников // Избранные произведения. – М. : Политиздат, 1985.

15. Солский, В. 1917 год в Западной области и на Западном фронте / В. Солский ; науч. ред. С.Н. Хомич. – Минск : Тесей, 2004.

16. Гігін, В.Ф. Шляхі фарміравання кааліцыі бальшавікоў з рэвалюцыйна-дэмакратычнымі партыямі ў перыяд усталявання савецкай улады / В.Ф. Гігін // Весці НАН Беларусі : серыя гуманітарных навук. – № 3. – Мінск, 2002.

17. Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.] ; рэдкал. М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2006. – 613 с.

18. Игнатенко, И.М. Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октябрьской революции в Белоруссии (1917–1918 гг) / И.М. Игнатенко. – Минск, 1962. – 498 с.

19. Казеко, И.И. М.В. Фрунзе. Революционная деятельность в Белоруссии / И.И. Казеко. – Минск : Беларусь, 1983.

20. Краснокутский, В.В. Демобилизация русской армии в 1917–1918 гг. (на примере Западного фронта : автореф. дис. … канд. ист. наук : 07.00.02 / В.В. Краснокутский. – М. : МГУ, 1997.

21. Майзель, Ю. Кароткі нарыс гісторыі КП(б)Б / Ю. Майзель, М. Шапавалаў. – Менск : Белдзяржвыдавецтва, 1929.

22. Макарова, Г.П. Осуществление ленинской национальной политики в первые годы советской власти. 1917–1920 гг. / Г.П. Макарова. – М. : Наука, 1969.

23. Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии. Ч. 2. – Минск, 1961. – 399 с.

24. Рудовіч, С. Час выбару: праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе / С. Рудовіч. – Мінск : Тэхналогія, 2001.

25. Серебрякова, З.Л. Областные объединения Советов России. Март 1917 – дек. 1918 / З.Л. Серебрякова. – М. : Изд-во «Наука», 1977.

26. Сташкевич, Н.С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925) / Н.С. Сташкевич. – Минск, 1985.

27. Сяменчык, М.Я. Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 – сакавік 1918 гг.) / М.Я. Сяменчык. – Ч. II : Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах складвання таталітарнага рэжыму. – Мінск : БДПУ імя М. Танка, 2011. – 159 с.

28. Урбановіч, А. Устаноўчы сход / А. Урбановіч // ЭнГіБел. – Т. 6, кн. 2 : Усвея – Яшын ; дадатак. – Мінск : Бел. энцыклапедыя, 2003.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 37.013:37.018.324(476)

Организация воспитательной и учебной работы в детских домах БССР (1954–1964 гг.)

Т.Г. Любавина

Статья посвящена проблеме организации воспитательной и учебной работы в детских домах БССР в период с 1954 по 1964 гг. Рассматриваются основные направления воспитания, формы их практической реализации. Анализируется успешность проводимой воспитательной работы для личностного развития детей и подготовки их к самостоятельной жизни. Освещаются вопросы обучения воспитанников детских домов, роли педагогических кадров в учебной и внеклассной работе.
Ключевые слова: детский дом, воспитание, обучение, воспитанники, педагогические кадры.

The article is devoted to the problem of organization of pedagogical and educational work in orphanages in BSSR during the period of 1954–1964. Basic directions of education, forms of their practical realization are examined in the article. The paper analyzes the success of the conducted educational work aimed at children's personality development and their preparation for their independent life. The issues of teaching the pupils of the orphanages, the roles of pedagogical staff in educational and extracurricular work are examined in the article.
Keywords: orphanage, education, teaching, pupils, pedagogical staff.

Актуальность темы исследования обусловлена ее социальной значимостью. Изучение практики воспитания детей-сирот в историческом прошлом способствует осмыслению накопленного опыта государственной и общественной работы в данном направлении и разработке новых концепций. На современном этапе подходы к усовершенствованию процесса воспитания и обучения детей, находящихся под опекой государства, продолжают активно разрабатываться.

Цель статьи: раскрыть направления и особенности воспитательной и учебной работы в детских домах БССР. Для достижения данной цели решались следующие задачи: рассмотреть основные направления и формы воспитательной работы в детских домах БССР, изучить процесс обучения воспитанников, определить уровень их успеваемости, проанализировать факторы, влиявшие на организацию воспитательной и учебной работы.

В процессе изучения детских домов БССР необходимо обозначить ключевую задачу их деятельности. Следует понимать, что детские дома, как в советское, так и в настоящее время, были созданы не только с целью материального обеспечения детей, оставшихся без попечительства родителей. В первую очередь – это воспитательные учреждения, работа которых направлена на развитие личности воспитанников, подготовку их к самостоятельной жизни в обществе. Воспитательная работа, по сути, являлась основополагающим направлением в работе детских домов. Она находила выражение во всех видах внеклассной деятельности детей.

Практическая деятельность педагогического коллектива детского дома заключалась в реализации традиционных направлений советского воспитания: гражданско-патриотического, идейно-политического, идейно-нравственного, эстетического, трудового и т. д.

Несомненный приоритет отдавался связи воспитанников с общественно политической жизнью республики, которая осуществлялась через детские коммунистические организации. Во всех детских домах республики действовали пионерские организации, куда входили воспитанники в возрасте от 9 до 14 лет. Дети младшего возраста (от 7 до 9 лет) зачислялись в октябрята. Пионерская работа в детских домах планировалась с учетом требований пионерских ступеней. Методы и формы работы с пионерами и октябрятами были довольно разнообразными: пионерские костры; беседы, проводимые воспитателями и шефами; встречи с передовиками производства, участниками гражданской и Великой Отечественной войны;

экскурсии и походы; игры, конкурсы, занятия в кружках. Среди бесед ведущее место занимали темы о жизни и деятельности В.И. Ленина, КПСС, комсомола, труде советского народа, героике Великой Отечественной войны. Вот некоторые из них: «Помни имена героев комсомольцев», «Образ В.И. Ленина в художественной литературе», «Русская живопись», «Как слушать и понимать музыку». Как отмечалось в одном из отчетов детских домов, главной задачей внешкольной работы было «раскрытие перед детьми величия … социалистической Родины, пробуждение в них чувства законной гордости ко всему прогрессивному в истории … Родины, на разъяснение миролюбивой политики … страны и её готовности жить в мире со всеми народами, на воспитание детей пламенными патриотами, безгранично преданными делу Коммунистической партии Советского Союза» [1, л. 11].

Помимо воспитания патриотических чувств, пионерские и комсомольские организации содействовали формированию у воспитанников сознательного отношения к учебе и дисциплине. Однако работа данных организаций не была совершенной и не была на одинаково высоком уровне во всех детских домах республики. В пионерских организациях часто менялись старшие пионервожатые. Как правило, райкомы комсомола направляли в детские дома неопытных работников из числа окончивших среднюю школу, не имеющих опыта работы с детьми, без организаторских способностей. В результате чего качество проводимой работы снижалось, мероприятия проводились нерегулярно и неинтересно [2, л. 65].

Пионерская работа значительно оживилась в детских домах в начале 1960-х гг. В первую очередь это было связано с празднованием 40-летнего юбилея БССР и Всесоюзной пионерской организации. В 1960 г. стартовала пионерская двухлетка, суть которой заключалась в участии пионеров в разнообразной общественно полезной и культурно-массовой работе (например, сбор металлолома и макулатуры, помощь на сельскохозяйственных работах в колхозах и совхозах и т. п.). Воспитанники детских домов республики приняли активное участие в ней. Результатом подготовки к юбилею стал сбор материалов и сведений о бывших воспитанниках-пионерах для написания истории пионерской организации своего детского дома, оформление досок почета лучших пионеров, оформление галереи репродукций картин В.И. Ленина, выставки альбомов книг В.И. Ленина и о В.И. Ленине и т. д. [1, л. 40]. Например, в ходе празднования юбилея в Витебской области для детей из детских домов был организован пятидневный поход по маршруту Оболь – Островно. Воспитанники во время этого похода узнали о детских и школьных годах Героя Советского Союза Л.Н. Доватора, встретились с его родственниками и друзьями детства. Также были проведены вечера сказок, аттракционов, конкурсы на лучшего шахматиста, соревнования по волейболу и футболу с пионерским лагерем «Пищевик» [3, л. 95–96].

Большое внимание уделялось и эстетическому направлению воспитательной работы. В детских домах республики было создано большое количество кружков самых разных направлений: музыкальные, хоровые, танцевальные, авиамодельные, фотокружки, «умелые руки». Некоторые воспитанники посещали музыкальные школы, а порой воспитатели сами обучали детей игре на духовых и струнных инструментах. Определенным недостатком в проведении такой работы было то, что в детских домах практически не было настоящих руководителей художественной самодеятельности, которые могли со знанием дела обучать музыке и вести кружки.

Несмотря на это, работа музыкальных, танцевальных и хоровых кружков приобрела массовый характер и вышла за рамки детского дома. Воспитанники, участники художественной самодеятельности выступали с концертами перед населением, колхозниками, шефами, на конференциях учителей, по радио, принимали самое активное участие в проведении всех политических кампаний. Коллективы художественной самодеятельности детских домов каждой области давали в среднем более 200 концертов за учебный год для населения. Большинство коллективов принимали активное участие в районных и областных смотрах [4, л. 37].

Областные отделы народного образования практиковали ежегодное проведение фестивалей воспитанников детских домов. В 1955 г. они были проведены в Молодечно, Гродно, Витебске, Гомеле. Особенно массовым был фестиваль в Брестской области, в программу ко-

торого входит смотр художественной самодеятельности, спортивные соревнования, выставки технического творчества и изобразительного искусства. В фестивале принимало участие более 1200 воспитанников, а по республике – свыше 4000 чел. Например, в Микашевичском детдоме проходил праздник, посвященный фестивалю, следующим образом. Здание детдома было красочно оформлено, территория детдома убрана. С утра все воспитанники оделись в праздничные костюмы, чувствовалось приподнятое у них настроение. К 12 часам начали приходить приглашенные гости. Ровно в 12 был дан горн для начала торжественной линейки, посвященной фестивалю. После официальной части директором детдома был зачитан приказ по детдому о вручении премий и объявлении благодарностей особо отличившимся воспитанникам в учебе, поведении, труде. Затем начались спортивные соревнования по легкой атлетике. После обеда были проведены аттракционы, игры. В 5 часов вечера в доме культуры состоялся концерт художественной самодеятельности, а затем танцы. С интересом воспитанники рассматривали выставку, а члены жюри строго отбирали экспонаты на областную выставку. Присутствие гостей, праздничная обстановка, хорошее питание, веселые игры и забавные аттракционы радовали детей, и они получили удовлетворение от проведенного праздника. Такие мероприятия были проведены почти в каждом детдоме области. На областных фестивалях воспитанники награждались ценными подарками, грамотами Областных отделов народного образования и Обкомов комсомола. Лучшие спортсмены премировались экскурсионными путевками [4, л. 34–36].

Трудовое воспитание в детских домах было направлено на привитие любви и уважения к физическому труду, на приобретение навыков общей культуры труда, на подготовку воспитанников к предстоящей самостоятельной жизни. Воспитанники детских домов активно вовлекались в общественно полезный труд. Дети оказывали помощь в работе на колхозных полях, животноводческих фермах, собирали металлолом, макулатуру и даже лекарственные травы. Для детей организовывались экскурсии в колхозы и совхозы, где они знакомились с севооборотами и правилами их применения, с обработкой почвы и уходом за сельскохозяйственными культурами. При каждом детском доме имелось подсобное хозяйство, где воспитанники активно занимались сельскохозяйственным трудом [3, л. 99].

При детских домах была организована работа столярных, швейных, металлообрабатывающих мастерских. В мастерских по обработке дерева мальчики обучались правилам по технике безопасности, знакомились с технологией обработки дерева, получали навыки обращения со станками и механическим приводом. Воспитанники старшего возраста самостоятельно изготавливали табуретки, детские стулья, тумбочки, столы и другие изделия [1, л. 13]. В швейных мастерских девочки сами шили верхнюю одежду, а также производили ее ремонт и всего нательного и постельного белья. Слабым местом в работе столярных мастерских было их снабжение строительными материалами. В большинстве своем в них использовались те материалы, которые имелись в детских домах. Основная их функция заключалась в ремонте жесткого инвентаря [1, л. 111]. В сельской местности из-за слабого напряжения электроэнергии станки не могли быть приведены в движение и все работы проводились вручную [5, л. 50]. Остро ощущалась нехватка опытных специалистов-инструкторов по труду.

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР о расширении самообслуживания в детских домах начиная с первого класса дети систематически приучались к посильному выполнению хозяйственно-бытовых работ: заправка постелей, уборка помещений и двора, дежурства по кухне и столовой, заготовка топлива, ремонт мягкого и жесткого инвентаря, работа на подсобном хозяйстве и т. п. Такая деятельность благотворно сказывалось на развитии детей. Отмечалось, что это способствовало повышению ответственности за учебу, воспитанники стали более бережно относиться к имуществу [1, л. 112].

Тем не менее, как показывают результаты проверок, не все детские дома республики успешно справлялись с решением этой задачи. Имели место случаи излишней опеки воспитанников со стороны воспитателей. Они не давали детям самостоятельных поручений, не повышали их ответственность за порученную им работу, не контролировали и не оценивали выполнение поручений, не воспитывали у них инициативы, не привлекали на помощь себе детские организации [4, л. 41].

В детских домах на высоком уровне находилось физическое воспитание. Ежегодно приобретался и обновлялся спортивный инвентарь. Практиковалась организация спортивных городков, где размещались площадки игровых видов спорта (футбольные, волейбольные). В большинстве детских домов спортзалов не было, поэтому дети занимались летом на спортивных площадках, а зимой – в клубах, коридорах, рабочих комнатах. Активно проводились спартакиады. Например, в Смолевичском детском доме № 1 в течение 1960–1961 учебного года было проведено 3 спартакиады: весенняя, летняя и зимняя. Был утвержден переходящий вымпел по группам за первенство в спорте, победители награждались грамотами и премиями. Воспитанники Червенского детского дома № 3 приняли участие в республиканских спартакиадах и завоевали золотые медали по баскетболу. В летний период между воспитанниками детских домов проводились спортивные товарищеские встречи по всем видам спорта [1, л. 16–17].

Воспитанники детских домов ежегодно в летнее время совершали экскурсии и походы в различные районы БССР, а также и за ее пределы в такие города, как Ленинград, Москва, Киев. С 1955 г. в БССР начала проводиться Республиканская звездная туристическая эстафета. В связи с этим в детских домах БССР значительно улучшилась экскурсионно-туристическая и краеведческая работа. В 1956 г. все детдома провели экскурсии и походы по изучению родного края. В походах приняли участие более 5 тыс. воспитанников, из них более 2 тыс. приняли участие в походах в связи с проведением звездной эстафеты [4, л. 37].

Во внешкольной работе отводилось место и такому немаловажному направлению воспитания в рамках советской идеологии, как атеистическому. Его реализация осуществлялась через беседы на такие темы, как «Религия – опиум для народа», «Коммунизм и религия несовместимы», а также через просмотр кинофильмов, в которых показывалось, как люди порывают с религией (к примеру, «Иванна», «Грешница») [2, л. 64].

Наряду с успехами имелись и некоторые отрицательные тенденции в организации воспитательного процесса. Многие директора и воспитатели детских домов увлекались показной стороной дела, не всегда учитывали возрастные способности, запросы, индивидуальные особенности и наклонности воспитанников при проведении воспитательной работы. Наблюдались факты перегрузки воспитанников общественной, не учебной работой. В организации внешкольной работы не был изжит формализм, беседы проводились без учета возрастных особенностей, строились в недоступной детскому восприятию форме, неинтересно, без привлечения художественной литературы, кино, наглядного материала и т. д. [4, л. 40].

Рассматривая учебную работу в детских домах, следует отметить, что для получения общего образования воспитанники обучались в ближайших школах. Даже при наличии большого числа воспитанников в детском доме школа при нём, обслуживающая только их, не организовывалась. Это делалось для того, чтобы не создавать замкнутости, изолированности воспитанников детского дома. Получение семилетнего образования являлось обязательным. По окончании семилетней общеобразовательной школы часть воспитанников переходила в профессиональные учебные заведения, другая же часть продолжала общее образование в 8–9 классах средней школы, оставаясь на содержании детского дома. Роль воспитателя детского дома в учебном процессе заключалась в методической организации выполнения домашних заданий, в практической помощи по их выполнению, в стимулировании интереса воспитанников к учебе [6].

Согласно статистическим данным общая успеваемость воспитанников детских домов в рассматриваемый период колебалась в пределах 96–98%. Однако это лишь говорит о сокращении числа неуспевающих воспитанников, т. е. оставляемых на второй год. В целом самой распространенной средней оценкой за год была «3», ее получали из года в год не менее 70% воспитанников. Процент учащихся на «4» и «5» колебался в среднем от 21% до 24%. Причинами низкой успеваемости были следующие факторы: неправильная организация выполнения домашних заданий; отсутствие систематической работы с воспитанниками по предупреждению их неуспеваемости со стороны педагогических коллективов школ; отсутствие делового контакта со школами; перегрузка учебными заданиями и внешкольными мероприятиями; зачастую и неправильная организация уроков в школе, так как отдельные учителя не

перестраивали методы преподавания, не добивались активности детей на уроке. Немаловажной причиной неуспеваемости являлась и текучесть воспитанников. Периодически поступали дети с так называемой педагогической запущенностью, значительно отстающие от своих сверстников по освоению учебных предметов [5, л. 30], [1, л. 86].

Успешность учебно-воспитательной работы зависела от уровня подготовки педагогических кадров. Следует отметить, что основная масса воспитателей, работающая в детских домах, имела среднее или высшее педагогическое образование. Незначительная часть незаконченное высшее или общее среднее. С целью повышения квалификации работников детских домов ежегодно проводились месячные курсы воспитателей при областных институтах усовершенствования учителей. В программе курсов, наряду с вопросами педагогики, методики организации учебно-воспитательной работы, большое место занимали и практические занятия по художественному чтению, разучиванию народных массовых танцев, физвоспитанию, домоводству и т. д.

Регулярно проводились семинары руководителей кружков художественной самодеятельности. Для проведения практических занятий привлекались лучшие преподаватели музыкально-педагогических училищ, театров, культпросвет училищ. Участники семинаров присутствовали на занятиях музыкальных и хоровых студий дворцов культуры, на заседаниях кружков художественной самодеятельности при домах пионеров и т. д.

Практиковалось проведение совещаний работников детских домов, на которых изучался опыт работы лучших детских домов, педагогических коллективов, воспитателей, изучался материал методических журналов и периодической печати. Все работники выписывали методическую литературу такую, как: журнал «Школа-интернат», «Семья и школа», газета «Настаўніцкая».

Для обмена опытом и повышения уровня учебно-воспитательной работы были созданы кустовые методические объединения, куда входили детские дома и школы-интернаты. Объединения проводили заседания один раз в учебную четверть, на которых обсуждались важнейшие вопросы воспитания и обучения воспитанников детских домов. Например, по следующим темам: «Организация труда воспитанников», «Политехническое обучение и трудовое воспитание учащихся», «Развитие детской самодеятельности», «Связь воспитанников с окружающей жизнью» [1, л. 23–24; 6–7].

Повышению успеваемости и правильному воспитанию содействовало тесное поддержание связи со школой, обеспечивающее единство требований в обучении и воспитании учащихся. Педагогические коллективы детских домов и школ проводили совместные педагогические советы, на которых обсуждались важные вопросы обучения и воспитания учащихся. В рамках данной работы воспитанники активно участвовали во всех проводимых в школе мероприятиях, а учащиеся школ часто посещали детские дома.

С начала 1960-х гг. изменился состав детей поступающих в детские дома, в основной массе они имели родителей. В связи с этим постоянно разрабатывались формы работы с родителями. В детских домах начали проводиться родительские собрания, но они не были частыми, 1–2 раза в год. Также была организована переписка воспитанников с родителями и другими родственниками. Практиковалось проведение собеседований родителей с завучем и директором [1, л. 23–24, 6–7].

Таким образом, организация воспитательной работы в детских домах БССР находилась на довольно высоком уровне. Воспитанники были вовлечены в разнообразные виды деятельности. Активно занимались общественно полезной работой, художественной самодеятельностью, принимали участие в спортивных состязаниях и туристических походах. Положительной стороной было то, что внешкольная и учебная работа проводилась не изолированно, в рамках одного детского дома, а с учетом того, чтобы воспитанники могли иметь широкий круг общения. Этому способствовало обучение в общеобразовательных школах, встречи с шефами, экскурсии на предприятия и в колхозы, походы, спортивные соревнования и т. п. Разнообразие мероприятий, проводимых на областном и республиканском уровне, свидетельствует о заинтересованности органов государственного управления в вопросе воспитания детей из детских домов. Воспитатели постоянно совершенствовали свое педагогиче-

ское мастерство на различных курсах, семинарах и советах с целью улучшения организации воспитательной работы и повышения успеваемости воспитанников. В целом в детских домах республики в этот период сложились благоприятные условия для подготовки детей к будущей самостоятельной жизни.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 42. – Оп. 5. – Д. 338.
2. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 5. – Д. 1072.
3. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 5. – Д. 445.
4. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 4. – Д. 594.
5. НАРБ. – Ф. 42. – Оп. 4. – Д. 995.
6. Педагогика / под ред. Ю.К. Кабанского [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.detskiysad.ru/ped/ped232.html. – Дата доступа : 20.02.2012.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 930(438)[36]”1919-1920”

Польская міжваенная гістарыяграфія аб усходняй палітыцы Польшчы ў час польска-савецкай вайны 1919–1920 гадоў

М.М. Мязга

У артыкуле выяўлены асноўныя напрамкі вывучэння ўсходняй палітыкі Польшчы ў перыяд польска-савецкай вайны 1919–1920 гадоў польскай гістарыяграфіяй міжваеннага перыяду. Устаноўлены тыя канцэпцыі і вывады, да якіх прыйшлі польскія даследчыкі па шэрагу пытанняў гісторыі польска-савецкай вайны і ўсходняй палітыкі Польшчы ў той перыяд. Паказана залежнасць развіцця гістарыяграфіі гісторыі польска-савецкай вайны ў міжваеннай Польшчы ад палітычнага фактара.
Ключавыя словы: Польшча, Савецкая Расія, польска-савецкая вайна, прычыны вайны, мірныя перамовы, інкарпарацыя, федэрацыя, тэрытарыяльнае пытанне, Рыжскі дагавор.

The article shows the main directions of study of the Eastern policy of Poland during the Polish-Soviet War of 1919–1920 by the Polish historiography of interwar period. Those conceptions and conclusions have been established that Polish research workers made due to the questions of the history of the Polish-Soviet war and the Eastern policy of Poland during that period. The dependence of historiography development of the Polish – Soviet war in interwar Poland on the political factor has been shown.
Keywords: Poland, Soviet Russia, Polish-Soviet War, causes of war, peace negotiations, incorporation, federation, territorial question, Riga agreement.

Польска-савецкая вайна 1919–1920 гадоў адыграла велізарную ролю ў фарміраванні межаў адрадзіўшайся Польшчы і наклала велізарны адбітак на яе міжнароднае становішча на працягу ўсяго міжваеннага перыяду. Таму цалкам лагічным з’яўляецца вялікая цікавасць польскай гістарыяграфіі да падзей гэтай вайны і тое, што яшчэ ў час вайны з’явіліся першыя работы польскіх аўтараў, прысвечаныя яе гісторыі. У дадзеным артыкуле мы ставім мэтай высветліць, якія важнейшыя канцэпцыі і падыходы былі распрацаваны польскімі гісторыкамі міжваеннага часу ў дачыненні да гісторыі ўсходняй палітыкі Польшчы ў час вайны 1919–1920 гадоў, якія пытанні ўказанай праблематыкі і ў якой ступені атрымалі асвятленне ў польскай міжваеннай гістарыяграфіі. Прадстаўляецца важным устанавіць, у якой ступені ідэйна-палітычны фактар паўплываў на фарміраванне ў міжваеннай Польшчы гістарыяграфіі польска-савецкай вайны.

Вельмі вострым і дыскусійным сярод даследчыкаў было пытанне аб прычынах узнікнення вайны. Польскія гісторыкі прызнавалі наяўнасць экспансіяністкіх планаў у Польшчы ва ўсходнім напрамку. Апраўдвалася гэта неабходнасцю стварэння “вялікай Польшчы”, якая змагла б выжыць у акружэнні Германіі і Расіі. В. Каліноўскі пісаў з гэтай нагоды яшчэ ў 1920 г., што палякі павінны “...стварыць уласную сілу, здольную адбіваць любыя напады з усходу і захаду” [1, s. 5]. Фактычна тую ж ідэю выказваў і С. Грабскі, які пісаў, што ў сілу свайго геаграфічнага становішча Польшча можа лічыцца незалежнай толькі тады, калі будзе сапраўды вялікай дзяржавай, гэта значыць сілай, з якой для кожнага суседа будзе карысна быць у добрых адносінах [2, s. 6]. Гэта азначала непазбежнае імкненне Польшчы выйсці за межы сваіх этнічных граніц.

Другі матыў экспансіі Польшчы на ўсход, які актыўна адстойвалі польскія даследчыкі, зводзіцца да выканання ёю ролі вызваліцеля зямель на ўсходзе ад бальшавізму. Л. Алендскі ў сваёй рабоце піша аб імкненні Польшчы прынесці на “ўсходнія крэсы” палітычныя і грамадзянскія свабоды, пазбавіць іх насельніцтва ад голаду [3, s. 13]. Думаецца, для польскіх правячых колаў галоўным матывам была не “вызваленчая місія” на беларускія і ўкраінскія землі, а імкненне адарваць іх ад Расіі і тым самым аслабіць яе, з чым пагаджаюцца і некаторыя сучасныя польскія гісторыкі [4, с. 28, 30]. Ніжэй мы ўбачым, што экспансіяністкія планы Польшчы як фактар узнікнення вайны прызнавала і частка гісторыкаў міжваеннай Польшчы.

У калектыўнай працы польскіх даследчыкаў “Уваскрашэнне Польскай дзяржавы” адзначаецца, што пагроза для Польшчы перш за ўсё заключалася ў прапагандзе анархічных ідэй, якія зыходзілі з Расіі. Польшча імкнулася ад гэтай пагрозы адгарадзіцца, што і выклікала ваенны канфлікт [5, s. 208]. Буйны польскі публіцыст С. Строньскі запісаў у сваім дзённіку 7 ліпеня 1920 г. адносна прычын вайны, што Ленін у пачатку 1919 г. разлічваў дайсці да Цэнтральнай Еўропы “праз пагадненне са спартакаўцамі і з другімі палітыкамі ў Германіі, і з Бела Кунам у Венгрыі”. Змагаючыся з бальшавікамі, Польшча абаранялася сама і абараняла Захад ад “варварства” [6, s. 106–107].

Аб неабходнасці супрацьстаяць расійскай экспансіі як фактары, які падштурхоўваў Польшчу да вайны, піша і С. Кутжеба. На яго думку, Польшча павінна была выступіць у абарону польскага насельніцтва на тэрыторыі Віленшчыны і Заходняй Беларусі ад наступаўшых бальшавікоў [7, s. 162]. У выданні “Юзэф Пілсудскі. Стваральнік незалежнай Польскай дзяржавы” адзначалася ўсё тое ж імкненне Савецкай Расіі да распальвання сусветнай рэвалюцыі на Захадзе, дарога куды ляжала праз Польшчу, як прычына польска-савецкай вайны [8, s. 292]. У сучаснай гістарыяграфіі можна лічыць даказаным тэзіс аб імкненні Савецкай Расіі пасля пачатку Лістападаўскай рэвалюцыі ў Германіі падштурхнуць сусветную рэвалюцыю прасоўваннем Чырвонай арміі на захад. Тут можна спаслацца на даследаванні аднаго з буйнейшых сучасных расійскіх спецыялістаў па гісторыі польска-савецкіх адносін М.І. Мельцюхова, які адзначаў, што савецкае кіраўніцтва распачало барацьбу за вяртанне Расіі ў клуб вялікіх дзяржаў і для дасягнення гэтай мэты ўзяло на ўзбраенне канцэпцыю сусветнай рэвалюцыі [9, с. 9].

На неабходнасць прадухіліць пагрозу “ўсеагульнай рэвалюцыі”, якую неслі рухаючыеся на захад савецкія войскі, як прычыну пачатку Польшчай ваенных дзеянняў указвае і В. Ліпіньскі. Ён жа гаворыць пра неабходнасць для палякаў даць адпор Чырвонай арміі, бо яны прывыклі лічыць, што з Расіі заўсёды ажыццяўляецца паход, каб прынесці Польшчы прыгнечанне [10, s. 136, 146]. Польская гістарыяграфія звязвае ў адно цэлае імкненне Савецкай Расіі ўтрымаць землі былой Расійскай імперыі з ажыццяўленнем сусветнай рэвалюцыі, прычым, перш чым развязаць яе ў Заходняй Еўропе, трэба было зрабіць рэвалюцыю ў Польшчы. Вынікам гэтых імкненняў “быў марш бальшавіцкіх войскаў на захад” [11, s. 45]. Такім чынам, у польскай гістарыяграфіі тэзіс аб неабходнасці супрацьстаяць пагрозе бальшавізму звязваецца ў адно цэлае з вынікаючай з гістарычнага вопыту неабходнасцю супрацьстаяць расійскай экспансіі незалежна ад грамадскага ладу Расіі.

У сярэдзіне 1930-х гадоў шырокае распаўсюджванне сярод польскіх гісторыкаў атрымала вылучэнне ў якасці прычыны ўзнікнення вайны з Савецкай Расіяй імкнення Польшчы адарваць ад Расіі заходнія землі, каб аслабіць яе. У выданні “Юзеф Пілсудскі. Стваральнік незалежнай Польскай дзяржавы” адзначаецца імкненне Пілсудскага адсунуць польскую граніцу як можна далей на ўсход [8, s. 292]. Ю. Лукасевіч адзначае, што польскі народ з моманту аднаўлення сваёй незалежнасці адразу пачаў барацьбу за вяртанне да граніц Рэчы Паспалітай. Ён указвае, што і мэтай паходу на Кіеў у 1920 г. было імкненне Пілсудскага атрымаць выгадныя для Польшчы граніцы і забяспечыць яе бяспеку праз стварэнне незалежнай Украінскай дзяржавы [12, s. 12, 17]. Даступныя нам дакументы, як напрыклад, нота Р. Дмоўскага старшыні камісіі па польскіх справах Ж. Камбону ад 25 лютага 1919 г., не пакідаюць сумнення ў тым, што кіруючыя колы адроджанай Польшчы ставілі сваёй мэтай далучэнне да яе большай часткі Беларусі [13, с. 228].

Польская гістарыяграфія таксама звяртаецца да даследавання спроб мірнага ўрэгулявання паміж Расіяй і Польшчай у 1919 – пачатку 1920 г. Г. Свобада адзначае імкненне Савецкай Расіі да перамоў ва ўказаны час [14, s. 67]. С. Кутжэба прызнае, што ініцыятыва мірных перамоў зыходзіла з савецкага боку. Ён указвае, што і большасць польскіх палітычных дзеячаў выступала ў той момант за заключэнне міру. Але Савецкая Расія, як лічыць С. Кутжэба, не імкнулася да дасягнення міру. Яна хацела задаволіць свае інтарэсы шляхам ваенных дзеянняў, аб чым сведчыць падрыхтоўка наступлення на Дзвіне. Наступленне Пілсудскага на Кіеў падаецца як польскі адказ на пагрозу савецкага наступлення [7, s. 171–172]. Польскімі даследчыкамі таксама адзначаецца, што ў мірных прапановах Савецкай Расіі Пілсудскі ўба-

чыў толькі спробу бальшавікоў выйграць час, каб лепш падрыхтавацца да працягу вайны [15, s. 148]. Той жа тэзіс гучыць і ў рабоце "Гісторыя Польшчы. Эпоха Маршала Пілсудскага", дзе сказана, што мірныя прапановы бальшавікоў у снежні 1919 г. былі ходам, накіраваным на тое, каб выйграць час і сканцэнтраваць як можна больш войскаў для наступлення на Польшчу [16, s. 47]. Нам прадстаўляецца, што ў пачатку 1920 г. Савецкая Расія сапраўды гатова была пайсці на заключэнне мірнага дагавора з Польшчай праз значныя тэрытарыяльныя саступкі. І гэта разглядалася бальшавікамі сапраўды як выйгрыш часу, толькі не ў плане бягучага моманту, звязнага з лепшай падрыхтоўкай да ваенных дзеянняў, а ў кантэксце дактрыны сусветнай рэвалюцыі. Тут можна спаслацца на ўспаміны Ю. Мархлеўскага, які пісаў, што пасля перамогі над Калчаком і Дзянікіным дадзеныя яму для перамоў з палякамі інструкцыі аб значных тэрытарыяльных саступках Польшчы не змяніліся [17, с. 15]. Пазіцыю савецкага кіраўніцтва па пытанню тэрытарыяльных саступак Польшчы даволі дакладна растлумачыў К. Радэк. Выступаючы 5 мая 1920 г. на сходзе агітатараў Маскоўскай арганізацыі РКП (б), ён заявіў: "Гэта мы рабілі таму, што ведалі, што ў Польшчы нарастае рэвалюцыя рабочых і што ў Польшчы, можа быць праз паўгода ці год, рабочыя возьмуць уладу і вызваляць сялян Літвы і Беларусі" [18, с. 14].

Частка польскіх даследчыкаў бачыла мэту бальшавікоў у тым, каб праз перамовы з Польшчай стварыць важны міжнародны прэцэдэнт для перамоў з іншымі дзяржавамі, што азначала б фактычнае прызнанне савецкага ўрада. Акрамя таго, бальшавікі, у выпадку адмовы Польшчы ад перамоў, маглі разгарнуць прапагандысцкую кампанію па выкрыццю яе імперыялістычнай палітыкі. Савецкія прапановы, адзначаюць польскія гісторыкі і публіцысты, былі непрымальныя для Польшчы і з ваеннага пункту гледжання, бо перамір'е па ўсім фронце, якога бальшавікі дабіваліся вясной 1920 г., магло быць выкарыстана для перагрупіроўкі савецкіх войскаў і падрыхтоўкі да ваенных дзеянняў [19, s. 95–96, 97]. Неабходна адзначыць, што ў польскай гістарыяграфіі прызнаецца гатоўнасць Савецкай Расіі ў канцы 1919 – пачатку 1920 г. весці перамовы на выгадных для Польшчы ўмовах. Я. Чэканоўскі адзначае гатоўнасць бальшавікоў правесці польска-савецкую граніцу па Бярэзіне [20, s. 65].

Частка польскіх даследчыкаў і публіцыстаў ставіць пад сумненне бальшавіцкую пагрозу для Польшчы ў пачатку 1920 г. На думку Р. Дмоўскага, тое, што бальшавікі летам 1920 г. апынуліся пад Варшавай, было вынікам паходу, які меў на мэце аддзяленне Украіны ад Расіі [21, s. 235]. В. Сікорскі таксама гаворыць пра адсутнасць расійскай пагрозы для Польшчы ў 1920 г. Ён звязвае гэта са слабасцю расійскай арміі, якая была слаба ўзброена навейшымі сродкамі вядзення вайны і мела "не самыя лепшыя ўнцерафіцэрскія кадры і не заўсёды падрыхтаваных да вядзення вайны вышэйшых камандзіраў" [22, s. 213–214].

Звяртаючыся да пытання аднаўлення ваенных дзеянняў вясной 1920 г., С. Кутжэба адзначае ў якасці прычыны няўдачы мірных перамоў імкненне Пілсудскага праз паход на Кіеў аддзяліць Украіну ад Расіі, дапамагчы Пятлюры стварыць незалежную Украінскую дзяржаву ў абмен на адмову Украіны ад прэтэнзій на Усходнюю Галіцыю і частку Валыні [23, s. 173]. Аўтары працы "Вызваленая Польшча" ўказваюць, што імкненне Пілсудскага да стварэння незалежнай Украінскай дзяржавы абумовіла польскае наступленне на Паўднёва-Усходнім фронце [19, s. 98]. Той жа тэзіс гучыць і ў рабоце Г. Свободы, які адзначае, што паход на Кіеў быў выкліканы імкненнем Пілсудскага рэалізаваць пэўную палітычную канцэпцыю [14, s. 69]. На думку А. Вернага, спробы мірнага ўрэгулявання закончыліся няўдачай, бо ў Польшчы ў той момант перамагла федэралісцкая канцэпцыя палітыкі ў дачыненні да Украіны і Беларусі. Галоўнай палітычнай мэтай Пілсудскага стала стварэнне незалежнай Украінскай дзяржавы, што прывяло да паходу на Кіеў [24, s. 111].

В. Лапіньскі лічыць, што зрыву спроб мірнага ўрэгулявання і аднаўленню вайны вясной 1920 г. садзейнічала палітыка абодвух бакоў. З аднаго боку, да гэтага прывяло імкненне Пілсудскага правесці наступленне, каб стварыць "незалежную Украіну", з другога – Савецкая Расія сама планавала наступленне супраць Польшчы, каб разбіць яе і "раздзьмуць пажар камуністычнай рэвалюцыі ва ўсёй Еўропе" [10, s. 156–157]. Сапраўды, сучасныя даследаванні паказваюць, што вясной 1920 г., як бальшавікі, так і Пілсудскі, не адвяргаючы адкрыта ідэю перамоў, вялі падрыхтоўку да наступальных дзеянняў на фронце. Савецкае камандаван-

не свой план наступлення супраць Польшчы пачало распрацоўваць са студзеня, а Пілсудскі яшчэ 26 лютага выдаў загад аб пачатку Мазырскай аперацыі польскай арміі [25, с. 358, 362].

Польскія даследчыкі ўказваюць, што імкненне падштурхнуць сусветную рэвалюцыю з дапамогай Чырвонай арміі стала важным фактарам савецкай палітыкі ў дачыненні да Польшчы ў 1920 г. В. Жымоўскі адзначаў, што бальшавікі ішлі на Варшаву, каб на "развалінах польскай дзяржавы ўтварыць агульную граніцу з Германіяй" [26, s. 36]. У рабоце "Юзэф Пілсудскі. Стваральнік незалежнай Польскай дзяржавы" гаворыцца, што бальшавікі неслі знішчэнне не толькі Польшчы, але і ўсёй Еўропе. Пілсудскі сваім паходам на Кіеў проста іх апярэдзіў [8, s. 297, 294]. Польшчу польскія гісторыкі прадстаўляюць як краіну, якая выратавала Еўропу ад бальшавіцкай рэвалюцыі. Ю. Лукасевіч пісаў у гэтай сувязі: "...паражэнне Польшчы пагражала бальшавіцкай рэвалюцыяй усёй Еўропе" [12, s. 19]. А. Верны таксама адзначае імкненне бальшавікоў з дапамогай Чырвонай арміі прынесці ў Польшчу сацыялістычную рэвалюцыю. Разам з бальшавіцкімі войскамі ўжо знаходзіўся "ўрад Польскай рэспублікі" [24, s. 115]. Сёння на аснове вядомых даследчыкам дакументаў мы адназначна можам зрабіць вывад аб імкненні савецкага кіраўніцтва летам 1920 г. з дапамогай Чырвонай арміі ажыццявіць экспарт рэвалюцыі, аб чым польская гістарыяграфія абгрунтавана заявіла яшчэ ў 1920-я – 1930-я гады. Для прыкладу спашлёмся толькі на прамову Леніна 6 лістапада 1920 г., у якой ён заявіў: "Наша стаўка была стаўкай на міжнародную рэвалюцыю..." [27, с. 2].

У міжваенны час у польскай гістарыяграфіі з'явілася серыя прац, прысвечаных ходу вайны 1919–1920 гадоў, многія з якіх былі напісаны непасрэднымі ўдзельнікамі падзей. В. Сікорскі ў сваіх даследаваннях адзначае, што заходні фронт у 1919 г. меў для бальшавікоў другараднае значэнне, пакуль яны змагаліся з Калчаком і Дзянікіным [22, s. 232]. А. Верны пісаў, што Расія доўгі час не надавала значэння польскай вайне за крэсы і саступала амаль без бою [24, s. 107]. Гэтым і тлумачацца поспехі польскай арміі ў 1919 г. Ход вайны ў 1920 г. у першы пасляваенны час найбольш поўнае асвятленне атрымаў у працах Ю. Пілсудскага. Ён адзначаў, што ў выніку перамогі ў бітве на Вісле "бальшавіцкая армія была поўнасцю разбіта, і польская армія мела магчымасць практычна бесперашкодна прасоўвацца далёка наперад. Але ў польскага грамадства для гэтага не хапіла маральных сіл" [28, s. 124]. Сярод польскіх даследчыкаў меў распаўсюджанне тэзіс аб памылковасці кіеўскага паходу польскіх войскаў вясной 1920 г. В. Сікорскі гэты паход характарызуе як стратэгічную памылку, бо ён не дазволіў разбіць галоўныя сілы Чырвонай арміі [22, s. 234]. А. Верны таксама лічыць паход Пілсудскага на Кіеў вясной 1920 г. палітычнай і ваеннай памылкай. Галоўныя сілы Чырвонай арміі былі сканцэнтраваны на Беларусі, а асноўныя намаганні польскай арміі былі сканцэнтраваны на Украіне. Але нават тут войскі Чырвонай арміі не былі разгромлены, "а змаглі беспакарана адступіць" [24, s. 112]. Сапраўды, як паказваюць сучасныя даследаванні, перамогу Пілсудскага на Украіне нельга назваць пераканаўчай, асноўныя сілы Чырвонай арміі пазбеглі разгрому [25, с. 380]. У 1930-я гады ў польскай гістарыяграфіі ўсё больш шырока ўкараняецца тэзіс, што перамогай на Вісле Польшча абавязана перш за ўсё Ю. Пілсудскаму [8, s. 301–302].

Дастаткова шмат увагі польскія даследчыкі звярнулі на характар адносін кіраўніцтва Польшчы да беларускага і ўкраінскага нацыянальных рухаў. Перш за ўсё яны імкнуліся даказаць, што палітыка Польшчы ў дачыненні да Беларусі і Украіны не была імперыялістычнай. Пры гэтым яны спасылаюцца на віленскую заяву Пілсудскага ад 22 красавіка 1919 г., сцвярджаючы, што ў ёй начальнік дзяржавы абвясціў права народаў ВКЛ самастойна вырашаць свой лёс і прадставіў ім для гэтага ўсе магчымасці [19, s. 84]. Польскія гісторыкі і публіцысты даказваюць, што ўрад Польшчы імкнуўся аказаць падтрымку беларускаму нацыянальнаму адраджэнню. У прыватнасці, у выданні "Вызваленая Польшча" сцвярджаецца, што вясной 1920 г. Польшча "вяла вайну не толькі за свае ўласныя інтарэсы, але і імкнулася дапамагчы беларускаму насельніцтву, якое стагнала пад крывавым ярмом бальшавіцкай няволі" [19, s. 98]. Наўрад ці гэты тэзіс польскіх даследчыкаў з'яўляецца дастаткова абгрунтаваным. У пачатку 1920 г. Ю. Пілсудскі заявіў Л. Васілеўскаму, што "Беларусь яшчэ зусім не гатова, і ў дадзены момант празмерна вострае выступленне з беларускім пытаннем было б кампраметацыяй іншых, больш сур'ёзных пытанняў" [29, с. 31].

Прычыну таго, што ідэя беларускай дзяржаўнасці не была рэалізавана, польскія даследчыкі бачаць перш за ўсё ў слабасці беларускага нацыянальнага руху. С. Кутжэба адзначае слабасць беларускага нацыянальнага руху і нацыянальнай свядомасці беларусаў, што не дазволіла стварыць неабходнае асяроддзе для рэалізацыі ідэі федэрацыі [22, s. 167]. Л. Васілеўскі адзначаў, што ў час польска-савецкай вайны беларусы не былі ў стане стварыць сілу, здольную рэалізаваць ідэю незалежнасці [30, s. 394]. У іншых сваіх працах Л. Васілеўскі развівае гэтую думку. Ён пісаў, што Ю. Пілсудскі ў сваёй беларускай палітыцы зыходзіў з таго, што беларускі нацыянальны рух вельмі слабы. Таму пакуль трэба было стварыць "беларускі П'емонт у Польшчы", які стаў бы цэнтрам росту беларускага нацыянальнага руху. У той жа час Пілсудскі лічыў магчымым дапамагчы Пятлюры, бо ўкраінскі нацыянальны рух, на яго думку, быў больш моцным. Пілсудскі, па словах Васілеўскага, гатовы быў прадставіць беларусам магчымасці для развіцця культуры, але быў катэгарычна супраць прызнання ўрада БНР [31, s. 216, 218]. Некаторымі міжваеннымі гісторыкамі прызнаецца, што і Польшча ў сваёй палітыцы далёка не заўсёды гатова была адстойваць інтарэсы беларусаў і ўкраінцаў у справе стварэння нацыянальнай дзяржавы. В. Каліноўскі ўказваў, што тагачасны польскі ўрад не прызнаваў работы беларусаў па стварэнню сваёй дзяржавы, і ў гэтым ён "зліваецца з вялікаросамі". На яго думку, польская палітыка на Беларусі вызначалася альтэрнатывай: Масква ці Польшча. Гэта была канцэпцыя Р. Дмоўскага, якая прадугледжвала падзел Беларусі на польскую і рускую. В. Каліноўскі лічыць, што Польшча павінна была падтрымаць рэалізацыю нацыянальных інтарэсаў беларусаў, але зрабіць гэта трэба не дзеля іх саміх, а для аслаблення Расіі. Ён пісаў, што "Расія без Балтыкі, без Беларусі, без Украіны не палохае нікога" [1, s. 11, 12, 14].

Важнае месца ў польскай гістарыяграфіі займала праблема падпісання Рыжскага дагавора. Польскія аўтары адзначалі, што ў пачатку мірных перамоў савецкі ўрад высунуў вельмі цяжкія для Польшчы ўмовы, такія, якія можна было б вылучыць у выпадку ўзяцця Варшавы. Далей у ходзе перамоў сітуацыя змянілася. Савецкі бок гатоў быў ісці на вялікія тэрытарыяльныя саступкі. Але польская дэлегацыя на перагаворах у Рызе прытрымлівалася таго пункту гледжання, што Польшча павінна далучыць толькі тыя землі, якія былі моцна паланізаваныя. У сувязі з гэтым палякі адмовіліся ад Мінска [15, s. 174, 178]. Увогуле, польскія даследчыкі вызначаюць у якасці галоўнага пытання на мірных перамовах менавіта тэрытарыяльнае пытанне. Яны адзначаюць наяўнасць у польскай дэлегацыі ў Рызе прыхільнікаў як канцэпцыі інкарпарацыі, так і канцэпцыі федэрацыі. Першая з іх, па словах Г. Свободы, "задавальнялася меншымі тэрыторыямі, але ўжо для самой Польшчы" [14, s. 81]. Звяртаючыя да гэтай праблемы, удзельнік рыжскіх перамоў С. Грабскі адзначаў, што ў іх час ён адстойваў пункт гледжання, згодна якому да Польшчы на ўсходзе трэба было далучыць такія тэрыторыі, на якіх за непрацяглы час магла ўтварыцца выразная польская большасць. Тлумачачы, чаму палякі адмовіліся ад Мінска, С. Грабскі пісаў, што калі б да Польшчы быў далучаны Мінск і граніца была б адсунута далей на ўсход, то ў Польшчы ўзнікла б беларускае пытанне, не менш небяспечнае, чым украінскае [32, s. 70, 72].

Па словах Грабскага, у польскай дэлегацыі не было ні аднаго чалавека, які думаў бы аб тым, каб граніца прайшла па Дняпру. Імкненне да лініі Дняпра азначала б працяг вайны, а за зіму бальшавікі маглі стварыць армію, значна пераўзыходзячую па колькасці польскую. С. Грабскі лічыў, што значна больш важна, чым дасягнуць лініі Дняпра, для Польшчы было дабіцца агульнай граніцы з Латвіяй, каб аддзяліць Расію ад Літвы. На думку С. Грабскага, польская дэлегацыя стаяла перад альтэрнатывай: Камянец, Праскураў і Мінск ці Дзясна і Вілейка. Выбар быў зроблены ў бок апошняга варыянта [2, s. 105]. У сваіх даследаваннях С. Кутжэба выказвае пункт гледжання, што на перамовах у Рызе стала відавочна, што граніца пройдзе непасрэдна з Расіяй і граніцу неабходна правесці так, "каб яна не была прадметам спрэчкі цяпер і ў будучым" [33, s. 51].

Згодна канцэпцыі польскіх даследчыкаў, польская дэлегацыя ў Рызе пры вызначэнні ўсходняй граніцы Польшчы кіравалася трыма аргументамі. Першы аргумент – ваенна-стратэгічны. Ён заключаўся ў імкненні максімальна адсунуць граніцу ад сталіцы і ўключыць у склад Польшчы чыгуначную лінію Сарны – Броды – Баранавічы – Маладзечна. Другі аргу-

мент, палітычны, патрабаваў максімальнага павелічэння тэрыторыі і насельніцтва Польшчы, каб тым самым дабіцца ператварэння Польшчы ў вялікую дзяржаву. Трэці аргумент – нацыянальны. Згодна яму, Польшча павінна была выратаваць польскую нацыянальную меншасць на тэрыторыі "ўсходніх крэсаў" [19, s. 113]. У выніку рэалізацыі гэтых планаў, як падкрэсліваў Я. Чаканоўскі, Польшча па Рыжскаму дагавору не дасягнула граніцы 1772 г., але значна выйшла за межы, дзе польскае насельніцтва складала большасць [20, s. 15–16].

Такім чынам, у якасці важнейшых праблем у гісторыі ўсходняй палітыкі Польшчы часоў польска-савецкай вайны 1919–1920 гадоў, вывучэнню якіх польская міжваенная гістарыяграфія надала найбольш увагі, можна вылучыць прычыны ўзнікнення вайны і яе аднаўлення ў 1920 г., яе ход, спробы мірнага ўрэгулявання ў канцы 1919 – вясной 1920 гадоў, ход мірных перамоў у Мінску і Рызе. Трэба сказаць, што на вывучэнне ўказаных праблем вялікі ўплыў аказваў ідэйна-палітычны фактар. Так, пры вызначэнні прычын узнікнення вайны польскія гісторыкі імкнуліся віну за гэта ўскласці на Савецкую Расію, якая, па іх меркаванню, ажыццяўляла імперыялістычную палітыку, выкарыстоўваючы для гэтага канцэпцыю сусветнай рэвалюцыі. Многія польскія гісторыкі і публіцысты прызнавалі наяўнасць экспансіяністкіх мэтаў і ў польскай усходняй палітыцы, але апраўдвалі іх неабходнасцю стварыць "вялікую Польшчу", якая толькі і можа выжыць у акружэнні Германіі і Расіі, а таксама "гістарычнымі правамі" Польшчы на "ўсходнія крэсы". Пры разглядзе пытання аб спробах мірнага ўрэгулявання ў канцы 1919 – пачатку 1920 г. польскія гісторыкі, некалькі спрошчана, трактуюць савецкую пазіцыю як спробу выйграць час. Пры гэтым прызнаецца, што зрыву перамоў садзейнічала і пазіцыя Пілсудскага, які планаваў паход на Кіеў, адзначаецца, што Савецкая Расія прапаноўвала Польшчы вельмі выгадныя ўмовы. Польскія гісторыкі і публіцысты нізка ацанілі магчымасці беларускага нацыянальнага руху ў справе стварэння Беларускай дзяржавы і як саюзніка Польшчы ў барацьбе супраць Расіі. Пры разглядзе савецка-польскіх мірных перамоў у Рызе польскія даследчыкі справядліва ўказалі, што галоўным на іх было тэрытарыяльнае пытанне, і паказалі гатоўнасць Савецкай Расіі ісці па гэтым пытанні на вялікія саступкі. У польскай дэлегацыі галоўную ролю пры вызначэнні граніцы адыграла пазіцыя С. Грабскага.

Літаратура

1. Kalinowski, W. Kwestja wschodnia a Białorus / W. Kalinowski. – Warszawa, 1920. – 18 s.
2. Grabski, S. Z zagadnień polityki narodowo-państwowej / S. Grabski. – Warszawa : Perzynski, Niklewicz i s-ka, 1925. – 134 s.
3. Olęndzki, K. Kresy wshodnie a Polska / K. Olęndzki. – Warszawa, 1919. – 16 s.
4. Гомулка, К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фармаванняў (1918–1922) / К. Гомулка. – Вільня, 2008. – 256 с.
5. Wskzreczenie Państwa Polskiego. Szkic historyczny : w 2 t. T. 1. – Krakow, 1920. – 240 s.
6. Stroński, S. Pierwsze lat dziesięć (1918–1928) / S. Stroński. – Lwow – Warszawa : Gabrynowicz i syn, 1928. – 628 s.
7. Kutrzeba, S. Polska Odrodzona 1914–1921 / S. Kutrzeba. – Krakow : Gebethner i Wolff, 1921. – 230 s.
8. Jòzef Pilsudski. Tworca nipodległego państwa Polskiego. Zarys życia dzialalności. Opracowal Henryk Cepnik. – Warszawa : Instytut propagandy panstwowo-tworczej, 1934. – 327 s.
9. Мельтюхов, М.И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939 / М.И. Мельтюхов. – М. : «Вече», 2009. – 624 с.
10. Lipiński, W. Wielki Marszałek (1867–1835) / W. Lipiński – Warszawa : Naklad Gebethnera i Wolffa, 1936. – 226 s.
11. Historia Polski. Epoka Marchałka Piłsudskiego. – Grudziądz : Druk. Remeslniczej, 1935. – 60 s.
12. Łukasiewicz, J. Polska jest mocarstwem / J. Łukasiewicz. – Warszawa : Nakład Gebethnera i Wolffa, 1939. – 64 s.

13. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1918–1920 гг.) : зб. дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. Т. 1. Ч. 1. – Мінск : «Юніпак», 2008. – 540 с.

14. Swoboda, H. Pierwsze piętnastolecie Polski niepodleglej (1918–1933) / H. Swoboda. – Warszawa : Wyd. «Rabotnik», 1933. – 436 s.

15. Wskreszenie Panstwa Polskiego. Szkic historyczny : w 2 t. T. 2. 1918–1923. – Krakow : Krakowska Supolka Wydawnicza, 1925. – 300 s.

16. Historia Polski. Epoka Marchałka Piłsudskiego. – Grudziądz : Druk. Remeslniczej, 1935. – 60 s.

17. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. – М. : Гос. издат., 1921. – 44 с.

18. Радек, К. Война польских белогвардейцев против Советской России (Доклад на собрании агитаторов Московской организации РКП(б) 8 мая 1920 г.) / К. Радек. – М. : Гос. издат., 1920. – 24 с.

19. Polska wyzwołona. 1918–1933. – Warszawa, 1933. – 245 s.

20. Czekanowski, J. Wschodni zagadnienia graniczne Polski i stosunki etniczno-społeczne / J. Czekanowski. – Lwow, 1921. – 144 s.

21. Dmowski, R. Swiat powojenny i Polska / R. Dmowski. – Warszawa : Druk. F. Wyszyński i s-ka, 1931. – 384 s.

22. Sikorski, W. Nad Wisła i Wkra / W. Sikorski. – Lwow – Warszawa – Krakow : Wyd. Zakladu narodowego im Ossolińskich, 1928. – 276 s.

23. Kutrzeba, S. Polska Odrodzona 1914–1922 / S. Kutrzeba. – Krakow : Gebethner i Wolff, 1922. – 264 s.

24. Werny, A. Na szlahach dziejowych Romana Dmowskiego / A. Werny. – Warszawa, 1939. – 136 s.

25. Грицкевич, А.П. Борьба за Украину / А.П. Грицкевич. – Минск : Современная школа, 2011. – 528 с.

26. Rzymowski, W. Roman Dmowski czciciel djabła / W. Rzymowski. – Warszawa : Gebethner i Wolff, 1932. – 58 s.

27. Ленин, В.И. Речь на торжественном заседании Пленума Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП (б), МГСПС, посвященном 3-ей годовщине октябрьской революции 6 ноября 1920 г. // Полное собрание сочинений. – Т. 42. – С. 1–6.

28. Piłsudski, J. Problema Wilenska / J. Piłsudski // Pisma zbiorowe / J. Piłsudski : w 8 t. T. 6. – Warszawa : Instytut J. Pilsudskiego, 1937. – S. 120–124.

29. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) : зб. дакументаў і матэрыялаў : у 4 т. Т. 1. Ч. 2. – Мінск : «Юніпак», 2008. – 394 с.

30. Wasilewski, L. Białoruś i ruch białoruski / L. Wasilewski // Przegląd Wspòlczesny. – 1920. – № 9.

31. Wasilewski, L. Jòzef Pilsudski: Jakim Go znałem / L. Wasilewski. – Warszawa : Wyd. “Roj”, 1935. – 236 s.

32. Grabski, S. Uwagi o bieżocej historycznej chwili Poski / S. Grabski. – Warszawa : Wyd. Perzynski, Niklewicz и s-ka, 1922. – 160 s.

33. Kutrzeba, S. Nasza polityka zagraniczna / S. Kutrzeba. – Krakow : Druk. “Głos Narodu”, 1923. – 122 s.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 94:323.11(=112.2)(476)“192/193”

Немецкий аспект национальной политики в БССР (20–30-е гг. XX в.)

В.П. Пичуков

Освещается содержание государственной политики в отношении немецкого населения БССР в 20–30-е годы XX в. Отмечаются основные факторы формирования немецкого аспекта советской национальной политики.
Ключевые слова: БССР, немецкое население, национальная политика, коллективизация сельского хозяйства, политические репрессии.

The article describes the state policy towards German population of BSSR in the 1920s–1930s. It marks the main factors of formation of German aspect of the soviet national policy.
Keywords: BSSR, German population, national policy, collectivization of agriculture, political repression.

Социокультурные и политические процессы, проходившие в БССР в межвоенный период, во многом осуществлялись с учетом полиэтничного характера региона. Есть все основания говорить о своеобразии так называемого «немецкого аспекта» в общем русле государственной политики в условиях трансформации советской политической системы и эволюции ее национальной политики.

Переселившись из украинской Волыни до Первой мировой войны, немцы-крестьяне БССР в основном проживали в Восточном Полесье (Мозырщина). По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в общем количестве населения БССР – 4982623 чел. – немцев было 7075 чел., или 0,14% (2318 чел. – в городских поселениях, 4757 чел. – в сельских). В Мозырском округе проживало 3356 немцев (62 городских и 3294 сельских) [1, с. 8–9, 11–12, 220–221].

Начав проводить крупномасштабную национальную политику, советская власть в начале 20-х гг. столкнулась с рядом проблем. Так, анализируя состояние партийно-советской работы в местной многонациональной среде, Гомельский губком ВКП(б) в 1923 г. отмечал, что изучается еврейское население, есть трудности с установлением социодемографической ситуации местных белорусов и поляков. Подчеркивалось, что «нет вовсе картины состава населения других национальностей губернии, которые, безусловно, имеются и о которых узнаем случайно (в Речицком уезде немецкие колонисты)» [2, Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 1229. – Л. 63].

В 20-е гг. особой политики в отношении немецкого населения БССР власть не проводила. Так, в 1930 г. Национальная Комиссия ЦИК БССР отмечала: «В отношении сельского населения нацменьшинств (поляков, латышей, литовцев, немцев) специальной хозяйственной политики не ведется» [3, Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 189].

В период НЭПа сельские немцы устойчиво занимали свою социальную нишу. Адекватная оценка высокого уровня хозяйствования местных немцев в 20-е гг. была дана республиканской газетой «Звезда»: «В хозяйственном отношении немцы стоят выше окружающего населения» [4]. Рыночная направленность немецких хозяйств проявлялась в использовании породистого молочного скота. Коровы в немецких колониях давали до 18 литров молока (по данным на 1930 г.) [5, с. 524].

Основой экономической стабильности немцев были молочные кооперативные общества, охватившие практически все немецкие хозяйства. Данная сфера производственной деятельности немецкого населения была уникальна. В 1929/30 г. молочная кооперация Анзельмовского сельсовета выработала 88,7% всего масла, произведенного в Ельском районе [3, Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 109. – Л. 12 об.]. Всего в районе было 14 сельсоветов.

Немецкие хозяйства являлись примером для окружающего населения, желанным стандартом. В конце 1929 г., с началом сплошной коллективизации, власть попыталась ис-

пользовать опыт ведения молочного хозяйства местными немецкими крестьянами, их высокорентабельную систему кооперации для колхозного строительства.

В 1930 г. ЦК КП(б)Б озадачил Мозырский окружком партии подготовить «соображения о целесообразности организации молочно-скотоводческого коллектива из немецких колонистов» [2, Ф. 69. – Оп. 2. – Д. 586. – Л. 158]. Как казалось властям, была найдена отправная точка для создания колхозов в среде немецких крестьян-колонистов.

В 20-е гг. в местах компактного проживания населения одной национальности создавались национально-культурные автономии. Так, в 1930 г. в СССР было 11 немецких национальных районов и более 550 немецких сельсоветов [6, с. 44]. В БССР имелось 2 немецких национальных сельсовета: Березовский в Наровлянском районе и Анзельмовский (Роза-Люксембургский) в Ельском районе.

Из 17 национальных немецких школ БССР в 1933/34 уч. г. большинство находилось на Мозырщине [7, с. 127].

Начало насильственной и сплошной коллективизации кардинально изменило политику в отношении немцев. ЦИК БССР в постановлении от 5 декабря 1930 г. обращал «особенное внимание на коллективизацию в немецких поселениях» [8].

Сельские немцы БССР стойко не желали коллективизировать свои хозяйства. «Приверженность к индивидуально-собственническому хозяйству у немцев значительно сильнее, чем у прочего населения» – официальная информация на начало 1930 г. К весне 1930 г. в Березовском и Роза-Люксембургском сельсоветах прошло до 20 собраний по вопросу коллективизации с участием районных и приезжавших из Минска советско-партийных работников. «Однако голосование за организацию сельхозартелей всегда давало одни и те же результаты: почти единогласное голосование против», – отмечает официальный источник [9, с. 75].

Колхоз был неприемлем для немецких крестьян в силу ряда причин. Немцы, имевшие в основной своей массе устойчивые, рентабельные хозяйства, не хотели терять своей относительной, но всё же экономической самостоятельности. Колхозное устройство было несовместимо и с глубокой религиозностью немцев.

С удовлетворением отмечаемый властями «надлежащий сдвиг – перелом по коллективизации немецкого крестьянства» в 1934 г. был вызван голодом 1933–1934 гг. и массовыми репрессиями немецкого населения с 1934 г. [9, с. 78].

В 1936 г. в Мозырском округе было 8 немецких национальных колхозов, в 1937 г. – 7 [10, с. 69].

С конца 20-х гг. формируется «немецкий аспект» государственной политики. Первоначально это было связано с массовым желанием немцев-крестьян СССР эмигрировать. Это дискредитировало самую сущность «социалистического переустройства» аграрного сектора. 16 октября 1929 г. секретариат ЦК ВКП(б) принимает постановление «Об эмиграционном движении среди немецких крестьян из СССР», ориентирующее органы партийно-советского руководства на его пресечение [11, с. 627].

24 января 1930 г. полномочное представительство ОГПУ БССР по Белорусскому военному округу циркулярно предписало начальникам окружных отделов ГПУ Беларуси и погранотрядов «решительно пресечь эмиграционное движение» «как особую форму антисоветского движения». Особое внимание при этом обращалось на немецких крестьян [12, с. 94].

Эмиграционное движение было реакцией на брутальную коллективизацию. Немецкое население все больше отстраняется от власти.

С 1930 г. 2 немецких сельсовета на Мозырщине становятся объектами повышенного внимания властей всех уровней. В этом году они были обследованы инструктором ЦИК БССР. По материалам обследования вопрос «О работе среди трудящихся немцев на Мозырщине» рассматривался на президиуме ЦИК БССР.

Основная фабула отчетов инструктора Нацкомиссии ЦИК БССР, обследовавшего регион в 1931 г., заключалась в том, что «немцы не поняли политики партии и советской власти и не впряглись в общее строительство социализма». По результатам обследования Нацкомиссия ЦИК БССР 8 марта 1931 г. приняла специальную резолюцию «По хозяйственному и культурному обслуживанию национальных меньшинств Наровлянского района и сельсове-

та им. Розы Люксембург Каролинского района». Основной акцент в ней делался на комплекс мероприятий по вовлечению немцев в советское строительство, «втягивание основной массы немецкого бедняцко-середняцкого крестьянства в колхозы».

Внимание власти к немецкому населению становится традиционным. В мае 1931 г. ЦК КП(б)Б издает постановление «Об усилении работы по хозяйственно-культурному строительству в немецком сельсовете “Розы Люксембург”». Специальная партийно-советская комиссия, обследовавшая Ельский район с 9 по 24 октября 1931 г., в качестве особого пункта программы изучала «Обслуживание немецкого населения». С этого же времени на президиуме ЦИК БССР в общем русле обсуждения политики, проводимой среди населения нацменьшинств, по своей важности особо выделяется немецкий аспект. 17 ноября 1933 г. ЦК КП(б)Б принял специальное постановление «О работе в национальных немецких сельсоветах Наровлянского и Ельского районов» [10, с. 64–65], [3, Ф. 701. – Оп. 1. – Д. 102. – Л. 20], [2, Ф. 3465. – Оп. 2а. – Д. 304. – Л. 62–64].

В связи с голодом 1933–1934 гг. активизировалась помощь немцам, проживавшим в СССР, в том числе и на Мозырщине, со стороны зарубежных, в первую очередь, германских организаций – «Братья в нужде», «Общество по оказанию помощи братьям в России» и др. Кампания гуманитарной помощи была квалифицирована советской властью и органами ОГПУ как «антисоветская», как «метод обработки немецкого населения на сторону Германии», активисты обращения за помощью в германское посольство в Москве и консульство в Киеве арестовывались. Однако 1934 г. ознаменовался ростом движения за получение помощи [13, с. 103–105], [14, с. 79–84].

К 1934 г. острота «немецкого вопроса» для властей достигает своего пика. Руководство БССР предпринимает комплекс мер, чтобы «повернуть» немецкое население «лицом» к советской власти, превратить его из объекта «социалистических преобразований» в активного субъекта. В данном случае основополагающим документом было постановление ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 1 апреля 1934 г. «О мероприятиях по улучшению материального и культурного положения немцев-колхозников и трудящихся единоличников Наровлянского и Ельского районов». Однако превращение немцев этнических в немцев «советских» проходило с трудом. Постановление ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 2 августа 1934 г. констатировало «совершенно неудовлетворительный ход выполнения директив» по работе в немецких сельсоветах.

В течение 1934 г. ЦК КП(б)Б неоднократно информировался о ситуации в немецких сельсоветах руководством НКВД БССР. Соответствующие материалы рассматривались на заседаниях бюро ЦК. Решением «немецкой проблемы» сообразно своему профилю в это же время занимались практически все высшие руководящие органы БССР: НКЮстиции, Прокуратура, Белкоопсоюз, НКПросвещения и др. [12, с. 95–96].

5 ноября 1934 г. ЦК ВКП(б) разослал шифрованную телеграмму в партийные органы СССР до обкомов включительно, в которой требовалось добиться полного прекращения связи немецкого населения с заграничными «буржуазно-фашистскими» организациями. Было предложено усилить репрессивные меры – вплоть до расстрела [15, с. 102–103]. Отметим, что на Мозырщине немецкое население и до этого регулярно подвергалось арестам. На этот раз руководство БССР отреагировало так же адекватно. 6 ноября состоялось заседание бюро ЦК КП(б)Б, постановившее принять «дополнительные меры репрессивного характера по линии НКВД и Наркомюста в отношении контрреволюционных элементов, действующих в немецких нацсоветах» [3, Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 7191. – Л. 26]. 24 ноября 1934 г. ЦК КП(б)Б сообщал в ЦК ВКП(б) и лично Сталину, что в течение 1934 г. несколько раз «специально обсуждалось положение в немецких национальных сельсоветах». «За этот год органами бывшего ОГПУ арестовано 80 человек из активных антисоветских элементов, действующих в качестве агентов немецких консульств в Москве и Киеве» [3, Ф. 4п. – Оп. 1. – Д. 7597. – Л. 85–88].

Власть использовала различные возможности советизации немецкого населения. Некоторое время выпускались «немецкие страницы» в Ельской и Наровлянской районных газетах. Предпринимались экскурсии «трудящихся немцев» в Республику немцев Поволжья для изучения «опыта в развертывании коллективизации». В 1931 г. обсуждался вопрос о создании «немецкой камеры народного суда» (национального суда. – *В.П.*) [12, с. 96].

В январе 1932 г. был проведен Всебелорусский съезд трудящихся немцев. Выступая на съезде, председатель ЦИК БССР А. Червяков отметил: «Хозяйственно-культурное строительство в районах, где живут трудящиеся немцы БССР, еще отстает от общих темпов социалистического строительства по всему СССР и другим республикам. Так, коллективизация немецких хозяйств БССР отстает от темпов коллективизации в Республике немцев Поволжья» [16].

Власть была вынуждена идти на некоторые уступки немецкому населению.

В 1933 г. Наровлянский РК КП(б)Б просил ЦК КП(б)Б разрешения послать на Всебелорусский слет передовых Советов сверх разнарядки председателя Березовского сельсовета, «несмотря на то, что этот сельсовет по показателям не подходит, но учитывая, что этот сельсовет является национальным немецким и в связи с проводимой антисоветской кампанией Германскими фашистами, посылка этого сельсовета вызывается политической необходимостью» [2, Ф. 4286. – Оп. 1а. – Д. 171. – Л. 303].

В период голода 1933–1934 гг. проводилась практика списания долгов немецкого населения по государственным ссудам.

1930-е гг. были временем нараставших политических репрессий в СССР в отношении немецкого населения. Они проводились в связи с коллективизацией, попыткой эмигрировать, усилением гонений на религию и церковь, преследованием активистов кампании обращения за гуманитарной помощью к Германии и т. д. [17, с. 186–206].

В 1937 г. во время Большого Террора в числе других «национальных операций» НКВД выделяется «немецкая». Вершиной «терминологического творчества» органов НКВД можно считать «немецко-фашистско-шпионско-вредительско-диверсионно-повстанческую организацию», «раскрытую» в 1937 г. в Ельском районе [12, с. 97].

Смена государственной политики в национальной сфере, развернувшаяся кампания борьбы с «вредителями и шпионами» привели к ликвидации национальных советов и национальных школ. Так, Березовский немецкий национальный сельсовет был ликвидирован в августе 1937 г. А 1 декабря 1937 г. были приняты постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О ликвидации национальных районов и сельских Советов» и «О национальных школах». Отмечалось, что многие из национальных автономий «были созданы врагами народа с вредительскими целями». Народным комиссариатам образования союзных республик поручалось реорганизовать национальные школы в русскоязычные. 3 июля 1938 г. ЦК КП(б)Б принял решение о реорганизации всех национальных школ БССР в русские и белорусские. Построенное в Березовке здание немецкой средней школы, предназначавшееся для 900 учеников-немцев со всей БССР, с 30-ю классными комнатами, с общежитием для детей, так и осталось не востребованным по целевому назначению [10, с. 61, 73–74], [7, с. 135].

В это же время исчезает само понятие «национальные колхозы».

Как немецкое население все более становилось для власти «неудобным, проблемным этносом», так и власть для немцев все более олицетворялась с насилием, очередной раз реализованным в депортации немецкого населения БССР в связи с началом Великой Отечественной войны [18, с. 203–204].

В целом эволюцию государственной политики в отношении немецкого населения БССР предопределили силовое, в конечном счете, решение национального вопроса и фактор значительного «десоветизирующего» воздействия немцев на окружающее население.

Литература

1. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. X. БССР. Отдел 1. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М. : ЦСУ Союза ССР, 1928. – 289 с.

2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области.

3. Национальный архив Республики Беларусь.

4. Немецкая колония (Каралинская вол., Мозырск. у.) // Звезда. – 1923. – 26 июля.

5. Пичуков, В.П. Немецкая женщина-крестьянка белорусского Восточного Полесья в условиях трансформации советского политического режима / В.П. Пичуков // Ключевые проблемы истории российских немцев : материалы X междунар. конференции Междуна-

родной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – М., 2004. – С. 522–543.

6. Гебгарт, И. Перестроить работу советов в немецких районах / И. Гебгарт // Революция и национальности. – 1930. – № 1. – С. 44–47.

7. Пичуков, В. Немецкая национальная школа в БССР в 1920–1930-е гг. (по материалам Белорусского Восточного Полесья) / В. Пичуков // Беларусь у гістарычнай рэтраспектыве XIX–XX стагоддзяў: этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : зборнік навук. артыкулаў : у 2 ч. Ч. 1. – Гомель, 2009. – С. 125–138.

8. Збор законаў БССР. – № 38. – 15 снежня 1930 г. Аддз. II. – № 307.

9. Пичуков, В.П. Немецкое население БССР и коллективизация сельского хозяйства / В.П. Пичуков // Актуальные проблемы германской истории, политики, экономики, культуры : материалы III междунар. науч. конф. – Брест, 2007. – С. 75–80.

10. Малые диаспоры Гомельщины в 20–30-е годы XX века : аналитические материалы и документы Государственного архива Гомельской области / сост. : В.П. Пичуков, М.А. Алейникова, З.А. Александрович. – Гомель, 2008. – 250 с.

11. ЦК РКП(б)-ВКП(б) и национальный вопрос. Книга 1. 1918–1933 гг. – М. : РОССПЭН, 2005. – 784 с.

12. Пичуков, В. Большая история малой диаспоры: немецкое население Мозырского Полесья в 20–30-е годы XX века / В. Пичуков // Гістарычнаму факультэту – 20 гадоў : зборнік навуковых прац гістарычнага факультэта ГДУ імя Францыска Скарыны. – Гомель, 2009. – С. 90–99.

13. Пичуков, В.П. К вопросу о политических репрессиях в БССР в 1930-е гг. в связи с немецкой благотворительной помощью / В.П. Пичуков // Германский и славянский миры: взаимовлияние, конфликты, диалог культур : материалы междунар. науч.-теор. конф. – Витебск, 2001. – С. 103–105.

14. Пичуков, В.П. Немецкое население Мозырского Полесья в условиях голода 1932–34 гг.: экологический и социальный аспекты / В.П. Пичуков // Гомельщина: экологические проблемы региона и пути их решения : материалы Гомельской обл. науч.-практ. конф. – Гомель, 2004. – С. 79–84.

15. Возвращение памяти. Историко-публицистический альманах. – Новосибирск, 1994.

16. На Ўсебеларускім зьезьдзе працоўных немцаў // Савецкая Беларусь. – 1932. – 12 студз.

17. Пичуков, В. Политические репрессии и насильственная депортация в отношении этнических немцев белорусского Восточного Полесья в 30–40-е гг. XX в. / В. Пичуков // Репрессивная политика советской власти в Беларуси : сб. науч. работ. Вып. 3. – Минск, 2007. – С. 186–206.

18. Пичуков, В.П. Аресты и депортации немецкого населения Гомельщины советской властью в 40-е годы XX в. / В.П. Пичуков // Гомельшчына ў Вялікай Айчыннай вайне. Да 60-годдзя Вялікай Перамогі : матэрыялы навук.-практ. канф. – Гомель, 2005. – С. 199–211.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 339.924(476+470+477):339.923

Особенности экономической интеграции Беларуси, России и Украины в рамках СНГ

А.А. Рубан

В статье проанализированы современные взгляды специалистов на причины распада СССР, а также особенности регионального и межрегионального сотрудничества Беларуси, России и Украины в рамках СНГ.
Ключевые слова: СССР, СНГ, экономика, регион, Беларусь, Россия, Украина.

The article presents the contemporary thoughts of scientists that give reasons for the USSR disintegration as well as peculiarities of regional cooperation between Belarus, Russia and Ukraine within the CIS.
Keywords: USSR, CIS, economics, region, Belarus, Russia, Ukraine.

В декабре 2011 г. на постсоветском пространстве отмечался 20-летний юбилей Содружества Независимых Государств. 28 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще руководители Российской Федерации, Украины и Беларуси, трех из четырех республик – создателей Советского Союза, подписали соглашение об образовании СНГ. Отношение к этой дате в государствах-участниках СНГ не однозначное – прежде всего в силу различия в оценках истекшего двадцатилетнего периода, которые не были одинаковыми для стран Содружества [1, с. 5].

Распад Советского Союза в начале 1990-х и образование на его пространстве ряда суверенных, независимых государств был обусловлен, прежде всего, внутренними обстоятельствами. Советский Союз по форме государственного устройства был федерацией, но по сути это было унитарное государство. «На протяжении 70 лет, – отмечет известный российский историк В.И. Дашичев, – все попытки реформ в Советском Союзе либо душились в зародыше, либо по прошествии некоторого времени прерывались, либо направлялись в ложное русло». Так, созданная после 1917 г. социально-экономическая система оставалась застывшей и косной, не гибкой в экономическом отношении, малоэффективной и очень уязвимой с точки зрения стабильности и надежности власти [2, с. 47].

Неспособность системы к самосовершенствованию негативно отразилась на национальном вопросе, на отношениях между Центром и элитами национальных республик. Постоянное стремление центральных партийных и советских органов к единению разных частей страны, настоятельная пропаганда интернационализма, интеграционных процессов определенное время давали результат, особенно в первые десятилетия существования нового государства, в годы Великой Отечественной войны, но на последующих этапах в отношениях между Центром и элитами национальных республик усиливаются противоречия, так как те требовали для себя больше свободы действий и представительства в центральных органах власти, усиления роли национальной идентичности. Однако сверхвысокая централизация управления, монопольное правление КПСС, подавление свободомыслия постоянно вызывали в обществе протестные настроения. Несмотря на определенное развитие национальных культур, преобладали тенденции к их единству. Это приводило к формированию у части людей явного и подспудного стремления к сопротивлению. Оно стало особенно нарастать к середине 1980-х годов, когда руководство КПСС и СССР вынуждено было объявить о проведении политики перестройки [3, с. 7].

Гибельной для страны оказалась ложная в своей основе и совершенно ненужная мессианская глобальная экспансия советского руководства. Стремление силой навязать другим странам и народам свои ценности и свою систему правления поглощало львиную долю материальных и духовных ресурсов страны. Из всех советских регионов приоритет в преобразованиях имели прибалтийские республики. Они наиболее активно стремились к национальному самоопределению и обновлению своей независимости [4, с. 36].

Значительная роль в этом процессе принадлежала РСФСР как самой крупной советской республике. Вопрос о российском суверенитете стал главным на первом съезде народных депутатов республики. 12 июня 1990 г., выражая волю своих избирателей, делегаты съезда большинством голосов приняли Декларацию о государственном суверенитет Российской Федерации.

Ее принятие стало рубежом как в развитии Российской Федерации, так и всего Советского Союза, который мог существовать только до тех пор, пока Россия являлась объединяющим началом. Он стал тем документов, после которого стремление к суверенитету стало нарастать в других союзных республиках [5, с. 862].

К моменту обретения независимости Украина была практически неизвестна миру, хотя Украинская ССР имело свое Министерство иностранных дел и даже представительство в ООН как самостоятельное государство. Перестроечные процессы в этой стране шли особенно активно. 8–10 сентября 1989 г. в Киеве состоялся учредительный съезд общественно-политического объединения «Народный рух Украины», которое в то время уже насчитывало 280 тыс. участников. В принятой программе отмечалось, что объединение поддерживает «принципы радикального обновления общества». Этапную роль в радикализации ситуации сыграли выборы в марте 1990 г. Верховной Рады Украинской ССР. Представители демократического блока, основной частью которого являлся «Рух», получили четверть от всех депутатских мандатов. Это позволило создать парламентскую оппозицию – Народную Раду. 16 июля 1990 г. Верховной Радой была принята Декларация о государственном суверенитете Украины. Важнейшим фактором общественно-политических процессов в Украине выступали историческая память и национальное самосознание, которые украинскому народу удалось сохранить в довольно высокой степени [6, с. 902].

События в прибалтийских республиках, России и Украине нашли отклик в Беларуси, где демократические силы также тяготели к объединению. Здесь нарастало стремление к образованию демократического движения в поддержку перестройки с последующим обновлением государственности белорусского народа. 24–25 июня 1989 г. в Вильнюсе состоялся учредительный съезд Белорусского Народного фронта, что явилось важным этапом на пути объединения демократических сил республики. То, что съезд прошел за пределами БССР, свидетельствовало о сложности обстановки и о сопротивлении партийно-государственного руководства БССР новым тенденциям. Однако под влиянием общественно-политических процессов в других союзных республиках, прежде всего, в России и Украине, а также в связи с ростом государственнообразующих настроений у белорусских граждан 27 июля 1990 г. Верховный Совет БССР XII созыва, который в своем большинстве состоял из членов Коммунистической партии, принял Декларацию о государственном суверенитете Белорусской ССР. В документе торжественно объявлялся полный государственный суверенитет Белорусской ССР, верховенство на территории республики Конституции БССР и ее законов [7, с. 477]. 25 августа 1991 г. Верховный Совет БССР принял закон «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Белорусской Советской Социалистической Республики и о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики», который закрепил процесс установления белорусской государственности в условиях геополитических процессов конца 1980-х – начала 1990-х гг. Период приобретения Республикой Беларусь государственной независимости начался с принятия в июне 1990 г. Декларации «О государственном суверенитете БССР» и завершился в декабре 1991 г., когда был принят ряд актов, которые юридически оформили выход республики из состава СССР. Заключительным актом юридического укрепления государственной независимости белорусского народа стало принятием в марте 1994 г. Конституции Республики Беларуси [8, с. 15]. Таким образом, принятыми актами были закреплены результаты геополитических процессов конца 1980-х – начала 1990-х гг., которые происходили в Центральной и Восточной Европе и привели к суверенитету многих народов.

«Советский Союз, возникший на руинах Российской империи, в отличие от нее умер естественной и тихой смертью», – считает главный редактор журнала «Российская история» профессор А.Н. Медушевский. Чудом является не распад СССР, а столь длительное его со-

хранение, противоречащее не только законам экономики, но природе человеческого разума (основная причина долголетия – в сдерживающем факторе ядерного оружия). Он не был развален злонамеренными людьми, но распался в результате осознания противоестественности и неэффективности тех когнитивно-конструктивных моделей, которые изначально были положены в его основу. Они не выдержали испытания временем [9, с. 26].

За 20 лет, прошедших со времени распада Советского Союза, новый патриотизм и связанная с ним пропаганда сделали дело по перековке регионального сознания в полноценную национальную идентичность. На постсоветском пространстве выросло целое поколение людей, не живущих в единой стране и мыслящих категориями новых независимых государств. Вместе с тем, единое пространство и унаследованная от прошлого общая система коммуникаций все еще достаточно прочно держат государства СНГ, Содружество занимает 16,4% мировой территории с 4,4% населения мира. На его долю приходится примерно 20% мировых запасов нефти, 40% природного газа, 25% каменного угля, 10% производства электроэнергии [1, с. 17]. Поэтому даже на фоне со временем обозначившихся различий, а то и противоречий между входящими в СНГ государствами, связи между ними, взаимозависимость, а значит и потребность во взаимодействии остаются очевидными. Итоги 2011 г. для СНГ оказались весьма благоприятными: инфляция снизилась, национальная валюта стала крепче. Исключение – Беларусь. Если в конце 2010 г. белорусы были самыми высокооплачиваемыми (после россиян) на территории постсоветского пространства, то в конце прошлого года Беларусь находилась в числе бедных стран СНГ. Республика в прошлом году достигла инфляционного рекорда – рост цен оказался самым высоким начиная с 2000 г. Поэтому по итогам 2011 г. Республика Беларусь возглавила список стран с самой высокой инфляцией. Рост цен был связан с девальвацией, которых в Беларуси в прошлом году было две. Поэтому наша страна в прошлом году оказалась на первом месте не только по уровню инфляции, но и по величине девальвации национальной валюты. Хотя в других странах СНГ наблюдался обратный процесс – национальная валюта становилась крепче. Поэтому если в декабре 2010 г. по величине средней зарплаты Беларусь занимала 2-е место в СНГ, то в декабре 2011 г. – 6-е. Если посмотреть на ситуацию с прагматической точки зрения, то низкая зарплата в Беларуси теоретически может повысить инвестиционную привлекательность, так как затраты на труд теперь ниже. Белорусские экономисты едины во мнении, что доходы населения надо повышать, так как в противном случае будет наблюдаться отток квалифицированных кадров за рубеж. Если оценивать положение Беларуси в СНГ не только с точки зрения зарплат, то следует отметить, что республика на постсоветском пространстве выделяется и определенными успехами. Взять, к примеру, белорусскую промышленность. Беларусь является в СНГ вторым по величине (после России) производителем грузовых автомобилей, тракторов, нефтепродуктов. Белорусские НПЗ в прошлом году выпустили 3,1 млн. т. бензина, 6,7 млн. т. дизельного топлива, 5 млн. т. топочного мазута. Также республика в СНГ выделяется объемом производства сельхозпродукции. По объему производства мяса (642 тыс. тонн) Беларусь в 2011 г. заняла третье место, уступив только Украине и России. Второе место Беларусь в СНГ заняла в прошлом году по объему производства масла и цельномолочной продукции [10].

Пространство СНГ является зоной стратегических интересов Беларуси. В рамках Содружества руководство страны последовательно продвигает интересы в области экономики, политики, безопасности, науки, образования, культуры. Россия и Беларусь оказались лидерами в процессе постсоветской интеграции, образовав в 1997 г. Союзное государство России и Беларуси. Сегодня нормативно-правовая база белорусско-российских отношений включает более 150 международных договоров, в том числе и в экономической сфере. Республика Беларусь является одним из основных торговых партнеров Российской Федерации и по итогам 2011 г. заняла шестое место во внешнеторговом обороте России. Между нашими странами развивается сотрудничество в сфере стратегического транзита, разрабатываются и реализуются совместные топливно-энергетические проекты. Растет товарооборот между Беларусью и регионами России. На сегодняшний день Республика Беларусь поддерживает прямые торгово-экономические связи с 80 регионами Российской Федерации. Среди Федеральных округов ведущие позиции по закупкам белорусской продукции сохра-

няют Центральный, Северо-Западный и Приволжский округа, на их долю приходится 78,5% экспорта Республики Беларусь в Россию. По объемам поставок товаров из России в Беларусь первое место занимает Уральский Федеральный округ – основной поставщик энергоресурсов (нефть сырая, природный газ). Что касается Москвы, то в январе-октябре 2011 г. в российскую столицу поставлено белорусской продукции на общую сумму 2,3 млрд. долларов. За 10 месяцев 2011 г. значительно возросли поставки мяса крупного рогатого скота, мяса домашней птицы, масла, сыров и творога. Увеличились также поставки товаров предприятий легкой промышленности. Более 70 специализированных выставок-ярмарок белорусской продукции проведено в 2011 г. в Москве, в ходе которых реализовано продукции более чем на 15 млн. долларов [11, с. 4–5]. Тесные экономические связи с Российской Федерацией поддерживают многие предприятия г. Гомеля. Сегодня гомельские товары экспортируются в 76 регионов России. Основной объем экспортных операций приходится на Брянскую область – 36,4%, Москву – 16,4%, Московскую область – 11,1% и Санкт-Петербург – 5,5%. Взаимовыгодное сотрудничество гомельчан развивается довольно успешно в различных направлениях: экономическом, культурном, спортивном, экологическом [12, с. 5].

Географическая близость Беларуси и Украины содействует тесным экономическим контактам между этими республиками. В 1990-х гг. объем товарооборота между государствами уступал только объему торговли между Беларусью и Россией [13, с. 6].

Если говорить об активизации экономических отношений на современном этапе, то в них заинтересованы оба государства. Особенно это характерно для сельскохозяйственного машиностроения, горнорудной отрасли, космической сферы, где эта потребность растет постоянно. Основными составляющими украинского экспорта являются металл, продукция машиностроения, пищевой промышленности, транспортные услуги. Беларусь поставляет значительное количество продукции сельскохозяйственной отрасли. Особо надо отметить межрегиональное сотрудничество. Товарооборот Гомельской области и Украины за 11 месяцев 2011 г. по сравнению с аналогичным периодом 2010 г. увеличился на 35%, превысив 500 млн. долларов. Миллионные товарообороты с Украиной имеют такие предприятия, как производственное объединение «Гомсельмаш», Белорусский металлургический завод, Гомельстекло, Гомельстрой материалы и др. Успешно работает на украинском рынке Белорусская нефтяная кампания. Немалую роль в активизации двусторонних отношений сыграло создание совместных производств (МТЗ – Беларусь – Украина). На Гомельском АРЗ создано сборочное производство украинских автобусов «Богдан», Украина в товарообороте Беларуси занимает третье место после России и Германии.

Сейчас перед государствами СНГ стоит важнейшая задача: преодолеть последствия кризиса, модернизировать национальные экономики, технически перевооружить промышленность, подготовить ее к внедрению инновационных технологий и достижению качественных сдвигов в структуре производства и экспорта.

Литература

1. Густов, В.А. Россия – СНГ: не забывая прошлого, думать о будущем / В.А. Густов // Свободная мысль. – 2011. – № 5. – С. 5–22.

2. Дашичев, В.И. Почему социализм? / В.И. Дашичев // Беларуская думка. – 2011. – № 5. – С. 44–53.

3. Касцюк, М.П. Геапалітычны фактар абвяшчэння незалежнасці Рэспублікі Беларусь / М.П. Касцюк // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 8. – С. 7–11.

4. Сытин, А.Н. Балтия: двадцать лет независимости / А.Н. Сытин // Свободная мысль. – 2010. – № 12. – С. 35–48.

5. История России. С древнейших времен до начала XXI века / под ред. чл.-кор. РАН А.Н. Сахарова. – М. : АСТ Астрель, 2006. – С. 862.

6. История Украины / под ред. акад. В.А. Смолия. – М. : Олма Медиа групп, 2008. – 1068 с.

7. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2-х ч. Ч. 2 / гал. рэд. М.П. Касцюк. – Мінск : Беларусь, 1995. – С. 556.

8. Несцяровіч, М.П. Фарміраванне сістэмы дзяржаўнай улады і кіраванне ў Беларусі (ліпень 1990 – сакавік 1994 гг.) / М.П. Несцяровіч // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 9. – С. 11–16.

9. Медушевский, А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиции аналитической истории / А.Н. Медушевский // Российская история. – 2011. – № 6. – С. 3–30.

10. Заяц, В. Беларусь в СНГ попала в когорту бедных / В. Заяц [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : www.naviny.by. – Дата доступа : 22.12.2011.

11. Кобяков, А.В. Я апологет Союзного государства / А.В. Кобяков // Союз Беларусь – Россия. – 2011. – 22 дек.

12. Кирпичева, Ю. Гомель – важное звено в цепи Союзного государства / Ю. Кирпичева // Гомельские ведомости. – 2011. – 2 апр.

13. Ціхаміраў, А. Беларуска-ўкраінскія адносіны ў 1991–2006 гг. / А. Ціхаміраў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 2. – С. 3–10.

14. Ермакова, Т. Украинский рынок открыт / Т. Ермакова // Гомельская праўда. – 2012. – 4 лют.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 94(476-04+477-04):316.342.2

Научно-педагогическая и творческая интеллигенция белорусско-украинского пограничья в условиях белорусизации и украинизации: этнокультурный аспект

М.И. Старовойтов

Впервые в белорусской и украинской историографии проведен сравнительный анализ количественных и качественных изменений в составе научно-педагогической и творческой интеллигенции в условиях белорусизации и украинизации. Автор исходит из того, что низкий образовательный уровень титульного этноса сдерживал процесс формирования указанных групп национальной интеллигенции, особенно творческой, в большей степени в БССР, чем в УССР, хотя достижения к концу 1930-х годов были значительными. Данные сгруппированы в таблицы, отражающие белорусскую специфику научной и творческой интеллигенции, национальный её состав и уровень образования.
Ключевые слова: интеллигенция, белорусско-украинское пограничье, белорусизация, украинизация, коренизация, титульный этнос.

For the first time in the Belarusian and Ukrainian historiography, comparative analysis of quantitative and qualitative changes in scientific, educational and creative intellectuals composition during Belarusization and Ukrainization is made. The author assumes that the low educational level of the titular ethnic group held back the mentioned groups of national intellectuals formation, especially creative, to a greater extent in BSSR than in USSR, though, towards the end of the 1930s the achievements were significant. These data are grouped in tables showing the specificity of the Belarusian scientific and creative intellectuals, their national composition and level of education.
Keywords: intellectuals, Belarusian-Ukrainian border, Belarusization, Ukrainization, corenization, titular ethnic group.

В любом обществе лица, обладающие более высоким уровнем образования, осуществляют функции его духовно-культурного обслуживания и научно-технического развития. Количественная и качественная характеристика этого слоя позволяет видеть возможности и способности выполнять свойственные ему функции. Данное историко-сравнительное исследование имеет большую научную актуальность, т. к. позволяет оценить смысл и значение происходящих событий в общественно-политической и духовной жизни белорусского общества в сложные, противоречивые и трагические 1920–1930-е годы. Анализ монографий и статей показал, что обозначенная тема в компаративистском плане не исследовалась. Не стала она предметом специального исследования и в недавно вышедших коллективных работах, посвященных истории белорусской государственности XX века, в шеститомной истории Беларуси. Изучение национально-культурных проблем не могло дать сравнительных и адекватных оценок, т. к. многие документы были засекречены и недоступны для исследователей. Опубликованные данные переписи 1939 г. об уровне образования населения СССР и союзных республик не отражают реальной картины, т. к. нет сведений по городскому и сельскому населению, по национальностям [8, с. 50–52]. Выявленные архивные материалы позволяют по-новому и с высокой степенью адекватности показать изменения в уровне грамотности и образования титульного населения, его количество в составе указанных групп интеллигенции. Проведено сравнение данных не только соседних пограничных областей, но остальных белорусских. Сравниваются и две области, имевшие статус и областных, и столичных одновременно. Это позволило более аргументировано показать белорусскую специфику. Процессы проходили в условиях политики белорусизации и украинизации, которые, на наш взгляд, официально не прекращались и в 1930-е годы, т. к. решалась задача коренизации – подготовки национальных кадров. Это, на наш взгляд, было главной задачей национальной политики исследуемого периода (таблицы составлены и % подсчитаны автором).

Принятые меры по повышению грамотности детей школьного возраста и молодежи, ликвидации неграмотности взрослого населения к середине 1920-х годов существенных результатов не дали. Уровень грамотности населения оставался низким. В БССР и Полесском подрайоне УССР доля грамотных среди всего населения была одинаковой и составила 40,7–41,4%. Однако у титульных этносов были различия. Так, доля грамотных белорусов составила 36,5% (51,2 муж. и 22,6 жен.), а украинцев соответственно – 41,6% (54,0 и 24,2). Невысокая грамотность белорусов, особенно женщин, существенно сдерживала подготовку кадров. В 1926 г. только у белорусов среди учителей оказалось меньше женщин, чем мужчин, тогда как в Полесском подрайоне наоборот. В БССР у евреев, русских и поляков женщин учителей было в 1,7–1,8 раза больше, чем мужчин [4, с. 9–10], [5, с. 73–74]. Принцип комплектования высших и средних учебных заведений, действовавший в 1920-е годы, себя не оправдал. В 1930-е годы в СССР произошел коренной перелом в системе подготовки специалистов. Стало очевидным, что закрепление рабочих и крестьян за техникумами и вузами, выделение десятков миллионов рублей стипендий на их подготовку не решало кадровые проблемы [11, л. 265]. Партийное требование к социальному происхождению абитуриентов создало тупиковую ситуацию. Форсированная индустриализация, сплошная коллективизация, мобилизационное развитие системы образования требовали тысячи новых кадров, а детям интеллигенции, служащих, лишенцев, кулаков и других слоев населения доступ в вузы был закрыт. 29 декабря 1935 г. Политбюро утвердило решение об отмене действующих правил приема в вузы и техникумы, а ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О приеме в высшие учебные заведения». Один из его пунктов вводил единые требования во всех республиках: «…принимать всех граждан обоего пола, выдержавшие установленные для поступления в эти учебные заведения испытания». В мае-июне 1936 г. были приняты еще два постановления, которые выводили организацию системы высшего образования на новый уровень, отвечающий требованиям времени [18, с. 426–433].

Расчеты показали, что у белорусов и в конце 1930-х годов была самая низкая степень урбанизации, что сдерживало рост их грамотности и образования. Эти показатели были достаточно высокими у русских и украинцев, особенно у мужчин, которые численно преобладали в составе этих этносов, проживавших в БССР. Численное преобладание мужчин среди русских, украинцев связано со службой в частях Белорусского военного округа, с привлечением их как рабочих и специалистов на строящиеся и действующие заводы и фабрики. У евреев и поляков важную роль играли семейная и культурная традиции – мотивационное стремление к образованию. Документы свидетельствуют, что большинство евреев из числа совслужащих и зажиточных кустарей не посылали «своих детей в еврейские школы, стараясь подготовить их к “карьере чиновника”, к университету и т. п.» [12, л. 83]. Так, в 1925 г. в Гомеле 98–99% еврейских детей обучались в обычных школах [12, л. 67]. Знание русского языка давало огромные преимущества в получении образования, а белорусам и украинцам навязывали родной язык. Стремление к обучению в ведущих вузах было одной из главных причин интенсивной миграции еврейской молодежи (в основном мужчин) в 1920-е годы в Москву и Ленинград, в крупные города СССР, а в 1930-е – уже в целом в РСФСР [15, с.12–13].

Высокий образовательный уровень евреев позволил им занимать руководящие посты в административно-командной системе, иметь высокую долю в составе научно-педагогической и творческой интеллигенции. В 1939 г. в составе 95 948 научных работников, профессоров и преподавателей вузов СССР их было 15 108 чел. (или 15,7%) среди всех писателей, журналистов и редакторов – 6 536 чел. (или 14,4%), среди работников искусств – 14 801 чел. (или 10,3%). Это превышало показатели у белорусов и украинцев, хотя их доля в составе населения СССР была выше, чем у евреев [19, л. 273–275].

Степень социально-экономического и культурного развития областей, низкий уровень образования белорусов, особенно в сельской местности, отразились на показателях по областям. В 1939 г. в Минской области из 1 000 чел. среднее и высшее образование имели 100,2, Витебской – 85,4, Гомельской – 84,5, Могилевской – 76,5 и Полесской – 52,3 [1, л. 10]. По БССР разница в уровне образования у белорусов и других национальностей была значительной, что видно из таблицы 1 [составлена по: 1, лл. 10, 18–20].

Таблица 1 – Образование на 1 000 населения по национальностям БССР в 1939 г.

Образование	Городское население			Сельское население			Всего		
	М.	Ж.	О.П.*	М.	Ж.	О.П.	М.	Ж.	О.П.
Белорусы									
Среднее	195,7	169,2	181,8	39,3	29,1	30,2	66,1	46,8	55,8
Высшее	13,7	5,5	9,4	1,4	0,3	0,8	3,5	1,2	2,3
Евреи									
Среднее	173,1	206,8	191,3	155,6	142,6	149,3	170,7	199,7	186,2
Высшее	22,7	18,0	20,2	23,1	10,1	16,8	22,8	17,1	19,8
Русские									
Среднее	239,5	187,3	216,0	245,7	55,9	195,0	243,0	138,3	205,5
Высшее	24,4	12,5	19,0	13,3	2,9	10,5	18,0	8,9	14,7
Украинцы									
Среднее	225,1	163,3	210,6	195,7	53,0	152,6	210,9	109,6	177,4
Высшее	22,1	9,4	18,1	8,5	1,9	6,5	14,2	5,8	11,4
Поляки									
Среднее	232,1	187,0	204,0	49,7	34,3	40,8	101,2	83,9	91,0
Высшее	14,8	6,9	9,9	2,1	1,0	1,5	5,7	2,9	4,0
Все население**									
Среднее	–	–	–	–	–	–	94,0	63,1	78,0
Высшее	–	–	–	–	–	–	6,4	2,7	4,5

Примечание: * – оба пола; ** – данные не выявлены.

Нетитульные этносы имели более высокий уровень образования. Это не позволяет, на наш взгляд, делать однозначные выводы о специальных репрессивных мерах против польского населения (речь можно вести об определенной категории лиц польской национальности), имевшего выше образовательный уровень, чем белорусы.

Очень большой была разница в уровне образования между городским и сельским населением БССР в возрасте 19–39 лет, особенно по гендерному признаку. Расчеты показали, что 77–96% граждан в БССР и 71–90% в УССР получили образование в возрасте до 39 лет, т. е. за годы советской власти. В 1939 г. на 1 000 сельского населения лиц со средним образованием было в 4,6 раза меньше, чем городского (у мужчин – в 3,4 раза, у женщин – в 7,4 раза), а по высшему образованию – соответственно в 9 раз (6,9 и 19,4 раза). В возрастной группе 15 лет и старше белорусы имели ниже показатель образования, чем евреи и русские (выявлены данные только по этим национальностям). Такая же тенденция в указанных различиях выявлена и в УССР, хотя здесь показатели были в 1,2–1,6 раза ниже, т. е. украинское население имело более высокий уровень образования [1, л. 9, 18–19], [2, л. 36], [21, л. 11].

Создание и деятельность БГУ, других вузов, Инбелкульта и АН БССР дали мощный импульс формированию национальной интеллигенции. Уже в 1926 г. перепись зафиксировала в БССР 355 чел. (311 муж. и 44 жен.) научно-педагогических работников, из которых белорусы составляли 38,6%, русские – 35,8%, евреи – 15,85, поляки – 2,8% и прочие – 7,0%. Среди литераторов, редакторов и журналистов соответственно – 142 (138 муж. и 4 жен.), 38,7%, 11,3%, 43,0%, 4,2% и 6,8%. Работников искусства насчитывалось 794 чел. (600 муж. и 194 жен.) и соответственно по национальному составу – 26,4%, 39,2%, 26,6%, 2,5% и 5,3%. Среди лиц свободных профессий преобладали евреи. В 1926 г. такой деятельностью в БССР занималось 916 чел., из них евреи составляли 57,6%. Из 577 учителей самостоятельно трудились 410 евреев (309 муж. и 101 жен.), или 71,1% [6, с. 120, 123]. Более интенсивное развитие украинизации, которая официально началась раньше белорусизации, украинской высшей школы (была создана еще до 1917 г.) и науки значительно ускорило процесс подготовки национальных кадров в УССР. Так, в Полесском подрайоне УССР по сопоставимым группам интеллигенции украинцев в 1926 г. было соответственно 49,2%, 64,7% и 29,4% [7, с. 205]. Разница в белорусских и украинских показателях заметная, если учесть, что доля титульных этносов в составе всего населения сопоставимых территорий была одинаковой – примерно по 81%.

Данные таблицы 2 [составлена по: 13, л. 37–38; 14, л. 36–37; 22, л. 33–34; 3, л. 37–38; 10, л. 35–36; 16, л. 37–38; 17, л. 40–41; 20, л. 32–33] свидетельствуют, что доля титульного

этноса в соседних украинских областях по отдельным профессиональным группам преобладала. Особенно это видно по Черниговской области, в которой был самый высокий удельный вес украинцев в составе населения.

Таблица 2 – Титульный этнос в составе интеллигенции в 1939 г. по областям (%)

Занятия	Витебская	Гомельская	Минская	Могилевская	Полесская	Житомирская	Киевская	Черниговская
Руководители учебных* заведений, НИУ театров, кино	72,4	69,3	69,2	78,2	77,1	81,0	73,1	87,7
Научные работники, профессора, преподаватели	36,4	46,6	40,2	42,3	78,6	59,7	49,1	67,5
Писатели, журналисты, редакторы	61,7	51,0	50,0	56,9	57,4	66,8	47,9	77,7
Учителя**	79,1	76,3	75,3	82,8	80,1	74,6	81,9	92,3
Всего работников искусства	31,8	25,9	35,7	24,9	43,3	49,1	44,3	64,3
Актеры и режиссеры	27,8	13,0	38,1	17,9	48,4	53,2	46,2	70,8
Музыканты, дирижеры	30,0	21,8	25,9	18,9	27,8	45,7	36,5	48,9
Художники, скульпторы	41,8	44,7	43,8	43,9	53,8	50,7	46,5	75,0

Примечание: * – кроме заведующих начальными школами; ** – см. примечание к таблице 3.

Из таблицы 3 [составлена по: 1, л. 28, 62–63; 21, л. 40, 80–81] видно, что в республиках к 1939 г. произошло некоторое выравнивание показателей относительной численности титульных этносов в составе сравниваемых групп интеллигенции. В условиях белорусизации и украинизации к концу 1930-х годов из титульного этноса сформировались только учительские кадры. Абсолютное большинство из них работало в начальных школах. Национальная научно-педагогическая и творческая интеллигенция только вступала в решающую стадию формирования, т. к. доля титульного этноса еще не достигла 2/3, т. е. абсолютного большинства. В группе белорусских работников искусства еще сохранялось отставание от показателей украинских.

Таблица 3 – Научно-педагогическая и творческая интеллигенция в 1939 г.

Занятие*	Республика	В данном занятии		Из них титульный этнос			
		Всего	Жен.	Всего	%	Муж.	Жен.
Рук. учеб. завед., НИУ театры, кино	БССР	2 372	179	1 731	73,0	1 650	81
	УССР	13 932	1 228	9 906	71,1	9 323	583
Науч. работ., профессора, преподаватели	БССР	1 763	576	719	40,8	521	198
	УССР	15 866	4 946	6 479	40,8	4 802	1 677
Писатели, журналисты, редакторы	БССР	1 135	164	614	54,1	560	54
	УССР	6 985	1 030	3 844	55,0	3 421	423
Учителя **	БССР	39 124	19 723	30 835	78,8	16 591	14 244
	УССР	216 543	118 473	164 612	76,0	79 142	85 470
Всего работников искусства	БССР	2 462	723	806	32,7	574	232
	УССР	24 610	6 635	11527	46,8	9 005	2 522
Актеры и режиссеры	БССР	1 147	491	367	32,0	210	157
	УССР	9 156	3 800	4 080	44,6	2 521	1 559
Музыканты, дирижеры	БССР	703	116	179	25,5	155	24
	УССР	8 874	1 271	4 270	48,1	3 991	279
Художники, скульпторы	БССР	440	50	193	43,9	168	25
	УССР	5 227	980	2 519	48,2	2 136	383

Примечание: * – так сгруппированы профессии по данным переписи; ** – учителя всех типов школ и курсов, включая заведующих начальными школами.

В таблице 4 [составлена по: 13, л. 27, 29; 14, л. 25, 27; 22, л. 24, 26; 10, л. 24, 26; 16, л. 27, 29; 20, л. 24, 26] впервые представлены данные об интеллигенции по гендерному признаку и уровню образования. Женщины вовлекались в научную и духовную сферы и имели достаточно высокий уровень образования. В отдельных профессиональных группах он был даже выше, чем у мужчин. Однако их доля в интеллектуальном слое оставалась незначительной. Из таблицы видно, что численность женщин по некоторым профессиям была в десятки раз меньше численности мужчин. Только среди украинских учителей женщин, как и в 1926 г., было больше половины. В целом по БССР на женщин приходилась половина состава учителей. В Могилевской и Полесской областях женщин было меньше. Численность интеллигенции, прежде всего, отражает уровень социально-экономического и культурного развития областей, а также связана с количеством населения. В Полесской области интеллигенции было не много, т. к. область по численности населения и территории являлась небольшой экономически и культурно наиболее отсталой. Белорусские показатели, образно выражаясь, портил низкий уровень грамотности и образования женщин-белорусок. И это несмотря на усилия по вовлечению женщин в систему образования. В наиболее активной возрастной группе 20–49 лет на 1 000 белорусок в Гомельской области приходилось 68,9 грамотных женщин, Полесской – 45,3, в Черниговской – 78,9. Со средним соответственно – 46,2, 24,4 и 49,4, а с высшим – 1,0, 0,4 и 1,6. Количество белорусок со средним образованием в Гомельской и Полесской областях было в 1,8 раз меньше, чем количество украинок в Черниговской области, а с высшим соответственно – в 3 раза. Низкий уровень грамотности белорусок и недостаточное количество вузов и средних учебных заведений в белорусском Полесье, по сравнению с украинским, отразились на указанных показателях [10, л. 6, 8, 9], [20, л. 6, 8, 9], [22, л. 6, 8, 9].

Большое количество научно-педагогической и творческой интеллигенции проживало в столичных областях – Киевской и Минской. Так, к концу 1930-х годов в Минске были сосредоточены вузы, академические и отраслевые НИИ, проживало большинство писателей, работников искусства, редакторов. Минск еще только становился белорусским городом. В 1939 г. здесь проживало 52% белорусов, из которых белорусский язык назвали родным 75,3%, а из всех минчан – всего 41,5%. Высшее образование имели 7 015 горожан, среди которых белорусов было 36,1%, евреев – 45,1%, русских – 13,4% и прочих – 5,4%. На долю белорусов в составе руководителей учебных заведений, НИУ, театров и кино приходилось 45,3%, научно-педагогических кадров – 39,9%, учителей – 50,6%, писателей, журналистов и редакторов – 45,5% и работников искусства – 35,6% [9, л. 3, 5–7, 26, 27].

Таблица 4 – Образование научно-педагогической и творческой интеллигенции в 1939 г.

Занятие*	Пол	Гомельская область			Полесская область		
		Всего	Высшее	Среднее	Всего	Высшее	Среднее
Руководители учебных заведений, научно-исслед. учреждений, театров, кино**	М.	328	30,5	61,0	267	26,2	69,7
	Ж.	34	26,5	61,8	8	0,0	100,0
Научные работники, профессора, преподаватели	М.	117	73,5	17,9	4	50,0	50,0
	Ж.	31	67,7	32,3	10	30,0	70,0
Писатели, журналисты, редакторы	М.	133	3,0	85,7	85	9,4	81,2
	Ж.	24	25,0	66,7	9	0,0	100,0
Учителя***	М.	3 183	20,0	77,1	2 436	12,5	85,1
	Ж.	3 201	14,8	83,5	1 944	7,0	91,0
Всего работников искусства	М.	221	3,6	55,2	54	3,7	50,0
	Ж.	73	4,1	68,5	13	15,4	69,2
Актеры и режиссеры	М.	67	4,5	68,7	22	4,5	68,2
	Ж.	48	4,2	68,8	9	22,2	66,7
Музыканты, дирижеры	М.	70	4,3	34,3	–	–	–
	Ж.	17	5,9	82,4	–	–	–
Художники, скульпторы	М.	74	2,7	67,6	–	–	–
	Ж.	2	–	100,0	–	–	–
Занятие*		Житомирская область			Черниговская область		
Руководители учебных заведений, научно-исслед. учреждений, театров, кино**	М.	788	39,6	56,5	667	46,6	48,7
	Ж.	47	44,7	53,2	38	31,6	47,4

Научные работники, профессора, преподаватели	М.	114	77,2	20,2	146	78,8	19,2
	Ж.	45	68,9	24,4	45	75,6	24,4
Писатели, журналисты, редакторы	М.	214	5,6	78,0	194	7,7	77,3
	Ж.	27	7,4	85,2	26	12,0	72,0
Учителя***	М.	5 826	22,6	75,4	5 704	29,0	69,2
	Ж.	6 108	16,4	82,1	6 303	19,0	79,7
Всего работников искусства	М.	508	5,5	44,3	309	5,2	52,1
	Ж.	154	7,1	65,6	100	7,0	64,0
Актеры и режиссеры	М.	141	11,3	66,0	102	7,8	62,7
	Ж.	94	8,5	64,9	59	3,4	72,9
Музыканты, дирижеры	М.	222	2,7	21,2	115	0,9	36,5
	Ж.	32	6,3	81,3	20	15,0	70,0
Художники, скульпторы	М.	121	3,3	63,6	80	8,8	62,5
	Ж.	17	5,9	64,7	8	12,5	75,0
Занятие*		Минская область			Киевская область		
Руководители учебных заведений, научно-исслед. учреждений, театров, кино**	М.	592	34,3	58,4	1658	43,2	50,0
	Ж.	48	50,0	41,7	169	44,4	47,3
Научные работники, профессора, преподаватели	М.	769	90,4	8,8	2898	90,8	8,6
	Ж.	404	88,4	11,6	1264	87,7	11,9
Писатели, журналисты, редакторы	М.	381	26,0	65,1	1211	22,0	67,0
	Ж.	85	35,3	57,6	309	29,8	63,1
Учителя***	М.	4 539	21,1	77,1	11693	32,2	65,7
	Ж.	4 723	17,6	80,4	13171	25,9	72,6
Всего работников искусства	М.	878	8,4	66,6	3245	18,9	53,1
	Ж.	440	6,8	74,1	1008	19,7	62,4
Актеры и режиссеры	М.	359	10,0	71,0	1157	19,0	59,6
	Ж.	313	5,8	78,9	945	15,2	68,5
Музыканты, дирижеры	М.	290	6,2	59,3	1059	14,1	43,5
	Ж.	53	11,3	86.8	256	36,7	56,3
Художники, скульпторы	М.	169	8,9	79,3	782	23,0	60,7
	Ж.	34	14,7	64,7	257	24,5	64,2

Примечание: * – так сгруппированы занятия в материалах переписи; ** – кроме заведующих начальными школами; *** – включая заведующих начальными школами; «–» – нет данных.

Из приведенных данных видно, что несмотря на осуществление политики коренизации удельный вес белорусов среди работников искусства был ниже, чем в украинских областях. Это связано, во-первых, с большими трудностями в подготовке, образно говоря – выращивании, национальной научно-педагогической и творческой интеллигенции БССР, титульный этнос которой имел самый низкий уровень грамотности среди славянских республик. Во-вторых, во всех группах интеллигенции БССР был самый высокий удельный вес нетитульных этносов (евреев, русских, поляков и др.). Это создавало своеобразную конкуренцию в различных группах интеллигенции. В. Константинов отмечает, что концентрация евреев в городах, более высокий уровень образования, традиционное стремление к творческой деятельности, отсутствие дискриминации предопределили массовое их вхождение в научную сферу в 1920–1930-е годы. Между двумя переписями доля евреев среди научных работников в БССР выросла с 16% до 33%, а в УССР – с 17% до 29%. В БССР в 1939 г. значительной доля евреев была среди художников и скульпторов (47%), среди режиссеров и актеров – до 25% [15, с. 175, 187].

К концу 1930-х годов в основном была решена одна из главнейших задач государственной национально-культурной политики – сформированы многотысячные инженерно-технические, сельскохозяйственные, научно-педагогические и медицинские национальные кадры. С показателем 82,6 на 1 000 всего населения по числу лиц, получивших среднее и высшее образование, БССР была на пятом месте после Грузии, Украины, Армении и РСФСР. Институтами социального контроля ломались культурные традиции и гендерный статус в системе подготовки кадров высокой квалификации. Хотя и качественно, и количественно эти кадры не всегда отвечали потребностям экономического и культурного развития, для БССР это был революционный прорыв в деле формирования национальной интеллигенции. При этом интересы других национальностей не были ущемлены.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы. Самый высокий образовательный уровень был у преподавателей вузов, писателей, журналистов, редакторов. Наибольшей полиэтничностью отличались работники искусства. Процесс формирования национальной профессиональной культуры и искусства, национальных кадров начинался в БССР только в 1930-е годы. В этих профессиональных группах, кроме учителей, попрежнему преобладали нетитульные этносы. Конечно, роль национальной интеллигенции в развитии самосознания народа значительно больше, чем её доля в составе населения. Выделенные профессиональные группы интеллигенции в составе всего населения БССР составляли 0,6%, а по трем украинским областям – 0,7%. Доля национальной интеллигенции в составе белорусов и украинцев была еще меньше. Поэтому эту роль, на наш взгляд, не следует преувеличивать. Нельзя отрицать и того, что часть интеллигенции жила интернациональными или космополитическими идеями.

В целом, демократический характер советской системы подготовки кадров, национальных кадров в условиях белорусизации и украинизации позволил за короткий срок в значительной степени ликвидировать национальное неравенство в области грамотности и образования. В БССР и УССР были достигнуты высокие показатели уровня образованности населения. Во второй половине 1930-х годов в сознательную жизнь входило более грамотное и образованное поколение, воспитанное на революционных ценностях, но в условиях жесткой дисциплины и репрессивной политики, от которой пострадала и часть интеллигенции.

Подготовка национальной интеллигенции повлияла на складывание основ советской общей и политической культуры как некоего достаточно цельного социокультурного феномена. В этот процесс было включено население БССР и, прежде всего, сами белорусы, из которых впервые формировались национальные кадры научно-педагогической и творческой интеллигенции. В сравнении с дореволюционным периодом это были огромные достижения. Это дает возможность наиболее полно и адекватно оценить роль советской национальной политики и, прежде всего, политики белорусизации в исторической судьбе белорусского народа и его государственности. Анализ и сравнение показателей позволили увидеть белорусскую специфику научной и творческой интеллигенции, национальный её состав и уровень образования. Полученные результаты дают основание считать, что в национально-культурное строительство БССР в 1920–1930-е годы внесла вклад многонациональная интеллигенция.

Литература

1. БССР : Всесоюзная перепись населения 1939 года // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 257.

2. БССР // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 429.

3. Витебская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336 – Д. 375.

4. Всесоюзная перепись населения 1926 года. – Т. X. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 290 с.

5. Всесоюзний перепис людності 1926 року. – Т. XI. – М. : ЦСУ СРСР, 1929. – 204 с.

6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. XXVII. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – 156 с.

7. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – Т. XXVIII. – М. : Планхозгиз, 1930. – 304 с.

8. Всесоюзная перепись населения 1939 года : основные итоги / под ред. Ю.А. Полякова. – М. : Наука, 1992. – 256 с.

9. Город Минск // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 378.

10. Гомельская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 376.

11. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Фонд 1235. – Оп. 29. – Д. 4. – Л. 265.

12. Доклады Центрального еврейского бюро // ГАРФ. – Фонд 1235. – Оп. 119. – Д. 7.

13. Житомиркая область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 358.

14. Киевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 361.

15. Константинов, В. Еврейское население бывшего СССР в XX веке (социально-демографический анализ) / В. Константинов. – Иерусалим, 2007. – 307 с.

16. Минская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 377.
17. Могилевская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 379.
18. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа ; сб. докл. 1917–1973 гг. ; сост. : А.А. Абакумов [и др.]. – М. : Педагогика, 1974. – 560 с.
19. Национальный состав служащих СССР // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 1002.
20. Полесская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 380.
21. УССР // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 256.
22. Черниговская область // РГАЭ. – Фонд 1562. – Оп. 336. – Д. 373.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 93(075.5)

Армия в политической системе Рима в эпоху кризиса Республики и становления Империи

С.В. Телепень

В статье анализируется проблема путей вовлечения римской армии в политические процессы, приведшие к смене республиканского строя в Риме Империей. Отмечается поэтапное превращение армейского социума из орудия в руках политических и военных вождей в субъекта политических действий. Также обращается внимание на то, что данный процесс обуславливался ростом корпоративной солидарности профессионализирующихся воинов, но при этом сопровождался усилением спонтанности действий армейской массы, что находило выражение в солдатском мятеже. В целом делается вывод, что нарастание политической активности армейской корпорации привело к ее отрыву от остальной части гражданского общества и обусловило милитаризацию всей общественно-политической жизни, вплоть до сведения ее в III в. к «диктатуре легионов».
Ключевые слова: римская армия, политическая система, Римская республика, комиции, законодательство, армейский этос, корпоративная мораль, солдатский мятеж, «республиканская монархия» – Империя.

The article analyzes the ways of involving the Roman Army into the political processes that have led to the change of a republican system in Rome by Empire. It marks the stage-by-stage transformation of the army society from the tool in hands of political and military leaders into the subject of political actions. The article points out that the given process was caused by the growth of corporate solidarity of professional soldiers, but at the same time it was accompanied by strengthening of spontaneity of the army actions, which found its expression in the soldiers' mutiny. The conclusion as a whole is that the increase of political activity of the army corporation has led to its separation from the other part of the civil society and has caused militarization of all the political life, up to its transformation into "dictatorship of legions" in the 3rd century.
Keywords: Rome Army, political system, Rome Republic, comitium, legislation, army ethos, corporate morality, soldiers' mutiny, "Republican monarchy" – Empire.

Упадок полисных институтов Республики, обусловивший военную реформу Мария и одновременно ускоренный ею, наметил превращение римской армии в особое сообщество, неизменно поддерживавшее на выборах своего лидера и его ставленников. Действительно, широко известна роль профессионализирующегося римского войска в событиях гражданских катаклизмов I в. до н.э. Особым проявлением растущей политической роли солдат и ветеранов в период упадка Римской республики было их участие на выборах высших магистратов. Правда, армии запрещалось вступать на территорию самого Рима. Тем не менее существовали объективные юридические и сакральные условия, обеспечивавшие для солдат возможность участия в народном собрании. Comitia centuriata, на которых производились выборы высших магистратов, находились на Марсовом поле, т. е. за границами померия. Соответственно, участие войска в этих комициях было вполне законным. Данную возможность использовал Цезарь, когда в 55 и 51 гг. до н.э. прислал из Галлии своих солдат, чтобы те приняли участие в выборах и поддержали угодных ему кандидатов (Plut. Pomp., 51, 58; idem. Crass. 14; Cass. Dio. XXXIX. 31). Также большое значение имела поддержка ветеранов. Они постоянно пребывали на территории Италии и в случае необходимости могли прибыть в Рим и принять участие в голосовании.

Голоса солдат и ветеранов могли иметь решающее значение для окончательных результатов выборов (Cic. Pro Mur. 38).

Активность солдат и ветеранов на выборах могла иметь также и другие формы, состоящие в рекомендации своим родственникам и знакомым кандидатуры полководца или его креатуры. Плутарх сообщает, что Марий в 108 г. до н.э., стремясь победить в консульских выборах, сумел расположить к себе солдат, воюющих в Нумидии против Югурты, и те на-

правили своим родственникам и друзьям письма, в которых рекомендовали голосовать за Мария как единственного, кто мог довести войну до скорейшего завершения (Plut. Mar. 7).

Солдаты и ветераны поддерживали своих вождей или кандидатов, ими предложенных, не только с помощью таких легальных методов, как голосование или рекомендации знакомым, они также использовали различные средства давления на избирателей. Первые попытки использования солдат и ветеранов в выборах в означенных условиях имели место в 101–100 гг. до н.э. Они были связаны с политической деятельностью Луция Апулея Сатурнина и Гая Сервилия Главции. Благодаря принятию соответствующего аграрного законодательства 103 и 100 гг. до н.э., которое обеспечивало наделение землей ветеранов Мария, эти лидеры популяров получили их поддержку во время выборов (App. B.c., I, 28–30; Plut. Mar., 28–29). В 101 г. до н.э. Сатурнин баллотировался на должность народного трибуна. Во время голосования, когда было выбрано уже девять трибунов и все указывало на то, что десятым будет сторонник оптиматов Авл Нонний, люди Сатурнина спровоцировали суматоху, во время которой Нонний был убит (App. B.c. I. 28; Plut. Mar. 29; Flor. II. 4; Oros. V. 17. 3). Из эпитом Ливия следует, что это убийство Сатурнин организовал при помощи солдат. Причем наиболее правдоподобно было бы предположить, что это были ветераны Мария (Liv. Per. 69).

С использованием подобных же методов проходили выборы консулов в 100 г. до н.э. Кандидатами были М. Антоний (известный оратор), Гай Меммий (народный трибун 111 г. до н.э.), а также совместно Сатурнин и Главция. Когда в результате голосования уже был избран М. Антоний, а подсчет голосов все более указывал на неминуемую победу Меммия, сторонники Сатурнина напали на Меммия и убили его (App. B.c. I. 32; Liv. Per. 69; Oros. V. 17. 5). Правда, из имеющихся в наличии источников трудно установить, кто совершил убийство, однако по аналогии можно предположить, что это дело рук все тех же ветеранов Мария.

Использование армии для оказания давления в ходе выборов приняло широкие масштабы в 77 г. до н.э. Консул 78 года Марк Эмилий Лепид, который был главой движения за восстановление сулланского законодательства, специально спровоцировал политический кризис. Будучи в Этрурии с войсками, направленными на подавление мятежа, он отказался прибыть в Рим для проведения выборов, что вело к объявлению interregnum (App. B.c. I. 107; Saill. Hist. I. 77. 22). Лишь с началом 77 г. Лепид решил идти на Рим и стал с войском в окрестностях города (Saill. Hist. I. 77. 15). Т. е. Лепид добивался включения своей кандидатуры на очередные консульские выборы. Однако это противоречило leges annals и lex Cornelia de magistratibus, запрещавшим повторный консулат в течение десяти лет. Представляется правдоподобным, что намерение Лепида состояло в использовании факта нахождения под его началом армии, расположившейся вблизи Рима, для оказания давления на сенат. Однако Лепиду не удалось добиться желаемого – сенат использовал против него другую армию, сражение с которой закончилось поражением Лепида (App. B.c. I. 107).

Другой пример использования армии для обеспечении благоприятных результатов выборов имел место в 71 г. до н.э. В консульских выборах участвовали Помпей и Красс. Однако первый, согласно leges annales, не мог на законных основаниях претендовать на данную магистратуру. Помпею в это время было 35 лет, в то время как минимальный возраст для занятия консульского кресла составлял 43 года. Кроме того, Помпей не прошел ни одной из установленных законом ступеней cursus honorum (App. B.c. I. 107; Plut. Pomp. 21; Liv. Per. 97). Красс в этом отношении находился в лучшем положении: достиг необходимого возраста и уже имел ранг претора (App. B.c. I. 121; Liv. Per. 96, 97). Однако решающую роль сыграл тот факт, что в распоряжении этих кандидатов имелись находившиеся вблизи Рима войска (Помпей незадолго перед тем вернулся во главе войск, действовавших против Сертория, а Красс не успел еще распустить армию, сражавшуюся со Спартаком) (App. B.c. I. 121; Plut. Pomp. 21–22; idem. Crass. 11–12). Сенат был вынужден пойти на уступки: было принято специальное постановление, в порядке исключения освобождавшее Помпея от требований leges annales относительно возраста и cursus honorum (Cic. De imp. Cn. Pomp. 62).

Можно предположить, что помощью своих испанских ветеранов Помпей пользовался и позже. Соответствующую гипотезу предложил Р. Смит, который считал, что ветераны

Помпея сыграли решающую роль во время выборов народных трибунов в 68 и 67 гг. до н.э., поддержав кандидатуры Габиния и Манлия [1, p. 82–85].

Показательной для оценки роли солдат и ветеранов в выборах была избирательная кампания 63 г. до н.э. За консулат боролись Л. Лициний Мурена, Д. Юний Силан, С. Сульципий Руф, а также уже в четвертый раз Л. Сергий Катилина. Кандидаты активно пользовались подкупом избирателей, что стало причиной принятия двух SC (сенатских постановлений), а также lex Tullia de ambitu (Cic. Pro Mur. pass.; idem. Pro Sull. 51; Plut. Cic. 14; Cass. Dio. XXXVII. 29).

Однако Катилина рассчитывал также на поддержку ветеранов Суллы. Согласно Плутарху и Цицерону, Манлий, чтобы обеспечить победу на выборах Катилины, должен был привести из Этрурии на комиции ветеранов (Plut. Cic. 14; Cic. Pro Mur., 49). Как известно, Катилина выборы проиграл. Консулами стали Мурена и Силан. Причем здесь необходимо обратить внимание на то, что в выборах принимали участие ветераны Лукулла, легатом которого в войне с Митридатом был как раз Мурена. На решающую роль этих обстоятельств для победы противника Катилины указывает Цицерон (Cic Pro Mur., 37).

На консульских выборах 50-х гг. I в. до н.э. своих солдат неоднократно использовал Цезарь. Так было в 55 г., когда Цезарь поддержал кандидатуры двух других членов первого триумвирата – Помпея н Красса (Cass. Dio. XXXIX. 27–29, 31; App. B.c. II, 17; Plut. Pomp. 51–52; idem. Crass. 14–15; idem. Cat. Min. 41; Val. Max. VI, 26). В 54 г. Цезарь имел намерение таким же образом поддержать на консульских выборах кандидатуру Гая Меммия (Cic. Ad Att. IV, 16, 6). Также в 51 г. Цезарь прислал из Галлии на выборы солдат, чтобы поддержать кандидатуру М. Калидия (Plut. Pomp. 58).

Таким образом, в I в. до н.э. римская армия становится существенной силой, действия которой имели иногда для результатов выборов решающее значение. Разумеется, даже несмотря на данную динамику, все же не во всех случаях, как мы можем видеть, использование солдат и ветеранов в качестве направляемой электоральной силы было результативным. В ряде случаев лишь прямое насилие или угроза его применения приводили к искомому результату. С другой стороны, стоит обратить внимание и на то, что армию использовали в политической борьбе как оптиматы, так и популяры. А это уже создавало в перспективе предпосылку к превращению армии из орудия в руках политических лидеров в корпоративную силу, в принципе способную навязывать политикам свою волю [2, с. 185]. Однако результативность такого «навязывания воли» требовала сплоченности войска. Армия же Рима превращается в относительно замкнутую социальную структуру лишь в эпоху Империи, когда в условиях отмирания избирательной системы Республики для выражения корпоративной воли солдатской массы не остается ординарных политических средств. Именно мятеж становится тем более неизбежной формой политической активности солдат, чем интенсивней шел процесс замыкания данного социума, превращавшегося в особую корпорацию [3, с. 57].

Такого рода корпоративность, заложенная реформой Мария, уже на заре Империи была очевидным фактором политической жизни. В этот период легионы, реализуя свою коллективную волю, добивались соглашения между наследниками Цезаря. Так, набранные Октавианом ветераны оставляют его, когда им становится известно, что им предстоит отправиться на войну с Антонием (App. B.c. III. 41–42). Воины Антония и Октавиана, которые прежде служили в одних легионах, неоднократно отказывались сражаться друг против друга (Cic. Ad. fam. XI. 10. 4), мирили вождей цезарианской партии, то есть выступали с инициативой принятия политических решений, обусловленных корпоративным сознанием легионеров (App. B.c. XXIII. 46–47). А.В. Игнатенко в этой связи пишет, что в 40-е гг. I в. до н.э. «значение легионов как политической силы достигло такой степени, что это начинают осознавать сами легионеры, особенно их профессиональное ядро из ветеранов и центурионов, пытающееся оказать давление на политику и поведение самих полководцев» [4, с. 120]. Судя по всему, стремлением Августа «деполитизировать» войско была вызвана военная реформа, одним из составляющих которой было массовое увольнение в отставку ветеранов участников гражданских войн [5, с. 116]. И если во времена Республики проявление политической активности солдат, в частности, если говорить о периоде гражданских войн 40–30-х гг. до н.э.,

в источниках мятежом (seditio, tumultus, turbulentus) не называется, то иная ситуация наблюдается относительно эпохи Империи. Это закономерно: с августовской «деполитизацией» армии спонтанность действий солдатской массы должна была возрасти.

Вместе с тем авторы императорского времени по сути своими сообщениями свидетельствуют о наличии определенной программной линии в требованиях и поведении мятежных войск. Так, Веллей Патеркул, повествуя о мятежах легионов, имевших место в 14 г., пишет: «Войско, действовавшее в Германии и находившееся под непосредственным командованием Германика, и одновременно легионы, находившиеся в Иллирике,… потребовали себе нового военачальника, новый устав, новое управление. Они даже осмелились утверждать, что дадут сенату, принцепсу законы, и сами попытались установить себе размер жалования, сроки службы» (пер. А.И. Немировского, М.Ф. Дашковой) (Vell. Pat. II. 125. 1–2).

Иначе говоря, солдаты, выступая, на первый взгляд, совершенно стихийно с требованиями социального характера, не останавливались ради удовлетворения таковых перед решительным действиями уже по сути политического характера. Вероятно, именно так следует понимать угрозу «дать законы». Отсюда допущение элемента относительной организованности действий мятежных солдат.

Относительно социальных требований солдат авторы высказываются достаточно определенно. Это, прежде всего, уже упомянутые увеличение жалования и сокращение сроков службы. У Тацита приводится также версия о таком мотиве бунта, как «надежда на добычу в междоусобной войне» (Tac. Ann. I. 16). Гораздо убедительнее указания на «жестокость центурионов» (Tac. Ann. I. 23, 31). В ходе упомянутого мятежа германских легионов солдаты, обращаясь к Германику, приводят достаточно длинный список претензий. Бунтующие солдаты в ответ на вопрос о причинах возмущения «обнажают тела, укоризненно показывая ему на рубцы от ран, следы плетей; потом они наперебой начинают жаловаться на взятки, которыми им приходится покупать увольнение в отпуск, на скудость жалования, на изнурительность работ, упоминают вал и рвы, заготовку сена, строительного леса и дров» (пер. А.С. Бобовича) (Tac. Ann. I. 35).

Требование облегчения тягот, связанных со строительными и другими работами, представляется тем более симптоматичным для характеристики солдатского мятежа, что именно посредством работ в римской армии традиционно поддерживалась дисциплина. На этот счет достаточно красочные примеры и рекомендации дают «теоретики» военного строительства Фронтин и Вегеций (Fronto. Strat. I. 9; IV. 1; Flav. Veg. III. 4). Выступая за ограничение работ, солдаты таким образом выступали с требованием изъятия принципиального элемента римского армейского этоса – дисциплины. Вообще, праздность солдат, как это представлялось современникам, являлась одной из важнейших предпосылок солдатского своеволия (Tac. Ann. II. 55; XIII. 35; SHA. Pes. Nig. 3. 10–11; Avid. Cass. 5. 2; Alex. Sev. 53. 2, 7). Однако данная позиция авторов не отменяет программной сути социальных требований солдатской массы, которые в основном были ориентированы на получение достойной награды по итогам службы. Не случайно во время встречи Германика с мятежными солдатами «громче всех шумели в рядах ветераны» (пер. А.С. Бобовича) (Tac. Ann. I. 35).

В эпоху Принципата солдаты легионов, т. е. не преторианцы, относительно редко становились субъектом принятия решений по кандидатурам на высшую власть в государстве. Одним из подобных случаев для периода Юлиев – Клавдиев представляется момент в развитии бунта германских легионов в 14 г., о котором пишет Светоний: «Германские войска не желали даже признавать правителя (Тиберия. – *С.Т.*), не ими поставленного, и всеми силами побуждали к захвату власти начальствовавшего над ними Германика, несмотря на его решительный отказ» (пер. М.Л. Гаспарова) (Suet. Tib. 25. 1–2). Далее, начиная с мятежа, приведшего к власти Максимина Фракийца, возникает обычай, когда легионеры «принуждают» императора взять власть, прибегая при этом даже к угрозам физической расправы (см. Herod. VI. 8–9).

Вегеций пишет о солдатском мятеже, что «никогда вся масса по единодушному решению не нарушает порядка». Однако он же указывает, что эта солдатская масса «подстрекается немногими, которые надеются на безнаказанность за свои пороки и преступления в случае, если их вину разделят многие» (Flav. Veg. III. 4). В тацитовом рассказе о восстании в

паннонских легионах упоминаются некоторые возможные вожаки выступления. Таким агитатором, призывавшим к мятежу, был «некий Перценний, в прошлом глава театральных клакеров, затем рядовой вони, бойкий на язык и умевший благодаря своему театральному опыту распалять сборища» (Tac. Ann. I. 16). Подобный же тип зачинщика мятежа представляет собой другой агитатор бунта, некий рядовой воин по имени Вибулен (Tac. Ann. 1. 22). Сам факт сохранения этих имен в сообщении Тацита может быть косвенным указанием на достаточную активность Перценния и Вибулена, а также их единомышленников. Во всяком случае, в представленных Тацитом примерах угадывается отнюдь не спонтанность, но вероятная долговременность действий агитаторов типа Перценния. Косвенным указанием на некое подобие активного ядра восстания является разделение Тацитом участников мятежа на группы по степени включенности в действия, направленные против командиров (Tac. Hist. I. 52).

Таким образом, положение армии в политической системе Рима на рубеже Республики и Империи меняется под влиянием некоторых факторов. Основными из таковых стали, во-первых, свертывание полномочий и деятельности комиций, а во-вторых, прогрессирующее превращение армии в закрытое сообщество. Именно солдатский мятеж эпохи Принципата представляется явлением, известным образом отмечающим осознание солдатами своих корпоративных интересов. Реализуясь как корпоративная сила, армия в течение периода кризиса Республики и становления «республиканской монархии» поэтапно превращается из объекта политических манипуляций вождей в субъекта политической системы Принципата, задавая своими действиями стратегическую линию государственного развития. Закономерным итогом данной тенденции явилась «диктатура легионов», ставшая одним из проявлений кризиса III в. [6, с. 52].

Литература

1. Smith, R.E. The lex Plotina Agraria and the Pompey Spanish Veterans / R.E. Smith // Classical Quarterly. – 1957. – № 2. – P. 76–99.

2. Игнатенко, А.В. Армия в государственном механизме рабовладельческого Рима эпохи Республики / А.В. Игнатенко. – Свердловск : Средне-Уральское книжн. изд-во, 1976. – 214 с.

3. Махлаюк, А.В. Армия Римской империи. Очерки традиций и ментальности / А.В. Махлаюк. – Нижний Новгород : изд-во Нижегородск. ун-та, 2000. – 235 с.

4. Игнатенко, А.В. Древний Рим: от военной демократии к военной диктатуре / А.В. Игнатенко. – Свердловск : изд-во Уральского ун-та, 1988. – 157 с.

5. Парфенов, В.Н. Император цезарь Август: Армия. Война. Политика / В.Н. Парфенов. – СПб. : Алетейя, 2001. – 278 с.

6. Сергеев, И.П. Римская империя в III в. нашей эры. Проблемы социально-политической истории / И.П. Сергеев. – Харьков : Майдан, 1999. – 223 с.

Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 341.43«1939»(438)(476)

Социально-экономические преобразования сельского хозяйства западных областей Беларуси (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.)

Д.М. Толочко

В статье рассматриваются социально-экономические преобразования сельского хозяйства западных областей Беларуси в сентябре 1939 – июне 1941 гг. Автор приходит к выводу, что в деревне социально-экономические преобразования проводились более медленными темпами по сравнению с торговлей и промышленностью. Руководство страны отошло от практики тотальной коллективизации путем «нажима» сверху, избрав путь экономического давления на единоличников.
Ключевые слова: сельское хозяйство, коллективизация, социально-экономические преобразования, единоличники.

The article deals with socio-economic transformation of agriculture in the western regions of Belarus in September 1939 – June 1941. The author concludes that in the countryside socio-economic reforms were carried out at a slower pace than in the trade and industry. The country's leadership departed from the practice of all-out collectivization by "pressure" from above, choosing the path of economic pressure on the individual farmers.
Keywords: agriculture, collectivization, socio-economic transformation, individual farmers.

Сентябрь 1939 г. стал знаменательной вехой в истории белорусского народа. Именно тогда произошло его объединение в едином государстве. Одним из актуальных вопросов в рамках данной темы является проблема социально-экономических преобразований в сельском хозяйстве западных областей Беларуси на протяжении сентября 1939 – июня 1941 гг.

В сельской местности крестьяне, организуемые крестьянскими комитетами, уже в первые дни установления советской власти в регионе начали делить помещичьи, церковные земли. Необходимо отметить, что большую роль здесь сыграли бойцы Красной Армии, политработники, члены Временных управлений, которые активно проводили агитацию среди крестьян [1, л. 21]. Вместе с тем не обходилось без издержек. Так, крестьяне Парфиановской волости Дисненского уезда начали «произвольно растаскивать помещичьи имения, скот и другое имущество, в результате получилось, что некоторые крестьяне …взяли себе 1–2 коровы, а многие бедняки, не имеющие своей собственной коровы, не получили ничего» [2, л. 224]. Подобная ситуация в отдельных случаях наблюдалась и с разделом земли. Кроме того, отмечались факты, когда избираемые в состав крестьянских комитетов кулаки саботировали раздел земли.

Важнейшим официальным документом, в котором юридически была закреплена конфискация помещичьих земель, стала Декларация Народного собрания о конфискации помещичьих земель [3, л. 14–15]. Отдельные руководители на местах начали ошибочно трактовать это постановление. Так, председатель Временного управления Виленской области Я.А. Жилянин объявил о конфискации церковных земель, в отношении которых речь в декларации не шла. 12 ноября 1939 г. на заседании бюро ЦК КП(б)Б специально рассматривался этот вопрос. В результате была принята резолюция о немедленном исправлении допущенной ошибки [4, л. 13].

Руководство республики не стремилось форсировать проведение коллективизации, опасаясь, что это может создать неблагоприятную обстановку в регионе. В уже упомянутом выше постановлении Военного Совета Белорусского фронта № 01 подчеркивалось: «Никаких колхозов пока не строить и никаких призывов к устройству колхозов пока не делать» [5, с. 51]. Выступая на совещании председателей Временных управлений 4 октября 1939 г., П.К. Пономаренко по этому поводу заявил: «Земля и крестьянский вопрос – это самые слож-

ные сейчас. Сейчас какая задача? Поднять крестьян, чтобы делили землю помещичью, били им морду… К созданию колхозов не призывайте и колхозов не стройте».

На протяжении октября – декабря 1939 г. в регионе проводились мероприятия, направленные на изучение обстановки в деревне по поводу возможности создания в будущем коллективных хозяйств. Наряду с этим шла активная пропагандистская кампания, имеющая цель показать крестьянству преимущества коллективных хозяйств. Для этих целей сюда были посланы десятки агитаторов и пропагандистов. Особая роль в этой работе отводилась прессе. В местной периодике публикуются десятки статей, рисующих безбедное существование колхозников в БССР. Например, депутат Народного Собрания Западной Беларуси так описывает свои впечатления от увиденного: «Мы паехалі за 40 км ад Мінска ў калгас “Чырвоны баец”. За годы калгаснага ладу, як нам расказвалі калгаснікі, веска змяніла свае аблічча. Пабудован вялікі клуб з добра абсталяванай залай. У клубе ўстаноўлена гукавая апаратура. Тут часта дэманструюцца навейшыя гукавыя кінафільмы. Есць свая электрастанцыя, якая асвятляе кватэры калгаснікам, есць лазня, якой могуць пазайздросціць жыхары горада, есць школа, кааператыў, радзільны дом і бальніца. Амаль усе працаемкія работы ў калгасе робяць машыны» [6, с. 2].

Наиболее позитивно идею создания колхозов восприняло беднейшее крестьянство. Они мотивировали свой выбор тем, что «в колхозе легче будет жить и работать, ибо у нас нет семян, мало коров». Большинство середняков к вопросу создания колхозов отнеслись довольно настороженно. Например, местный житель Алесь Белокоз вспоминает, что непосредственно после похода Красной Армии у них в семье царила радостная обстановка, однако мать отнеслась к этому событию не так восторженно, она говорила: «Не радуйтесь сильно, говорят, большевики колхозы создают. Люди работают там целый год, а платы никакой. Говорят, там с голоду умирают» [7, с. 48]. В большинстве своем негативно восприняла перспективу создания колхозов зажиточная часть крестьянства, в первую очередь кулаки и часть середняков. Так, на отчетном собрании депутата Народного собрания и члена полномочной комиссии в деревне Каяты Видзовской волости был задан вопрос: «Будут ли колхозы?». Зажиточная часть крестьян и часть середняков тут же заговорили: «Не хотим колхозов, мы не брали помещичьей земли» [8, л. 5].

О том, что курс на коллективизацию в Западной Беларуси был взят руководством страны уже в начале 1940 г., свидетельствует тот факт, что при остром малоземелье в регионе не были отданы нуждающимся крестьянам все конфискованные у помещиков и осадников земли. Например, в Дисненском районе из 22 509 га помещичьей земли им досталось только 5233 га. В Глубокском районе – 4174 га. В Браславском районе еще спустя год, к началу 1941 года, оставался, по существу бесхозной, 661 га земли [9, с. 7].

Одним из дискуссионных вопросов в отечественной историографии является время создания первых колхозов. Так, известный историк В.А. Полуян в статье «Сацыяльна-эканамічныя і культурныя ператварэнні (1939–1950 гг.)» утверждает, что первый колхоз образовался в деревне Хожево Молодеченского района Вилейской области осенью 1939 г. [10, с. 111]. В то же время отечественный исследователь М.В. Василючек в публикации «Да пытання аб стварэнні першых калгасаў у заходніх абласцях Беларусі» приходит к выводу о том, что колхозы в регионе возникли не ранее января 1940 г. [11, с. 18–19]. В качестве подтверждения данного тезиса автор ссылается на материалы отечественной периодики. На наш взгляд, вторая точка зрения более близка к истине. Одним из аргументов в пользу этого могут служить слова П.К. Пономаренко, сказанные им 7 января 1940 г. на совещании по поводу работы в Западной Беларуси: «Так, вот если насчет колхозов, у нас еще нет ничего» [12, л. 25].

Колхозное строительство в Западной Беларуси начало осуществляться по решению руководства республики. Какого-либо письменного постановления на этот счет нами обнаружено не было. Возможно, ответственные лица республики, в первую очередь лично П.К. Пономоренко, в устных беседах с руководителями западных областей Беларуси напрямую давали указания по созданию колхозов. Так, в докладной на имя И.В. Сталина «О мероприятиях по Западной Беларуси» от П.К. Пономаренко говорилось в этой связи следующее: «2 января 1940 г. мною дано распоряжение: По требованию крестьян создавать колхозы».

Активность крестьян, в первую очередь беднейших, при создании колхозов была весьма высокой. Так, если к 20 февраля 1940 г. в регионе действовало 9 колхозов, на 1 марта их насчитывалось 59, то к 1 мая 1940 г. количество колхозов составило 490 [13, л. 153]. Вместе с тем необходимо отметить, что наблюдались случаи, когда инициаторами создания колхозов выступали зажиточные категории крестьянства, более того, последние нередко избирались в правления колхозов. Указанные факты тщательно отслеживались и пресекались. Позиция отдельных представителей зажиточной части деревни в отмеченных выше случаях объяснялась в первую очередь желанием обезопасить себя от возможных репрессий со стороны властей. Эти опасения были не лишены оснований. Так, уже 10–13 февраля 1940 г. была проведена операция по выселению 50 732 осадников и работников лесной охраны из западных областей Беларуси.

Имели место ошибки со стороны руководства на местах при проведении коллективизации. Так, в докладной секретаря Вилейского обкома в ЦК КП(б)Б отмечалось, что при организации колхоза имени В. Молотова Мядельского района на собрании крестьян присутствовало 27 человек, а подали заявление о вступлении в колхоз 100 человек [14, л. 68]. В деревне Вейно Ленинского района Пинской области коммунист Белов продержал крестьян на собрании до 5 часов утра, «пока не добился решения всем как одному вступить в колхоз» [15, л. 118]. Можно привести и другие примеры. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что такого рода случаи были явлением исключительным. Они тщательно отслеживались, затем немедленно устранялись, виновные привлекались к строгой ответственности вплоть до исключения из партии. Руководство страны не хотело накалять обстановку в деревне.

Создание колхозов осложнялось не только ошибками со стороны местных властей, но противодействием со стороны зажиточной части крестьянства. Начиная с весны 1940 г. она становится на путь борьбы с колхозным строительством. Это выражалось в антиколхозной пропаганде, клевете на советскую действительность, наблюдались также случаи поджогов колхозных строений, избиений и убийств сельских активистов. Об этих фактах неоднократно доносило руководство обкомов, райкомов в ЦК КП(б)Б, фиксировали подобные случаи органы НКВД БССР.

Однако, несмотря на указанные выше факты, руководство страны отказалось от проведения в регионе политики раскулачивания. Государство избрало путь экономического давления на зажиточную часть деревни. Так, на территории западных областей были введены обязательные поставки сельхозпродуктов по фиксированным ценам. При этом нормы поставок для единоличников зависели в первую очередь от количества находящейся в их пользовании земли. Например, по мясу поставки устанавливались следующим образом: минимальная норма начислялась дворам, имеющим до 2 га земли (20 кг мяса в год), максимальная – более 25 га (300 кг). Вместе с тем колхозным дворам устанавливалась единая норма – 15 кг. Подобная разница наблюдалась и в отношении других продуктов [9, с. 11]. Кроме того, изменялась налоговая система. Вводился единый сельскохозяйственный налог, который начислялся в зависимости от доходности хозяйства.

В процессе проведения налогообложения крестьянских хозяйств наблюдались значительные ошибки. Например, в Старо-Богатырском сельсовете Сопоцкинского района Белостокской области единоличник Бердницын засеял только 2 га земли, а поставки начислены из расчета 6 га земельной площади. В то же время наблюдались и обратные случаи. В деревне Каралин того же района кулаку Ярковскому начислены поставки исходя из наличия у него 2,22 га земли, в то время как в действительности у него имелось 22,22 га [16, л. 32]. В этой связи ЦК КП(б)Б в 1940 г. даже был вынужден принять постановление «Об извращении закона при начислении обязательных поставок сельхозпродуктов в некоторых районах западных областей».

Часть единоличников бойкотировала выполнения селхозпоставок. Например, ксендз Соколковского района Белостокской области сдал только 4,8 центнеров зерна, в то время как ему было начислено 67,5 центнеров, а от сдачи остальной части категорически отказался. Середняк Свислосчкого района заявил: «Для сдачи государству зерна у меня не хватает, и

чтобы увеличить вес, я всыпал три фуражки песка» [17, л. 168]. Кулацкая и середняцкая часть населения деревни, кроме бойкотирования сельхозпоставок, применяла и другие формы уклонения. Так, чтобы уменьшить величину поставок, они отказывались от части земли, дробили, утаивали свои наделы, осуществляли убой скота. Следует отметить, что коллективные хозяйства не играли заметной роли в экономике западных областей. Всего до июня 1941 года было создано 1115 колхозов, которые объединяли около 49 тысяч (6,7%) крестьянских хозяйств и 7,8% земли и 28 колхозов [5, с. 22]. В большинстве своем в колхозы вступали представители бедняцкой части крестьянства. На 1 октября 1940 г. они составляли 57,6% от общего количества членов коллективных хозяйств. Так как основным поставщиком сельхозпродукции государству оставались единоличные хозяйства, это приводило к снижению сельскохозяйственного производства, росту потребительских настроений в деревне и повышению цен на сельскохозяйственные продукты [5, с. 22].

Величина государственных поставок вызывала недовольство как зажиточных, так и малоимущих крестьян. Более того, налоговая политика в деревне нанесла удар не только по индивидуальным хозяйствам, но и по колхозам. Начиная с осени 1940 г. среди отдельных колхозников отмечаются настроения такого рода: «Если выполним государственную поставку, то и детей отдадим», – заявил колхозник Видейского сельского совета. Колхозница Скидельского района Лебедева среди колхозников говорила: «Так вот ждали свободы и дождались свободы. Вместо 8-часового рабочего дня будем работать 24 часа. В колхозе будешь работать день и ночь за кусок хлеба и гнилую картофель» [17, л. 125]. Такие настроения были неудивительными, если учесть, что в отдельных колхозах, в частности в Белостокской области, после уплаты колхозами сельхозналогов предполагалось выплатить большинству колхозников из расчета на один трудодень от 1 до 5 кг зерновых, от 5 до 10 кг картофеля, от 50 коп. до 1 руб [5, с. 137]. Несмотря на то, что данные начисления были выше, чем в некоторых колхозах восточных регионов БССР, крестьяне Западной Беларуси рассчитывали на большее.

Указанные факты, а также антиколхозная агитация со стороны кулацкой части населения деревень, ошибки руководства на местах при проведении коллективизации приводили к выходу крестьян из колхозов [5, с. 138]. Вместе с тем следует отметить, что это явление было скорее исключением, чем правилом. Так, в Белостокской области на 10 октября 1940 г. насчитывалось 163 колхоза, которые объединяли 6841 хозяйство, а вышло из них всего 132 хозяйства [5, с. 137–138]. По преимуществу колхозы справились с весенним севом, уборкой урожая, полностью рассчитались с государством по поставкам хлеба. Средняя урожайность составила по зерновым в Белостокской области 7–7,5 центнеров с 1 га, по картофелю – 120–125 [5, с. 137].

Таким образом, политика «советизации» в экономике региона начала осуществляться уже с первых дней установления советской власти. Инициатором ее проведения было партийное руководство страны и республики. Наиболее ускоренными методами она проводилась в сфере промышленности и торговли. В деревне экономические преобразования проводились более медленными темпами. Руководство страны отошло от практики тотальной коллективизации путем «нажима» сверху, избрав путь экономического давления на единоличников. Это обстоятельство также в немалой степени способствовало возникновению в регионе дефицита продовольственных товаров, росту цен на них.

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1584. Докладные и информации обкомов, горкомов и райкомов КП(б)Б о выполнении решений вышестоящих организаций и др.

2. Там же. – Д. 1681. Спецсообщения, докладные и справки органов НКВД (сентябрь 1939 – октябрь 1939 гг.).

3. Там же. – Д. 1755. Сводки об экономическом положении в западных областях Белоруссии.

4. Там же. – Д. 1505. Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), постановления и выписки из постановлений Экономсовета при СНК СССР.

5. Беларуская нацыя: уз'яднанне. Верасень 1939 г. – чэрвень 1941 г. : зб. дакументаў і матэрыялаў / аўт.-уклад. У.Ф. Ладысеў. – Мінск : Бел. дзярж. ун-т, 2004. – 199 с.

6. Вілейская праўда. – 1939. – 5 снежня.

7. Белакоз, А. 1939–1989. Праз 50 гадоў: успаміны, думкі, сенняшні погляд / А. Белакоз // Маладосць. – 1989. – № 9. – С. 148–150.

8. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1533. Проекты постановлений ЦК КП(б)Б и СНК БССР, в основном, по Западной Беларуси и материалы к ним (октябрь 1939 – август 1940 гг.).

9. Аграрные преобразования в Вилейской области, 1939–1941 гг. Документы и материалы / НАРБ ; сост. : И.Н. Курков [и др.]. – Минск, 2001. – 173 с.

10. Палуян, У. Сацыяльна-эканамічныя і культурныя ператварэнні (1939–1950 гг.) / У. Палуян // Назаўседы разам : да 60-годдзя ўз'яднання Заходняй Беларусі з БССР. – Мінск : БелЭн. – 1999. – С. 109–115.

11. Васілючак, М.В. Да пытання аб стварэнні першых калгасаў у заходніх абласцях Беларусі / М.В. Васілючак // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Я. Купалы. – 2001. – № 2. – Сер. 1. – С. 16–22.

12. НАРБ. – Ф. 4. – Оп. 21. – Д. 1907. Особые папки к протоколам заседаний бюро ЦК КП(б)Б.

13. Там же. – Д. 1873. Докладные о положении в уездах Западной Белоруссии и материалы о Польше.

14. Там же. – Д. 1940. Докладные, информации и переписка парторганизаций Западной Белоруссии по организационным, хозяйственным, политическим и др. вопросам (январь 1940 г. – апрель 1940 г.).

15. Там же. – Д. 1874. Докладные о положении в уездах Западной Белоруссии и материалы о Польше.

16. Там же. – Д. 2199. Информации о важнейших фактах в жизни местных парторганизаций.

17. Государственный архив общественных объединений Гродненской области. – Ф. 6195. – Оп. 1. – Д. 91. Спецсообщения и докладные работников НКВД, суда, прокуратуры о состоянии работы отдельных организаций и предприятий и об антисоветской деятельности контрреволюционных и враждебных элементов в области.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 94:355(476+474.5)“1812”

Адроджаная прагай да свабоды: армія Вялікага княства Літоўскага 1812 года

С.А. Чаропка

У артыкуле даследуецца працэс адраджэння арміі ВКЛ падчас франка-расійскай вайны 1812 г. Вывучаюцца пытанні механізмаў фарміравання падраздзяленняў, іх колькасны склад, фарміраванне афіцэрскага корпуса. Прасочваецца ўдзел арміі ВКЛ у баявых дзеяннях і лёс яе жаўнераў пасля заканчэння напалеонаўскіх войнаў.
Ключавыя словы: франка-расійская вайна 1812 года, Напалеон, армія ВКЛ, бітва каля вёскі Студзёнка, афіцэры арміі ВКЛ, пяхота, уланы, стральцы.

This article explores the process of regeneration of the army of the Great Duchy of Lithuania during the French-Russian war of 1812. It investigates the mechanisms of the formation of the units, their size, staffing of the officer corps. This article examines the participation of the army of the GDL in combat and the fate of its warriors following the end of the Napoleonic wars.
Keywords: French-Russian war of 1812, Napoleon, army of Great Duchy of Lithuania, battle of Berezina, Lithuanian army officers, infantry, lancers, riflemen.

Франка-расійская вайна 1812 г. стала, як і многія папярэднія войны ў нашай гісторыі, надзвычай неадназначнай з’явай. Частка жыхароў Беларусі, многія з якіх нарадзіліся яшчэ ў ВКЛ, прагнулі адраджэння Рэчы Паспалітай (РП), неад’емнай часткай якой яны лічылі і беларускія землі ВКЛ. Асабліва актуальным гэта пытанне стала пасля ўтварэння на захопленых прусакамі і аўстрыйцамі падчас трэцяга падзелу землях РП Варшаўскага княства. У патрыятычна настроеных колах былой Кароны і ВКЛ узнікла надзея на адраджэнне польска-літоўскай дзяржавы, многія шляхціцы з Літвы і Беларусі ўцякалі ў адроджаную Польшчу. Шмат былых афіцэраў ВКЛ далучыліся да арміі Варшаўскага княства, сярод якіх былі генерал М. Грабоўскі, камандзір 1 пяхотнага палка; генерал М. Радзівіл, камандзір 5 пяхотнага палка; К. Чартарыйскі, палкоўнік 16 пяхотнага палка; Д.І. Радзівіл, палкоўнік 8 уланскага палка; Я. Вейсенгоф, камандзір 12 пяхотнага палка і іншыя. Многія з іх яшчэ ў 1792 г. абаранялі РП ад расійскіх войск, затым былі ўдзельнікамі паўстання 1794 г. пад кіраўніцтвам Т. Касцюшкі. Іншая частка палітычнай эліты былога ВКЛ, якая знаходзілася на падкантрольных Расіі беларускіх землях, распрацавала праект стварэння аўтаномнага ВКЛ у складзе Расіі, але гэтая ідэя не ажыццявілася [1], [2]. Грамадска-палітычнае жыццё віравала, таму няма нічога дзіўнага, што з пачаткам франка-расійскай вайны 1812 г. значная шляхта палітычнай эліты былога ВКЛ у спадзяванні на адраджэнне айчыны падтрымала Напалеона.

Вайна 1812 г. на Беларусі не магла застацца па-за ўвагай даследчыкаў. За савецкім часам нешматлікія беларускія даследчыкі звычайна адлюстроўвалі агульнарасійскі падыход да гэтай праблемы, звяртаючы ўвагу пераважна на сацыяльна-эканамічныя аспекты вайны. З набыццём беларускім народам дзяржаўнай незалежнасці ўвага айчынных гісторыкаў стала засяроджвацца менавіта на ролі Беларусі і яе жыхароў у вайне 1812 г., у тым ліку і на тэме стварэння арміі ВКЛ у 1812 г. [2]–[13].

Расійская гістарыяграфія праблемы мае даўнія карані. Яшчэ з 20-х гг. XIX ст. вайна 1812 г. актыўна і шырока даследавалася расійскімі гісторыкамі, але яе асаблівасці для беларускага народа выдзелены не былі. За савецкім часам агульны падыход да ацэнкі вайны не змяніўся. Асноўная ўвага надавалася адлюстраванню змагання беларускага насельніцтва супраць французаў. Пасля распаду СССР расійская гістарыяграфія засталася на старых пазіцыях у адносінах да ролі і месца зямель Беларусі ў падзеях 1812 г., але з’явіліся асобныя работы, якія былі прысвечаны вывучэнню арміі ВКЛ [14]–[18].

Польская гістарыяграфія вайны 1812 года зарадзілася ў пачатку XX ст. і ў цэнтры яе ўвагі апынуліся пераважна сацыяльна-эканамічныя пытанні, праблемы арганізацыі арміі. Су-

часныя польскія даследчыкі надаюць вялікую ўвагу становішчу на беларускіх землях падчас вайны 1812 г., тэме ваенных фарміраванняў беларускай шляхты і іх ролі ў вайне 1812 г. [19]–[23]. Спробу аналізу шляхоў стварэння арміі ВКЛ зрабілі і літоўскія гісторыкі [24]. Нягледзячы на значны гістарыяграфічны задзел, тым не менш існуе вялізны патэнцыял для далейшага вывучэння абранай тэмы і, перш за ўсё, яе асобных аспектаў.

22 чэрвеня Напалеон выдаў адозву, у якой ён абвясціў аб пачатку "другой польскай вайны", што не магло пакінуць беларускую шляхту абыякавай [25, с. 14]. 1 ліпеня 1812 г. французскі імператар падпісаў дэкрэт аб стварэнні Камісіі часовага ўрада ВКЛ, фактычна пачаўся працэс аднаўлення дзяржаўнасці ВКЛ. Як у выпадку з Варшаўскім княствам, у склад ВКЛ пераважна увайшлі тэрыторыі, захопленыя Расіяй падчас другога і трэцяга падзелаў РП.

Камісія часовага ўрада станавілася вышэйшым органам цывільнага дзяржаўнага кіравання на тэрыторыі пераўтвораных у дэпартаменты былых Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерній і Беластоцкай акругі. Яна складалася з сямі камітэтаў, кожны з якіх каардынаваў пэўны від дзейнасці. Адным камітэтаў з'яўляўся Ваенны камітэт, які ўзначаліў А. Сапега. Пасля прызначэння 8 ліпеня ваенным губернатарам Літвы Д. Гагендорпа паміж кіраўніком Ваеннага камітэта і новым губернатарам пачаліся супярэчнасці, у выніку якіх А.А. Сапега падаў у адстаўку, а яго на гэтай пасадзе замяніў генерал С. Грабоўскі.

5 ліпеня, падчас уступлення ў Вільню, Напалеон абвясціў аб стварэнні 3 гвардзейскага легкаконнага палка, які часцей называўся 3 Літоўскім палком уланаў Імператарскай гвардыі [19, с. 481]. Полк камплектаваўся валанцёрамі шляхецкага паходжання, а таксама студэнтамі Віленскага ўніверсітэта, ён павінен быў складацца з 5 эскадронаў па 2 роты ў кожным і налічваць 1280 чалавек. У полк залічваліся мужчыны ва ўзросце ад 18 да 40 гадоў, якія маглі экіпіравацца за ўласны кошт. Да лістапада 1812 г. былі сфарміраваны 4 эскадроны. Камандзірам палка быў прызначаны брыгадны генерал Я. Канопка.

Асабіста для імператара была сфарміравана Пачэсная гвардыя пад камандаваннем Г. Агінскага, якая складалася з маладых прадстаўнікоў найбольш знатных магнацкіх фамілій ВКЛ. Членам гэтай гвардыі стаў брыгадны генерал арміі ВКЛ, ад'ютант пры імператарскім штабе Ю.А. Касакоўскі, ветэран вайны 1792 г. і паўстання 1794 г. [24]

Каля 10 ліпеня было вырашана стварыць армію ВКЛ у складзе 5 пяхотных і 4 кавалерыйскіх палкоў [19, с. 480]. Галоўнай мэтай гэтага войска з'яўлялася ахова шляхоў камунікацый на тэрыторыі дэпартаментаў ВКЛ ад рэйдаў расійскай арміі. Камплектацыя палкоў ВКЛ адрознівалася ад падраздзяленняў Варшаўскага княства. Кожны пяхотны полк мусіў складацца з 3 батальёнаў па 6 рот у кожным, у т. л. 4 роты фузілёрскіх, па адной грэнадзёрскай і вальтыжэрскай. У штат роты ўваходзілі па аднаму капітану, паручніку, падпаручніку, старшаму сяржанту, 4 сяржанты, 1 фур'ер, 8 капралаў, 2 добашы і 95 шараговых, усяго 114 чалавек. Штаб палка складаўся з палкоўніка, маёра палка, 3 шэфаў батальёнаў, 3 ад'ютантаў маёраў, квартэрмайстра, 3 медыкаў, 6 ад'ютантаў падафіцэраў, старшага добаша, 2 капралаў-добашаў, 3 рамеснікаў, усяго 24 чалавек. Штатны склад палка налічваў 66 афіцэраў і 2010 падафіцэраў і шараговых [19, с. 498–499].

Кавалерыйскі полк мусіў складацца з 4 эскадронаў па 2 роты кожным і налічваць 981 жаўнера, з іх 42 афіцэры, 939 падафіцэраў і шараговых. Штатны склад роты быў наступным: 1 капітан, 1 паручнік, 2 падпаручнікі, 1 вахмістр, 4 сяржанты, 1 фур'ер, 8 капралаў, 2 трубачы, 100 шараговых, усяго 120 чалавек. Штаб палка складаўся з палкоўніка, маёра палка, 2 шэфаў эскадронаў, квартэрмайстра, 2 ад'ютантаў маёраў, 3 медыкаў, харужага, 2 ад'ютантаў падафіцэраў, штабовага трубача, 7 рамеснікаў, усяго 21 чалавек [19, с. 499].

Такім чынам, паводле планаў агулам войска ВКЛ павінна было налічваць 14 304 вайскоўца, з якіх у пяхоце – 330 афіцэраў і 10050 падафіцэраў і шараговых, у кавалерыі – 168 афіцэраў і 3756 падафіцэраў і шараговых. На ўзбраенне арміі ВКЛ планавалася выдзеліць 1998 карабінаў і 867 шабель для кожнага пяхотнага палка. На ўзбраенне коннага палка планавалася выдзеліць па 939 шабель, пік і пар пісталетаў [19, с. 499].

Палкі арміі ВКЛ атрымалі нумары, якія працягвалі нумарацыю падраздзяленняў узброеных сіл Варшаўскага княства, г. зн. у пяхоце – з 18 па 22, у кавалерыі – з 17 па 20. Пры гэтым войска ВКЛ не з'яўлялася часткаю польскай арміі. Па лініі ваеннага кіравання армія

ВКЛ падпарадкоўвалася ўласнаму штабу, які быў звязаны непасрэдна з Галоўным штабам "Вялікай арміі". Па адміністрацыйнай лініі яна падпарадкоўвалася Ваеннаму камітэту. Выключэнне складаў 3 легкаконны полк Я. Канопкі, які арганізацыйна ўваходзіў у склад гвардзейскіх падраздзяленняў французскай арміі.

У канцы жніўня паўстала генеральная інспекцыя арміі ВКЛ. Інспекцыя не была органам камандавання літоўскіх войск, а мэтай яе існавання з'яўлялася дапамога ў арганізацыі арміі. Фармальна інспекцыя падпарадкоўвалася Ваеннаму камітэту, але ў рэальнасці, дзякуючы асабістым сувязям генерала Р. Гедройца, супрацоўнічала з генерал-губернатарам Д. Гогендорпам. Генерал-інспектарам арміі ВКЛ стаў кадравы афіцэр арміі ВКЛ дывізійны генерал князь Рамуальд Гедройц. Генерал-інспектарам пяхоты быў прызначаны брыгадны генерал граф Кс.Ф. Несялоўскі, генерал-інспектарам кавалерыі стаў брыгадны генерал Ю. Ваўжэцкі [13, с. 14].

Праца па стварэнні войска пачалася ўжо з першых дзён ліпеня. 25 ліпеня Ваенны камітэт прыняў пастанову аб наборы з 5 па 30 жніўня на шасцігадовую службу ў пяхоце 10 тысяч кантаністаў з мужчын ва ўзросце 17–34 гадоў. У Віленскім і Мінскім дэпартаментах планавалася сабраць па 3000 чалавек, у Гродзенскім – 2500 чалавек, у Беластоцкім – 1500 чалавек. Загадам ад 13 жніўня вызначаўся прызыў кавалерыстаў. Кожны дэпартамент выстаўляў пэўную колькасць жаўнераў, забяспечыўшы іх коньмі ва ўзросце ад 5 да 8 гадоў або заплаціўшы 500 злотых замест каня. Дэпартаментам даводзіліся наступныя лічбы набору кавалерыі: Віленскі – 1327 чалавек, Гродзенскі – 996, Мінскі – 1307, Беластоцкі – 370, усяго разам 4000 кавалерыстаў [9, с. 106–107].

У выніку праведзенага набору было сфарміравана амаль 6 пяхотных палкоў. У наваколлі Вільні праходзіў працэс фарміравання 18 пяхотнага палка, камандзірам і фактычным мецэнатам якога стаў кадравы афіцэр кароннага войска А. Хадкевіч, які яшчэ ў 1794 г. ваяваў пад сцягамі Т. Касцюшкі. 19 пяхотны полк, які камплектаваўся ў этнічнай Літве, узначаліў К. Тызенгаўз. На чале 20 пяхотнага палка, які фарміраваўся пад Слонімам, камандзірам стаў барон А. Бішпінг. 21 пяхотны полк, які збіраўся пад Беластокам, узначаліў К.Д. Пшэздзецкі, які пазней стаў камандзірам 18 уланскага палка. Замест яго на чале палка стаў А. Гелгуд. 22 пяхотны полк фарміраваўся ў Мінску пад камандаваннем ураджэнца Нясвіжа графа С. Гутэн-Чапскага. 23 пяхотны полк, які не быў запланаваны, сталі камплектаваць вельмі позна і скончыць яго фарміраванне не паспелі.

У выніку набора ў кавалерыю былі сфарміраваны 4 уланскіх палка. 17 полк, які фарміраваўся пад Купішкамі, узначаліў М. Тышкевіч. На чале 18 палка, які збіраўся каля Нясвіжа, стаў першапачаткова Ю. Ваўжэцкі, а пасля яго прызначэння генерал-інспектарам кавалерыі – былы камандзір 21-га пяхотнага палка К.Д. Пшэздзецкі. Камандзірам 19 уланскага палка, сфарміраванага пад Навагрудкам, стаў К. Раецкі, а на чале 20 палка, які камплектаваўся каля Пінска, – Кс. Абуховіч.

Апрача гэтых падраздзяленняў, па 500 кантаністаў з ВКЛ былі прызваны ў 129 лінейны і 2 ілірыйскі палкі французскай арміі. Таксама 8 полк уланаў Варшаўскага княства Д. Радзівіла складаўся ў асноўным з выхадцаў з Беларусі і Літвы [24].

24 жніўня было вырашана ўтварыць дадаткова 6 стралецкіх (егерскіх) батальёнаў па 6 рот. У кожнай роце мусіла быць па 9 афіцэраў і падафіцэраў і 130 шарагоўцаў. Значна пазней, у лістападзе, было вырашана утварыць 2 стралецкіх палка па 3 батальёны ў кожным. Для фарміравання стралецкіх батальёнаў Ваенная камісія вырашыла рэкрутаваць 2/3 усіх ляснікоў ВКЛ. Рэальна былі сфарміраваны 1 батальён Ю.Д. Корвін-Касакоўскага, 2 батальён маёра І. Ракіцкага, 3 батальён маёра К. Плятэра да снежня быў у працэсе фарміравання, а 4 батальён падпалкоўніка А. Курчэўскага ў снежні толькі пачаў збірацца, а апошнія два батальёны так і засталіся на паперы [20, с. 175].

На пачатку жніўня французская адміністрацыя, улічваючы патрыятычны ўздым у ВКЛ, прапанавала імператару павялічыць ваенныя сілы ВКЛ за кошт фарміравання дабраахвотных падраздзяленняў. З ініцыятывай фарміравання новых палкоў выступіў сябра Ваеннага камітэту, колішні ад'ютант славутага Я. Ясінскага А. Пацей. Ён ахвяраваў каля 180 тыс. злотых на фарміраванне 23 пяхотнага палка, які пачаў збірацца ў Мінску. За свой кошт пачаў

фарміраванне кавалерыйскага палка Ігнат Манюшка, які атрымаў назву 21 полк конных стралкоў. Рэальна 21 полк пачаў фарміравацца толькі ў кастрычніку, таму ўкамплектавацца цалкам ён не меў магчымасці. Быў сфарміраваны толькі 1 эскадрон, які налічваў 10 афіцэраў і 258 падафіцэраў і шарагоўцаў [19, с. 563].

У мястэчку Жалудок Лідскага павета ў верасні-кастрычніку за асабісты кошт Р. Тызенгаўза фарміравалася конна-артылерыйская рота, якая налічвала 124 чалавекі і 131 каня і павінна была атрымаць на сваё ўзбраенне 12 гармат [9]. У Расіенскім павеце пачаў арганізацыю кавалерыйскага палка Ю. Гедрайц. У Пінскім павеце падобную спробу зрабіў Г. Яленскі. [19, с. 561]. У верасні пачаў фарміраванне гусарскага палка М. Абрамовіч, але з прычыны недахопу грошай сабраных жаўнераў далучылі да палка конных стралкоў. Галоўнай праблемай у арганізацыі валанцёрскіх палкоў быў недахоп фінансавых сродкаў.

У баку ад грамадска-палітычных падзей на Беларусі не засталося і мясцовае татарскае насельніцтва. Арганізатарамі татарскіх узброеных фарміраванняў сталі былы падпалкоўнік 4 палка пярэдняй варты ВКЛ М.М. Ахматовіч [17], [19, с. 559]. У Навагрудскі, Ашмянскі, Лідскі, Ковенскі, Мінскі паветы, дзе пражывала татарскае насельніцтва, былі разасланы афіцэры, аднак сфарміраваць паспелі толькі адзін эскадрон, які ў якасці выведкі быў далучаны да 3 легкаконнага палка Я. Канопкі.

1 ліпеня 1812 г. Камісія часовага ўрада абвясціла аб стварэнні нацыянальнай гвардыі ў цэнтрах дэпартаментаў і ў гарадах з магдэбургскім правам. Гвардыя прызначалася для аховы межаў ВКЛ, падтрымкі парадку, аховы грамадскай і прыватнай маёмасці, казны дэпартаментаў, а таксама важных ваенных аб'ектаў. Камандзірам віленскай гвардыі прызначаўся палкоўнік Казельскі, яе штаты выглядалі наступным чынам. Планавалася стварыць 2 батальёны па 6 рот у кожным. Кожная рота мусіла налічваць па 3 афіцэры, 14 падафіцэраў, 2 добашы і 100 шараговых, усяго 119 гвардзейцаў. Штаб батальёна складаўся з 6 афіцэраў, 2 падафіцэраў, 3 рамеснікаў і 9 музыкаў, усяго 22 чалавек. Агульны склад нацыянальнай гвардыі мусіў налічваць 1450 чалавек. Усе мужчыны ва ўзросце ад 18 да 50 гадоў, якія валодалі маёмасцю і не ўступілі ў армію ВКЛ, абавязаны былі служыць у нацыянальнай гвардыі. Узбраенне нацыянальныя гвардзейцы атрымлівалі ад французскіх уладаў, яно было часткова французскім, часткова трафейным [18].

У Гродзенскім дэпартаменце нацыянальная гвардыя складалася з дзвюх рот, якія налічвалі 236 чалавек. 25 верасня гвардзейцы атрымалі 238 трафейных расійскіх стрэльбаў. У Беластоцкім дэпартаменце камендантам гвардыі быў прызначаны палкоўнік Францішак Арсеці. У Мінску працэс арганізацыі гвардзейскіх падраздзяленняў зацягнуўся, але яна ўсё ж была створана, што пацвярджае рапарт С. Грабоўскага аб тым, што “Вільня, Мінск, Беласток і Гародня далёка прасунуліся ў працэсе фарміравання гвардыі” [19, с. 620].

Адначасова з нацыянальнай гвардыяй стваралася і жандармерыя ВКЛ. Яна прызначалася для паліцэйскай службы, барацьбы з бандытызмам і марадзёрствам, аказання ўзброенай дапамогі органам улады. У кожным дэпартаменце прызначаўся камандзір жандармерыі ў чыне палкоўніка, пад камандаваннем якога ў Віленскім і Мінскім дэпартаментах было па 2 эскадронных шэфы, у Гарадзенскім і Беластоцкім дэпартаментах – па аднаму. У кожным павеце стваралася па адной жандарскай роце на чале з капітанам. Штат роты налічваў 5 афіцэраў (2 капітаны, 2 паручнікі, 1 падпаручнік), 21 падафіцэра (1 квартэрмайстар штабавы, 4 квартэрмайстры, 16 брыгадзіраў-сяржантаў), 1 трубача, 80 шараговых, усяго 107 жандараў [19, с. 587]. На чале віленскай жандармерыі быў прызначаны А. Храптавіцкі, беластоцкай – Ф. Арэцці, гродзенскай – М. Радзівіл, мінскай – Л. Аштроп. У выніку было набрана каля дзвюх тысяч чалавек замест запланаваных 3,5 тысяч [18].

Узорам для ўніформы ваяроў арміі ВКЛ былі строі арміі Варшаўскага княства. 3 легкаконны полк насіў форму, падобную да формы жаўнераў 1 гвардзейскага ўланскага палка Варшаўскага княства. Яны мелі сінія курткі з малінавым каўнерам, белымі лацканамі і абшлагам. На дзізе быў замацаваны малінава-белы сцяжок. Пехацінцы былі апрануты ў сінюю куртку, белыя летам або сінія зімой штаны. Уланы былі абмундзіраваны ў сінія штаны і куртку і чорнага колеру рагатыўку з белаю бляхаю, на якой, як і ў пехацінцаў, была выява “Пагоні”. Стральцы былі апрануты ў зялёную сермягу, суконныя штаны, скураныя боты і

шапку. Узбраенне складалася з сякеры і стрэльбы. Татарскія ўланы насілі цёмна-зялёную кашулю, чырвоную куртку, цёмна-зялёныя штаны. На чорным ківеры знаходзілася латунная бляха ў выглядзе шасці- або пяціканцовай зоркі і паўмесяца. На дзідзе мацаваўся сцяжок чырвона-белага або цёмна-зялёнага колеру [9, с. 106–108.]. Уніформа жандараў складалася з сініх штаноў і мундзіра, чорнага ківера і сіняга плашча.

Войскі ВКЛ адыгралі далёка не галоўную ролю у франка-рускай вайне 1812 года, але статыстамі яны таксама не былі. Многія падраздзяленні актыўна ўдзельнічалі ў баявых дзеяннях. 20 кастрычніка 1812 г. адбыўся першы буйны бой паміж падраздзяленнямі войск ВКЛ і Расіі. Пад Слонімам сустрэліся 3 лёгкаконны полк Я. Канопкі і былога афіцэра арміі ВКЛ, а цяпер расійскага генерала Я. Чапліца. У ходзе бою значная частка асабістага складу палка была знішчана, 247 чалавек, у тым ліку і сам палкоўнік, трапілі ў палон. Цяжкія страты панёс і эскадрон Ахматовіча, які аднак здолеў выйсці з акружэння і адысці да Вільні.

Паспяховае прасоўванне расійскай Дунайскай арміі Чычагова прымусіла армію ВКЛ да згрупіравання. 18, 19, 20 і 21 пяхотныя палкі, 17, 19, 20 уланскія палкі, 21 конна-стралецкі полк, 3 стралецкі батальён і конна-артылерыйская рота сканцэнтраваліся ў Вільні. 1 стралецкі, 22 і частка 23-га пяхотнага палкоў і 18 уланскі полк засяродзіліся ў Мінску пад агульным камандаваннем генерала Ю. Касецкага [23, с. 61]. У сярэдзіне лістапада Ю. Касецкага былі накіраваны пад мястэчка Новы Свержань для абароны перапраў праз Нёман. Раніцой 18 лістапада літоўскія войскі былі атакаваны пераўзыходзячымі сіламі расійскай арміі пад камандаваннем генерала Ламберта. У выніку бою атрад Касецкага пацярпеў паражэнне, каля 2 тысяч ваяроў патрапілі да няволі, астатнія адышлі да Мінска.

21 лістапада пад Барысавам у бой уступіў 1 стралецкі полк. У перыяд з 26 па 28 лістапада адбыліся найбольш трагічныя для французскай арміі падзеі. Падчас бітвы каля Студзёнкі 18, 19, 20 уланскія палкі прыкрывалі пераправу. 18 уланскі полк адным з першых пераправіўся на правы бераг Бярэзіны. Пасля бітвы каля Студзёнкі асабісты склад 20 уланскага палка напалову зменшыўся. У Бярэзінскай бітве ўдзельнічаў і 22 пяхотны полк С. Чапскага і мінскія жандары. 28 лістапада пад Студзёнкай у бой уступіў ужо “абстраляны” пад Барысавам 1 стралецкі полк Касакоўскага. 28 лістапада мінскі губернатар генерал Бранікоўскі вывеў з горада рэшткі войска, сярод якіх былі часткі 1 стралецкага палка, 22, 23 пяхотных, 18 і 20 уланскіх палкоў [19, с. 657].

Падчас вайны 1812 г. апошні раз было склікана паспалітае рушанне. Пасля Бярэзінскай катастрофы Напалеон даў згоду на скліканне паспалітага рушання ВКЛ [19, с. 654]. Ініцыятыва была несвоечасовая, бо пасля Бярэзінскай катастрофы, ва ўмовах, калі расійскія войскі кантралявалі большасць дыстрыктаў ВКЛ, збор рушання быў малаверагодным.

10 снежня актыўны ўдзел у абароне Вільні ад расійскіх войск прыняла пяхота, кавалерыя, жандармерыя, нацыянальная гвардыя, 3 стралецкі батальён. У выніку баёў за сталіцу амаль поўнасцю быў знішчаны татарскі эскадрон. Пасля выцяснення французскіх войск з беларускіх зямель падраздзяленні арміі ВКЛ адступілі на захад. 18, 20, 21 і рэшткі 22 палка сканцэнтраваліся ў Варшаве. Туды ж накіроўваліся 18 і 20 уланскія палкі, конна-артылерыйская рота, конна-стралецкі эскадрон, 4 стралецкі батальён, падраздзяленні жандараў і нацыянальных гвардзейцаў.

Да Кёнігсбергу адышлі 17 і 19 уланскія палкі пад агульным камандаваннем К. Раецкага. Сюды ж падышлі 19 пяхотны полк, рэшткі 1 стралецкага палка, 3 стралецкі батальён. Хуткім часам пяхота была накіравана да Варшавы для ўмацавання крэпасці Модлін. У Гданьску замацаваліся 20 уланскі полк, які быў уключаны ў склад 9 уланскага палка Варшаўскага герцагства; эскадрон І. Манюшкі быў злучаны з 5 польскім палком конных стральцоў.

17 і 19 уланскія палкі з Кёнігсберга адышлі далей на захад і ў наступным прымалі ўдзел у баях у Германіі. Уначы з 11 на 12 лютага 1813 г. 17 уланскі полк быў атакаваны расійскай арміяй у мястэчку Цырке на Варце. Полк аказаў упартае супраціўленне расійскім войскам, але сам пры гэтым панёс значныя страты. У палон трапіў сам генерал-інспектар арміі ВКЛ Р. Гедройц [26].

У сярэдзіне студзеня 1813 г. 18 і 21 пяхотныя палкі былі далучаны да корпуса Ю. Панятоўскага і ўвайшлі ў склад гарнізона крэпасці Модлін. 20 пяхотны полк фактычна

быў расфарміраваны, а яго жаўнеры пайшлі на даўкамплектаванне палкоў Варшаўскага княства 8 корпуса Ю. Панятоўскага. З 17 лютага па 25 снежня 1813 г. гарнізон Модліна колькасцю каля 5 тыс. жаўнераў вытрымаў асаду расійскіх войскаў, якія па колькасці пераўзыходзілі абаронцаў у 10 разоў. Крэпасць была здадзена расійскім войскам толькі тады, калі саюзнікі ўступілі на тэрыторыю Францыі, а страты гарнізона склалі амаль 50%. 19 уланскі полк адышоў да Гамбурга і ўвайшоў у склад 13 армейскага корпуса Н. Даву, ваяваў у Гальштэйне і Шлезвігу. 31 сакавіка 1813 г. уланы паспяхова выканалі задачу аховы Напалеона падчас асабістай разведкі імператара. 20 красавіка 1813 г. 19 полк аб'ядналі з рэшткамі 17 уланскага палка пад парадкавым нумарам апошняга. Гарнізон Гамбурга трымаўся да апошняга і здаўся толькі пасля адрачэння Напалеона.

Ваяры арміі ВКЛ змагаліся ўпарта і самааддана. Многія з іх у 1812–1813 гг. атрымалі вышэйшыя ваенныя ўзнагароды РП і Францыі. Так, камандзір 22 пяхотнага палка С. Чапскі пасля бітвы каля Бярэзіны ў 1812 г. стаў кавалерам ордэна Virtuti Militari, а ў 1813 г. атрымаў ордэн Пачэснага Легіёна. Камандзір 1 стралецкага палка Ю. Касакоўскі пасля ўдзелу ў абароне Шпандаў і ў 1813 г. таксама стаў кавалерам ордэна Пачэснага Легіёна.

Лёс войска ВКЛ аказаўся не настолькі трагічным, як гэтага можна было чакаць. 24 сакавіка 1814 г. Аляксандр I прыняў групу магнатаў і шляхты былой РП і дараваў ім падтрымку Напалеона. 17 красавіка 1814 г. у Сен-Дэні Аляксандр I прымаў парад польскага корпуса, у якім сярод іншых былі рэшткі 20 уланскага палка. У наступным гэты корпус увайшоў у склад арміі Каралеўства Польскага. 29 верасня 1814 г. польскія войскі ганарова ўвайшлі ў Варшаву, трохі пазней да іх далучыўся 17 уланскі полк. Пасля таго як у 1818 г. скончыўся 6-гадовы тэрмін службы, жаўнеры апошняга войска ВКЛ вярнуліся дадому [9].

Многія з афіцэраў войска ВКЛ у далейшым працягнулі службу ў арміі Каралеўства Польскага як аўтаномнага дзяржаўнага ўтварэння ў складзе Расійскай імперыі. Генерал-інспектар арміі ВКЛ, генерал дывізіі Р. Гедройц увайшоў у склад Ваеннага камітэту Каралеўства Польскага. Генерал-інспектар пяхоты граф Ф.К. Несялоўскі быў прызначаны камандзірам брыгады, А. Хадкевіч у званні палкоўніка быў прызначаны камандзірам штабу гвардыі Каралеўства, Я. Канопка стаў камандзірам 1 брыгады кавалерыі, але не здолеў уступіць на пасаду з прычыны хваробы і хуткай смерці.

Нягледзячы на тое, што сваёй барацьбой у перыяд з 1795 да 1814 г. патрыятычна настроеная шляхта РП шмат чаго дамаглася – аўтаномнага статуса для Польшчы, увядзення Канстытуцыі і г. д., але мараў аб адраджэнні страчанай у 1795 г. Айчыны многія не пазбавіліся. Калі ў 1830 г. распачалося Лістападаўскае паўстанне, шмат хто з афіцэраў войска ВКЛ стаў пад штандары незалежнасці. Ф.К. Несялоўскі, К.Д. Пшэздзецкі, А. Гелгуд, С. Чапскі ўпарта змагаліся ў шэрагах інсургентаў за адраджэнне РП, звязваючы будучыню беларускіх зямель толькі з гэтай краінай.

Літаратура

1. Антонаў, В.В. Агінскага план 1811 / В.В. Антонаў, С.С. Рудовіч, В.В. Швед // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. – Мінск, 1993. – Т. 1. – С. 31–32.

2. Лукашевич, А.М. Проекты восстановления Речи Посполитой и Великого княжества Литовского и их место в военно-стратегическом планировании Российской империи (1810–1812 гг.) / А.М. Лукашевич [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.museum.ru/1812/Library/Lukashevich/index.html.

3. Корнейчик, Е. Белорусский народ в Отечественной войне 1812 года / Е. Корнейчик. – Минск : Наука и техника, 1978. – 267 с.

4. Ружанец, А. Літоўска-беларускае войска цэсара Напалеона / А. Ружанец // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 1. – С. 29–30.

5. Таляронак, С. Апошняя армія ВКЛ (1812–1814) / С. Таляронак, А. Блінец // Беларускі гістарычны часопіс. – 1996. – № 2. – С. 22–34.

6. Лукашэвіч, А. Ваеннае становішча ў Беларусі ў 1812 г. / А. Лукашэвіч [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.jivebelarus.net/history/gistografia/war-situation-in-belarus-at-1812.html.

7. Швед, В.В. Фарміраванне і дзейнасць арміі ВКЛ (1812–1815 гг.) / В.В. Швед // Веснік Брэсцкага дзярж. ун-та. – 2000. – № 1. – С. 49–57.

8. Швед, В. Вялікае княства Літоўскае ў 1812 годзе / В. Швед // Беларускі гістарычны часопіс. – 2000. – № 3. – С. 9–15.

9. Швед, В. Заходні рэгіён Беларусі ў часы напалеонаўскіх войнаў. 1805–1815 гады / В. Швед, С. Данскіх. – Гродна, 2006. – 252 с.

10. Ерашэвіч, А.У. Уплыў напалеонаўскіх войнаў на грамадска-палітычнае жыццё Беларусі (1799–1815 гг.) : аўтарэф. дыс. … канд. гіст. навук : 07.00.02 / А.У. Ерашэвіч ; НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2003. – 21 с.

11. Філатава, А. Вайна 1812 г. і Беларусь / А. Філатава // Гісторыя Беларусі : у 6 т. Т. 4. Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш.] ; рэдкал. : М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2005. – С. 75–86.

12. Крывіцкая, К.В. Прафранцузскія настроі насельніцтва Віленскай, Гродзенскай, Мінскай губерняў і Беластоцкай воласці напярэдадні вайны 1812 года / К.В. Крывіцкая // Весці БДУ. – 2006. – № 3(49). – С. 34–37.

13. Крывіцкая, К.В. Арганізацыя ўзброеных сіл Вялікага княства Літоўскага ў перыяд вайны 1812 года / К.В. Крывіцкая // Весці БДУ. – 2007. – № 1(51). – С. 12–15.

14. Орловский, Е.Ф. Гродненская губерния в 1812 году. Ист. очерк / Е.Ф. Орловский. – Гродно : губернская типография, 1912. – 50 с.

15. Тарле, Е.В. Нашествие Наполеона на Россию, 1812 год / Е.В. Тарле. – М. : Наука, 1992. – 304 с.

16. Жилин, П.А. Гибель наполеоновской армии в России / П.А. Жилин. – М. : Наука, 1974. – 451 с.

17. Шереметьев, О.В. Литовские татары в составе Императорской гвардии Наполеона / О.В. Шереметьев [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.august-1914.ru/sheremetev.pdf.

18. Кудряшов, И.Ю. Вооруженные силы Литовского княжества 1812 года / И.Ю. Кудряшов. – М., 1991. – 19 с.

19. Nawrot, D. Litwa i Napoleon w 1812 roku / D. Nawrot. – Katowice : wyd. Uniwersitetu Slanskiego, 2008. – 790 s.

20. Nawrot, D. Bataliony strzelców na Litwie w 1812 r. / D. Nawrot // Wschodni rocznik humanistzczny. – 2005. – T II. – S. 169–190.

21. Kukiel, M. Zarys historji wojskowości w Polsce / M. Kukiel. – Kraków : nakładem Krakowskiej spółki wzdawnicyej, 1929. – 356 s.

22. Gembarzewski, B. Rodowody pułków polskich i oddziłów równorzędnych od r. 1717 do r. 1831 / B. Gembarzewski. – Warszawa nakładem tow. wiedzy wojskowej, 1925. – 100 s.

23. Staszewski, J. Generał Dominik Dziewanowski / J. Staszewski. – Poznan : członkami druk. wydaw. w Kaliszu, 1933. – 80 s.

24. Gaidis, H.L. Napoleon's Lithuanian forces / H.L. Gaidis // Lithuanian quarterly journal of arts and sciences [Electronic resource]. – 1984. – Vol. 30, № 1. – Mode of access : http://www.lituanus.org/1984_1/84_1_01.htm.

25. Staszewski, J. Pamiętnik Piotra Łagowskiego o wojnie 1812 r. na Litwie / J. Staszewski. – Wilno : drukarnia artystyczna «Grafika», 1936. – 38 s.

26. Журнал военных действий с 6(18) по 8(20) февраля 1813 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.museum.ru/1812/ War/News_rus/izv167.html.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 94(100):341.24(476+438)«1922»

Реэвакуация Белэваком беженцев и военнопленных в 1922 г.

А.М. Бабков

Белэвак – крупнейший эвакуационный орган на западной границе по возвращению беженцев, военнопленных из РСФСР, других советских республик в Польшу. Являясь структурным подразделением Центроэвака РСФСР, Белэвак тесно взаимодействовал с правительством и эвакуационными органами БССР. По его инициативе в Козырево был оборудован беженский лагерь, что позволило предотвратить эпидемию тифа в г. Минске и ее распространение вместе с беженцами в Польше. В 1922 г. основная масса беженцев выехала в Польшу, большая часть из которых направлялась в Западную Беларусь. В конце 1922 г. Белэвак прекратил свою деятельность.
Ключевые слова: Белэвак, Минск, Козырево, беженцы, эшелон, транзит, эпидемия.

Belarusian Evacuation Committee (Belevac) is a large evacuation body at the western border that helps the refugees, prisoners from the RSFSR and other Soviet Republics come back to Poland. Being a structural branch of the Central Evacuation Committee of the RSFSR, Belevac was interconnected with the government and evacuation bodies of BSSR. On its initiative in Kozyirevo there was founded a refugee camp, which made it possible to prevent the epidemic of typhoid fever in Minsk and its spread together with the refugees to Poland. In the year of 1922 most of the refugees went to Poland, the majority of whom were directed to Western Belarus. At the end of 1922 Belevac stopped its function.
Keywords: Belevac, Minsk, Kozyirevo, refugees, echelon, transit, epidemic.

Хлынувший осенью 1921 г. поток беженцев и переселенцев из пораженных голодом губерний РСФСР и советской Украины к западной границе осложнил отлаженную систему работы эвакуационных органов Главэвакзапа в Беларуси и привел к росту напряженности между РСФСР и Польшей при обмене беженцами и другими контингентами населения. Как только возникла угроза массового голода в Поволжье, Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин 10 августа 1921 г. обратился с нотой к правительствам Польши и Прибалтийских республик «прийти на помощь собственным согражданам в России и довести до максимума прием отправляемых в пределы их территорий беженцев, оптантов и военнопленных, очутившихся в голодных районах». Советское правительство считало необходимым открыть «на польской границе третий пункт…, чтобы в первую очередь направить в Польшу эшелоны людей, которым в Поволжье грозит голодная смерть». Г.В. Чичерин сообщал, что голод в «поволжских губерниях Европейской России… особенно тяжело отразился на беженцах, загнанных в эти районы великой войной 1914 г. из окраинных государств». Однако польское правительство не согласилось с советским предложением об открытии дополнительно пропускного пункта и «настаивало на планомерной репатриации польских беженцев» [1, с. 258–259]. Советская сторона расценила это как «совершенно неслыханный шаг Польского правительства, который имел своим последствием тысячи голодных смертей польских беженцев», что является «прямой виной Польского правительства, не желавшего дать возможность лишним тысячам польских беженцев спастись из голодного Поволжья». Польские власти также добивались приостановления пропуска через границу беженцев, двигавшихся «самотеком». Российско-украинская делегация Репатриационной комиссии в Варшаве рассматривала изменившуюся польскую позицию в отношении стихийных беженцев как «новое, до сих пор не применявшееся Польшей ограничение», которое «не может не иметь самые тяжелые последствия для польских беженцев» [2, с. 113]. Она отмечала, что «в стремлении беженца домой всегда, даже в нормальных условиях репатриации проявляются стихийные элементы. Беженца трудно, даже невозможно убедить ждать своей очереди, и он стихийно, не считаясь ни с чем, стремится на свои родные места» [2, с. 113]. Особую тревогу польской стороны вызывали опасения возникновения эпидемии среди беженцев, которая могла быть занесена ими в Польшу. В ноябре 1921 г. польская сторона направила письмо российско-украинской делега-

ции Репатриационной комиссии в Варшаве, в котором выдвинула «требование, чтобы с российской и украинской стороны на границе для содержания польских беженцев были устроены бараки и санитарно-питательные пункты». Российско-украинская делегация в ответном письме признавала, что «нельзя отрицать печального факта, что среди польских беженцев, движущихся к границе, открываются случаи заразных заболеваний», с которыми трудно бороться, «ибо нельзя избежать посадки беженцев, находящихся в инкубационном периоде болезней, а больные беженцы тщательно скрывают свою болезнь, не желая быть снятыми с эшелона» [2, с. 113].

Основная тяжесть по обслуживанию появившейся в конце 1921 – начале 1922 г. в Минске новой категории беженцев – переселенцев из пораженных голодом губерний РСФСР и Украины – ложилась на Белэвак, аппарат которого столкнулся в своей работе с дополнительными обязанностями.

9 января 1922 г. начальник Белэвака М. Стоковский в докладной записке обращал внимание Совнаркома БССР на то, что Белэвак вынужден был выполнять несвойственные ему функции по обслуживанию немцев-колонистов, хотя «эти люди, не имеющие никакого отношения к Белэваку, очень отягощали эвакуационный аппарат». Согласно инструкции Центральной комиссии помощи голодающим (Помгол) при ВЦИК РСФСР, «все лица, не подлежащие перевозке органами Центроэвака, а таковыми являются немцы-колонисты, остаются на попечении местных комиссий помощи голодающим через соответствующие органы исполкома – собес, здравотдел, отдел наробразования и коммунальный отдел» [3, д. 782, л. 17]. Призванные для опеки немцев-переселенцев органы устранились от этой работы, ограничившись выделением Белэваку, возложившему на себя тяжелое бремя попечения о немцах-колонистах, 300 млн. руб. для обустройства общежитий, незначительных продресурсов в количестве 320 пуд. муки, 6 пуд. масла, 15 пуд. картофеля, 5 пуд. сахара. Белэвак вынужден был дополнительно из собственных резервов выдавать немцам-колонистам по четверти фунта хлеба на одного здорового и один фунт хлеба на одного больного человека [3, д. 782, л. 17]. Он передал два общежития для размещения немецких переселенцев, подготовка которых к зимнему сезону задерживалась из-за отсутствия кредита. М. Стоковский выражал озабоченность ростом заболеваний среди немцев-колонистов, среди которых было значительное количество больных, что угрожало возникновением эпидемии в городе. Развитие эпидемии среди беженцев вызывалось «недостаточным питанием, сгущенностью в общежитиях, скрыванием болезни самими больными, антисанитарным состоянием общежитий». Рост заболеваемости развивался с такой быстротой, что «медперсонал был не в состоянии успевать с выделением больных от здоровых». В медучреждениях Белэвака не хватало мест для размещения больных, численность которых составила 824 человека, не считая находившихся на излечении в больнице Наркомздрава [3, д. 782, л. 17 об.]. Начальник Белэвака считал, что с развитием эпидемии в городе можно было бороться только совместными усилиями Наркомздрава БССР и Белэвака, хотя госпитализацией немцев-колонистов должен был заниматься Наркомздрав, а в компетенцию Центроэвака входило только санитарное наблюдение, снятие больных из эшелонов и установление диагноза. Но в сложившихся чрезвычайных условиях Белэвак вынужден был взять на себя часть функций Наркомздрава. Он выделил одно из своих общежитий для оборудования околодка на 500 мест. Однако из-за невозможности организовать в нем госпитализацию больных он стал «лишь свалочным местом для больных». Только после перевода Помголом денег Белэвак приступил к дезинфекции общежитий. На Александровском железнодорожном вокзале был установлен банно-прачечный поезд, через который проходили все контингенты населения, прибывавшие в Минск, после чего их размещали в общежитиях. Из-за ограниченных возможностей банно-прачечного поезда, который в день обслуживал до 250 человек, ускорить прохождение немцев-колонистов через баню и дезинфекцию можно было, только предоставив им возможность пользоваться военной гарнизонной баней [3, д. 782, л. 17 об.]. Однако предпринятых мер оказалось недостаточно, чтобы предотвратить надвигавшуюся эпидемию в Минске. Слабость аппарата Наркомздрава БССР, его устранение от лечения больных немцев-колонистов, начавшееся массовое заболевание их тифом вынудили начальника Белэвака М. Стоковского заявить об угрозе «общего-

сударственного бедствия», а ответственность за сложившееся положение возложить на «преступно-халатное отношение Главэвакзапа к Белэваку, его оторванность от мест…» «В то время, когда НКВД РСФСР выдает своим сотрудникам миллионные авансы, для работников Белэвака нет средств для уплаты им жалованья», – заявил М. Стоковский [3, д. 782, л. 18]. Во избежание перебоев в обеспечении Белэвака финансовыми и материальными ресурсами, которые гибельно отражались на работе Белэвака, М. Стоковский обратился к правительству БССР с просьбой о «включении продовольственной и денежной сметы Белэвака в общую смету Совнаркома Белоруссии» и выделении кредита в сумме 1 млрд. рублей для ремонта и обустройства помещений. Это позволило бы разместить и обеспечить питанием до 1,5 тысяч переселенцев из Поволжья [3, д. 782, л. 18].

10 января 1922 г. М. Стоковский направил начальнику Главэвакзапа Л. Розенгаузу письмо, в котором он возложил ответственность за катастрофическое положение Белэвака на управление Главэвакзапа, не проявившее к нему должного внимания. Он потребовал экстренного отпуска Белэваку денег, продовольствия и увеличения численности сотрудников медсанотдела. «Эпидемия, растущая с каждым часом, заставляет расширить аппарат. Смертность среди беженцев колоссальная. Ежедневно хороним по 50–70 трупов» [3, д. 782, л. 19]. М. Стоковский видел выход из сложившейся кризисной ситуации «в выделении Белэвака из хозяйственного подчинения несправляющегося со своими заданиями Главэвакзапа и передаче его Совнаркому Белоруссии, а также перевода Белэваку кредита на 1922 г.» [3, д. 782, л. 19].

Отвечая на обвинения М. Стоковского, коллегия Главэвакзапа представила начальнику Центроэвака заключение, в котором дала свою оценку работы Белэвака и его руководителя. В целом она положительно охарактеризовала роль Белэвака в реэвакуации беженцев, военнопленных и ликвидации «самотека». «В этом отношении его работа равно велика работе Вязьмы, Смоленска, Орши и Борисова». Было также отмечено, что Белэвак со своими прямыми обязанностями справлялся без перебоев. Что касается фактической стороны высказанных М. Стоковским претензий в адрес Главэвакзапа о недостаточном финансово-материальном обеспечении Белэвака, то Главэвакзап привел данные о выделении в 1921 г. Белэваку ассигнований в сумме 862 млн. руб. и переводе в декабре на погашение дефицита Белэвака еще 300 млн. руб., остаток которого составил 350 млн. руб. [3, д. 782, л. 26]. В 1921 г. Белэвак также снабжался продуктами питания. В Главэвакзапе пришли к выводу, что чрезвычайно тяжелое положение Белэвака было обусловлено как объективными причинами, связанными с общим состоянием республики, так и субъективными, усугубившими положение. Возложив на себя, вопреки предписаниям Главэвакзапа, всю работу по обслуживанию немецких колонистов и голодающих Поволжья, Белэвак не установил соглашения с заинтересованными ведомствами по поставкам ему материальных и финансовых ресурсов. На Белэвак была возложена ответственность за то, что он «произвольно принял на себя несвойственную работу наркоматов Белоруссии, что неминуемо должно было привести к срыву системы финансирования и снабжения» [3, д. 782, л. 26].

Главэвакзап отклонил ходатайство М. Стоковского о выведении Белэвака из подчинения Центроэвака «как нарушающее общий план эвакуации и снабжения эваков», а администрации Белэвака было «поставлено на вид обращение в Совнарком и ЦИК Белоруссии с выпадами на свой центр, не вызванными действительными обстоятельствами дела и подрывающими авторитет областного объединения Центроэвака, ничем не скомпрометированную за долголетнюю свою деятельность» [3, д. 782, л. 26].

Вспышка заболеваний тифом беженцев и переселенцев, прибывавших в Минск из пораженных голодом губерний Поволжья, и угроза возникновения эпидемии среди жителей города потребовали от Белэвака решительных действий по быстрейшей отправке транзитных беженцев на родину и усилению медико-санитарного контроля за временно проживавшими в Минске беженцами. Особенно остро встал вопрос об изоляции беженцев и переселенцев от населения города.

Белэвак сообщал в Совнарком БССР, что «с наступившими холодами в проходящих через Минск из голодных местностей эшелонах беженцев обнаружились массовые заболевания, главным образом сыпным и возвратным тифом. Эшелоны прибывают без печей, и это

увеличивает смертность. С эшелонов снимают до 60–70 больных и 40–50 трупов». Больницы Комнарздрава и военный госпиталь в Минске были на 75–80% заполнены беженцами. Вновь прибывавших больных негде было размещать. «Бывают случаи, когда больные развозятся по всему городу из одной больницы в другую и нигде свободных мест не имеется» [4, д. 87, л. 61]. Кроме транзитных беженцев, в общежитиях Белэвака скопилось свыше 3 тыс. человек, которые прибыли в г. Минск без нарядов Центроэвака. Среди них ежедневно заболевает свыше 30 человек. Из-за нехватки свободных мест в общежитиях «прибывшие беженцы валяются по несколько дней на вокзале под открытым небом». В Минске также задерживалась отправка на родину свыше 2 тыс. демобилизованных красноармейцев, которым из-за утерянных документов польской стороной не выдавались визы на въезд в Польшу. «Оборванные, голодные, в холодных общежитиях они волнуются. Среди них создается самое неблагоприятное настроение для советской власти» [4, д. 87, л. 61].

Заведующий медсанотделом Главэвакзапа доктор Д. Кантор отмечал, что «в прошлом году эпидемия холеры заносилась в Западные области беженцами – репатриантами Польши. В этом же году (1922. – А.Б.) помимо них переносчиками заболеваний являются также беженцы голодающих губерний, оседающие в Западных областях и представляющие благоприятную почву для распространения холеры» [3, д. 803, л. 41].

Для всех прибывавших в Минск беженцев мест в общежитиях Белэвака не хватало. Поэтому часть «самотечных» беженцев располагалась лагерем около станции по линии железной дороги и в разрушенных домах. Из-за недостаточной вместимости и сильной скученности беженцев в общежитиях не поддерживалось надлежащее санитарное состояние, и они становились очагами эпидемии. Ответственность за неудовлетворительный санитарный контроль в общежитиях была возложена на заместителя начальника Белэвака А. Цукермана, который был отпущен из-под ареста только после вмешательства Главэвакзапа. Последний считал, что Белэвак допустил крупную ошибку, когда «своевременно не построил для беженцев лагерь в Козырево», а «антисанитарное состояние общежитий явилось следствием общей политики Белэвака, а не виной отдельного лица» [3, д. 840, л. 2].

Общение беженцев с городскими жителями вело к распространению среди последних эпидемических заболеваний. Поэтому перед Белэваком и правительством БССР встал вопрос о перемещении беженцев и переселенцев за город и изоляции их в одном лагере. Наиболее подходящим для этого местом являлся Козыревский лагерь, который находился в пяти километрах от Минска по ж/д Минск – Гомель. В нем размещался бывший лагерь польских военнопленных, часть помещений которого была занята под склады Внешторга БССР. В управлении Белэвака план ремонта бараков Козыревского лагеря появился осенью 1921 г. Но его осуществление было отложено из-за финансовых трудностей [4, д. 84, л. 75 об.]. Когда в конце 1921 – начале 1922 гг. заболеваемость тифом среди беженцев и переселенцев достигла пика, Белэвак развернул активную деятельность по передаче Наркомвнешторгом Козыревского лагеря в его ведение.

В марте 1922 г. на межведомственном совещании представителей Санчрезкома, Белэвака, горисполкома, Комхоза, Внешторга БССР было принято решение о передаче Белэваку помещений Козыревского лагеря [3, д. 97, л. 131]. Совнарком БССР поддержал решение межведомственного совещания и оказал всяческое содействие Белэваку в ремонте и оборудовании помещений в Козырево [3, д. 782, л. 70]. Весь ремонт беженского лагеря должен был обойтись в сумму около 10 млрд. рублей. Совнарком БССР брал на себя 50% финансовых расходов на ремонт и обустройство помещений для беженцев и переселенцев, а другую половину финансирования должен был выделить Центроэвак из средств, направляемых Помголом РСФСР для Центроэвака на нужды голодающим [3, д. 97, л. 131].

В марте 1922 г. Минским горисполкомом было отпущено на ремонт помещений 1 млрд. рублей. Белэвак выделил строительные материалы. Л.И. Розенгауз после согласования с начальником Ценроэвака С. Поповым перевел на счет Белэваку 500 млн. рублей из 3-х млрд. кредита. Установленная для Санчрезкома сумма в 1 млрд. рублей на ремонт бараков весной 1922 г. так и не поступила [3, д. 782, л. 70]. Ремонтом помещений занимался Комхоз. 24 марта 1922 г. М. Стоковский докладывал начальнику Главэвакзапа Л.И. Разенгаузу, что «к

ремонту Козырево уже приступлено, … но если средства не будут отпущены, все пойдет на смарку, и Комхоз прекратит строительные работы. …Ограничиться только постройкой двух-трех бараков мы не можем, так как переселив туда беженцев, необходимо сейчас же иметь в Козырево питпункт, амбулаторию, баню, дезкамеру и прочее» [3, д. 782, л. 70]. М. Стоковский обращался к Л. Розенгаузу с просьбой срочно перевести Белэваку оставшуюся сумму кредита, т. к. 200 млн. рублей на ремонт уже потрачены.

План ремонта Козыревского лагеря для беженцев и переселенцев из голодающих губерний получил одобрение в центральных органах РСФСР, занимавшихся оказанием помощи беженцам и голодающим Поволжья. М. Стоковский сообщал в управление Главэвакзапа, что ЦК Помгол согласился с необходимостью ремонта в Козырево, «но за деньгами отправил в Центроэвак» [3, д. 782, л. 70].

В начале марта 1922 г. в Москву в управление Центроэвака направилась делегация учреждений БССР в составе зам. начальника Белэвака А. Цукермана и заместителя Наркомздрава доктора Яффе для изыскания средств на ремонт в Козырево. Л.И. Розенгауз в телеграмме на имя начальника Центроэвака сообщал, что, несмотря на одобрение центральными учреждениями необходимости ремонта и оборудования помещений Козыревского лагеря, финансовых ассигнований от них не поступило. Центроэвак РСФСР не спешил с выделением кредита для ремонта беженского лагеря в Козырево, ссылаясь на то, что деньги не поступают на его счет от Наркомфина РСФСР. По декрету 12 января 1922 г. последний в двухдневный срок должен был перевести деньги Центроэваку на помощь голодающим, но до середины марта они так и не поступили. После повторного представления Центроэвака о выделении кредита на сумму в 2 млн. золотых рублей для оказания помощи голодающим Наркомфин РСФСР включил эту статью в общую смету Центроэвака, но она также не была утверждена бюджетным совещанием [3, д. 782, л. 70].

В марте 1922 г. председатель Совнаркома и ЦИК БССР А. Червяков, Наркомздрав БССР А. Семашко, председатель Чрезсанкома Г. Липманов обратились в Центроэвак с просьбой о выделении 95,8 тыс. золотых рублей для скорейшего ремонта Козыревского лагеря [4, д. 87, л. 130]. Опасаясь развития эпидемии тифа в Минске, правительство БССР считало самой неотложной мерой оборудовать изолированный от городского населения лагерь в Козырево вместимостью до 5 тыс. человек, чтобы «окончательно освободить город от беженцев и в корне пресечь угрозу эпидемии» [4, д. 87, л. 130].

Несмотря на холодное время, в начале 1922 г. беженцы продолжали прибывать в Минск, хотя и в меньших масштабах по сравнению с 1921 г. Если в январе 1922 г. в Белэваке было зарегистрировано 5964 беженца, что было несколько меньше, чем в декабре прошлого года, то в феврале их численность уменьшилась до 3820 человек, а в марте – до 3373 человек [4, д. 84, л. 176]. В апреле-мае наблюдалось значительное увеличение притока беженцев и демобилизованных красноармейцев, преимущественно из пострадавших от засухи губерний РСФСР и Украины. Летом динамика движения беженцев стабилизировалась и установилась приблизительно на одном уровне. Для уменьшения массового наплыва беженцев в Минск были «установлены большие штрафы за самовольный их въезд в Беларусь», но это не остановило движения беженцев к западной границе, стремившихся весной вернуться на родину. Значительную их часть составляли крестьяне, которые весной устремились домой, чтобы своевременно приступить к сельхозработам.

Установлением статуса беженцев, их регистрацией и организацией отправки на родину занимался регистрационно-эвакуационный отдел Белэвака. Ознакомившись с его работой, комиссия рабоче-крестьянской инспекции БССР во главе Фодиманом одобрила его деятельность. Все беженцы распределялись на четыре категории эшелонов. В первую категорию включались беженцы, постоянно проживавшие в городе и его окрестностях, которые по мере формирования списков отправлялись домой. Во второй разряд эшелонов включались беженцы Польши, в третий – литовские беженцы. Отдельно регистрировались беженцы, следовавшие гужевым транспортом. Списки беженцев, направлявшихся в Польшу, утверждались польской делегацией непосредственно в Минске. Списки беженцев Литвы направлялись в Москву для утверждения литовской делегацией, что тормозило процесс их реэвакуации. В

целом со дня регистрации и до дня отправки эшелона беженец задерживался в Минске в течение 6–7 дней, а при отсутствии в городе польской делегации – до четырех недель. У лиц, отказавшихся от своих беженских прав, изымалась подписка, их документы направлялись в распоряжение НКВД, и данные беженцы лишались права на оптацию. Эшелоны с беженцами, сопровождаемые сотрудниками Белэвака, на границе передавались властям Польши или Литвы [3, д. 444, л. 135]. С осени 1921 г. в Минске больше не регистрировалась значительная категория беженцев-гужевиков, которые следовали на родину через Слуцкий эвак. В конце 1921 г. беженцы Литвы и Латвии из Минска направлялись в Витебский губэвак для регистрации и отправки домой [4, д. 84, лл. 75, 70]. Однако не все беженцы спешили регистрироваться, особенно когда среди них стали искать потенциальных вредителей и начались преследования по национальному признаку, прежде всего в отношении к беженцам еврейской и польской национальностей. Эвакуационные органы стремились «протолкнуть» за границу возможно большее количество выходцев из рабоче-крестьянской среды, особенно из голодавших губерний Поволжья, а также неработоспособных. И в то же время тормозилась реэвакуация рабочих квалифицированного труда. На границе придирчивой проверке подвергались демобилизованные красноармейцы, направлявшиеся в Польшу, многие из которых были выходцами из Западной Беларуси, отошедшей по Рижскому договору к Польской Республике.

Зарегистрированные контингенты населения размещались в общежитиях Белэвака и переходили на его обеспечение и медицинское обслуживание. В феврале 1922 г. за Белэваком числились четыре общежития на ул. Ново-Московская, д. 66 и Захарьевская, д. 16 и д. 26. Вместо поврежденного в январе 1922 г. во время пожара общежития по ул. Захарьевской Белэвак открыл новое общежитие по ул. Койдановской, д. 26. В двух общежитиях Белэвака размещались немецкие колонисты из Поволжья, которые в мае 1922 г. были переданы в распоряжение Красного Креста [4, д. 82, лл. 152, 172]. Опекаемые Белэваком контингенты населения обеспечивались питанием, которое выдавалось в столовой. Однако в условиях продовольственного кризиса сократился до минимума отпуск Белэваку продуктов из продбазы Главэвакзапа, а получить продукты в местных продорганах было невозможно. Поэтому нормы питания постоянно уменьшались. 24 февраля 1922 г. приказом по управлению Белэвака устанавливалась дневная норма питания для проживавших в общежитиях здоровых контингентов по 0,5 фунта хлеба, 1/8 фунта мяса, 12 золотников круп, 1/3 золотника жиров, кофе и соль. Транзитных беженцев на станции Минск обслуживал передвижной питательный поезд. Для них устанавливался сухой паек: взрослым – 0,5 фунта хлеба, 1 золотник кофе и 3 золотника соли, а детям – 3/4 фунта хлеба, 3 золотника масла, 2 золотника сахара и кофе. Для больных беженцев в изоляторе, санлетучке и приемных покоях норма питания была увеличена и составляла 1 фунт хлеба, 15 золотников круп, 1/6–1/2 фунта мяса, 3,1 золотника жиров. При наличии в изоляторе выдавалось на человека 4,5 золотника масла, 0,5 кварты молока. Для тяжело больных предусматривался также усиленный паек [4, д. 82, л. 153]. Однако из-за дефицита продуктов установленные нормы питания зачастую оставались на бумаге, а беженцы голодали. В конце марта прекращалась выдача продуктов беженцам, прибывшим в Минск «самотеком» [4, д. 82, л. 161].

Для оказания беженцам медико-санитарной помощи при Белэваке функционировали амбулатория, изолятор, два приемных покоя, санлетучка, дезинфекционный отряд, прачечная, баня. Пик заболеваний среди беженцев и красноармейцев пришелся на зимний период, среди которых преобладали возвратный и сыпной тиф. По сведениям зав. медсанотдела Белэвака доктора Д. Кантора в первой половине 1922 г. через амбулаторию Белэвака прошло 5286 больных, в изоляторе количество койко-дней для больных составило 13523, в приемном покое – 27788 [3, д. 967, л. 5]. На изоляционно-пропускном пункте железнодорожной станции Минск осуществлялся санитарно-медицинский осмотр беженцев транзитных эшелонов. Наиболее массовая заболеваемость среди транзитных беженцев наблюдалась в начале 1922 г. В январе на изоляционно-пропускном пункте было осмотрено 117 эшелонов с численностью 89048 человек, из которых было выделено 637 больных. С эшелонов было снято, подобрано на ж/д путях и погребено 177 трупов. В приемных покоях умерло 163 больных. В санлетучке – 66, в изоляторе – 14 человек [4, д. 84, л. 108]. В феврале было осмотрено 68 эшелонов с

численностью 52176 человек, из них было выделено 428 больных, снято с эшелонов, подобрано и погребено 46 трупов. В течение месяца во всех медсанучрежениях изоляционно-пропускного пункта умерло от инфекционных заболеваний 230 человек [3, д. 967, л. 5]. Беженцы формировавшихся в Минске эшелонов перед отправкой подвергались обязательной санитарной обработке. Весной эпидемия пошла на убыль. В мае-июне были проведены массовые прививки, которыми было охвачено 53342 человека [3, д. 967, л. 5].

Белэвак предпринимал энергичные меры по «разгрузке» г. Минска от беженцев. Большинство их без задержки отправлялись в Польшу, за исключением случаев временного отъезда из Минска польской делегации Репатриационной комиссии. В январе-марте 1922 г. основная масса беженцев, прошедших регистрацию в Белэваке, возвратилась на родину. В апреле Белэвак отправил домой 5080 человек, что было почти в два раза больше, чем в марте, когда в Польшу выехало всего 2890 человек [4, д. 84, л. 138 об]. Основная масса беженцев направлялась в Западную Беларусь, отошедшую по Рижскому мирному договору к Польше. По данным Белэвака, в январе-марте 1922 г. в Западную Беларусь было направлено 9246 беженцев, из них белорусы составляли 6708 человек, евреи – 1905, поляки – 564. В течение этого времени непосредственно в этнографическую часть Польши через Минск возвратилось 4440 беженцев. В их составе преобладали также белорусы – 2608 человек, а вторую по численности национальную группу составляли поляки – 1118 человек. В поло-возрастном отношении беженцы возвращались домой семьями. Например, из реэвакуированных в январе 1922 г. Белэваком 7625 человек количество мужчин составляло 1965 человек, в т. ч. 233 красноармейца; женщин – 1783 человека. С ними направлялось домой 3877 детей [4, д. 84, л. 107].

С мая 1922 г. началась перерегистрация беженцев, проживавших в Беларуси, для плановой отправки в Польшу. 13 мая 1922 г. по Белэваку был издан приказ «довести до сведения всех беженцев Польши, проживавших в г. Минске, явиться до 15 мая в регистрационно-эвакуационный отдел Белэвака для регистрации на предмет отправки на родину плановым эшелоном… Беженцы, проживавшие в уездах Беларуси, должны были явиться для регистрации в Минск через свои исполкомы» [4, д. 82, л. 155].

В июне 1922 г. были завершены ремонтные работы по оборудованию в Козыреве беженского городка вместимостью 10 тыс. человек, куда были переведены беженцы, находившиеся ранее как в общежитиях г. Минска, так и на вокзалах. 3 июля Л.И. Розенгауз отмечал, что «концентрация всех прибывавших в Минск беженцев в одном месте, в Козыреве, дала возможность прекратить возникшую в городе эпидемию и освободить вокзалы и ж/д пути от беженских масс, которые скапливаясь, забивали пути, загрязняли вокзалы» [3, д. 97, л. 274]. Он сообщал, что в настоящее время в Козыревском лагере находится до 3 тыс. беженцев, а «дальнейшее существование беженского резервуара в виде Козырево настоятельно необходимо», т. к. «стремившиеся на родину в Польшу беженцы продолжают скапливаться в Минске» [3, д. 97, л. 274].

Высокую оценку работы сотрудников Белэвака дал Председатель ЦИК БССР А. Червяков. Он отметил, что, несмотря на интенсивную работу по репатриации беженцев мировой войны и при чрезвычайно ограниченном материально-финансовом государственном снабжении, сотрудникам Белэвака пришлось выполнять трудную задачу «по обслуживанию (кормлению, размещению, лечению) несчастных беженцев из голодающих губерний», т. к. «местные органы были совершенно неподготовлены к такому стихийному переселению». В исключительно тяжелых условиях работы, «сталкиваясь с очагами заразы, связанной с опасностью для своей жизни, сотрудники мужественно и самоотверженно исполняли возложенную на них работу…, свирепствовавшая эпидемия унесла в могилу многих из этих героев, а других сделала калеками на всю жизнь» [4, д. 82, л. 182]. Доведя до сведения сотрудников благодарность ЦИК БССР, начальник Белэвака приказом 17 июня 1922 г. по управлению назначил выдать каждому сотруднику единовременно по 10 фунтов риса, 2 фунта американского жира, 1 фунту конфет, 1 фунту мыла, 1 банке мясных консервов, 2 банки консервированного молока и 0,5 фунта кофе [4, д. 82, л. 182]. Чтобы предупредить распространение беженцами в г. Минске инфекционных болезней, отдел снабжения Белэвака открыл в лагере лавку по продаже продуктов питания и предметов широкого потребления по рыночным це-

нам. 9 августа 1922 г. приказом по Белэваку все учреждения, находившиеся в Козырево, за исключением регистрационно-реэвакуационного отдела, подчинялись в административно-хозяйственном отношении начальнику лечебно-питательного пункта [4, д. 82, л. 188].

В июне-июле 1922 г. приток беженцев оставался на достаточно высоком уровне и составил соответственно 4600 и 4799 человек в месяц [4, д. 112, л. 29]. С июля 1922 г. главное внимание эвакуационных органов уделялось ликвидации беженства Первой мировой войны. Со второй половины августа приток беженцев значительно сократился. Впервые в жилых помещениях Белэвака появились свободные места, и прибывавшие «самотеком» беженцы без задержки размещались в них для временного проживания. По-прежнему основную массу эвакуированных через Минск контингентов населения в Польшу составляли беженцы западно-белорусских районов.

По данным Белэвака, с апреля по октябрь 1922 г. в Западную Беларусь было направлено 13449 человек, или около 62% всего количества эвакуированных в Польскую Республику, среди них подавляющее большинство составляли белорусы (12047 человек) и всего лишь 868 поляков, 486 евреев. Из 7940 беженцев, возвратившихся в течение этого времени в этнографическую Польшу, белорусы составляли 3686 человек, поляки – 3120 и др. [4, д. 112, л. 26 об.].

Наиболее массовый поток беженцев и военнопленных из РСФСР и советской Украины возвращался через Минск в Польшу транзитным путем. В начале 1922 г. наблюдалась тенденция постепенного увеличения транзитных перевозок беженцев через Минск. Если в январе их численность составила 11455 человек, а в марте – 13263 человека, то весной транзитный поток беженцев существенно увеличился и составил в апреле-мае соответственно 18131 и 18650 человек. Летом отмечалось стабильно массовое передвижение поездов с беженцами. В июне-июле их численность составляла соответственно 17505 и 17627 человек. В августе-сентябре наметилась тенденция уменьшения численности транзитных беженцев, остановившись на отметке чуть больше 12 тысяч человек в месяц [4, д. 112, л. 29]. По данным зав. эвакотделом Главэвакзапа, в 1922 г. через Минск прошло транзитом 139482 беженца [3, д. 643, л. 12].

В связи с уменьшением количества беженцев осенью 1922 г. Центроэвак сократил средства на содержание штатов Белэвака и обслуживание беженцев, закрыл часть его учреждений.

19 сентября 1922 г. приказом по управлению Белэвака была создана комиссия в составе представителей РКИ, отдела снабжения Любощица и счетно-финансового отдела Розина по ликвидации питпоезда, имущество и инвентарь которого были сданы на Центральный склад [3, д. 782, л. 131]. В октябре был расформирован изолятор Белэвака [3, д. 795, л. 18]. В соответствии с требованием Центроэвака 14 декабря управления Главэвакзапа и Белэвака провели совместное заседание, на котором было принято постановление о ликвидации Белэвака. Организационно-техническая работа по его расформированию возлагалась на комиссию в составе М. Стоковского, представителей Главэвакзапа и РКИ [3, д. 782, л. 150]. 27 декабря медучреждения Белэвака и Козыревского лагеря были переданы горздраву во временное пользование [4, д. 782, л. 155]. Таким образом, в 1922 г. Белэвак являлся крупнейшим эвакуационным органом на западной границе, который осуществил массовую реэвакуацию беженцев и военнопленных из советских республик в Польшу.

Литература

1. Документы внешней политики СССР. – М., 1960. – Т. IV.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. – М., 1966. – Т. IV.
3. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 39. – Оп. 1.
4. Национальный архив Республики Беларусь. – Ф. 40. – Оп. 1.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 20.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 947.6

Политика российского самодержавия в сфере среднего сельскохозяйственного образования на Беларуси в середине XIX – начале XX ст.

В.П. Ворон

В статье рассматриваются основные направления политики российского самодержавия в сфере среднего аграрного образования на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. В основе исследования лежат неопубликованные материалы Национального исторического архива Беларуси, законодательство российской империи в области среднего аграрного образования, сведения Могилевского губернского статистического комитета. В статье выделяется ряд аспектов, в соответствии с которыми анализируется степень эффективности проведенных в указанное время преобразований в отношении Горецкого земледельческого училища и Горецких землемерно-таксаторских классов. В особенности это взаимодействие Горецкого земледельческого института и данных учебных заведений, реформирование учебной деятельности двух средних аграрных школ, их материальное и финансовое обеспечение, участие педагогического состава в выработке государственной образовательной стратегии. Кроме того, рассматривается значение земств Беларуси в развитии средних сельскохозяйственных школ.
Ключевые слова: Российская империя, среднее сельскохозяйственное образование, Горецкое земледельческое училище, Горецкие землемерно-таксаторские классы.

The article deals with the main issues of Russian Autocracy's policy in secondary agricultural education on the territory of Belarus in late 19th century – early 20th century. The main research is directed to unpublished materials of the National Record Office of Belarus, legislation of Russian Empire in secondary agricultural education, information of Mogilev province statistics committee. The article singles out some aspects which can help to analyze the grade of effectiveness of some reforms in Gorets Agricultural Professional School and Gorets Agricultural Classes, especially the interaction between Gorets Agricultural Institute and these two educational establishments, their material and financial ensuring, participation of teachers' staff in development of state educational strategy. Besides, the article points out the significance of Belarusian district authorities in the development of secondary educational schools.
Keywords: Russian Empire, secondary agricultural education, Gorets Agricultural Professional School, Gorets Agricultural Classes.

Раскрытие проблематики развития среднего аграрного образования позволяет внести большую ясность в изучение процессов интенсификации сельскохозяйственного сектора в отмеченное время на территории пяти белорусских губерний, кроме того, обобщение исторического опыта в данной области необходимо для понимания и дальнейшей корректировки процессов модернизации аграрного образования на современном этапе.

Необходимо отметить, что при высокой степени актуальности указанной темы глубокие исследования в данном направлении не проводились. Тем не менее, первые работы относятся к дореволюционной историографии. В особенности, И.И. Мещерским в контексте изучения им вопросов аграрного просвещения в общеобразовательных школах были собраны статистические данные, касающиеся организации сельскохозяйственных курсов в средних сельскохозяйственных заведениях Беларуси [15]. На современном этапе В.Г. Гусаков, А.М. Каган, А.Р. Цыганов, А.А. Шелюто, в ракурсе исследования развития научного потенциала Горы-Горецкого земледельческого института, затрагивают проблему формирования педагогического состава Горецких средних учебных учреждений [3], [33]. Таким образом, актуальность указанной темы, а также отсутствие по ней специальных работ представляется необходимым основанием для ее изучения.

Вторая половина XIX – начало XX вв. стала временем зарождения системы белорусского среднего сельскохозяйственного образования. Однако темпы ее формирования на фоне динамики развития сети средних общеобразовательных заведений были крайне медленными.

Так, с 1868 г. по 1914 г. количество гимназий, прогимназий, реальных и коммерческих училищ возросло с 37 до 122, т. е. в более чем в 3 раза [1, с. 411]. Вместе с тем, на протяжении второй половины XIX ст. в Беларуси действовали лишь две аграрные школы, расположенные в Могилевской губернии, которые относились к разряду средних. В частности, таковыми являлись Горецкие землемерно-таксаторские классы (1859), преобразованные в 1909 г. в Горецкое землемерно-агрономическое училище и Горецкое земледельческое училище (1848 г.) [29], [17].

Начиная с момента основания и до 1864 г. данные учреждения находились под административным, учебным и материальным контролем Горы-Горецкого земледельческого института. Подобная система опеки определялась «Положением о Горы-Горецком земледельческом институте и состоящим при нем земледельческом училище» от 30 июня 1848 г. и новой редакцией закона от 8 декабря 1859 г., а также «Положением о классах для образования частных землемеров и таксаторов при институтах: Константиновском межевом и Горы-Горецком земледельческом» от 15 декабря 1858 г. [27], [28]. Принятые меры содействовали вовлечению высококвалифицированных преподавателей из института в образовательную работу Горецких сельскохозяйственных школ. Например, в 1848–1863 гг. земледельческое училище возглавлял Б.А. Целлинский, профессор агрономии вышеуказанного ВУЗа, видный в России исследователь проблем земельного и налогового кадастров, в 1864 г. – профессор агрономии Э.Ф. Рего, специалист в области микробиологии и фитопатологии [18, с. 90], [3, с. 14], [19, с. 47], [33, с. 30]. Не менее важной для училищ была возможность использования материально-технической базы института, посредством которой снабжались всеми необходимыми для учебной деятельности геодезическими инструментами, литературой, канцелярскими принадлежностями и мебелью землемерно-таксаторские классы [4].

Таким образом, функционирование Горецких средних аграрных учебных учреждений на основе взаимодействия с институтом имело положительный результат. По этой причине даже после полной ликвидации ВУЗа в 1864 г. их работа выстраивалась по схожему принципу, в соответствии с которым землемерно-таксаторские классы и Горецкое земледельческое училище, выполняющее шефствующую роль по отношению к ним, в совокупности представляли собой единый образовательный комплекс, получивший официальное название «Горецкие учебные заведения» [14]. На практике это означало непосредственное руководство таксаторскими классами директором училища или кем-либо из его преподавателей, участие их в заседаниях учебно-хозяйственного совета данных классов, наличие одного педагогического состава в обоих заведениях, а также совместная деятельность двух школ в различных образовательно-просветительских мероприятиях. Так, в 1896 г. они вместе были представлены в качестве экспонентов на Всероссийской промышленной и художественной выставке в Нижнем Новгороде [20, с. 57], [21, с. 108], [23, с. 207], [17], [30, с. 177].

Реализация «Положения» 30 мая 1878 г. на Беларуси привела к качественному преобразованию среднего сельскохозяйственного образования. В этом отношении закон сбалансировал соотношение дисциплин общеобразовательного цикла и специальных предметов: геодезии, животноводства, сельскохозяйственной технологии, машиностроения и сельского строительства, которым в новом учебном плане уделялось значительно большее место. Во-вторых, огромное значение имело введение по «Положению» 30 мая 1878 г. производственной практики, организуемой для учащихся Горецких заведений в лучших хозяйствах империи [24]. Например, в 1884 г. группа воспитанников Горецкого земледельческого училища была направлена на прохождение «практических занятий» по садоводству в Никитинский сад (Таврическая губ.), в 1908 г. такие занятия состоялись в Остзейском крае по рыбоводству. В дальнейшем для наиболее успешных учащихся предусматривалась командировка за границу, в особенности в 1884 г.: по поручению директора Департамента сельского хозяйства был произведен специальный отбор среди практикантов Никитинского сада для отправки их на практику в Германию. Данные меры содействовали обобщению учащимися российского и иностранного передового агрономического опыта. Вместе с тем, следует отметить, что возможностью заграничной стажировки могли воспользоваться только юноши русского происхождения и православного вероисповедания, что в свою очередь несколько снижало эффективность подготовки такого рода [5], [6].

Одним из направлений деятельности аграрных учебных учреждений в Российской империи явилась организация с 1883 г. курсовой сельскохозяйственной подготовки народных учителей. На Беларуси Горецкое земледельческое училище стало вторым по значимости заведением после Марьино-Горской низшей сельскохозяйственной школы (Минская губ.), систематически проводящим подобные курсовые занятия. С 1891 по 1903 гг. в общей сложности в училище прошло подготовку 164 чел., а в Марьиной Горке с 1895 по 1904 гг. – 244 чел. Необходимо отметить ее значительную востребованность среди педагогов [15, с. 50, 55]. В частности, в 1894–1895 гг. в земледельческое училище подавались прошения о зачислении на курсы не только учителями из Беларуси, но так же из Черниговской, Волынской и Лифляндской губерний. Однако, к сожалению, в полной мере удовлетворить поступающие запросы училище не могло по причине периодически возникающих проблем, связанных с финансированием Министерством Народного Просвещения (МНП) командировок учителей и отсутствием должного взаимодействия в этом вопросе между Департаментом Земледелия и Дирекцией Училищ [8]. Немаловажен факт и полного отсутствия на курсах женщин как в силу недостаточного уровня женской эмансипации в начале XX века, так и невозможности для них в достаточной мере реализовать на практике агрономические знания, поскольку только курсанты-мужчины могли в дальнейшем преподавать в сельскохозяйственных школах. Как негативный фактор следует также отметить отсутствие до 1911 г. на Беларуси земских школ, к работе в которых допускались женщины. В отличие от министерских, их учебные программы могли включать сельскохозяйственные дисциплины [16, с. 20].

Слабость финансового и материального обеспечения наносила серьезный ущерб развитию белорусской системы средних сельскохозяйственных школ в целом. В 1901 г. именно эта причина стала решающим аргументом против создания в Горках среднего молочного хозяйственного учебного учреждения. Заслуживают внимания факты возникшего в 1893 г. в земледельческом училище и таксаторских классах дефицита учебных программ и пособий по растениеводству, сельскохозяйственной экономии, счетоводству, законоведению и т. д. ввиду их отсутствия в департаменте. Специальную литературу, по представлению директора Горецких заведений Н.М. Арнольда (1875–1899 гг.), невозможно даже было найти в книжных магазинах [7], [12], [22, с. 113].

Повышению качества практического обучения в Горецких средних сельскохозяйственных школах способствовало принятие 21 мая 1901 г. «Положения о сельскохозяйственных опытных учреждениях». В соответствии с ним со стороны правительства предпринимались меры, направленные на совершенствование системы опытных учреждений (опытные станции, поля, участки), состоящих при аграрных учебных заведениях. В особенности, предполагалось увеличение государственных дотаций, выделение казенных земель, отпуск на льготных условиях материалов и т. д. [25]. Принятое постановление должно было способствовать более эффективному использованию учебного потенциала значительного по размерам земельного фонда Горецкого земледельческого училища, по данным 1908 г. составляющего 768 га. Для сравнения: три из четырех учебных заведений такого же типа, имеющихся на Украине в отмеченное время, располагало меньшим по площади фондом, лишь Уманскому училищу земледелия и садоводства принадлежало 920 га [32]. Но несмотря на «Положение», 21 мая 1901 г. модернизация уже имеющихся в составе земледельческого училища опытных учреждений, а также создание новых носило достаточно ограниченный характер. В частности, в 1914 г. на 7 га была увеличена площадь учебно-практического поля. В 1916 г. планировалась постройка овчарни и птичьего питомника, для чего Департамент Земледелия первоначально предполагал выделить 7500 руб., однако в условиях военного времени, а также по причине перманентной нехватки финансовых средств сумму урезали до 700 руб., вследствие чего от организации овчарни пришлось отказаться [9].

Дальнейшее реформирование системы средних аграрных учебных заведений в Российской империи было связано с утверждением нового «Положения о сельскохозяйственном образовании» от 26 мая 1904 г. Главная его особенность заключалась в признании возможным участие Министерства Земледелия и Государственных Имуществ (МЗиГИ) в финансировании земских сельскохозяйственных школ [26]. Вместе с тем, закон 26 мая 1904 г. для Бе-

ларуси имел существенно меньшее значение по причине отсутствия таких учебных заведений, поскольку сами земства за крайне незначительный период своего существования на территории пяти западных губерний (1911–1918 гг.) создать их не имели возможности. Тем не менее, белорусские земства сыграли определенную, хотя и менее значимую роль, в отличие от иных регионов империи, например Надднепрянской Украины, в совершенствовании системы среднего аграрного образования. Как правило, это выражалось в их совместной работе с известными Горецкими училищами и Департаментом Земледелия по организации различных сельскохозяйственных курсов. Так, в 1912 г. по инициативе Могилевской земской управы в Горецком земледельческом училище были проведены курсы по садоводству, огородничеству, полеводству и скотоводству для народных учителей. При этом земство приняло на себя основное бремя расходов по проезду и дальнейшему содержанию их слушателей. Администрация же учебного заведения предоставила необходимые помещения для проведения занятий, общежития, научно-методические пособия, учебно-хозяйственный комплекс, включающий пастбище, фермы, плодовый питомник, кроме того, сами занятия велись преподавателями училища. В свою очередь, департамент осуществлял выделение средств на оплату труда лекторов [10], [2, с. 205, 207].

Немаловажное значение имело и сотрудничество Горецких учебных заведений с различными общественными организациями. Наиболее ярким примером стало оказание долговременной материальной поддержки со стороны Общества Ремесленного Труда (ОРТ) ученикам земледельческого училища еврейского происхождения. На протяжении 1905–1912 гг. ОРТ в данное учреждение ежегодно перечисляло сумму порядка 150 руб., распределяющихся на 6 учащихся. Примечательно, что помимо этнического происхождения, успехи в учебе и примерное поведение служили для Общества основанием выделения им денег. Кроме того, ОРТ по мере необходимости предоставляло финансовую помощь на приобретение обмундирования, книг и проезд на практику [11].

Столыпинская аграрная реформа (1909–1918 гг.) явилась необходимой предпосылкой к дальнейшим преобразованиям землемерной школы. Согласно постановлению «О преобразовании землемерно-таксаторских классов и об устройстве новых курсов для подготовки землемеров-агрономов» от 19 апреля 1909 г., в созданном на месте данного учреждения землемерно-агрономическом училище вводились качественные изменения в системе обучения, предусматривающие более углубленную подготовку межевых техников с расширенной сельскохозяйственной специализацией. В частности, во-первых в учебную программу был добавлен ряд физико-математических дисциплин: алгебры, геометрии, тригонометрии, физики, химии, космографии. Наряду с этим предусматривалось специальное изучение сельскохозяйственных предметов таких, как почвоведение, растениеводство, животноводство, а также межевого законодательства. Во-вторых, был увеличен срок обучения с двух до четырех лет [17].

Следует отметить, что реформирование сложившейся системы среднего аграрного образования на Беларуси в полной мере не исчерпывалась принятием и реализацией известного законодательства. Факты свидетельствуют об активном сотрудничестве администрации и преподавательского коллектива двух Горецких школ с МЗиГИ, преобразованного позднее в Главное Управление Землеустройства и Земледелия (ГУЗиЗ) и МНП в вопросах совершенствования работы указанных учреждений. В этом отношении показательны следующие примеры: в 1901 г. по просьбе МЗиГИ педагогический совет Горецких учебных заведений разработал дополнения к учебному плану по русскому языку, литературе и истории, предложенные советом изменения, впоследствии использовались специальной комиссией МНП при составлении проекта единой средней школы [31]. В 1909 г. ГУЗиЗ одобрило инициативу педсовета касательно расширения учебных программ земледельческого училища по пчеловодству и сельскохозяйственному машиностроению [13].

Таким образом, середина XIX – начало XX ст. стало временем формирования и дальнейшего развития сети среднего аграрного образования на Беларуси. Данному процессу благоприятствовала правительственная установка на реализацию наиболее оптимального варианта организации земледельческого училища и таксаторских классов как интегрированного учебного комплекса. Прогрессивное значение имело реформирование Горецких учебных за-

ведений в соответствии с принятым на протяжении последней четверти XIX ст. общероссийским аграрным образовательным законодательством. Немаловажно и то, что при проведении преобразований самодержавие опиралось на непосредственный опыт преподавателей школ. Вместе с тем, консервативная политика в земском вопросе, а также отсутствие должного материального обеспечения и финансирования препятствовали как реализации в полном объеме потенциала существующих образовательных учреждений, так и созданию новых.

Содержащиеся данные и сделанные в статье выводы могут быть использованы соответствующими сельскохозяйственными и образовательными структурами Республики Беларусь для модернизации существующей системы подготовки специалистов-аграриев, а также для решения проблем интенсификации сельского хозяйства.

Литература

1. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 518 с.

2. Гісторыя Беларусі перыяду капіталізму : у 5 т. / рэдкал.: А.П. Жытко (пад агул. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДПУ, 2005–2010. – Т. 2 : Актуальныя праблемы аграрнай гісторыі / А.П. Жытко [і інш.]. – 2007. – 230 с.

3. Гусаков, В.Г. Становление и развитие экономической науки в БГСХА / В.Г. Гусаков, А.М. Каган // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. агр. навук. – 2010. – № 4. – С. 14–23.

4. Дело о приобретении для учеников землемерно-таксаторских классов бумаги, чертежных инструментов, геодезических приборов // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 2259. – Оп. 1. – Д. 1647. – Л. 37, 72, 63.

5. Дело о командировании учеников земледельческого училища в Никитинский сад для изучения садоводства и огородничества // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 266. – Л. 4, 7.

6. Дело о подготовке инструкторов по сельскому хозяйству // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 504. – Л. 73.

7. Дело об открытии курсов при Горецком земледельческом училище по молочному хозяйству и при Харьковском земледельческом училище бонитеров-овцеводов // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 426. – Л. 4.

8. Дело об открытии курсов по садоводству и огородничеству для народных учителей. Правила об устройстве сельскохозяйственных курсов для народных учителей при училищах, подведомственных Департаменту Земледелия // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 356. – Л. 30, 32, 20.

9. Дело об увеличении площади учебно-практического поля Горецкого сельскохозяйственного училища // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 549. – Л. 5, 38.

10. Дело об открытии краткосрочных курсов по сельскому хозяйству для крестьян // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 541. – Л. 40, 10, 66.

11. Дело о денежной помощи, оказываемой временным комитетом по образованию общества ремесленного земледельческого труда среди евреев в России, ученикам Горецких учебных заведений // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 493. – Л. 1, 63, 58.

12. Дело о рассмотрении предложенных Департаментом земледелия и сельской промышленности программы для преподавания учебных предметов в земледельческом училище // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 338. – Л. 5, 6, 14.

13. Дело об увеличении уроков по сельскохозяйственным машинам и орудиям и плодоводству // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 523. – Л. 1, 2, 3.

14. Краткий исторический очерк Горецких учебных заведений. Отчет о состоянии за 1890 г. Список учеников земледельческого училища // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 310. – Л. 256.

15. Мещерский, И.И. Народная школа и сельское хозяйство : в 2 т. / И.И. Мещерский. – СПб., 1906. – Т 2.

16. Ососков, А.В. Начальное образование в дореволюционной России (1861–1917 гг.) / А.В. Ососков. – М. : Просвещение, 1982. – 208 с.

17. О преобразовании Горецких землемерно-таксаторских классов и об устройстве временных курсов для подготовки землемеров-агрономов. – 19 апр. 1909 г. – № 31726 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1909. – Т. 29. – Ст. 34, 15, 17, 20, 1, 4.

18. Памятная книжка Могилевской губернии на 1863 год. – Могилев : изд-во Могил. губ. стат. ком-та, 1862. – 369 с.

19. Памятная книжка Могилевской губернии на 1864 год. – Могилев : изд-во Могил. губ. стат. ком-та, 1864. – 389 с.

20. Памятная книжка Могилевской губернии на 1865 год. – Могилев : изд-во Могил. губ. стат. ком-та, 1865. – 283 с.

21. Памятная книжка Могилевской губернии на 1899 год. – Могилев : изд-во Могил. губ. стат. ком-та, 1899. – 614 с.

22. Памятная книжка Могилевской губернии на 1901 год. – Могилев : изд-во Могил. губ. стат. ком-та, 1901. – 655 с.

23. Памятная книжка Могилевской губернии на 1910 год. – Могилев : изд-во Могил. губ. стат. ком-та, 1910. – 732 с.

24. Положение о земледельческих училищах. – 30 мая 1878 г. – № 58586 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1878. – Т. 53. – Ст. 7.

25. Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях. – 28 мая 1901 г. – № 20150 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1901. – Т. 21. – Ст. 21, 28, 1.

26. Положение о сельскохозяйственном образовании. – 26 мая 1904 г. – № 24628 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1904. – Т. 24. – Ст. 3, 11, 37, 64.

27. Положение о Горы-Горецком земледельческом институте и состоящих при нем земледельческом училище и учебной ферме. – 30 июня 1848 г. – № 22414 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1848. – Т. 23. – Ст. 5, 40.

28. Положение о Горы-Горецком земледельческом институте и состоящих при нем земледельческом училище и учебной ферме. – 8 дек. 1859 г. – № 35220 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1859. – Т. 34. – Ст. 39.

29. Проект положения о классах для образования частных землемеров и таксаторов при институтах : Константиновском, Межевом и Горы-Горецком земледельческом. – 15 дек. 1858 г. – № 33904 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1858. – Т. 33. – Ст. 1, 3, 4, 7, 12.

30. Сельскохозяйственные школы на нижегородской выставке 1896 г. // Русская школа. Общепедагогический журнал для школы и семьи. – 1902. – № 9–10. – С. 172–184.

31. Устав Никитинского училища садоводства и виноделия. Устав Новоузненской земской управы к открытию сельскохозяйственной выставки в Новоузненске // НИАБ. – Ф. 2260. – Оп. 1. – Д. 484. – Л. 142, 144.

32. Циркуляры и представление ГУЗиЗ о введении нового метода преподавания естественно-исторических дисциплин в школе, об организации при школе показательного, хуторского хозяйства и др. // НИАБ. – Ф. 491. – Оп. 1. – Д. 138. – Л. 108.

33. Цыганов, А.Р. Исторические аспекты и современное состояние научных исследований по агрономии в БГСХА / А.Р. Цыганов, А.А. Шелюто // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Сер. агр. навук. – 2010. – № 4. – С. 30–36.

Белорусский государственный
педагогический университет им. М. Танка

Поступило 30.09.11

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 94(438)«15/16»:356.1

Польская пехота конца XVI – начала XVII вв.

А.П. Шиляев

Данная статья представляет собой исследование изменений, происходивших в организации и вооружении польской пехоты конца XVI – начала XVII вв.
Ключевые слова: пехота, армия, пикинер, мушкетер, рекрут, наемник.

This article is devoted to the reforms that took place in the formation and armament of the Polish infantry in late 16th – early 17th century.
Keywords: infantry, army, pikeman, musketeer, recruit, mercenary.

В течение всего XVI в. в Западной Европе происходили коренные изменения в структуре и организации армий. Вместе с ростом общей численности армий росла численность и значимость пехотных подразделений, а рыцарская конница постепенно вытеснялась тяжелой кавалерией.

Еще в XIV в. пехота вновь заняла свое место среди других родов войск. К XVI в. значение пехоты намного возросло, и она стала основным родом войск во всех армиях Западной Европы. В конце позднего средневековья европейцы смогли убедиться в превосходстве швейцарских методов организации войска и ведения боя. Приблизительно около полустолетия со времен битв под Муртреном и Нанси до битвы при Бикокке в 1522 г. европейское военное дело находилось под гегемонией швейцарцев. Во всех крупных европейских государствах того периода начинаются попытки создания собственных войск, подобных швейцарским [3, с. 643].

В течение итальянских войн (1494–1559 гг.) военные теоретики разрабатывали новые методы использования пехотных построений в бою, основываясь на заново открытых работах античных ученых и современном опыте. Первым, кто попробовал противостоять швейцарцам, был император Максимилиан I, собравший в Германии отряды пикинеров и алебардщиков и тренировавший их для боя в точно такой же, как у швейцарцев, фаланге. Такие войска, состоящие из наемников, назывались ландскнехты, а немецкий вариант построения баталии – банда [5, с. 314].

После сокрушительного поражения швейцарцев в битве при Бикокке 1522 г. европейское военное дело в течение приблизительно ста лет находилось под гегемонией немецких ландскнехтов. В основу новых формирований был положен наемный, а не феодальный принцип комплектования. Хотя это еще и не были постоянные армии, т. к. их содержание было связано с огромными затратами. Однако в этот период создаются постоянные наемные отряды, которые периодически сменяли своих хозяев, иногда продавая себя поочередно обеим враждующим сторонам.

В течение нидерландских войн (1567–1609 гг.) происходят дальнейшие изменения в организации пехотных подразделений. Значительное увеличение эффективности и мощности ручного огнестрельного оружия вызвало увеличение общего числа мушкетеров и сокращение пикинеров. Большие плотные построения пехоты оказались теперь сильно уязвимыми под кучным огнем мушкетов. Это обстоятельство вынудило разбить старые боевые колонны на более мелкие тактические единицы и образовать вместо нескольких глубоких колонн большое количество широких [4, с. 112].

Появляются различия и в защитном вооружении, которое использовали мушкетеры и пикинеры. Если пехотинцы, участвовавшие в бою с холодным оружием, еще применяли часть доспешного комплекса, то мушкетеры к концу XVI в. вообще отказываются от доспехов. Вместо нагрудника или бригантины у мушкетеров распространяется куртка из толстой кожи, которая могла защитить от удара палашом или мечом. Шлем у мушкетеров также вы-

ходит из употребления. Вместо него широко распространяется кожаная широкополая шляпа. Изначально под этой шляпой еще находился небольшой шлем черепник, но позже мушкетеры отказались и от него [2, с. 158].

Однако массовое применение огнестрельного оружия в пехоте породило новые проблемы. Солдат, вооруженный громоздкой аркебузой либо мушкетом, имел для рукопашного боя только клинковое оружие, пикой он пользоваться не мог. На дистанции такие воины успешно вели бой, но если подвергались атаке конных копейщиков или пеших пикинеров, то в ближнем бою серьезно противостоять им не могли и подвергались уничтожению. Поэтому всем армиям Европы для прикрытия аркебузеров и мушкетеров были необходимы копейщики и пикинеры, за линию которых стрелки могли спрятаться, чтобы избежать рукопашной. Военные теоретики придумывали различные варианты строя, где могли бы удачно сочетаться в бою и пикинеры, и мушкетеры. Таким образом, мушкетеры хоть и стали играть значительную роль в сражении, но все еще не являлись самостоятельными и нуждались в защите пикинеров [5, с. 316].

Все эти изменения в военном деле находили свое отражение и в Речи Посполитой, однако приобретали здесь свои региональные особенности, среди которых можно выделить вспомогательную роль пехоты и значительное количество наемников.

На рубеже XVI–XVII вв. Речь Посполитая имела очень пестрый состав населения. Кроме поляков и других славян, на территории Речи Посполитой проживали литовцы и другие прибалтийские народы, немцы, татары, армяне, евреи и даже шотландцы.

Это культурное разнообразие оказало сильное влияние на польскую армию. Кроме собственно польских соединений и войска ВКЛ, в составе армии действовали многочисленные иностранные части, набранные как на территории Речи Посполитой, так и за ее пределами. Польской короне служили татары, казаки, трансильванцы, молдаване, венгры, сербы и албанцы, а также выходцы из Западной Европы: немцы, французы, итальянцы, голландцы, валлонцы, шведы и шотландцы [7, p. 2].

В Речи Посполитой во время правления короля Стефана Батория (1576–1586 гг.) была проведена широкомасштабная военная реформа. Само собой, эти преобразования затронули и пехоту. Солдаты отказались от применения тяжелых доспехов, щитов и большей части древкового оружия. Вместо этого они получили сабли, секиры и мушкеты, а также однообразное обмундирование. Был установлен точный размер жалования для каждого солдата. Благодаря постоянному жалованию солдаты намного больше поддавались обучению и муштровке со стороны своих командиров. Одновременно с этим была произведена попытка очистить войска от фиктивных солдат, т. н. «мертвых душ», чтобы численность подразделений совпадала с реальным количеством солдат. Основным пехотным подразделением являлась рота численностью около 200 человек [14, s. 185].

Изменению подверглась и устаревшая система набора солдат, которая до этого соответствовала кавалерийской «товарищеской» системе. Будущий командир роты нанимал на службу «товарищей» из числа мелких шляхтичей, каждый из которых обязан был привести с собой «почт» в составе одного-двух вооруженных слуг. Эти «почтовые» воины обычно набирались из дворовых людей шляхтича [6, p. 28].

Довольно часто случалось, что действительная численность солдат не совпадала с номинальной. Товарищи, взяв у ротмистра денег на определенное количество солдат, злоупотребляли своими полномочиями и предоставляли значительно меньшие контингенты. Сведения о подобных злоупотреблениях сохранились в документах того времени. Так, например, в одном из сообщений о найме войск во время войны 1580 г. упоминается, как товарищи представили почти в два раза меньше солдат, чем им было поручено [12, s. 235].

Желая преодолеть столь негативные явления и улучшить состояние пеших формирований, Стефан Баторий попытался ввести в Польше рекрутскую систему набора войск. По предложению короля сейм 1578 г. утвердил создание в коронных землях т. н. «пехоты выбранецкой» по образцу, существовавшему в Трансильвании [13, s. 117]. Часто слово «выбранецкая» вместо рекрутской неверно переводят как отборная, хотя на самом деле эти формирования не отличались высокими боевыми качествами [6, p. 21].

На основании этого указа от каждых 20 лан (около 22 га) королевской земли рекрутировался (выбирался) один солдат, полностью вооруженный и экипированный, боевые качества которого оценивались ротмистром [9, s. 180].

Формирование рекрутских подразделений происходило следующим образом. Ротмистр, получив от короля призывной лист, должен был в городе воеводства или повета, откуда набирались рекруты, объявить о смотре добровольцев. После этого он выбирал из желающих годных к военной службе и давал им рекомендации. Если местные власти не отпускали рекрута, ротмистр мог обратиться в суд.

Стефан Баторий рассчитывал получить значительное количество рекрутов, однако крестьяне и сельские власти саботировали его приказ. Также к подобному способу набора войск крайне негативно относилась шляхта и магнаты, которые считали, что, попираясь на значительные вооруженные силы, король сможет укрепить свою власть и ограничить шляхетские вольности. Поэтому редко удавалось собрать более 2000 человек. Так, под Псковом в 1581 г. «выбранцов» насчитывалось 1803 человека [9, s. 24].

Постепенно «выбранцов» стали использовать как обозные и инженерные войска для шанцевых работ. В 1633 г. король Владислав IV издал инструкции о том, что рекрутское ополчение следует оснастить только шанцевым инструментом и не давать «выбранцам» никакого боевого оружия и снаряжения [10, s. 236].

Еще одной попыткой получить боеспособные пешие формирования было решение Стефана Батория об организации пеших шляхетских хоругвей. Первый такой отряд был создан в 1581 г. и насчитывал около 600 человек. Для этого шляхетского подразделения плата была установлена выше, чем для остальных пеших формирований [11, s. 241].

Попытки набора пехоты из шляхты продолжались и после Батория. В 1600 и 1601 гг. были созданы пешие шляхетские формирования количеством 150 и 200 человек соответственно. Однако служба в пехоте считалась не престижной, поэтому охотников служить не находилось. В результате после 1601 г. не прослеживается набор пеших подразделений из представителей шляхетского сословия [9, s. 34].

Помимо реестрового казачества на польскую службу привлекались и низовые казаки в качестве пехотинцев. Первые сведения о пеших казачьих частях относятся к 1575 г. Известно также, что наборы проводились в 1600, 1601, 1609–11, 1621, 1632 гг. [8, s. 143].

Ощущая нехватку хорошей пехоты, Стефан Баторий попытался, и не без успеха, компенсировать недостаток национальной пехоты наймом в более широких масштабах иностранных наемников, в особенности немцев и венгров. Причем, что характерно, наемники привлекались теперь целыми полками в несколько сот или даже тысяч человек в каждом.

Венгерские гайдуки попали в Польшу вместе со Стефаном Баторием и вскоре стали основным типом польской пехоты. Гайдуки действовали в составе рот численностью от 100 до 200 солдат, поделенных на десятки. Гайдуки почти поголовно были вооружены огнестрельным оружием. Может показаться странным, что польская армия почти не использовала пики, в то время как в Западной Европе они имели широкое применение в связи с тем, что мушкетеры без пикинеров не могли противостоять конной атаке. Дело в том, что главной задачей польской пехоты было оказывать огневую поддержку ударным силам конницы или атаковать укрепления противника. Для рукопашного боя в открытом поле пехота не предназначалась. Уязвимость пехоты перед конными атаками противника в случае польской пехоты полностью компенсировалась наличием собственной конницы, которая могла отразить любую конную атаку.

Другим наемным пехотным формированием, наиболее часто применявшимся в польской армии, были немецкие ландскнехты. Священная Римская империя сильнее других европейских государств оказывала на Польшу военное влияние. Германия постоянно враждовала с Польшей. В 17 в. граница между Польшей и Германией еще не была столь резко очерченной. Многие германцы жили на территории самой Речи Посполитой. В таких условиях немцы неизбежно оказывали сильное влияние на польскую армию, в первую очередь на ту ее часть, что организовывалась по германскому образцу. Эта армия называлась армия немецкого образца или, как говорили в то время, немецкого строя. Следует иметь в виду, что под

«немцами» в те времена понимались не только германцы, но и все западные народы, говорившие на непонятных для славян языках.

Немецкие пехотинцы-наемники служили в составе частей, формируемых по западному образцу, то есть в полках во главе с полковником. В составе полков действовали стрелки, вооруженные мушкетами, и пикинеры, вооруженные пяти- или шестиметровыми пиками. Участвуя в рукопашной схватке с холодным оружием, пикинеры применяли шлема, перчатки и нагрудники. Так же, как и в полках польского строя, в немецких полках имелось множество фиктивных солдат, доля которых могла достигать 10% от численности полка. Полк насчитывал до 12 рот общей численностью до 1500 человек. В полках иноземного строя было больше офицеров, нежели в польских полках, это обеспечивало более высокий уровень подготовки и дисциплины личного состава. С другой стороны, полки иноземного строя обходились государственной казне гораздо дороже польских полков, а без своевременной оплаты наемники воевали вяло и неохотно [7, p. 5].

Наемная армия негативно воспринималась основной массой шляхты и аристократии. Они видели в ней так же, как и в рекрутской, средство усиления королевской власти и насаждения абсолютизма. Однако обойтись без набора иностранных наемников было невозможно хотя бы потому, что без пехоты вести полномасштабную войну было невозможно, а собственная польско-литовская пехота уступала по своим качествам наемной. На сейме 1579 г., оправдываясь перед депутатами за использование иностранных наемников во время войны с Иваном Грозным, Баторий отмечал, что, побуждаемый крайностью, пользовался он во время этой войны услугами иноземных войск, потому что королевство, имея хорошую конницу, которая может не только поравняться с другими государствами, но даже превзойти их, не располагает достаточной пехотой [1].

В результате предпринятых при Стефане Батории мер армия Речи Посполитой приняла вид, в котором она просуществует вплоть до начала 30-х гг. XVII в. В реформированной Баторием польско-литовской армии вооруженные в значительной степени огнестрельным оружием пехота и артиллерия стали играть большую, чем ранее, роль.

Секрет успехов польско-литовских войск заключался теперь в отработанной польско-литовскими военачальниками эффективной тактике тесного взаимодействия пехоты, артиллерии, тяжелой и легкой конницы. Пехота и артиллерия своим огнем «размягчали» вражеские войска, подготавливали сокрушительную атаку гусарской конницы, устоять против таранного удара которых не могло ни одно воинское подразделение польских противников. Опрокинутый гусарами неприятель добивался легкими казацкими, татарскими отрядами, которые к тому же успешно несли разведывательную и охранную службу и опустошали владения неприятеля своими рейдами.

Противостоять такой армии на поле боя, в открытом поле, было крайне сложно, и опыт сражений на рубеже XVI–XVII вв. только подтверждал это. Один только впечатляющий перечень побед, казалось, красноречивее всего свидетельствовал о превосходстве польско-литовской армии над потенциальными неприятелями. В 1588 г. – сражение под Бычиной в Силезии, великий гетман Я. Замойский наголову разгромил противника Сигизмунда Вазы в борьбе за польский трон эрцгерцога Максимилиана Габсбурга; в 1595 г. – гетман Я. Замойский нанес сокрушительное поражение турецко-татарскому войску под Цецорой в Молдавии; в ходе Инфлянтской войны 1600–1611 гг. шведы были разбиты под Книпгаузеном в 1601 г., Вейссенштейном в 1604 г. и Кирхгольмом в 1605 г.; 1610 г. – гетман С. Жолкевский нанес поражение московским войскам; 1621 г. – победа над турками и татарами под Хотином; 1624 г. – разгром татар под Мартыновым.

Вместе с тем, на фоне этих побед оказались незамеченными признаки грядущего кризиса, который так или иначе был связан с нехваткой в рядах армии Речи Посполитой хорошо обученной и дисциплинированной пехоты, способной оказывать действенную огневую поддержку собственной коннице. Наемники, из-за своей дороговизны и сильного сопротивления шляхты, не могли в должной мере восполнить этот недостаток, а пехота коронной армии на рубеже XVI–XVII вв. продолжала играть вспомогательную роль.

Такое положение дел сохранялось в польской армии вплоть до правления Владислава IV (1632–1648 гг.), который провел очередные военные преобразования. Суть реформы, предпринятой Владиславом, заключалась не столько в том, чтобы набрать наемников – этот путь был уже неоднократно опробован, а в том, чтобы «иноземные» войска, т. е. войска вооруженные и обученные по примеру западноевропейских, набирались преимущественно из уроженцев Речи Посполитой.

Литература

1. Гейденштейн, Р. Записки о Московской войне (1578–1582) / Р. Гейденштейн // Библиотека древних рукописей [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : http://www.drevlit.ru/texts/g/geydenshteyn2.php. – Дата доступа : 11.01.2011.

2. Блэр, К. Рыцарские доспехи Европы. Универсальный обзор музейных коллекций / К. Блэр. – М. : Центрполиграф, 2006. – 256 с.

3. Дельбрюк, Г. Всеобщая история военного искусства / Г. Дельбрюк. – М. : Эксмо, 2008. – 864 с.

4. Меринг, Ф. История войн и военного искусства / Ф. Меринг. – СПб. : Полигон, 2000. – 528 с.

5. Тараторин, В.В. История боевого фехтования: развитие тактики ближнего боя от древности до начала XIX века / В.В. Тараторин. – М. : Палек, 1998. – 460 с.

6. Brzezinski, R. Polish Armies 1569–1696 (1) / R. Brzezinski. – Oxford : Osprey, 1987. – 48 p.

7. Brzezinski, R. Polish Armies 1569–1696 (2) / R. Brzezinski. – Oxford : Osprey, 1988. – 48 p.

8. Diariusz expedycyi ukrainney z kozakami zaporoskiemi // Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polscze z rekopismów, tudziez dzieł w różnych językach o Polszcze wydanych, oraz z listami oryginalnemi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym. T. 6 [Electronic resource]. – 1833. – Mode of access : http://www.pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=7899&from=&dirids=1&ver_id=9508&lp=147&QI=!DE8E781795D81A4355C389A4352E4922-2. – Date of access : 17.01.2011.

9. Gorski, K. Historya piechoty polskiej / K. Gorski. – Kraków, 1893. – 272 s.

10. List zwarty do W. Starosty zmudzkiego o wybieraniu z ekonomii kobrynskiej // Historya piechoty polskiej [Electronic resource]. – 1893. – Mode of access : http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=93031&from=&dirids=1&ver_id=&lp=3&QI=. – Date of access : 17.01.2011.

11. Monstra roty szlacheckiej P. Stanislawa Otrebosza // Historya piechoty polskiej [Electronic resource]. – 1893. – Mode of access : http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=93031&from=&dirids=1&ver_id=&lp=3&QI=. – Date of access : 17.01.2011.

12. Regestrum rationis publicae Thesauri Regni perceptarum et distributarum pecuniarum in anno 1580 // Historya piechoty polskiej [Electronic resource]. – 1893. – Mode of access : http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=93031&from=&dirids=1&ver_id=&lp=3&QI=. – Date of access : 17.01.2011.

13. Uniwersal JKMsci o wybraniu piechoty w dobrach krolewskich // Sprawy wojenne krola Stefana Batorego [Electronic resource]. – 1887. – Mode of access : http://www.pbc.biaman.pl/dlibra/docmetadata?id=2298&from=&dirids=1&ver_id=2446&lp=1&QI=!4FDCB5BB54F20820D64182FB32418305-1. – Date of access : 17.01.2011.

14. Żygulski, Z. Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu / Z. Żygulski. – Warszawa : Panstwowe wydawnictwo naukowe, 1975. – 332 s.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 14.03.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 39(476.2-25)“196/198”

Материальная культура населения Гомеля (вторая половина 60-х – середина 80-х гг. XX века)

Т.А. Шкрабова

В статье рассмотрена материальная культура населения Гомеля во второй половине 60-х – середине 80-х гг. XX века по материалам архива и периодической печати.
Ключевые слова: материальная культура, население, город Гомель, жилье, одежда, питание, транспорт, мебель.

The article deals with the material culture of the population of Gomel in late 1960s – mid-1980s by the data of archives and periodical press.
Keywords: material culture, population, Gomel city, accommodation, clothes, feed, transport, furniture.

Изучение материальной культуры горожан БССР во второй половине 60-х – середине 80-х годов XX века – тема, безусловно, актуальная. Любые социально-экономические изменения в обществе в первую очередь отражаются на материальной культуре (жилище, одежда, пища) населения. Материальная культура в советском обществе воспринималась как нечто повседневное, и ей не уделяли такого внимания, как, например, общественной жизни. Несмотря на это, повседневная жизнь отражала советскую эпоху и сейчас является культурной характеристикой того времени. Вкусы горожан менялись, и городская среда давала возможность удовлетворить материальные запросы в большей степени, чем в сельской местности.

Город Гомель во второй половине 60-х – середине 80-х годов XX века для изучения выбран не случайно. Советское общество в этот период вступило в фазу стабильного поступательного развития, уровень жизни населения по сравнению с довоенным и первым десятилетием послевоенного периода возрос, что непременно сказалось и на материальной культуре горожан. Гомель во второй половине 60-х – середине 80-х годов XX века являлся вторым городом по величине в БССР после Минска, в том числе имел большое влияние как областной город не только на районные города Поднепровья и Восточного Полесья, но и на сопредельные территории.

С 1970-х годов и до сегодняшнего дня горожане являются предметом пристального изучения ученых-этнографов (В.К. Бондарчик, И.П. Корзун, Г.И. Касперович, Л.В. Ракова, О.Г. Ященко, И.И. Калачева). Некоторые тенденции по данному вопросу раскрыты в этнографических работах: «Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі», «Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии», «Этнические процессы и образ жизни. (На материалах исследования городов БССР)» [1], [2], [3]. Автор данной статьи уже делала определенные попытки, которые отразились в статье, вышедшей в начале XXI века [4]. Отдельные сведения о Гомеле в указанный выше период можно почерпнуть из краеведческой литературы [5]. Отдельного труда, посвященного изучению материальной культуры горожан Гомеля во второй половине XX века, не существует, что, несомненно, подчеркивает значимость данного исследования.

В качестве источников фигурируют архивные материалы фондов 1041, 1474 Государственного архива Гомельской области. Были проработаны такие виды документов, как справки, отчеты, переписка, приказы. Также использовался материал периодической печати газеты «Гомельская праўда» за 20 лет изучаемой эпохи с 1965 по 1985 годы. Среди этих публикаций письма, реклама, интервью с руководителями различных отраслей городского хозяйства.

Цель данной работы – рассмотреть материальную культуру горожан Гомеля во второй половине 60-х – середине 80-х годов XX века по данным архивных материалов и периодической печати. В статье конкретизируются вопросы территориального расширения Гомеля в изу-

чаемый период, показано улучшение жилищного обеспечения, анализируются данные о бытовом обслуживании населения, о проникновении модных тенденций в костюм горожан, рассматриваются сферы общественного питания и проникновения новаций в кулинарию горожан.

Новизна исследования заключается в том, что впервые вводятся в научный оборот новые архивные документы, а также углубленно рассматриваются материалы периодической печати.

Большое значение в изучаемый период придавалось внешнему виду города. Об этом свидетельствует тот факт, что только в 1965 году было проведено 4 воскресника в периоды озеленительных работ, где участвовало 10 тысяч человек. В начале 70-х годов XX века в интервью управляющий трестом «Зеленхоз» отмечал: «За последние годы в Гомеле проведена большая работа по созданию новых зеленых массивов. В парках ”Октябрь”, ”Приозерном” и ”Мемориальном”, во многих скверах осуществлены профилактические меры, которые позволили улучшить общий фон зеленых насаждений. За пять лет высажено больше чем 110 тысяч деревьев, 650 тысяч кустарников, 95 га отведены под газоны…». Хотя оставалось и немало проблем: «Хочется особо обратить внимание на сбережение зеленых насаждений. Каждый год в Гомеле гибнет 10% деревьев, 25% кустарников и 30% площадей газонов. Причина – непродуманная организация досмотра посадок. В зимний период, например, тротуары посыпают солью с песком. Деревья желтеют, чахнут от чрезмерного внесения соли… Большую тревогу вызывает и тот факт, что жители города, особенно в Железнодорожном районе, самовольно уничтожают тополя, которые, по их мнению, наносят вред садам…» [6, с. 4].

Много внимания в городе в середине 1960–1980-х годов уделялось вопросу улучшения санитарного состояния. В городе развернулась борьба за лучший порядок во дворах, подъездах. Большая работа проводилась по образованию новых зеленых массивов. Но существовали и проблемы, на которых, например, заострила свое внимание 10-я сессии Гомельского городско Совета депутатов трудящихся, проходившая весной 1971 года. Она обсудила вопросы о санитарном состоянии и благоустройстве города. В докладе председателя отмечалось, что улицы города ремонтируются и убираются нерегулярно. Очень плохо организована уборка остановок автобусов и троллейбусов, особенно конечных. В итоге слабого контроля со стороны городского отдела коммунального хозяйства и милиции жителями создавались свалки. Такая свалка, например, возникла в конце улицы Барыкина. Неудовлетворительно проводилась санитарная очистка в зоне частного сектора, жители которого временами выбрасывали мусор и нечистоты на улицу [7, с. 2].

В середине 60-х – середине 80-х годов XX века Гомель продолжал активно застраиваться. Например, на 1 января 1967 года весь жилой фонд города составлял 1500 тыс. метров квадратных жилой площади. Создавались новые жилые районы, кварталы застраивались многоэтажными домами и оборудовались всеми видами коммунальных услуг, поселок Фестивальный, где проживало 15 тысяч человек, улица Победы – одна из красивейших улиц города того времени, жилой массив у спортивного комплекса, у троллейбусного депо, поселок завода «Гомсельмаш», улица Головацкого, центральная часть Новобелицкого района и др. [8, л. 12–13].

С увеличением масштабов строительства улучшались жилищные условия многих горожан Гомеля. Гомельчане из временных жилищ (коммунальных квартир, общежитий) переезжали в собственные отдельные комфортабельные квартиры. В 1967 году была закончена разработка проекта задания по возведению большого жилого массива в районе улиц Советской и Головацкого, рассчитанного на 20 тысяч жителей. Проектом предусматривалось вместе со строительством пятиэтажных крупнопанельных домов также возведение девяти-, двенадцатиэтажных зданий из кирпича [9, с. 4]. Дома возводились достаточно быстрыми темпами, и уже летом 1969 года в Гомеле принял новоселов 119 квартирный дом в новом блоке района Фестивальный. Также готовились к сдаче еще три крупнопанельных многоквартирных жилых дома в микрорайоне по улице Советской, 119, квартирные дома улучшенной планировки завода «Гомсельмаш» и деревообрабатывающего комбината [10, с. 4].

В 70-е – середине 80-х годов XX века город активно расширял свои границы. Был образован ряд новых микрорайонов в юго-западной, северо-западной и левобережной частях, районах «Аэродром» и «Гомсельмаш». В конце 70-х годов XX века в Гомеле одним из кра-

сивейших являлся микрорайон, возведенный на площади старого аэродрома. В 1973 году в Гомеле был образован новый городской район – Советский, который сразу же стал застраиваться. В районе велось жилищное строительство, и за достаточно непродолжительный отрезок времени тут выросли девятиэтажные дома. Например, жилой массив на улице Быховской. Сотни семей гомельчан отметили здесь новоселье [11, с. 2].

Согласно генплану 1977 года, планировочная структура города формируется из пяти комплексных планировочных районов (Центрального, Северо-Восточного, Юго-Западного, Сельмашевского, Новобелицкого) и развивается в северо-восточном, северо-западном и южном направлениях. Общегородской центр развивался вдоль реки Сож. В 1980-е годы в городе началось освоение поймы реки Сож под жилищно-гражданское строительство. На гидронамывных пойменных территориях застраивались большие жилые массивы Волотова, Южный и др. [4, с. 480]. Гомельская правда за 1982 год сообщала, что «еще несколько лет назад на этом месте было пусто. Но вот пришли строители – сразу преобразовалась округа. Один за одним начали вырастать дома, интернаты, магазины, кафе, детские учреждения… Сейчас жилой массив в Волотове – один из самых крупных и перспективных в городе Гомеле» [12, с. 3]. В начале 1980-х годов застраивается девятиэтажными домами и микрорайон «Гомсельмаш». В 1980 году более чем 370 семей отметили новоселье в домах по улице Северной [13, с. 4].

Переезжая в новые квартиры, горожане пользовались широким спектром жилищно-коммунальных услуг. В отличие от предыдущего периода к 1967 году, например, «расширена сеть водопровода на 60%, мощность водопровода увеличена на 41%. Расширена сеть канализации в 1,7 раза, а ее мощность увеличена в 2 раза. Электроосвещение города возросло в 5 раз» [14, л. 1]. Продолжалась и газификация жилого фонда города. Газеты сообщали, что «за март и 10 дней апреля 1973 года газовики Гомеля подвели газ к 863 новым квартирам города. До 1 мая газ будет подан в 450 квартир» [15, с. 4].

Обзавестись предметами комфорта в быту за короткий срок в советское время было несколько проблематично, наблюдался дефицит товара. Особенно это касалось молодых семей и новоселов. В таких случаях на помощь приходили работники пунктов проката. Тут можно было взять на прокат холодильник, пылесос, стиральную машину, телевизор, магнитофон и др. В пункт проката можно было обратиться и тогда, когда в доме начиналось большое торжество и необходима была посуда для сервировки стола [16, с. 4]. Но были и проблемы: например, в прокате не всегда требуемое было в наличии.

Обустроить свой быт, сделать жилье уютным и более привлекательным гомельчанам помогала Гомельская фабрика по изготовлению и ремонту мебели «Красная звезда». По заказам населения изготавливали мебель: кровати двуспальные, полуторные и односпальные с полированной спинкой; диван-кровать двуспальный с полированными подлокотниками; кресла; тахта; серванты с люстрами; трельяжи, трюмо, стол-книга; столы обеденные раскладные, столы однотумбовые письменные, разнообразные книжные полки, тумбочки под цветные телевизоры; секцию-«стенку» с тремя предметами (бар, секретер, книжная полка); шкафы двух- и трехдверные полированные; столики журнальные, столики кухонные [17, с. 4]. Покупатели, обустраивающие свое жилье, сталкивались со многими проблемами, например, очередями, нехваткой товара, отсутствием заявленной вещи на складе магазина, а также ограниченностью доступа к престижным товарам.

С 70-х годов XX века модным приобретением для гостиной становится секция-«стенка». Предприятие «Гомельдрев», например, предлагало «новый гарнитур мебели для столовой “Немига-2” (стенка). Он имеет красивый вид и отличается качественной отделкой» [18, с. 6], а также «набор для гостиной “Константа”. Его конструкция уникальна, имеет привлекательный вид, а самое главное, что набор соответствует вкусам сегодняшних покупателей, делает уютным дом» [19, с. 4]. С конца 70-х – начала 80-х годов XX века в моде мебельные наборы-трансформеры. Например, диван-кровать. Вместо деревянных ножек в начале 80-х годов XX века уже были предусмотрены колесные опоры, которые позволяли легко перемещать такую мебель по комнате. Для хранения постельных принадлежностей была сделана более высокая тумбочка, чем в раннем аналоге. В два раза больше была и толщина боковины дивана-кровати, что давало красивую объемность форм [13, с. 4].

Мебельщики Гомельской области радовали своей продукцией не только свой регион, но и многие другие города республики. Из письма жительницы города Минска Р. Павлович: «Хорошая вещь всегда доставляет радость. Особенно, которой пользуешься постоянно. Большим событием стало для нашей семьи покупка кухонного набора, сделанного на Жлобинской мебельной фабрике… Он не только красивый внешне: ламинированная плита, красивый цвет, хорошо подобранная фурнитура, но и удобный» [20, с. 2].

В середине 60-х – середине 80-х годов XX века, учитывая потребности населения и растущего города, продолжает развиваться транспортная система. Увеличивается количество маршрутов, транспортных средств. В 1967 году в Гомеле вступила в строй первая очередь нового аэровокзала. На линии в направлении «Минск – Москва» был пущен скоростной лайнер «АН-24». Гомельчане за 45 минут могли долететь до Минска, а за 1 час и 45 минут – до Москвы [21, с. 4]. К 1980 году в Гомеле насчитывается 11 троллейбусных и 12 автобусных маршрутов, которые обслуживали 203 троллейбуса и 112 автобусов. Кроме того, пассажиров перевозили 315 таксомоторов и 9 микроавтобусов. Ежедневно перевозилось более чем 400 тысяч человек. Активное строительство жилых домов в микрорайоне «Гомсельмаш» вызвало необходимость строительства троллейбусной линии по проспекту Космонавтов, улицам Ефремова, Фадеева, Дворникова, Богданова [22, с. 3]. В середине 80-х годов XX века к услугам гомельчан добавился новый вид транспорта – быстрые и комфортабельные 11-местные микроавтобусы марки РАФ-2203 с шашечкой на борту и надписью «маршрутное такси». Они курсировали по автобусным маршрутам от железнодорожного вокзала до 5-микрорайона, Волотовы и улицы Чернышевского, а по выходным дням – от завода «Кристалл» до 14 километра Черниговской трасы. Ежедневно маршрутные такси перевозили около 2500 гомельчан и гостей города [23, с. 2].

В определенной степени облегчала жизнь гомельчанам служба быта. Она предлагала различные услуги для населения: стирку всех видов белья, а также верхних рубашек мужских, ватных изделий, хлопчатобумажных и ковровых дорожек, спецодежды, пуховоперовых подушек. Принималось также белье для стирки от населения на дому с обратной доставкой в удобное для клиентов время; а также химчистка и окраска одежды [24, с. 4]. В изучаемый период нарекания на службу быта были частым явлением. Поступали жалобы от населения о некачественно предоставленной услуге, о длительности при исполнении заказа.

С каждым годом увеличивалось число магазинов, построенных по современным проектам и оснащенных новым оборудованием. Так, в начале 80-х годов XX века вступили в строй три универсама в Гомеле, торговый центр в 5-м микрорайоне, магазин радиотоваров «Горизонт». В то же время по-прежнему пользовались популярностью у гомельчан такие магазины, как «Малютка», «Колосок», «Солнечный», «Юбилейный», «Алеся», «Чаравічкі», «1000 мелочей», «Универмаг» и многие другие, которые работали по-новому, с открытым свободным доступом к товарам [25, с. 2].

Горожане по-разному приобретали одежду. Некоторые модники шили для себя предметы гардероба, но большинство покупало одежду в розничной торговле. Мода и вкус менялись быстрее, чем старая одежда. В каждой семье, в каждом гардеробе были вещи, которые хорошо сохранились, но вышли из моды. В начале 70-х годов XX века комбинаты бытового обслуживания предлагали с этими вещам обращаться во все ателье Гомельской фабрики индпошива одежды, где с помощью мастерства и фантазии мастеров по утвержденному узору переделывали их в модную одежду. Для обновления верхней одежды предлагалась натуральная кожа, мех, ткань. Украшенная этими материалами одежда выглядела по-новому. Обновить гардероб можно было с помощью перешива верхней одежды. С пальто шили жилет и юбку, с платья – сарафан или блузу. А если к платью пришивали несколько съемных воротников разных фасонов, галстуков, украшали ее цветком, оно становилось более красивым [26, с. 4]. Хотя часто ателье выполняли заказ длительное время и по заранее утвержденным моделям.

Детскую одежду предлагала розничная торговля – магазины «Детская одежда» Гомельской торговой фирмы по продаже швейных товаров. Детская одежда в начале 70-х годов XX века формами своих силуэтов почти не отличалась от одежды взрослых. Для школьников и подростков очень модным было демисезонное пальто с приталенным силуэтом и большим

воротником. Девочкам-подросткам советовали купить демисезонное пальто с утепленной подкладкой, сделанной из синтетической ткани «марекен». В прохладную погоду можно было пальто или плащ заменить на пальто из «джерси». Они выглядели элегантно, красиво и очень практично: не мялись и не боялись дождя. В магазинах детской одежды был представлен широкий ассортимент детских плащей для мальчиков и девочек, сделанных из синтетических тканей отечественных и зарубежных производителей. Например, плащ, сделанный в Польской народной республике из ткани «Элана». Одежда из «Элана» имела высокую носкость и не мялась. Для моды летнего сезона 1971 года было характерно разнообразие цветовой гаммы, платья синего, белого, золотистого, красного, зеленого и бирюзового цветов, очень модные и красивые. Кроме верхней одежды, в продаже имелся широкий ассортимент детского трикотажа: майки, трусики, колготки, панталончики и др. За всеми этими покупками приглашал магазин «Детская одежда» № 2, который находился по улице Советской [7, с. 4].

У гомельчан большой популярностью пользовался трикотаж. Особенно много одежды из трикотажа легкая промышленность производила для женщин: блузы, платья, белье, костюмы. Женские трикотажные костюмы (блуза, брюки) – очень удобный и практичный вид одежды. Например, шерстяной трикотажный костюм. Если к нему покупали джемпер и спортивную куртку из водоотталкивающей ткани, получался хороший ансамбль, который подходил на все случаи жизни [27, с. 4]. Мужчинам швейное объединение «Коминтерн» предлагало модные пиджаки из свиной кожи, а также из замши. Кроме того, в 1980-м году предприятием был подготовлен к массовому выпуску новый молодежный костюм спортивного покроя [13, с. 4]. В конце 60-х годов XX века у гомельчан особой популярностью пользовалась спортивная одежда. Почти 60% заказов ателье – спортивные костюмы [28, с. 4]. Спортивная одежда – весьма удобна, практична, особенно хорошо в ней было проводить свое свободное время. С другой стороны, в костюмах горожан изучаемого периода нередко прослеживалась типичность, однообразие и массовость фасонов.

В конце 60-х годов XX века вышел приказ министра бытового обслуживания БССР, в котором, в частности, отмечалось, что в парикмахерских «для повышения производительности и улучшения качества выполняемых работ внедрить: аппараты ПА-I для обработки волос паром, электрофены для укладки волос. В целях улучшения качества выполняемых причесок и стрижек, повышения мастерства парикмахеров провести районные, городские, областные и республиканские конкурсы парикмахеров» [29, л. 157–158]. На протяжении 70-х – середины 80-х годов XX века ситуация с оказанием парикмахерских услуг населению менялась в лучшую сторону. Гомельчанки могли воспользоваться услугами высокопрофессиональных специалистов, которые могли подсказать современную прическу и качественно выполнить свою работу. В их распоряжении были эффективные эмульсии «Лондавитал», «Лондастраль», которые укрепляли волосы, возвращали им упругость и яркость, препараты для закрепления прически «Силуэт», «Завиток», «Вита» и др.

Кроме того, в парикмахерской, что на улице Фрунзе, 4, можно было заказать шиньоны и косы [30, с. 4]. В начале 80-х годов XX века в некоторых парикмахерских Гомеля, помимо стрижки, окраски и укладки волос (например, в «Салоне красоты» по ул. Барыкина, 167а), в кабинете декоративной косметики горожанки могли подобрать варианты дневного и вечернего макияжа, сделать массаж лица и шеи, а также маски из питательных кремов. В педикюрных кабинетах предлагался не только педикюр, но и массаж стоп. Оказывалась и новая услуга – гигиенический массаж кистей рук, с втиранием питательных кремов [20, с. 4]. На гомельском предприятии «Электроаппаратура» в 70-е годы XX века выпускались электробигуди «Волшебница», с помощью которых женщины могли поддерживать привлекательную прическу в домашних условиях.

Ускоряющийся темп жизни, занятость на работе сказывались на питании гомельчан. В будние дни работающие горожане обедали, как правило, вне дома. Они пользовались услугами столовых. Например, столовая-диетическая, которая располагалась по улице Советской, была одной из самых популярных в городе Гомеле. В начале 80-х годов XX века здесь произвели ремонт. Значительно увеличился обеденный зал. Все тут радовало глаз: облицовка стен, пола из мраморных плит, красивая резьба на дверях. В столовой работали две поточные

линии – диетическая и общая [31, с. 4]. В выходные или праздничные дни гомельчане могли провести свое время в кафе или ресторанах. Один из любимых ресторанов горожан – «Беларусь». В начале 80-х годов XX века здесь на третьем этаже открылся зал белоруской кухни. Тут предлагали посетителям попробовать разнообразные фирменные блюда белорусской кухни: бульон с кнелями по-гомельски, бульон с колдунами, с ушками, борщ белорусский, затирку молочную, зразы «Сож», бульбяники, камавики, белорусскую копытку, драчену, поджарку с драниками, яйца фаршированные грибами и др. блюда [32, с. 4].

Не всегда при высокой занятости была возможность у горожан приготовить свое любимое блюдо. Для этого необходимо было купить самые разнообразные продукты, а затем не один час простоять у плиты. Тогда на помощь приходили полуфабрикаты. Намного проще в доме для хозяйки было иметь несколько банок мясо-растительных, овощных и рыбных консервов. В этом случае на приготовление обеда тратилось всего несколько минут. К примеру, «Каша перловая со свининой». Достаточно было содержимое банки разогреть и второе блюдо уже готово. Многие хозяйки использовали эти консервы для приготовления супов, рассольника. Удобная расфасовка, невысокая стоимость, возможность длительного хранения консервов заинтересовывала не только хозяек, но и рыбаков, туристов, охотников [33, с. 4]. Детям же рекомендовалась все же домашняя пища, в особенности рыбные блюда: «Хорошо для детей рыба семейства тресковых, в ней деликатное, нежирное и богатое белком мясо. Если ребенок неохотно ест жареную рыбу, приготовьте ему рыбные котлеты, а на гарнир подайте зеленый горошек или картофельное пюре, и ребенок охотно скушает котлеты, начнет привыкать к рыбным блюдам. Хлеб для рыбных котлет не рекомендуется замачивать в теплой воде или молоке» [34, с. 4]. С 80-х годов XX века стали распространятся новые виды продуктов. Популярный у гомельчан магазин «Океан», например, в начале 80-х годов XX века рекламировал деликатесную продукцию и предлагал покупателям «мясо креветок, которое вырабатывается из антарктических креветок» [35, с. 4].

Таким образом, можно сделать вывод, что с повышением уровня жизни населения во второй половине 60-х – середине 80-х годов XX века изменения происходят и в материальной культуре. Город расширяет свои границы, появляются новые микрорайоны. Если в середине 60-х годов XX века строятся преимущественно пятиэтажные крупнопанельные дома, то в 70-х – середине 80-х годов XX возводятся девятиэтажные дома повышенной комфортности. Связанно это прежде всего с процессами урбанизации в БССР. Меняется и обстановка самого жилья. С 70-х годов XX века значительно количественно расширяется, становится разнообразнее мебель в квартирах горожан, которую можно было как заказать, так и приобрести в розничной торговле. Одежду гомельчане в указанный выше период могли шить на заказ, пользуясь услугами ателье, или приобретать в магазинах. Домашнее питание во второй половине 60-х – середине 80-х годов XX века оставалось приоритетным. С постепенным увеличением темпа жизни в меню горожан входят продукты быстрого приготовления – полуфабрикаты. Достаточно успешно в Гомеле во второй половине 60-х – середине 80-х годов XX века развивались и пункты общественного питания.

Литература

1. Грамадскі быт і культура гарадскога насельніцтва Беларусі / В.К. Бандарчык [і інш.] ; пад рэд. В.К. Бандарчыка. – Мінск : Навука і тэхніка, 1990. – 248 с.

2. Изменения в быту и культуре городского населения Белоруссии / В.К. Бондарчик [и др.] ; под ред. В.К. Бондарчика. – Минск : Наука и техника, 1976. – 111 с.

3. Этнические процессы и образ жизни. (На материалах исследования городов БССР) / В.К. Бондарчик [и др.] ; под ред. В.К. Бондарчика. – Минск : Наука и техника, 1980. – 279 с.

4. Ященко, О.Г. Эволюция культурно-бытовых процессов в городской среде в 1990-е – 2000-е гг. (по материалам Гомеля) / О.Г. Ященко, Т.А. Будникова // Известия Гомельского госуд. ун-та им. Ф. Скорины. – 2008. – № 4. – С. 132–140.

5. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Гомеля : у 2 кн. Кн. 2-я. – Мінск : БЕЛТА, 1999. – 558 с.

6. Гомельская праўда. – 1971. – 16 крас.

7. Гомельская праўда. – 1971. – 9 крас.
8. Справка о росте благосостояния трудящихся города Гомеля за 50 лет Советской власти от 5.11.1967 (исполком гомельского городского совета депутатов трудящихся) плановая комиссия // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1474. – Оп. 2. – Д. 175.
9. Гомельская праўда. – 1967. – 16 крас.
10. Гомельская праўда. – 1969. – 17 ліп.
11. Гомельская праўда. – 1975. – 15 чэрв.
12. Гомельская праўда. – 1982. – 30 снеж.
13. Гомельская праўда. – 1980. – 3 крас.
14. Отчет о выполнении народнохозяйственного плана по городу Гомелю за 1965 год и краткий обзор выполнения семилетнего плана // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1474. – Оп. 2. – Д. 165.
15. Гомельская праўда. – 1973. – 12 крас.
16. Гомельская праўда. – 1980. – 8 студз.
17. Гомельская праўда. – 1975. – 8 мая.
18. Гомельская праўда. – 1979. – 13 снеж.
19. Гомельская праўда. – 1980. – 31 студз.
20. Гомельская праўда. – 1980. – 5 лют.
21. Гомельская праўда. – 1967. – 21 мая.
22. Гомельская праўда. – 1980. – 13 сак.
23. Гомельская праўда. – 1984. – 1 студз.
24. Гомельская праўда. – 1971. – 4 крас.
25. Гомельская праўда. – 1980. – 15 лют.
26. Гомельская праўда. – 1973. – 1 чэрв.
27. Гомельская праўда. – 1973. – 20 чэрв.
28. Гомельская праўда. – 1969. – 28 жніўня.
29. Сведения, справки и переписка с Госпланом БССР предприятиями, организациями и райпланами о выполнении планов по бытовому обслуживанию населения области за 1967 год // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1041. – Оп. 2. – Д. 349.
30. Гомельская праўда. – 1973. – 18 крас.
31. Гомельская праўда. – 1984. – 15 сак.
32. Гомельская праўда. – 1980. – 29 студз.
33. Гомельская праўда. – 1980. – 4 студз.
34. Гомельская праўда. – 1973. – 6 крас.
35. Гомельская праўда. – 1980. – 9 студз.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 11.01.10

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

Философия

УДК 27-9+141.30

Концепция церковно-государственной диархии в социальных воззрениях средневековых христианских мыслителей

В.К. Борецкая

Концептуальная модель церковно-государственных отношений в социально-философских воззрениях Августина и Фомы Аквинского предполагает существование двух авторитетов в государстве: духовной и государственной властей. Оба богослова признают необходимость их существования и гармоничного взаимодействия в рамках государственной общности, при одновременном сохранении разграничения сфер полномочия церкви и государства.
Ключевые слова: церковно-государственные отношения, патристика, схоластика, томизм, социальное учение церкви, католицизм.

Conceptual patterns of the church and governmental relationship in social and philosophical views of Aurelius Augustine and Tomas Aquinas assume that there are two authorities in the government – ecclesiastical and governmental powers. Both of the theologians acknowledge the necessity of their existence and harmonic interaction within the governmental community, at the same time the delimitation of the spheres of church and government powers should be preserved.
Keywords: church and governmental relationship, patristics, scholasticism, Thomism, social doctrine of church, Catholicism.

Практическая ориентированность латинского богословия, в отличие от греческого, сконцентрированного на теоретической теологии, выразилась в раскрытии социального аспекта христианского вероучении. Благодаря борьбе с пелагианством западными патристами более детально было разработано христианское учение о грехопадении первых людей, о возможности возрождения и преображения человека в его отношениях к Богу, т. е. христианская сотериология, учение о человеческом спасении, о способе, средствах и силах, которыми может совершаться и совершается это спасение. Одним из известнейших патристов IV–V веков, оказавших значительное влияние на развитие латинского богословия, является Аврелий Августин (354–430). В отличие от других раннехристианских мыслителей ему удалось сделать первые системные обобщения в области философско-богословской мысли, а также социально-нравственного учения христианства, опираясь на анализ исторических событий и великолепные знания древнегреческой философии. Учение Августина имело непререкаемый авторитет на протяжении всего средневековья, поэтому у представителей схоластической философии прослеживается немалая зависимость от воззрений данного богослова. Влияние взглядов Августина присутствует также в трудах Фомы Аквинского (1225–1274), особенно в его учении о происхождении государственной власти. Проводя реконструкцию социальных воззрений Августина и Фомы Аквинского, следует также принять во внимание, что суждения последнего в области социальной проблематики не считались репрезентативными в средневековой общественной мысли, в отличие от его системы догматического богословия. Хотя достаточно распространенным является суждение о доминирующем влиянии философско-социальных взглядов Аквината на политическую жизнь средневековья, в частности, на выстраиваемые модели церковно-государственных отношений. Социальные воззрения данного схоласта становятся популярными лишь в XIX–XX веках и в католицизме приобретают характер ведущей доктрины.

Взаимоотношения между государством и церковью определялись исходя из исторической реальности, а также представлений христианских богословов об идеале таких отноше-

ний. Ценность воззрений данных богословов обусловлена их авторитетом для современного социального учения католической церкви. В данном исследовании мы обозначим наиболее специфические черты концепции церковно-государственной диархии в историософском труде Аврелия Августина «De civitate Dei» (О Граде Божьем) и энциклопедическом собрании Фомы Аквинского «Summa theologika» (Сумма теологии). Настоящие труды являются основными источниками для ознакомления с взглядами выше названных христианских мыслителей относительно исследуемой нами проблематики.

Значимость пространных рассуждений Августина, представленных в «De civitate Dei», определяется не только возможностью реконструкции основных положений его модели христианского государства, но также практическими аспектами. Будучи не просто теоретиком западной богословской мысли, но и епископом г. Иппон, Августин оставил ряд ценных соображений относительно вопросов семьи, труда, собственности, взаимоотношений между правящими и подчиненными, государством и церковью и т. д. В рамках выполнения задачи теодицеи и разработки догматического учения о свободе воли, о грехе и спасении Августин заложил основы нового (по отношению к античному) видения человека, общества, соотношения политической и духовной власти. Центральной темой в области его социальных взглядов является вопрос о государстве. Термин «государство» (civitas) латинский патрист заимствовал у античных авторов, одновременно понимая его в духе христианского персонализма: не как естественно-органическое единство частей, а как политическое сообщество, в котором имеет место справедливое правление, восходящее к богоустановленному естественному порядку. Различает он два типа государств: земное, которое основывается на самовосхвалении и эгоизме, и небесное (христианское, Божье), строящееся на принципах справедливости и христианской морали. Однако в эмпирическом плане эти общественные образования переплетены и не отождествляются напрямую с какими-то конкретными историческими сообществами. Фактически концепт христианского государства в августиновском учении предстает как умопостигаемый идеал, утраченный в результате грехопадения, к воспроизведению которого должны стремиться христиане. Согласно его воззрениям, государство прекрасно в первозданном порядке вселенной и в иерархии творений занимает второе место, уступая лишь «Граду Божьему» [1, с. 1028].

Исходным тезисом в учении о государстве является положение о необходимости элемента управления в обществе, который Августин обосновывает ссылкой на заповедь любви к ближнему. Государственная власть соответственна покровительствующей власти, «управляющие служат тем, кем управляют, ибо управляют они не из желания господствовать, а по обязанности заботиться, и не из гордого своего начальственного положения, а из предусмотрительности» [1, с. 1033]. Основной задачей вершителей государственной власти является забота об общественном благе, которая оправдывает требование повиновения подданных. Августин призывает молиться за правителей, которые призваны обеспечить благосостояние, а также внешнюю и внутреннюю безопасность государства [1, с. 245]. Без покровительствующей власти социальные отношения в рамках государства были бы невозможны, и в этом смысле, согласно воззрениям Августина, всякая власть происходит от Бога. Исходя из его концепции происхождения власти некоторые исследователи придерживаются суждения о наличии элементов теории папской теократии во взглядах Августина. В частности, известный советский исследователь Г.Г. Майоров отмечает, что «в самом фундаменте августиновской концепции разделения властей таилась возможность превращения ее в противоположную теорию – теорию теократии: подчиненности в иерархическом порядке светского духовному, земного небесному» [2, с. 338].

Нормальное существование государства, его устойчивость зависят от согласия в вопросах осуществления власти, от упорядоченности отношений «управления и повиновения» [1, с. 1033]. Упорядочить экономическую жизнь может и деспотическая власть, но духовное благополучие общества способно обеспечить исключительно христианское государство, потому что оно преследует не только цель установления преходящего земного порядка, но устремлено к достижению высшего блага, вечного блаженства. Характерным для воззрений данного латинского патриста является присутствие в его трудах элемента перспективизма,

поэтому град земной воспринимается не только как следствие грехопадения, но и как предмет духовной заботы о восстановлении целостности утраченного образца. Истинно христианскими признаются те правители, которые употребляют власть на распространение богопочитания и на служение его величию; счастье христианских императоров – медлить с наказаниями и охотно миловать, сами наказания употреблять только как необходимые средства управления, помилования изрекать не для того, чтобы оставить неправду безнаказанной, а в надежде на исправление [1, с. 263–264]. Следует отметить, что Августин не выдвигает четкого принципа зависимости императора или правителя от церкви, он только признает право за императором проведения религиозной политики, если он является христианином и расценивает интересы церкви и религии как свои интересы. Отвергает он также и позицию Евсевия Кесарийского о придании императорской власти статуса орудия божественного провидения, предназначенного для устроения царства Божьего на земле.

В своем труде «De civitate Dei» Августин не противопоставляет церковь и государство, как утверждает А.Н. Чанышев, равно как и не стремится к их отождествлению [3, с. 444]. Он признает их взаимозависимость и полезность друг для друга. Выдающийся русский историк Н.И. Герье, исследуя труды Августина в контексте сопутствующей их написанию исторической эпохи, приходит к выводу, что «как земные учреждения, скитающаяся по земле церковь и государство, живущее по человеческому закону, оба представляют антитезу Божьему Царству; но как церковь, собирая граждан для Божьего Царства, является составной его частью, так и государство, живя по закону божественному, может быть слугою Божьего Царства» [4, с. 628]. Согласно августиновскому учению, оба этих социальных института призваны к реализации Божьего плана, каждый в своей сфере деятельности. Долгом государства является беречь и охранять общественный порядок, в котором нуждаются не только граждане, но и сама церковь. Наилучшим уделом государства является установление мира внешнего – между народами, и внутреннего – между религиями, исповеданиями, расами и классами. Августиновское воззвание к государству о защите церкви не следует понимать как обязанность со стороны правителей к введению определенных санкций по отношению к еретикам и схизматикам, а как необходимость охраны общественного порядка. Данный призыв следует понимать в историческом аспекте. Во времена Августина вооруженные отряды донатистов, известные своей ригористичностью во взглядах и поступках, нападали на христианские приходы апостольской церкви, которые не признавали их учения [5, т. 1, с. 124]. Однако одной из государственных забот Августин признает покровительство религии как следствие признания существования более высоких целей, чем устроение «земного града». Тем не менее, духовная функция государства заключается в исполнении роли регулятора нравов, но не господства над церковью. В учении Августина можно обозначить двойственность подхода к оценке жизнедеятельности государства: с одной стороны, он указывает на несовершенство и извращенность исторических государств, подчеркивая преходящий характер государственной власти, с другой – признает необходимость и полезность данной власти в человеческом сообществе. Эта двойственность, присущая августиновскому учению, является следствием метафизического дуализма и исторических реалий христианской церкви начала V века.

Призванием церкви в государстве является ее социальная активность, благодаря которой возможно воспитание моральных качеств личности добродетельного гражданина [1, с. 1004]. С точки зрения христианского персонализма, который характерен для учения Августина, именно личностные свойства критериальны для осуждения или оправдания человека. Проповедуя христианскую мораль в обществе, церковь способствует поддержанию и сохранению государственных распоряжений и законов в той степени, в какой эти законы не противоречат закону Божьему. В своем учении об устроении «Града Божьего» Августин не противопоставляет церковь и государство, а пытается определить и разграничить их сферы деятельности. По мнению польского философа С. Ковальчука, в августиновской концепции разделения была намечена возможность разграничения права и морали, что во многом определило «ось» развития в истории западной мысли идеалов гражданского общества и правового государства [6, с. 31].

Одним из основных элементов, присутствующих в учении Августина наряду с перспективизмом и персонализмом, является волюнтаризм как признание творческой ориентации в процессе обновления и очищения человека и общества. Следует отметить, что в его концепции христианского государства отсутствует теократический идеал и идея предустановленного пути достижения гармонии, на основании которой в античности обожествлялись государства. Августин отрицает обожествление идей и государств [1, с. 160–161]. Диалектическое представление в «De civitate Deo» основной концептуальной пары «Града Божьего» и «града земного» предполагает их взаимное проецирование. С одной стороны, закладывает возможность как духовного преображения, так и смертности «земного града» (окончательное разделение двух градов). С другой стороны, «Град Божий» в земной проекции (как церковь) также конечен и обречен гибели, как и «град земной». Вечное царство Божье составляет конечную цель истории, и поэтому по отношению к исторической, земной реальности оно предстает в форме императива.

В концептуальной модели идеального христианского государства Августина впервые в условиях легализации христианства и достижения церковью господствующего положения среди других религий, а также проявившихся к началу V века тенденций цезарепапизма отмечается разграничение морально-религиозной и политических сфер. В дальнейшем в католическом богословии учение о «Граде Божьем» получит развитие именно в значении социальной программы, которую должна осуществить церковь в процессе постепенного исторического развития. К сожалению, представителями церковной иерархии идеи Августина зачастую были истолкованы в духе теократии, поэтому все попытки воплотить идею церковно-государственной диархии показали, как они далеки от взглядов и убеждений выдающегося патриста.

В своих воззрениях относительно церковно-государственных отношений Фома Аквинский находится под влиянием положений, сформулированных Августином и папой Геласием I. В конце V века на фоне притязаний императора Афанасия I папа Геласий I формулирует церковную доктрину об отношении церкви к государству, отстаивая независимость церкви от государственной власти при решении внутренних церковных проблем, одновременно возлагая надежды на государственную власть о защите церковной общности [5, т. 1, с. 242]. В отличие от Августина, который посвятил проблематике взаимоотношений между церковной и государственной общностями объемное произведение, Фома в своем незаконченном многотомном труде данную проблему затрагивает в контексте рассмотрения вопросов о происхождении власти и социальных добродетелях. Являясь представителем доминиканской схоластической школы, в своих трудах он больше сконцентрировался на теоретическом обосновании богословия, поэтому его социально-нравственная система имеет философско-абстрактный характер, в отличие от практически ориентированного августиновского учения.

Взгляды Аквината относительно государства тесно связаны с его метафизической концепцией бытия и идеей универсальности, в контексте которой следует рассматривать его социальные воззрения. Томистическая метафизика сконцентрирована на исследовании причин бытия, среди которых, с точки зрения социальной этики, основополагающее значение имеет целесообразная причина. Теоцентризм в томизме выражается не только в признании постижения Бога как цели философского мышления, но и признании Его вершиной бытия и высшим благом. Всякое бытие и всякое благо имеет причастность к Божественному совершенству. Бог – это первопричина и конечная цель всего сущего. Исходным тезисом томистической концепции метафизики является идея Бога, которая стоит во главе всякого социального порядка. Любой социальный закон рассматривается через его связь с вечным законом: «человеческое право является справедливым, если не противоречит естественному праву и праву Божьему» [7, с. 96].

Концептуальные воззрения Ф. Аквинского относительно внутренней структуры государства содержат взгляды Аристотеля, Св. Павла и Августина, на которых он часто ссылается в своих трудах. Хотя его учение представляет собой достаточно самостоятельный концепт, объединяющий в органическое целое социально-экономические и политические реалии средневековья с его богословскими и социальными воззрениями. Существование государст-

ва у Фомы предполагает наличие определенного правового порядка и власти [7, с. 267]. Наивысшей целью государства является общественное благо, которое заключается в сохранении мира и обеспечении всеобщего земного благополучия.

Наиболее идеальной системой государственного обустройства Ф. Аквинский считает монархию. Монархическое устройство государства у данного схоласта, согласно воззрениям представителя неотомизма Э. Жильсона, «ничем не напоминает абсолютные монархии, основанные на праве кровного наследования, порой возвеличивавшие себя ссылкой на авторитет св. Фомы Аквинского» [8, с. 455]. Во-первых, Фома отрицает утверждение об абсолютной власти монарха, исходя из приоритета права Божьего в общественном обустройстве. Во-вторых – признает демократический принцип при избрании правителя государства. При этом четко определяет условия, которые должны быть соблюдены, дабы государственный режим не переродился в тиранию [7, с. 268]. Первое условие состоит в том, что все граждане должны обладать некоторой долей власти, второе – наделение властью должно исходить из добродетели человека. Вследствие чего наилучшим распределением власти в любом городе или царстве Фома признает управление одного человека, избранного за свою добродетель, которому помогают несколько правителей, т. е. аристократия, избранных за их добродетели. Акцентирует он также внимание на осознание необходимости сотрудничества всех социальных сил в государстве, которые правитель посредством своей деятельности объединяет и координирует их деятельность. Наилучшей формой государственного устройства является «соразмерная форма правления», состоящая из: монархической власти, поскольку во главе стоит один человек в силу своей добродетели; аристократии, поскольку в ней правят немногие в силу их добродетели; демократии, или народовластия, поскольку правители могут быть избраны из народа и народу принадлежит право избрания правителей [7, с. 268–269].

Социальная философия и моральное богословие Ф. Аквинского подчинены его метафизике. Целью социальной жизни является не сама хорошая жизнь, а жизнь согласно добродетели. Поэтому правитель государства не только должен быть добродетельным, но и указывать путь к высшей добродетели, к обретению Царства Божьего. Эти задачи правителя, по мнению Э. Жильсона, можно представить в трёх пунктах: добиться воцарения чести и добродетели в управляемом народе, поддерживать это состояние после его установления и, наконец, не только сохранять, но и улучшать его [8, с. 456]. В этом и заключается в томизме сущность управления государственной общностью. В отличие от перспективизма Августина, которому присущ апокалипсический характер, в социально-философских воззрениях Ф. Аквинского превалирует оптимистический динамизм действительности. Правители, как обладающие авторитетом в государственной общности, также призваны к личному совершенствованию в добродетели, а также усовершенствованию права и социального обустройства.

В своем учении Аквинат, подобно Августину, затрагивает вопрос происхождения власти. Являясь сторонником опосредованного происхождения власти от Бога, с одной стороны, он признает, что государственная власть находится в руках лучших и достойных, которые благодаря своему совершенству находятся ближе к Богу [7, с. 270]. С другой стороны, признает власть как необходимое условие общественного порядка [7, с. 268]. При этом необходимость общественной власти, в отличие от Августина, он воспринимает не как следствие грехопадения или слабости человека, а как требование естественной природы человека. Ф. Аквинский в своих воззрениях придерживается мнения о приоритете церковной власти в делах, касающихся высшей цели человека, т. е. ограничивает ее не только этическими требованиями, но рамками реальности spiritualia. Подобно Иоанну Златоусту он сравнивает церковь с душой, а светскую власть – с телом. Вследствие обоснования данного сравнения Аквинат признает за церковью права вмешиваться в государственные дела, если это вмешательство служит во благо духовного совершенствования подданных или правителя, особенно если форма государственного устройства вырождается в тиранию. К наивысшим добродетелям Фома относит послушание правителям, одновременно признавая возможность освобождения подданных от обязанности послушания правителю, если глава государства «не имеет права управлять государством, насильственно присваивая себе это право, или заставляет совершать что-либо противоречащее общественной справедливости» [9, с. 50].

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что социально-философские воззрения данных христианских мыслителей относительно концепции церковно-государственных взаимоотношений можно охарактеризовать как диархию, когда признается существование двух авторитетов в государстве: духовной власти и государственной власти. Оба богослова признают необходимость их существования и гармоничного взаимодействия в рамках государственной общности, при одновременном сохранении разграничения сфер полномочия церкви и государства. Данные модели в контексте перспективизма, присущего воззрениям Августина и Ф. Аквинского, имеют характер идеального концепта, к которому следует стремиться, совершенствуя общественный порядок.

Литература

1. Блаженный, Августин. О граде Божьем / Августин Блаженный. – Москва – Минск : Харвест – АСТ, 2000. – 1296 с.

2. Майоров, Г.Г. Формирование средневековой философии (латинская патристика) / Г.Г. Майоров. – М. : Мысль, 1979. – 431 с.

3. Чанышев, А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии : учеб. пособие для вузов / А.Н. Чанышев. – М. : Высшая школа, 1991. – 512 с.

4. Герье, Н. Блаженный Августин / Н. Герье. – М. : Эксмо, 2003. – 640 с.

5. Banaszak, M. Historia kościoła katolickiego : w 4 t. / M. Banaszak. – Warszawa : ATK, 1989. – T. 1–4.

6. Kowalczyk, St. U podstaw demokracji: Zagadnienia aksjologiczne / St. Kowalczyk. – Lublin : RWKUL, 2001. – 200 s.

7. Św. Tomasz z Akwinu. Suma teologiczna : w 33 t. [tlum.] / Św. Tomasz z Akwinu. – London, 1986. – T. 13 : Prawo. – 402 s.

8. Gilson, E. Tomizm [tlum.] / E. Gilson. – Warszawa PAX, 1960. – 532 s.

9. Św. Tomasz z Akwinu. Suma teologiczna : w 33 t. [tlum.] / Św. Tomasz z Akwinu. – London, 1972. – T. 20 : Cnoty społeczne. – 302 s.

Гомельский государственный технический
университет им. П.О. Сухого

Поступило 15.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 111:001:11

Системная природа сознания

В.Н. Калмыков

В статье показано, что сознание есть продукт естественной природы и общественного развития и включает онтологический, антропологический, гносеологический, аксиологический и праксиологический аспекты.
Ключевые слова: бытие, духовность, информация, отражение, системность.

The article points out that consciousness is a product of the nature and social development, it includes ontological, anthropological, gnoseological, axiological and praxiological aspects.
Keywords: life, spirituality, information, reflexion, system.

Под *природой* в широком смысле слова понимается многообразие проявлений вещи (в данном случае сознания), совокупность её существенных признаков. В основе *системности* лежит принцип целостности, который предполагает рассмотрение развивающегося объекта (сознания), расчленённого на взаимосвязанные элементы. Одно из правил метода Р. Декарт сформулировал так: «составлять всегда перечни столь полные и обзоры столь общие, чтобы была уверенность в отсутствии упущений» [1, с. 273], то есть не делать никаких пропусков в логических звеньях исследования. Аналогично рассуждал Г.В. Лейбниц: рассматривать все «реквизиты» вещей [2, с. 97]. В.И. Ленин, говоря о познании предмета, отметил необходимость охвата всех его сторон и связей [3, с. 290].

Философия, в отличие от конкретных наук (физиологии, психологии, языкознания, кибернетики, информатики и др.), осмысливает сознание как целостное образование, которое выражается во взаимосвязанных частях, аспектах, направлениях и т. п. Очертим некоторые дополняющие друг друга направления анализа сознания.

Прежде всего, выделим два аспекта сознания: это продукт природы (здесь природа – одна из сфер бытия, естественная часть мира, среда обитания человека) и общественного развития.

В контексте *общеприродной* эволюции появление сознания связано с усложнением форм *отражения*. Материалистическая философия рассматривает сознание в его соотнесённости с материей, с отражением как её свойством (Д. Дидро, Ф. Энгельс, В.И. Ленин). Отражение выступает в простейших случаях в виде механической деформации, а в целом – в форме взаимной перестройки соприкасающихся объектов.

В *редукционистской* модели сознание считается разновидностью материального процесса. В наше время сознание иногда отождествляют с таинственными биополевыми образованиями, с электромагнитными колебаниями в коре больших полушарий мозга, с материальными процессами в «искусственном интеллекте» и т. п. Электронно-вычислительные машины, действительно, способны осуществлять «мыслительные» операции. Общим для мозга и моделирующим его работу кибернетических устройств является их материальность, наличие процесса переработки информации. Однако если в машинах дело ограничивается информационным логическим процессом, протекающим в форме физико-химического движения, то мышление человека осуществляется на более сложном нейрофизиологическом уровне, где важную роль играют общественная практика, опыт, эмоции, фантазия, интуиция, которые подвергаются контролю мышления. Человеческое мышление включает бессознательное, волю, мораль, ценности, идеалы, самосознание, опирается как на рассудок, так и на разум.

В редукционистской модели сознания верно подчёркивается соотнесённость сознания и материи, но вместе с тем игнорируется специфика идеального сознания. Уже Платон, выясняя тайны сознания, заметил несовпадение идеальных форм содержания сознания с миром повседневных явлений. Античные философы-материалисты высказывали догадки о принципиальной невозможности сведения идеальных процессов к метаморфозам огня, воздуха, атомов или каким-либо другим физическим образованиям.

Отражение есть всеобщее свойство материальных образований воспроизводить свойства и особенности других предметов, вещей, взаимодействие отражаемого и отражающего. Отражение в неживой и живой природе привело к появлению психического отражения и, наконец, сознания. Для человеческого сознания характерно, во-первых, то, что отражение наряду с чувственно-образным становится абстрактно-понятийным, что многократно расширяет информационную нагрузку отражения и приводит к «отлёту» мысли от непосредственно данного, к возможности не только отражать действительность и приспосабливаться к ней, но и изменять её. Одновременно появилась возможность «больной фантазии», преувеличения самостоятельности мысли, её отрыва от материи. Во-вторых, отражение приобретает социально-детерминированный характер, что находит своё выражение в общественной природе сознания, в возникновении языка и в его единстве с мышлением.

У истоков сознания как *социокультурного* продукта стояла практическая деятельность человека, которая многократно приводила в соответствие манипулирование материальными объектами и их мысленные проекции. Мозг как орган сознания развивался параллельно с развитием руки как органа труда. Действующая рука, непосредственно соприкасающаяся с предметами, давала «уроки» другим органам чувств, например глазу, «учила» голову думать, прежде чем сама стала орудием головы, планирующей практические действия и выстраивающей устойчивые интеллектуальные схемы, логические фигуры.

Мимико-жестикулярные и звуковые средства взаимного общения высших животных стали биологической предпосылкой формирования человеческой речи. Замечательной догадкой К. Гельвеция является мысль о том, что происхождение сознания, мышления и языка связано с трудовой деятельностью. На самом деле, необходимость общения в процессе труда вызвала появление языка. Сознание отражает действительность, а язык обозначает её и выражает чувства и мысли.

Сознание нередко связывают с *социолингвистическим* поведением человека. Цивилизационный процесс сопровождается рядом этапов развития систем социального кодирования: дописьменное общество; возникновение письменности; книгопечатание; появление радио и телевидения; появление компьютеров. Все эти стадии связаны с развитием и усложнением языка, естественного и искусственного. Новые способы кодирования изменяют характер коммуникаций, усложняют методы включения индивидов в социальные связи, раздвигают границы и усложняют формы социального поведения и деятельности.

Проблема сознания возникла тогда, когда люди начали отличать психические процессы от физических, идеальное от материального, выработали представление о «духе» и «душе».

В идеалистической и религиозной философии дух – перводвигатель космоса, мира и человека, их формообразующее начало (Платон, Аристотель, библейско-христианские учения, Гегель, И.А. Ильин).

У Аристотеля душа – активная целесообразная «форма» живого тела, у Декарта – внутренний духовный мир человека, у Вольтера – способность думать и чувствовать, у Гегеля – первичная форма субъективного духа.

В материалистической философии дух противоположен естественной природе, воплощается через волевые усилия в действия, это – реализация человеческих замыслов. Дух включает в себя систему высших ценностей, нормы, идеалы и смыслы культуры. Душа – начало, которое индивидуализирует человека, комплекс эмоциональных реакций на окружающий мир, характеризует сопереживание человеком межличностных отношений и действий. Реакции на мир зависят от воспитания, образования, традиций, веры, усвоенных человеком моральных норм общества, ценностей и т. д. Душа – особая жизненная энергия материального тела, ведь эмоциональные реакции сопровождаются изменением режима работы сердца и сосудистой системы. В синтезе дух и душа образуют духовность. Это: а) нематериальное (чувства, знания, вера и т. п.), но основанное на материальном; б) идеальные аспекты мироощущения, мировосприятия и миропонимания, реализуемые в поступках человека.

Синтез духа и души – один из аспектов системного подхода к сознанию. Сознание посредством мыслительных актов обеспечивает человеку прояснение жизненных проблем: для чего (и достойно ли) он живёт, есть ли цель в его существовании и т. п. Эмоции, пережива-

ния активизируют мыслительные процессы. У человека сознание через волю выражается в его действиях. Сознание выполняет функции оценки ситуации, социальной памяти человечества, обобщения и воспроизводства на основе информационного отражения накопленного опыта. Итак, *сознание – целостная мыслительно-эмоционально-ценностно-волевая жизнь*.

В широком понимании сознание есть единство человеческого «Я» и «не-Я». Сознание многомерно, представляет собой совокупность многих «измерений», это – своеобразный элемент бытия, что выражает *онтологическую природу сознания*. У Г. Лейбница сознание предстаёт общим принципом бытия. А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, А. Бергсон сознание рассматривали в слитности с «жизненной реальностью» как вид бытия, как спонтанную самопроизвольную силу в формах «воли к власти», «жизненного разума», «жизненного порыва» и т. п. Согласно онтологической антропологии С.Л. Рубинштейна сознание не противостоит бытию, а через человека включено в него и меняет его структуры и содержание. *Антропологический* «срез» сознания выражен в том, что носителем сознания выступает человек. Д. Чалмерс (конец XX в.) полагает, что мы должны принять такую картину мира, в которой сознание будет представлено как фундаментальный элемент.

Бытие социального – одна из сфер бытия. Так как бытие в целом включает в себя материальное и духовное, то и общественное бытие дуалистично – материально-духовно. Между тем К. Маркс в предисловии к «Критике политической экономии» писал: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание» [4, с. 7]. В такой трактовке духовное (общественное сознание) выносится за рамки общественного бытия как комплекса всех социальных явлений, в том числе и духовных, то есть сопоставляется целое (общественное бытие) и его составная часть (духовная сторона жизни людей, без которой невозможно функционирование социума). Более привлекательным представляется понимание общественного бытия в связке с сознанием, данное К. Марксом и Ф. Энгельсом в более ранней их работе, в «Немецкой идеологии»: «Сознание никогда не может быть чем-либо иным, как осознанным бытием…, а бытие людей есть реальный процесс их жизни». Далее классики марксизма отмечают: «Люди, развивающие своё материальное производство и своё материальное общение, изменяют вместе с этой своей действительностью также своё мышление и продукты своего мышления» [5, с. 25]. В таком понимании сознание находится внутри социального бытия. Впрочем, это вытекает также из позиции марксизма, выраженной в названной работе о взаимосвязи средств материального производства и средств духовного производства [5, с. 46]. В *социокультурной* модели (К. Маркс, Ф. Энгельс, Х.-Г. Гадамер и др.) утверждается, что сознание пронизывает социальное бытие. История человека и общества начиналась не только с изготовления и использования орудий труда, но и с выработки интеллекта, духовности. Люди как элемент общества, считал Г. Спенсер, обладают сознанием, которое как бы разлито по всему социальному агрегату, а не локализовано в некотором одном центре. Духовное органично вплетено в экономическую, социальную и политическую сферы социума [6, с. 176].

В процессе функционирования сознание как социокультурное явление проявляет свои основные свойства. Одно из свойств сознания – связь с языком – уже было рассмотрено. Язык выполняет познавательную и коммуникативную (коррекция программ на основе обратных связей) функции, экспрессивную задачу (воздействие на психику, то есть людей убеждают, советуют, побуждают). Язык является орудием организации совместных действий, хранения и трансляции информации, опыта, норм и традиций и т. д.

Главное свойство сознания – его *идеальность* – способность воспроизведения реальности, когда объекты осваиваются первоначально без физического на них воздействия, духовно. Идеальное существует как вплетённое в материальное, в нейрофизиологические процессы, в систему знаков, во взаимодействие человека со средой.

Сознание *универсально*, то есть потенциально способно отражать любые свойства предметов. Потенциальная универсальность сознания сочетается с его реальной *ограниченностью* в отражении вещей и процессов и в обратном воздействии на среду.

Сознание обладает свойством *объективности*, то есть отражения вещей и процессов такими, как они есть в действительности. Объективность сознания сочетается с его *субъективностью*. Различные люди одну и ту же информацию воспринимают, интерпретируют и

используют по-разному, в зависимости от исторических условий, интересов, своего жизненного опыта, нравственных, социокультурных и мировоззренческих установок, наличного багажа знаний, эстетической зрелости, творческих способностей.

Сознанию присуща способность *целеполагания* – предварительного создания идеального проекта будущего результата. Через сознание человек проектирует свой способ бытия в мире. Целенаправленность сознания сочетается с его *стихийностью.*

Сознание «осваивает» вещи, явления, объекты не только ради *любопытства*, но и в *практическом*, как ранее отмечалось, для человека значении, в их отношениях к его потребностям и интересам.

Сознание потенциально «заряжено» *творчеством*, ибо отражение направлено на преобразование мира и человека в мире, создание нового. А для этого необходимо конструктивное изображение того, чего в реальности ещё нет, но в соответствии с объективными законами может быть создано. Изменяют и создают новую реальность не духовные компоненты сознания сами по себе, а человеческие действия, пронизанные идеями, целями. Творческий характер сознания сочетается с *традиционализмом*, консерватизмом.

Итак, сознание как целостное образование (система) есть совокупность свойств (элементов), часто выступающих как единство противоположностей (универсальность – ограниченность, объективность – субъективность, целенаправленность – стихийность, любознательность – практичность, творчество – традиционализм).

Системность, многомерность общественного сознания выражается через его уровни и формы. Различают два уровня общественного сознания – общественная психология и идеология.

Общественная психология включает в себя чувства, переживания и настроения людей, сопровождающие любую общественную идею. Социально-психологический фактор (моральный климат, стиль отношений между людьми, социально-психологические средства воспитания и т. п.) в современной жизни играет существенную роль.

Содержание *идеологии* – идеи, концепции, социальные образы, ценности (в качестве ценностей выступают богатство, власть, человек и пр.). Защищая определённую систему ценностей, идеология выполняет функцию охранительства (об этой роли идеологии рассуждали во второй половине XIX века М.Н. Катков, К.Н. Леонтьев и др.). Важно, чтобы охранительство основывалось на сочетании традиций и новаций. Идеология создаёт и прогнозирует позитивный образ общественного устройства, которое бы удовлетворяло запросы и стремления людей, формирует мотивы действий, мобилизует и организует субъектов на достижение определённых целей. Через идеи, взгляды, идеалы, верования идеология выступает как духовное освоение человеком окружающей действительности, а посредством убеждений и волевых актов, реализуемых в поступках, в действиях, она предстаёт в качестве практического преобразования мира и совершенствования самого человека, то есть идеология функционирует в обществе как *духовно-практический* феномен.

Наряду с известными классическими (политическое, правовое, научное, философское, нравственное, эстетическое, религиозное сознание) во второй половине XX в. вычленились новые формы сознания. Ранее считалось, что политическое сознание отражает не только политическую жизнь общества, но и экономическую, ибо политика есть концентрированное выражение экономики. Но ведь экономика и политика, решая общие задачи, вместе с тем специфичны. В связи с развёртыванием научно-технической революции, повышением роли экономических стимулов развивается *экономическое* сознание. Оно представляет собой систему знаний об управлении хозяйственной деятельностью, о технологических процессах, финансах, рыночной конъюнктуре, экономической информации и т. д. Если исходить из ранее рассмотренной информационной природы сознания, то любая форма общественного сознания включает в себя информационную составляющую. Вместе с тем, в связи с вступлением в постиндустриальное информационное общество, есть резон размышлять об *информационном* сознании как одной из неклассических форм сознания. Объект отражения такого сознания – отношения в сфере информационной деятельности, где межличностные связи опосредованы новыми информационными технологиями. В информационном обществе пространство и время как бы сжимаются, ведь удалённые в пространстве объекты становятся быстрее доступными, что приводит к ко-

лоссальной экономии социального времени. В условиях, когда равновесие естественной и искусственной среды нарушено и над человечеством нависла угроза его существованию, необходимым становится *экологическое* сознание. Повышение значения образованности, квалификации, воспитанности и здоровья человека вызывает развитие *демографического* сознания. Важнейшим содержанием общественного сознания стало выявление исторических закономерностей общественного развития, что обусловливает функционирование *исторического* сознания. «Полнее познавая прошедшее, – писал А.И. Герцен, – мы уясняем современное, глубже опускаясь в смысл былого, раскрываем смысл будущего». Происходящий наряду с социальной интеграцией процесс социальной дифференциации оживляет *национальное* сознание, которое включает в себя осознание принадлежности к определённой нации, её материальным и духовным ценностям и к общественным связям, сложившимся на базе социально-экономической жизни нации. *Любая форма общественного сознания разворачивается в единстве с соответствующими культурой, образованием, воспитанием, поведением и деятельностью человека.*

Помимо рассмотренных, назовём ещё ряд подходов к сознанию. *Субстанциональный* подход стремится свести сознание к главным сущностным основаниям. В качестве таковых назывались логос, дао, брахман, дух, душа, разум (в том числе божественный) и т. д. *Психологическая* модель (З. Фрейд, К. Юнг, Э. Фромм и др.) исследует влияние психофизиологических основ сознания на его функционирование и развитие. Дорефлексивный уровень сознания через пласты бессознательного и через языковые структуры описывается в *психоанализе, структурализме, герменевтике. Экзистенциальная* философия (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и др.) сознание человека рассматривают как непосредственную данность, преимущественно через акты переживания, в ходе осуществления которых человек проявляет свою духовность.

Без учёта различных, дополняющих друг друга подходов (моделей), сознание не может быть понято всесторонне. Субстанциональная версия подчёркивает наличие в индивидуальном сознании множества элементов (понятий, смыслов, ценностей). В редукционистской, функционалистской и психоаналитической парадигмах внимание обращается на связь сознания с природной реальностью. Экзистенциально-феноменологическая модель фиксирует самоактивность сознания, а онтологическая, антропологическая и социокультурная – взаимозависимость социальной материи и духовности, где сознание через человека выступает духовным регулятивом развития общества. Как человек осознаёт нечто, так же он и действует; изменение нашего понимания есть возможность иного действования. Посредством сознания человек воспринимает, переживает, оценивает, постигает, осмысливает и преобразует мир, других людей и самого себя. Итак, сознание как реальность включает *антропологический*, *онтологический*, *гносеологический*, *аксиологический* и *праксиологический* аспекты, параметры знания, ценности и активности человека.

Литература

1. Декарт, Р. Рассуждение о методе для хорошего направления разума и отыскания истины в науках / Р. Декарт // Избранные произведения. – М., 1950.

2. Лейбниц, Г.В. О мудрости / Г.В. Лейбниц // Сочинения : в 4 т. – М., 1984. – Т. 3.

3. Ленин, В.И. Ещё раз о профсоюзах, о текущем моменте и об ошибках тт. Троцкого и Бухарина / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений. – Т. 42.

4. Маркс, К. К критике политической экономии. Предисловие / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – М., 1961. – Т. 13.

5. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения : в 50 т. – М., 1961. – Т. 3.

6. Калмыков, В.Н. Социум как единство материального и духовного / В.Н. Калмыков // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5(68). – С. 173–177.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 161.16:364.632

Соотношение насилия и ненасилия

В.И. Луковский

Два вида насилия – физическое и психическое – взаимодействуют в нанесении ущерба свободе. Психическое насилие ограничивает внутреннюю свободу, следствием чего становится и ограничение внешней. Физическое насилие, нанося урон внешней свободе, прямо или косвенно ограничивает и внутреннюю. В рассуждении о ненасилии важно иметь в виду, что речь идет не просто об этическом принципе, но о практическом принципе. Ценностная логика ненасилия не может быть выявлена в теоретическом дискурсе. Однако специфика ненасилия как социальной техники может быть понята только на материале действительного социально-политического опыта.
Ключевые слова: конфликт, концепция ненасилия, насилие, ненасильственное поведение, этический принцип.

Two types of violence, physical and mental, interact in causing prejudice to freedom. Psychological violence restricts the inner freedom, the result of which is in restrictions of the external freedom. Physical violence causing damage to the external freedom, directly or indirectly limits the internal freedom. In the argument about non-violence it is important to keep in mind that this is not just about the ethical principle but about the practical one. The value logic of non-violence may not be identified in the theoretical discourse. However, the specifics of non-violence as a social technique can be understood only on the material of the actual socio-political experience.
Keywords: conflict, concept of non-violence, violence, non-violence behaviour, ethical principle.

Возможность возникновения конфликта существует во всех сферах жизни общества. Конфликты рождаются на почве ежедневных расхождений во взглядах, разногласий и противоборства разных мнений, побуждений, желаний, стилей жизни, надежд, интересов, личностных особенностей. Известный философ и социолог Макс Вебер был убежден, что социальный конфликт вездесущ и каждое общество в каждой своей точке пронизано рассогласованием и конфликтом.

Степень интереса к исследованию конфликта значительно менялась – от признания важности и позитивной ценности конфликта в конце XIX – начале XX вв. (Г. Зиммель) до минимального внимания к нему со стороны социальных аналитиков. В настоящее время существует специальная дисциплина – конфликтология.

Вместе с тем, изучение конфликтов носит не только теоретический, но и сугубо прикладной характер. Например, при решении вполне конкретных ситуаций, в которых наблюдается столкновение интересов двух или большего числа сторон. Именно поэтому следует не только рассматривать конфликт как результат или процесс, но и прогнозировать способы решения тех или иных спорных вопросов. При этом необходимо делать выбор или в пользу силовых методов, или отказа от насилия.

Не лишены разумных оснований утверждения о том, что насилие есть «естественная» человеческая реакция на внушение угрозы или страха или что люди обладают «природной» способностью делать зло. Сторонники ненасилия полагают, что как в случае преследования такой базовой цели, как самосохранение, так и в случае такой возвышенной, как мир на земле, принципы и методы ненасилия являются более эффективными для достижения краткосрочных и долгосрочных целей, чем применение насилия и его последствия.

Слово «насилие» созвучно и родственно слову «сила». Насилие означает в буквальном смысле применение силы, насильничанье. Аналог этого слова в романских языках («violence», «violenza») восходит к латинскому «violentia», родственному «violatio». Последнее означает нарушение, попрание, неправедное и понудительное воздействие на человека, в том числе с применением силы. Такое содержание понятия есть и в русском языке. Об этом свидетельствует В. Даль: «Насилие и насильство – принужденье, неволя, силование; действие стеснительное, обидное, незаконное, своевольное» [1].

Гегель рассматривал международное право как простую условность. Он считал, что только война является окончательным арбитром в международных спорах. Базируясь на современной ему культурной европейской и научной парадигме, О. фон Бисмарк произнес свою знаменитую фразу: «Не речами и постановлениями большинства решаются великие вопросы времени, а железом и кровью». Ф. Энгельс утверждал, что без насилия и неумолимой беспощадности ничто в истории не делается. И, наконец, М. Вебер, подводя итог развитию европейской мысли, объявил, что государство, равно как и политические союзы, исторически ему предшествующие, есть отношение господства над людьми, опирающееся на легитимное насилие как средство. Право на насилие, по его мысли, – отличительная и основная черта государства [2, с. 336].

В понимании феномена насилия есть два крайних подхода – широкий (абсолютистский) и узкий (прагматический), каждый из которых имеет свои преимущества и недостатки.

В широком смысле под насилием понимается подавление человека во всех его разновидностях и формах – не только прямое, но и косвенное, не только физическое, но и экономическое, политическое, психологическое и всякое иное. При этом подавлением считается любое ограничение условий личностного развития, причина которого заключена в других людях или общественных институтах. В узком смысле насилие обычно сводится к физическому и экономическому ущербу, который люди наносят друг другу, оно понимается как телесные повреждения, убийства, ограбления, поджоги и т. п.

Насилие есть один из способов, обеспечивающих господство, власть человека над человеком. Основания, в силу которых одна воля господствует, властвует над другой, подменяет ее, принимает за нее решения, могут быть разными: а) некое реальное превосходство в состоянии воли: патерналистская власть, власть отца; б) предварительный взаимный договор: власть закона и законных правителей; в) насилие как власть оккупанта, завоевателя, насильника.

Насилие принимает множество форм и по-разному понимается в разных странах и культурах. И несмотря на то, что не существует общепринятого определения насилия, Всемирной Организацией Здравоохранения было предложено следующее рабочее определение: «Насилие есть намеренное применение физической силы, фактически или в качестве угрозы, против себя самого, другого лица или против группы или сообщества, которое либо имеет следствием, либо вероятнее всего имеет следствием травму, смерть, психологический урон, порок развития или потерю» [3].

В юридической сфере существует более двадцати определений насилия. Итоговое криминалистическое определение выглядит следующим образом: «Насилие – это особый вид воздействия, оказываемый человеком, животным или иным живым существом по отношению к иному человеку, живому существу или предмету материального мира с целью самовольно, умышленно, противоправным путем, самостоятельно или при помощи третьих лиц, а также предметов, технических средств или веществ нанести ему объективно выраженный ущерб физического или психологического характера или принудить его к совершению определенного действия» [4, с. 33].

В защиту позиции силовых методов решения различных конфликтов отметим, что не всякое применение силы представляет собой зло. Так, действенность системы права в самом что ни на есть демократичном и правовом государстве основано на институциональном принуждении и нередко силовом ограничении действий, представляющих опасность для граждан, общества и государства. Если принять, что насилие – это любое использование принуждения в отношении к людям, то легко придти к анархическому отрицанию институтов власти (государственной и гражданской) и правомочности действий, направленных на борьбу с преступностью, мировым терроризмом.

Идея ненасилия берет свое начало в древневосточных религиозных культах (буддизм, индуизм, конфуцианство). Конфуций, например, учит, что альтернативой насилию, в случае ценностных конфликтов, будет ценностно-образцовое, «примерное» поведение благородного мужа. В «Лунь Юй» говорится: «Как вы смотрите на убийство людей, лишенных принципов, во имя приближения к принципам?». Кун-цзы ответил: «Зачем, управляя государством, уби-

вать людей? Если вы будете стремиться к добру, то и народ будет добрым. Мораль благородного мужа подобна ветру. Мораль низкого человека подобна траве. Трава наклоняется туда, куда дует ветер». В том же духе дает наставления идущему по пути добродетели буддийская «Дхаммапада»: «Никогда в этом мире ненависть не прекращается ненавистью, но отсутствием ненависти прекращается она. Да победит он гнев отсутствием гнева, недоброе – добрым, да победит он скупость щедростью, правдой – лжеца» [5, с. 73].

Со временем идея ненасилия проникает в христианское вероучение, однако трактуется иначе. Безусловно, христианство основано на любви к ближнему и даже врагу своему, но вместе с тем считалось, что не будет греха в том, если любовь эту ты защищаешь с оружием в руках. А при обращении в веру вообще «все средства были хороши», т. е. буквально «огнем и мечом».

Дальнейший раскол христианства приводит к тяжелым последствиям. Убить схизматика (православного), говорили католические епископы, «не только не будет никаким грехом, но, напротив, явится великим благочестивым деянием» [6, с. 52].

Зародившись в религиозной среде, понятие ненасилия, со временем, переходит в светское общество и чаще рассматривается как идея утопическая. Однако вера в то, что ненасилие – это не миф, а возможная реальность, существовала всегда. Известный просветитель-гуманист Франциск Скорина важнейшей добродетелью человека считал любовь, после которой в его иерархии моральных ценностей стоит вера. Человеколюбие он рассматривал как высший принцип взаимоотношений между людьми, как универсальный закон частной и общественной жизни. Принцип любви мыслитель распространял «ко всякому человеку» независимо от его положения в обществе [7, с. 107].

Немало выдающихся людей различных эпох выступали в поддержку ненасильственных методов.

Иммануил Кант считал, что следует поступать так, чтобы всегда относиться к человечеству в своем лице и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относиться к нему только как к средству [8, с. 270].

Великие русские писатели Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский понимали необходимость идей ненасилия. В частности, Федор Михайлович был убежден в том, что нет в жизни и не может быть такой цели, ради достижения которой потребуется жертва хотя бы в одну человеческую жизнь, одну каплю крови, одну детскую слезу. Оба писателя много сделали для того, чтобы данные идеи стали доступны миллионам людей.

Промежуточное положение между двумя крайностями – насилием и ненасилием – занимают идеи о допустимом «насилии во благо». К представителям данных взглядов можно отнести В.С. Соловьева и И.А. Ильина. Оба указывали на то, что ситуативно-конкретная задача сохранения жизни, безопасности и благополучия людей и в правовом, и в моральном плане может допускать принуждение – как физическое, так и психическое.

Ильин полагал, что война есть несомненное зло – при осознании того, что порой неучастие в нем ведет к торжеству зла куда большего. Не принимая инквизицию и теократию, он признавал насилие во имя добра. Ведь ни русская философия, ни тем более литература, ни отечественный исторический опыт не давали однозначного ответа на вопрос о духовной допустимости и необходимости для православного человека сопротивления злу посредством физического принуждения и пресечения. Именно Иван Ильин вернул социально этической теме религиозное измерение: он считал, что непротивление злу означает принятие зла – «допущение его в себя и предоставление ему свободы, объема и власти», несопротивляющийся «сам разламывает стены своего духовного кремля; сам принимает тот яд, от действия которого размягчаются кости в организме». Отказ от борьбы со злом есть добровольная сдача в плен Антихристу [9, с. 94].

Таким образом, насилие считается оправданным как противонасилие. Однако этот аргумент не совсем состоятелен, поскольку существует еще один тип поведения – это активное ненасильственное сопротивление, преодоление ситуации несправедливости ненасильственными методами. Этот тип поведения является морально оправданным. Принципы ненасильственного поведения представляют собой такие положения: а) отказ от монополии на истину,

готовность к изменениям, диалогу и компромиссу; б) критика своего собственного поведения с целью выявления того, что в нем могло бы питать и провоцировать враждебную позицию оппонента; в) анализ ситуации глазами оппонента с целью понять его и найти такой выход, который позволил бы ему сохранить лицо, выйти из конфликта с честью; г) борьба со злом, но любовь к людям, стоящим за ним; д) полная открытость поведения, отсутствие в отношении оппонента какой бы то ни было лжи, скрытых намерений, тактических хитростей [3].

Идеи ненасилия, непротивления злу насилием находили много сторонников и в XX столетии. Для М. Ганди (1869–1948) идея ненасилия – не только этическое учение, но и ориентир общественно-политического движения. И хотя он писал: «я настаиваю на ненасилии не по высшим основаниям морали, а по более низким основаниям целесообразности», тем не менее, опирался на высокую традицию ненасилия, существующую в индийской культуре [10, с. 42].

Мартин Лютер Кинг (1929–1968) разработал практическую сторону идеологии ненасилия, считая, что она должна сочетать «твердый дух и нежное сердце».

Понимание ненасилия как морального принципа нередко наталкивается на скепсис. Те, кто привык к мысли о конструктивной роли насилия в истории, указывают на то, что ненасилие не соответствует реалиям общества, сотканного из частных и конкурирующих интересов, в котором государство держится на силе. А идея ненасилия рассматривается как форма политического утопизма. Но что значит не иметь никакой возвышающей утопии? Без нее человеческое существование просто невозможно. Оно лишено смысла. Тогда вообще непонятно, почему мы разумные существа.

Известный российский исследователь А.А. Гусейнов говорит: «Я не мечтатель-идеалист и не полагаю, что насилие можно устранить из человеческой природы таким образом, чтобы там не пробуждались агрессивные намерения. Я также не утверждаю, что насилие возможно полностью устранить даже из такой сферы, как семейные отношения. Либо же из сферы экономических отношений. Но, на мой взгляд, существует и должна находить общественную поддержку та сфера человеческой жизни, то разумно обосновываемое и морально санкционируемое публичное пространство, в котором не должно быть места насилию» [11].

К сожалению, выводы, которые напрашиваются исходя из реального положения вещей, не внушают оптимизма. Насилие было, есть и будет одним из основных аргументов решения геополитических проблем, «последним доводом короля». Не в последнюю очередь это объясняется политико-философскими традициями оправдания насилия, если за ним стоят «благие цели», естественно, с точки зрения тех, кто их провозглашает.

Оценивая различные философско-исторические, религиозные и иные подходы к феномену ненасилия, приходим к выводу, что перед вызовом современной истории у человечества нет другой перспективной, духовно возвышающей цели, способной объединить представителей всех народов, стран, культур и религий, кроме идеи ненасилия.

Возможно, еще разумнее было бы не абсолютизировать ни одну из идей. Ведь как считал Сократ, истина находится в каждом из нас, как плод в чреве матери, и цель наставника, как и цель акушера – помочь человеку «разродиться» идеей. Вопрос только в том, кто выступит в роли наставника для человечества – горький исторический опыт или осознание того, что ненасилие – единственно возможный сценарий будущего. Ненасилие несет в себе зачатки новой истории, оно способно направить людей по иному пути.

Литература

1. Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этнические очерки [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://biblionmd.tripod.com/civ/02.1. – Дата доступа : 30.01.2012.

2. Лукьянович, Н. Насилие в современной геополитике: истоки, причины, тенденции / Н. Лукьянович // Безопасность Евразии. – 2003. – № 2.

3. Насилие над детьми. Центр социальной помощи [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://rosinka.net/nasilie-nad-detmi. – Дата доступа : 30.01.2012.

4. Зрелов, А.П. Особенности современного толкования насилия / А.П. Зрелов // Право и политика. – 2003. – № 7.

5. Цит. по: Рахманкулова, Н.Ф. Духовное общение, свобода и ненасилие / Н.Ф. Рахманкулова // Вестник Московского университета. – Серия 7. – 2004. – № 5.

6. Де Клари, Р. Завоевание Константинополя / Р. Де Клари. – М., 1986.

7. Калмыков, В.Н. Эволюция смыслов. Духовное наследие Ф. Скорины и современность / В.Н. Калмыков // Беларуская думка. – 2009. – № 1.

8. Кант, И. Сочинения : в 6 т. / И. Кант. – Т. 4. – Ч. 1. – М., 1965.

9. Окара, А. И. Ильин: жизнь как сопротивление злу / А. Окара // Невтон. – 2001. – № 1.

10. Капустин, Б.Г. Критика политического морализма / Б.Г. Капустин // Вопросы философии. – 2001. – № 2.

11. Гусейнов, А.А. Идея ненасилия – утопия современности / А.А. Гусейнов // Ученые записки гуманитарного факультета ПГТУ г. Пермь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.guseinov.ru/publ/outop.html. – Дата доступа : 30.01.2012.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 101:316:133:572

Становление отдельных проблем феноменологии и философской антропологии

В.Э. Нарижный

В статье рассказывается о становлении феноменологии как фундаментальной онтологии, прослеживается связь между феноменологией, наукой и философской антропологией.
Ключевые слова: интенциональные переживания, наука, феноменология, феноменологическая редукция, философская антропология.

The article describes the formation of phenomenology as a fundamental ontology, it finds the connection between phenomenology, science and philosophical anthropology.
Keywords: intentional suffering, science, phenomenology, phenomenological reduction, philosophical anthropology.

Начиная с, возможно, не вполне ясно осознаваемой максимы «к самим вещам» времен «Логических исследований» и заканчивая понятием «жизненного мира» в работах «позднего» Э. Гуссерля, феноменология в лице ее основателя в самом общем плане была ориентирована на экспликацию исходного, фундаментального слоя опыта, в котором манифестируется бытие.

Феноменологическая рефлексивная дескрипция предполагает, как известно, в качестве такового интенциональные переживания. Концепт интенциональности играл важнейшую роль для констатации принципа беспредпосылочности феноменологии в смысле «метафизической, естественнонаучной, психологической беспредпосылочности» [1, с. 32]. В данной перспективе этот принцип означал попытку отрицания субъект-объектной дихотомии (в терминологии Э. Гуссерля – естественной установки), определившей характер новоевропейской философии и частнонаучных дисциплин. Тем самым фундаментально-онтологические притязания феноменологии означали отказ от признания права на такие же притязания «наук о духе» и «наук о природе». Вместе с тем вводимая в «Идеях I» процедура эпохе, «каковая *полностью закрывает от меня любое суждение о пространственно-временном существовании здесь»* [2, с. 73] и которой должны подвергнуться науки со своими знаниями, не означает их отрицания. Ведь «*выключение* [т. е. эпохе – В.Н.] *обладает в одно и то же время свойством менять предначертанные знаки и все переоценивать, а вместе с этим все прошедшее переоценку вновь входит в сферу феноменологии.* Говоря образно, все заключаемое в скобки отнюдь не стерто с доски феноменологии – оно всего лишь заключено в скобки, и не более того, а это значит – снабжено определенным индексом. Но, снабженное индексом, оно остается главной темой научного [т. е. феноменологического – В.Н.] исследования» [2, с. 158]. Таким образом, феноменологическая редукция предусматривала своего рода «верификацию» научных знаний на предмет их осуществления в интенциональном переживании: «…Как прикладная, феноменология производит самую последнюю, выносящую окончательное суждение критику любой принципиально специфической науки, а тем самым в особенности производит окончательное определение смысла «бытия» ее предметов и окончательное определение ее методики» [2, с. 135].

В то же время подобные процедуры, по нашему мнению, отличаются от верификации в трактовке представителей Венского кружка (помимо всего прочего) тем, что они представляют собой скорее не проверку уже имеющихся научных результатов, а сопоставление, сверку с ними собственных результатов феноменологического исследования. Тем самым гуссерлевская феноменология не берет в качестве отправного пункта модифицированный, научный опыт и не пытается пробиться сквозь него к «самим вещам», а стремится непосредственно их тематизировать. Если следовать композиции «Идей I», то «выключение» частных наук (наряду с «выключением» чистого «я» и бога) позволяет очертить специфические онтологиче-

ские регионы на пути к описанию универсальных структур «чистого сознания», то есть исходного онтологического региона.

Проблема взаимоотношения феноменологического и научного опыта была предметом пристального внимания со стороны М. Шелера. Именно ей посвящена наибольшая часть работы «Феноменология и теория познания» 1913–1914 гг. Рассуждая в ней о специфике феноменологии, М. Шелер поначалу делал это в гуссерлевском духе. Так, он упоминал о феноменологической редукции [3, с. 215] и формулировал нечто аналогичное «принципу всех принципов» из «Идей I»: «…Рефлектирующий взгляд задерживается только на точках соприкосновения и переживания предмета в мире – безразлично, идет ли речь о физическом, психическом, о числах, Боге или о чем-то еще. Луч рефлексии должен касаться только того, что «присутствует» в этом теснейшем и живейшем контакте, и лишь в той мере, в какой оно «присутствует» [3, с. 199]. М. Шелер указывал также на самоданность и очевидность как на идеалы познания. Не забыл он упомянуть и об онтологическом приоритете феноменологического опыта перед научным познанием [3, с. 201, 217].

Вместе с тем М. Шелер приводил случаи, когда некоторые разделы работ А. Бергсона, В. Дильтея, В. Джемса, то есть исследователей, не стремившихся к проведению феноменологической редукции, имеют собственно феноменологический характер [3, с. 208–209]. Еще более любопытным и неожиданным оказывается рассуждение, в котором конструктивизму Марбургской школы неокантианства предложена следующая альтернатива: «…По ту сторону естественного мировоззрения и фактов, соотносящихся к определенным наукам, есть еще одна сфера *чистых фактов*, которые в себе образуют хорошо упорядоченную область – а отнюдь не «хаос» или «ощущения» – и по отношению к которым как естественные факты, так и научные факты должны считаться результатом селекции…» [3, с. 225].

Во-первых, отметим, что чистыми фактами в данной работе М. Шелер называл сущности, феноменологические феномены. Во-вторых, как следует из данного фрагмента, факты естественного мировоззрения и науки представляют собой феномены – только специально подобранные. М. Шелер пояснял, что основаниями такой подборки является отнесенность к собственно человеческой чувственной организации (факты естественного мировоззрения) и к организму вообще (факты науки), то есть принципиальная переводимость «на все языки чувственной организации» [3, с. 222]. Как можно заметить, под понятием селекции скрывается конструирование. Оно, в определенном смысле, аналогично неокантианскому конструированию, то есть витальный субъект, по признанию автора «Феноменологии и теории познания», руководимый ценностью распространения власти и господства (его априори) [3, с. 253], формирует из «резервуара» феноменов свой мир. М. Шелер, правда, заявлял, что «*окружающие миры* различных видов живых существ, в том числе и человеческий окружающий мир, следует мыслить как части, содержащиеся в абсолютном мире, если они мыслятся как полностью феноменологически редуцированные» [3, с. 229]. Однако это заявление, которое можно расценивать как попытку по-гуссерлевски интерпретировать упоминавшиеся в приведенной цитате окружающие миры в качестве специфических онтологических регионов, опровергалось шелеровским утверждением об исчезновении таких миров «не только под взглядом Бога, но уже под взглядом конечного носителя познания, чья плоть была бы полностью редуцирована» [3, с. 222].

Таким образом, в своем стремлении продемонстрировать феноменологический характер научных знаний М. Шелер доказывал обратное. Ведь «мир просто, в его абсолютной предметности и полноте, остается трансцендентным для познания конечных и плотских существ. Он остается за Богом» [3, с. 235].

Приведенный случай является показательным примером того, как феноменология превращается в собственное самоопровержение, если феноменолог вместо следования «самим вещам» впадает в абстрактное теоретизирование. Однако все это можно было бы рассматривать как относительно локальную философскую неудачу, если бы попытка усмотреть «сами вещи» в науке не оказала сильного влияния на, пожалуй, главное философское предприятие М. Шелера – его философско-антропологический проект. Не претендуя в рамках данной статьи на полный обзор философской антропологии М. Шелера, сосредоточимся на некоторых ее моментах.

Для автора «Положения человека в Космосе» человек был микрокосмосом-микротеосом, на примере которого может изучаться и макрокосмос-макроантропос. Ведь хотя человек и не идентичен миру в своем наличном бытии, он ему идентичен сущностно, и потому мир представлен в человеке целиком [3, с. 21].

Согласно М. Шелеру, история Вселенной – это процесс осуществления имплицитно заложенного в ней антропного принципа. Идея человека метафизически предшествует всякому витальному развитию. В этом отношении растения и животные всех видов являются частичными воплощениями сущности человека [4, s. 103]. Тем самым все другие формы жизни – эскиз всежизни к возможному человеку, а человек, в свою очередь, есть дитя всего животного мира [4, s. 88, 99]. Он является в данном смысле кульминацией развития жизни, «творческим синтезом» всех возможностей жизни и всех испытаний этих возможностей» [4, s. 101].

Говоря о человеке как цели эволюции жизни, М. Шелер, конечно, не имел в виду непосредственно биологический вид «homo sapiens» или даже вообще земного человека. Его психофизические характеристики не могут служить конститутивным признаком человека. Им могла бы быть, например, рыба (собственно, человек в своем онтогенезе долго и развивался как рыба) или существо с далекой звезды [4, s. 101], [3, с. 50]. Земной человек – только попытка реализации идеи сущности человека, один из ее экземплярных вариантов [4, s. 93].

Вместе с тем пример «homo sapiens» демонстрирует, согласно М. Шелеру, витальную специфику, позволяющую человеку быть человеком. Развивая идеи Ницше, один из основоположников философской антропологии высказывал мысль об отсутствии биологических преимуществ у человека над остальным животным миром и даже его неполноценности по отношению к этому миру. Животные, например, также обладают практически-техническим интеллектом, а инстинкт делает их более приспособленными к удовлетворению витальных потребностей в сравнении с людьми [3, с. 28, 49]. Человек «прямо-таки раб коры своего головного мозга; последний, сравнительно с другими органами тела, наименее регенерируется, филогенетически в наименьшей степени способен к дальнейшему развитию, жизненный процесс в нем совершенно застыл» [3, с. 24]. В данном смысле он – вымирающий, неспособный к мутациям биологический вид, негация жизни [3, с. 25]. Кроме того, человек имеет по сравнению с другими животными относительно неспециализированные органы применительно к окружающей среде [4, s. 95]. Витальная специфика человека, согласно мнению мыслителя, заключается если не в отсутствии, то, во всяком случае, минимальности проявлений психофизической специфики.

Однако в «органическом дилетантизме», в витальной неприспособленности и слабости человека коренится его сила: он способен быть независимым, свободным от жизни, эмпирического мира: «По сравнению с животным, которое всегда говорит “да” действительному бытию, даже если пугается или бежит, человек – это «тот, кто может сказать жизни “нет”» …» [3, с. 164]. Витальная неприспособленность человека обусловливает его отказ от приспособления к природе и переход к приспособлению природы к себе [3, с. 48]. Если животное экстатически вживается в окружающую среду, сливаясь с ней, то человек способен эксцентрически дистанцироваться от нее: «Только человек впервые противопоставляет себя и свое “самосознание” миру, в нем впервые разделяются предметная среда и переживание самого себя как “Я”» [3, с. 29].

Указанная витальная особенность позволяет человеку быть единственным существом, способным различать существование и сущность и, тем самым, выступать, в отличие от растений и животных, в качестве «не только материала и объекта, но носителя и субъекта духа» [4, s. 178]. Следовательно, «человек, как существо витальное, без сомнения, является тупиком природы, ее концом и ее наивысшей концентрацией одновременно. Однако как возможное «духовное существо» (как возможная самоманифестация божественного духа, как существо, могущее в деятельном совершении духовных актов мироосновы «деифицировать» самого себя), он есть нечто иное, чем просто тупик: он есть в то же время светлый и великолепный выход из этого тупика» [3, с. 26].

Итак, если не исключительно, то, по крайней мере, в первую очередь «органический дилетант», по М. Шелеру, способен выступать в роли активного носителя духа и примера микрокосмоса. Вместе с тем именно благодаря единству витального и духовного человек

имеет и макрокосмическое значение. Ведь он, совершая идеацию, переходит границы окружающего мира и становится открытым миру существом.

Как можно заметить, избавиться от традиционной понятийной схемы М. Шелеру, в отличие от М. Хайдеггера, так и не удалось. Его философская антропология продолжала испытывать диктат понятий души, жизни, сознания, духа, тела, к которым добавились к тому же понятия современной биологии, психологии. Она несла груз метафизических, а также научных предрассудков и имела тенденцию исследовать тотальность человеческого бытия из них, а не из самой тотальности. Поэтому трактовка М. Шелером многовековой идеи человека как микрокосмоса представляла собой попытку обобщения региональных онтологий человека: «…Поскольку человек – это микрокосмос, то есть “мир в малом”, так как все сущностные генерации бытия – физическое, химическое, живое, духовное бытие – встречаются и пересекаются в бытии человека, то постольку на человеке можно изучать и высшую основу “большого мира”, “макрокосмоса”» [3, с. 12].

Однако тогда, когда М. Шелер следовал «самим вещам», он понимал человека исходя из его целостности. В одной из немногочисленных ссылок на М. Хайдеггера М. Шелер в рукописном фрагменте к обобщающему труду по философской антропологии признавал правоту автора «Бытия и времени» в том, что человек не есть сумма духа (разума) и жизни [4, s. 55]. Так, «человек не есть человек, потому что он “мыслит” (Декарт, Паскаль): он мыслит, потому что он есть человек, и потому, что человек есть» [4, s. 227]. Аналогичным образом М. Шелер рассуждал по поводу чувственной организации человека (подчеркнем: наличия чувственной организации вообще, а не эмпирически-земной) [4, s. 228].

Признание в качестве главной темы исследования собственно бытия человека, а не размеченных понятиями науки и традиционной философии антропологических регионов, позволило автору «Положения человека в космосе» выдвинуть одну из своих самых значительных идей. Согласно ей, человека нельзя редуцировать к какому-либо обнаруживаемому в нем признаку. Любой из них является частью структурного целого и указывает на другие части, в связи с чем бытие человека Макс Шелер назвал «кругообразным бытием». Например, «только личность может думать – но только, если она любит. Но она не может “любить”, если она не любит себя, [а любя себя, она – В.Н.] утверждает свое бытие, но, утверждая, [она – В. Н.] проясняет себя в своем самоопределяющем бытии» [4, s. 227]. В результате все так называемые противоположности человеческой природы, которые выделялись в истории философской мысли, по Максу Шелеру, вырваны из тотальности человеческого бытия [4, s. 227].

Понимание человека из целостности его бытия не стало, несмотря на открывающиеся при этом философские перспективы, доминирующим в шелеровском философско-антропологическом проекте. Экспликация такого понимания у него осуществлена крайне лаконично: чуть больше двух страниц печатного текста в рукописных фрагментах от 1927 года, то есть за год до смерти. Примечательно, что в этом же 1927 г. вышел хайдеггеровский трактат «Бытие и время», ставший впоследствии знаменитым, в котором путеводной нитью в исследовании антропологической проблемы была провозглашена «идея бытия целого» [5, с. 48] в противовес рассмотрению человека как телесно-душевно-духовного единства.

Литература

1. Гуссерль, Э. Логические исследования. Исследования по феноменологии и теории познания / Э. Гуссерль. – М. : ДИК, 2002. – Т. II. – 466 с.

2. Гуссерль, Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / Э. Гуссерль. – М. : ДИК, 1999. – 336 с.

3. Шелер, М. Избранные произведения / М. Шелер. – М. : Гнозис, 1994. – 490 с.

4. Scheler, M. Gesammelte Werke / M. Scheler. – Bonn : Bouvier, 1986. – Bd. 6. – 460 s.

5. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1997. – 451 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 141.7:303.1

Организационная праксиология: уровни методологического анализа

В.С. Новожилов

В статье дается методологическое обоснование особого раздела праксиологии, названного автором организационной. Цель статьи: проанализировать уровни организационно-праксиологического знания – философский, теоретико-системный и социотехнический – с привлечением новейших общенаучных подходов и междисциплинарных методологий, отвечающих потребностям современного состояния науки и практики.
Ключевые слова: органицизм, структурно-функциональная закономерность, функциональная устойчивость, прогрессивная изменчивость, социотехническая деятельность (менеджмент).

The article gives a methodological justification for a special branch of praxeology that the author called organizational. The aim of the article is to analyze the levels of organizational and praxeological knowledge: philosophical, theoretical and system, sociotechnical with the aim to attract the latest scientific approaches and interdisciplinary methodologies that meet the needs of the modern state of science and practice.
Keywords: organicism, structural and functional pattern, functional stability, progressive changeability, sociotechnical activity (management).

Главное мировоззренческое назначение философии – с самых первых, древних пробуждений творческого логоса и до наших дней – состоит в убедительном разъяснении глубинных детерминант, смыслов и ценностей мира, в который погружен человек, возможностей и целей его деятельности. Работа философской мысли всегда направлена на построение всеобщих метатеоретических моделей «человека в мире и мира в человеке», абстрактным образом «снимающих» единичность и случайность отдельного существования и придающих этому существованию характер необходимости. В этих моделях онтос, гносис и праксис, опосредуя друг друга, складываются в единую картину жизни, природы и духа, естественного и искуственного миров. Естественный порядок природы, выстраиваясь посредством познания в логику теоретических построений, обращается в порядок социо-материального преобразования – практику в собственном смысле слова [1, с. 28–33], [2, с. 193–198].

Эволюционно обусловленная негэнтропийная деятельность человека совершает в ходе истории свои диалектические круги и поднимает равновесие реальной жизни к высотам прогресса. Данные мировоззренческие установки в явном или скрытом виде находим во всех философских учениях так называемой активистской направленности: панлогизма и радикального субъективизма, пантеизма и материализма.

В развитие классического диалектико-материалистического монизма современное знание и опыт позволяют дополнить традиционные подходы к пониманию всей праксиологической проблематики некоторыми новыми методологическими соображениями. Первое из них касается праксиологической конкретизации базовой исследовательской процедуры, называемой методом восхождения от абстрактного к конкретному. Как известно, этот метод по праву считается адекватным способом движения знания в гносеологическом цикле постижения сущности.

Сущностно-конкретный анализ всего многообразия проявлений праксиса ведет к выявлению своеобразной абстрактной «клеточки» всякой деятельности, выражаемой категорией организации. Междисциплинарный характер этой категории интуитивно был схвачен уже давно и особенно явно выражен во многих органицистских, и не только биологизаторских, направлениях знания, появившихся в XIX столетии как антитеза господствовашему тогда механицизму.

Органицистские аналогии в современной науке получили свое распространение и обоснование не путем прямой редукции, а в связи со значительным расширением и углубле-

нием опыта изучения физической реальности на всех ее структурных уровнях – в результате открытия новых закономерностей в ходе реализации термо- и электродинамических исследовательских программ, создания релятивистской и квантово-механической картины мира.

В наше время органицистская парадигма методологически реализуется посредством разнопланового системного подхода. Л. Берталанфи писал, что новая системная философия природы «заключается в организмическом взгляде на мир как на большую организацию и резко отличается от механистического взгляда на мир как на царство слепых законов природы» [3, с. 33].

В рамках настоящей статьи обратим внимание лишь на те аспекты системной методологии, которые, на наш взгляд, имеют прямое отношении к уровням построения праксиологии.

Первый из них – философско-праксиологический – помимо ранее названных общих установок и мировоззренческих принципов включает также анализ ценностных аспектов системной деятельности. Дело в том, что большинство исследователей системного подхода акцентируют внимание на операциональных возможностях межсистемных аналогий – металогических и формально-символических достоинствах языка общей теории систем. Необходимо, однако, подчеркнуть, что системное теоретическое движение в современной науке обозначило новый этап взаимодействия теории и практики и имеет вполне реальное культурологическое и аксиологическое наполнение.

Системный подход, как показало его развитие и применение для решения самых разных задач, позволяет органичным образом ослабить имеющееся в современной культуре напряжение между технократическим и гуманитарно-ценностным направлениями прогресса.

Системная фрагментация реальности в ходе теоретико-практической деятельности современной культуры подразумевает особое системотехническое творчество – создание и инновационное развитие среды путем конструирования моделей и реальных объектов деятельности, оптимизирующих функциональные, то есть практически полезные для человека цели. В этом смысле любая человеческая деятельность – это деятельность системотехническая, организационная, рационально-прагматическим и социально-ценностным образом манипулирующая жизненными элементами и ресурсами.

Поэтому не правы те, кто считает, что обращение к методологии системного подхода ведет к утверждению нового механицизма и примитивного технократизма. В том и состоит гуманистическая составляющая этой методологии, что она позволяет соединить в современном праксиологическом мышлении идеал теоретической позитивности и формальной точности с требованием аксиологической нормативности.

Гуманистический аспект системной праксиологии безусловно требует дальнейшей его разработки с привлечением достижений самых разных наук поведенческого и социального цикла.

Чтобы уйти от тривиальных и тавтологических упражнений в этой области, на наш взгляд, целесообразно еще раз обратиться ко всему строю идей известной «Всеобщей организационной науки» А. Богданова. Ее автор безусловно понимал, что логическая триада любого системного рассмотрения, а именно: структура, функция и развитие – в случае объяснения такой специфической организованной сложности, какой является практика, с необходимостью должна быть дополнена категорией ценности. Иерархия социальных предпочтений решающим образом пересекается со структурно-функциональной составляющей социального развития и превращается в его доминантный фактор.

Теория организации, созданная А. Богдановым и получившая у него название тектологии, приобретает особую методологическую ценность благодаря детальной проработке механизмов структурной реорганизации разных жизненных форм, в том числе и социальных, что позволяет этой теории выполнять функцию промежуточного, то есть второго уровня праксиологического анализа. Тектология способствует переводу абстрактно-философских заключений в реальность практических процедур социального управления, цель которых – усовершенствование способов существования социума.

А. Богданов в своей теории скрупулезно исследует всевозможные структурно-функциональные параметры динамического равновесия и развития сложноорганизованных, в том числе и социальных систем, механизмы устойчивости и изменчивости, сохранения и

преобразования способов организации. Все без исключения методологические интенции этого незаурядного мыслителя концентрируются вокруг организмических категорий, главной из которых является эволюционистская категория естественного или закономерного отбора, которой автор тектологии, вполне в духе современных общесистемных абсолютизаций, придает чуть ли не философский смысл.

Для праксиологии, особенно в ее инновационной акцентации, большое значение имеет тектологический принцип прогрессивного отбора как необходимого условия сохранения устойчивости форм жизни во всех ее проявлениях. Главная праксиологическая задача в связи с этим принципом может быть построена на убеждении, что всякие попытки удержать путем практических воздействий статическое структурное положение системы неизбежно ведут к негативным результатам – консервативному застою, деградации и упадку.

Позитивная практическая деятельность должна быть направлена на изменение организации путем увеличения внутрисистемной дифференциации или повышения многообразия функционально-дополнительных соотношений. Для экономической и социально-политической практики, например, это может означать совершенствование системы разделения труда, ролевых функций субъектов действия или, выражаясь абстрактно, увеличение суммы активностей сопротивления среде. Эти мероприятия придают системе особую прочность, и опыт показывает, что чем выше уровень организации социальных образований, тем с большей отчетливостью обнаруживается в них закономерность увеличивающегося структурно-функционального разнообразия.

Прогрессивный отбор, по Богданову, способствует снятию диалектического противоречия устойчивости и изменчивости в процессах жизнедеятельности открытых систем. Функциональные реакции на стимулы среды обеспечивают режим своеобразного пульсирования системы – потери и возвращения ее оптимальных состояний – процесса, который обозначается понятием динамического равновесия и который можно назвать обратимой устойчивостью системы.

Необратимая изменчивость или подлинная динамика системы осуществляется не путем выравнивания дисбаланса, а через диалектическое снятие противоположностей и переход системы в «свое другое». Этот результат развития достигается путем элементной и структурной реорганизации. В праксиологическом смысле это деятельность по комбинированию ресурсами организации.

В дополнение к тектологическим обобщениям организационных процессов ряд важных методологических возможностей в контексте рассматриваемой нами темы дает современная синергетика. Большинство специалистов, как и сами создатели этой современной междисциплинарной теории, считают, что она постепенно превращается в новую парадигму нашего информационно-технологического века.

В упрощенном виде содержательная суть синергетики сводится к следующему: классические системно-кибернетические закономерности недостаточны для объяснения действительных механизмов жизнедеятельности сложных открытых систем. Эти закономерности не объясняют, каким образом в сильно неравновесных условиях дезорганизация может естественным образом перейти к организационному порядку.

Согласно теории прогрессивных изменений, разработанной И. Пригожиным, такие неравновесные структуры подвержены значительным флуктуациям и могут приходить к критическим состояниям, которые ранее А. Богданов называл «кризисом форм». В синергетике это так называемые точки бифуркации, когда невозможно предсказать, в какое новое необратимое состояние перейдет система. Именно в этих точках системных событий вступает в свои права случайность. Она направляет развитие на новый путь, где вновь возникшая организационная структура опять подчиняется законам детерминации и предсказуемости. И так – до следующей точки бифуркации.

Неоспоримо, что практическая, то есть целесообразная деятельность человека представляет собой диалектико-противоречивое единство строгой детерминированности и случайности в процессе свободного принятия решений, поэтому становится очевидной методологическая ценность указанного строя идей синергетики в области праксиологии.

В подкрепление этого вывода сошлемся на слова известного специалиста в области теории управления О. Тоффлера из его предисловия к известной книге И. Пригожина и И. Стенгерс: «Объясняя, каким образом иерархия неустойчивости порождает структурные изменения, авторы «Порядка из хаоса» делают особенно прозрачной теорию организации. Им принадлежит также оригинальная трактовка некоторых психологических процессов, например, инновационной деятельности, в которой авторы усматривают связь с “не средним” поведением, аналогичным возникающему в неравновесных условиях» [4, с. 29].

Таким образом, можно считать, что тектологические и синергетические методологические нормы и предписания составляют обязательный уровень праксиологического анализа при его переходе от абстрактно-философского к конкретно-теоретическому.

Этот последний уровень праксиологии связан в наше время с развитием такой области системо-технического приложения, который может быть назван социо-организационным, а в соответствующей литературе фигурирует как социотехнический.

Социотехника разрабатывается в рамках неклассической теории организации и управления, всего комплекса исследований по вопросам прогрессивного реконструирования социальных объединений и групп. Данная теория пытается вывести закономерности перестройки социальных организационных форм, перевести праксиологию на эмпирический уровень конкретного менеджмента.

Результатом социотехнических исследований является создание в управленческой практике крупных западных компаний известных социально-инженерных и социально-психологических проектов: социального партнерства (допуск рядовых членов организации к процедуре выработки и принятия решений корпорации), методик манипулирования отдельными членами коллективов и так называемыми группами влияния, программ преднамеренного управления содержательной направленности информации, профессиональной разработки методов переговоров, убеждения и внушения организационных стереотипов, выгодных для руководства компаний и т. п. Названные проекты сопровождаются социально-психологическим мониторингом положения дел в организациях, специальной подготовкой кадров управления, тренировкой их способностей понимать скрытые мотивы поведения субъектов коллективного действия.

Что-то подобное происходит и в области политической праксиологии. Хорошо известны, например, предвыборные технологии, использующие теоретические наработки социотехники и организационной психологии. В целом, можно утверждать, что современное праксиологическое мировоззрение зиждется на твердых устоях структурно-функциональных и некоторых других системологических ассоциаций, адекватных нынешнему этапу социальной деятельности, получившему название панинженерной [5, с. 110]. Характерной особенностью этого вида деятельности является ее нацеленность на проектирование и создание искусственных и на переустройство естественных систем в рамках глобальных целевых программ.

Данное обстоятельство порождает в наше время наряду с традиционным институтом «специалистов» новый институт практиков-универсалов, обладающих комплексным методологическим мышлением на основе новейшей системологии.

Введение в учебные программы вузовского образования соответствующих спецкурсов системной праксиологии сможет способствовать реализации задач подготовки такого типа профессионалов.

Литература

1. Новожилов, В.С. Онтологические основы праксиологии с позиций информационно-кибернетического подхода / В.С. Новожилов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 6(63). – С. 28–33.

2. Новожилов, В.С. К методологии построения инновационной праксиологии / В.С. Новожилов // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5(68). – С. 193–198.

3. Берталанфи, Л. История и статус общей теории систем / Л. Берталанфи // Системные исследования. – М., 1973.

4. Тоффлер, О. Наука и изменение / О. Тоффлер // Предисловие к книге : И. Пригожин, И. Стенгерс. Порядок из хаоса. – М., 1986.

5. Флейшман, Б.С. Системология, системотехника и инженерная экология / Б.С. Флейшман // Кибернетика и ноосфера. – М., 1986.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 165.74:274.3«20»

Проблема гуманизма в протестантской теологии XX века

В.А. Одиноченко

Проблема гуманизма была остро поставлена в европейской культуре XX века. Это обусловлено, с одной стороны, возникновением тоталитарных режимов с их жестким подавлением человеческой личности, а с другой – неспособностью гуманистических учений, сформированных еще в эпоху Возрождения, ответить на вызовы времени. Рассуждения протестантских теологов XX века о проблеме гуманизма прошли путь от безусловного утверждения Бога как «абсолютно Иного» по отношению к человеку у Барта до попытки найти место христианства в секулярном мире у Бонхеффера и Кокса.
Ключевые слова: базовая онтологическая структура, гуманизм, культурный кризис, либеральная теология, секуляризация.

The problem of humanism was acutely placed in the European culture of the 20th century. This is due, on the one hand, to the emergence of totalitarian regimes with their harsh repression of the human person, and on the other hand due to the inability of humanistic teachings formed during the age of the Renaissance to respond to the challenges of the time. Reasoning of Protestant theologians of the 20th century about humanism have walked the path of unconditional approval of God as “totally Another” in relation to a person in Bart’s works before trying to find the place of Christianity in the secular world in Bonhoeffer’s and Cox’s works.
Keywords: basic ontological structure, humanism, cultural crisis, liberal theology, secularization.

Само слово *гуманизм* имеет для нас безусловно положительные коннотации. Мы говорим о *гуманности*, *построении гуманистического общества*, *человечности, гуманных отношениях между людьми, достоинстве человека, внимании к людям, взаимопонимании* и т. д. Соответственно, все, что противостоит гуманизму, наделяется отрицательным значением и воспринимается негативно. Поэтому попытки проблематизации гуманизма, постановки его под вопрос вызывают настороженность.

Нам кажется актуальным разграничение аксиологического и онтологического аспектов проблемы. Безусловно, гуманизм во всех своих проявлениях обладает большой положительной ценностью. Для нашей страны в настоящее время актуально внимание к человеку и осмысление его как личности. Проблема в том, чтобы само понятие *гуманизм* не превратилось в красивое слово, как это обычно бывает. Необходимо задать себе вопрос, что такое гуманизм и какие последствия имеет его осуществление? И главное: чем обусловлена гуманность, является ли она только следствием субъективной установки на благожелательное отношение к людям? Поэтому необходимо рассмотреть вопрос, как трактовка гуманизма вписывается в общую картину мира. И здесь мы неизбежно выходим на проблемы онтологического характера. Как правило, трактовка бытия соотносится с вопросом о понимании человека, его месте в мире. Существуют самые разные трактовки человека и, соответственно, разное понимание гуманизма.

Гуманизм (от лат. *humanus* – *человеческий*, *человечный*) имеет два значения: «в широком смысле – исторически изменяющаяся система воззрений, признающая ценность человека как личности, его право на свободу, счастье, развитие и проявление своих способностей, считающая благо человека критерием оценки социальных институтов, а принципы равенства, справедливости, человечности – желаемой нормой отношений между людьми; в узком смысле – культурное движение эпохи Возрождения» [1, с. 130].

Следует отметить, что само протестантство возникло как реакция не только на недостатки в католической церкви, в частности – на злоупотребления при торговле индульгенциями, но и на гуманизм. Если мы посмотрим знаменитые 95 тезисов Мартина Лютера (1483–1546), с которых и началась Реформация, то Лютер восстал как раз против облегченного понимания спасения и веры в добрые качества человека, которые проповедовала католическая церковь. Говоря упрощенно, католическая церковь исходила из «поврежденности» природы человека в

результате грехопадения, и человек мог спастись в результате добрых дел, в том числе покупки индульгенций, Лютер же исходил из ее окончательной «испорченности», грешный человек никакими делами спастись не может и должен только в акте веры надеяться на милость Бога.

Такое понимание человека Лютером ярко проявилось в его знаменитой работе «О рабстве воли» (1525), посвященной полемике с главой христианских гуманистов Эразмом Роттердамским (1469–1536). Лютер в ней исходил из своего основного положения, что человек спасается только верой. Никакие добрые дела ему в этом помочь не могут. Отсюда Лютер делает два важных вывода. Первый – это то, что человек в делах спасения не имеет свободной воли, поскольку по своей греховности неизбежно стремится ко злу: «Свободная воля без Божьей благодати ничуть не свободна, а неизменно оказывается пленницей и рабыней зла, потому что сама по себе она не может обратиться к добру» [2, с. 333]. Второй – это несоизмеримость Бога и человека, а вследствие этого невозможность понять при помощи разума Его дела: «То, что совершает Бог, – это не ребячество, но светское и не человеческое дело, а божественное, выходящее за пределы человеческого разума» [2, с. 321]. Лютер подчеркивает парадоксальность веры: «Если бы я мог хоть каким-нибудь образом уразуметь, как это Бог милосердный и справедливый являет нам столько гнева и несправедливости, то не было бы нужды в вере» [2, с. 330].

Лютер задал то понимание человека, из которого исходили и протестантские теологии XX века. Если охарактеризовать его коротко, то оно базировалось на отрицании веры в добрые качества человека, которой следовали гуманисты Возрождения. Однако отметим, что Лютер – христианский теолог. В полемических целях он подчеркивал греховность человека и невозможность для него спастись без Божьей благодати. Однако, оставаясь в рамках христианства, нельзя игнорировать библейские положения о достоинстве человека, проистекающие из того, что он создан «по образу и подобию» Бога. Таким образом, для христианства проблема заключается не в источнике и природе этого достоинства, но в том, каким образом оно реализуется в истории.

Именно эта проблема находилась в центре рассуждений о гуманизме протестантских теологов XX века. Мы рассмотрим учения о человеке Карла Барта (1886–1968), Рудольфа Бультмана (1884–1976), Пауля Тиллиха (1886–1965), Дитриха Бонхеффера (1906–1945) и Харви Кокса (род. в 1929 г.). Следует отметить, что проблема человека, его сущности и достоинства обсуждалась многими мыслителями XX века. Обусловлено это было прежде всего кризисом классического гуманизма в XX веке, его неспособностью ответить на актуальные вопросы времени, в частности – на вызовы тоталитарных режимов. Ответом протестантских теологов на кризис гуманизма Нового времени было обращение к библейскому учению о человеке.

Несомненно, что основателем того типа рассуждений, который был характерен для протестантской теологии XX века, является Карл Барт. Его отношение к гуманизму выражено в работе «Послание к Римлянам» (первая редакция – 1918 г., вторая – 1922 г.), которую называют важнейшим богословским трудом XX века. В этой работе Барт сделал акцент на несоизмеримости Бога и человека. В своих рассуждениях он опирался на положение Кьеркегора о бесконечной качественной разнице между временем и вечностью: «Бог на небе, а ты на земле» [2, с. XXXVII].

По своей структуре работа Барта является комментарием на «Послание к Римлянам» апостола Павла, но ее главная тема – критика гуманизма в протестантской либеральной теологии XIX века, основными представителями которой были Фридрих Шлейермахер (1768–1834) и Адольф фон Гарнак (1851–1930). Либеральная теология сформировалась как результат стремления сделать христианство приемлемым для образованных людей XIX века, показать его связь с прогрессивно развивающейся европейской культурой, защитить перед процессом секуляризации. В основе либеральной теологии лежало абсолютно оправданное стремление говорить на языке, соответствующем реалиям своего времени, вписаться в контекст общественных и культурных процессов. Однако в этом стремлении теологи постепенно стали рассматривать христианство только в контексте его проявления в истории, через призму ценностей Нового времени: гуманизма, свободы прогресса. На задний план отошла вневременная сущность христианского Откровения. В нем видели прежде всего высшую манифестацию человеческого духа. По сути, в либеральной теологии человек утверждал сам себя.

Барт вначале стоял на позициях либеральной теологии. Но потом сделался ее непримиримым и последовательным критиком. Причинами этому были два обстоятельства. Первое – поддержка либеральными теологами Первой мировой войны, второе – их оторванность от повседневных проблем простых людей.

В «Послании к Римлянам» Барт выступал против религии, приспособленной к нуждам идеалистически сконструированной концепции культуры, задача которой – обеспечивать эту культуру моральной поддержкой. Прежде всего он настаивал на двух положениях: первое – это то, что познание Бога не должно отталкиваться от религиозности человека: «Религия – это все, что угодно, но не гармония с самим собой или, чего доброго, с бесконечным. Здесь нет места для благородных чувств и великодушной гуманности. Здесь пропасть, здесь ужас» [3, с. 232]. Второе положение – это принципиальная разница между человеком как творцом культуры и человеком в его обращении к Богу: «Было бы сентиментальным либеральным самообманом считать, что от природы и истории, от искусства, морали, науки или даже религии ведут прямые пути к невозможной возможности Бога» [3, с. 320].

Основной тезис, на котором настаивал Барт в «Послании к Римлянам», – это то, что Бог является «совершенно Иным» в отношении всего, с чем человек сталкивается в своей повседневной, общественной и культурной деятельности: «Бог – это не какая-то известная вещь в ряду других вещей» [3, с. 54]. Бог отделён от человека бесконечным качественным отличием. Человек не способен сам по себе познать Бога или принять Божественное откровение. Как пишет Барт, в либеральной теологии «теряется понимание специфического в Боге, человек теряет мысль о ледниковой трещине, о полярной области, о зоне опустошения, которую необходимо перейти, если действительно должен быть сделан шаг от бренного к вечному» [3, с. 23].

Эта пропасть преодолевается в акте веры. Здесь Барт исходит из общепротестантского положения, идущего еще от Лютера, о спасении только верой. Но понимание веры взято Бартом у Кьеркегора. Вера для него – это безумие, она имеет иррациональный характер и не выводится из повседневного опыта либо философских положений. Человек верит вопреки очевидности: «Вера в Иисуса – это величайший риск из всех возможных» [3, с. 71]. Через веру человек становится тем, кем он не есть: «Вера – это ни с чем не сравнимый, безоговорочный, неотменимый шаг через границу от старого к новому человеку, от старого – к новому миру» [3, с. 178].

Следует отметить, что в полемических целях Барт преувеличивает парадоксальность веры в христианстве. Более того, он слишком большой акцент делает на человеческой установке, на решимости верить. В христианстве вера – это дар Бога. Апостол Павел определяет ее как «осуществление ожидаемого и уверенность в невидимом» (Евр. 11, 1).

В своей трактовке человека Барт исходит из учения апостола Павла о поврежденности человеческой природы: «Мы ничего не знаем о человеке, который не был бы грешником» [3, с. 141]. Но этому учению Барт вслед за Лютером придает радикальный характер, отрицая значение усилий человека для спасения: «Не существует человеческой праведности, которая могла бы избавить человека от гнева божьего» [3, с. 29].

Нам необходимо уточнить позицию Барта, чтобы она не была истолкована как антигуманистическая. Как отмечал Хайдеггер: «Если же люди понимают под гуманизмом вообще озабоченность тем, чтобы человек освободился для собственной человечности и обрел в ней свое достоинство, то, смотря по трактовке «свободы» и «природы» человека, гуманизм окажется разным» [4, с. 196]. Гуманизм в широком смысле целиком согласуется с христианским пониманием человека. Согласно христианству, человек – вершина творения, и именно для его спасения Иисус Христос взошел на крест. Как пишет апостол Павел: «Что значит человек, что Ты помнишь его? или сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты унизил его пред Ангелами; славою и честью увенчал его, и поставил его над делами рук Твоих, все покорил под ноги его» (Евр. 2, 6–8). Только человек создан по образу и подобию Бога и поэтому имеет наибольшую ценность в мире.

Следует повторить, что «Послание к Римлянам» Барта было направлено прежде всего на критику либеральной теологии. Многие положения этой работы имели преувеличенный и односторонний характер. Сам Барт писал впоследствии: «Если бы сегодня передо мной снова стояла задача написания этой книги, если бы было необходимо сказать то же самое, я бы сказал это абсолютно иначе» [3, с. Li].

Но его тезис о том, что христианство не выводится из религиозности человека, был совершенно правильным. Барт отрицал идеологическую тотальность XIX века, когда человек замыкается в себе и рассматривает весь мир как проявление своих установок. Утрата человеком объекта привела к его дезориентации, разрушению иерархии ценностей, только опираясь на которые человек может осуществить себя. В противовес этому Барт говорит о реальности Бога как «абсолютно Иного».

Из этого же исходили Бультман, Тиллих и Бонхеффер. Они являются теологами именно XX века, и для них вера предшествующих мыслителей в исторический прогресс, гуманизм, моральность и рациональную природу человека была ничем иным, как вредной иллюзией. Время, в которое они жили, дало страшный опыт антигуманности и иррационализма. В это время перед многими встал вопрос, опираясь на какие основания можно противостоять тоталитарным режимам. Для Барта, Бультмана, Тиллиха и Бонхеффера такими основаниями послужили изложенные в Библии положения христианского вероучения.

Они имели личный опыт противостояния фашизму. Приход Гитлера к власти и первоначальная поддержка его в Германии была во многом обусловлена тем, что в нем увидели политического вождя, способного вывести страну из состояния глубокого кризиса. В начале 30-х годов в среде протестантов Германии возникли так называемые «немецкие христиане», которые пытались соединить христианство с идеями национал-социализма, а Гитлера трактовать как спасителя нации и пророка «немецкого духа». Именно они стали руководить лютеранской церковью в Германии. Как писал Бонхеффер: «Грандиозный маскарад зла смешал все этические понятия. То, что зло является под видом света, благодеяния, исторической необходимости, социальной справедливости, вконец запутывает тех, кто исходит из унаследованного комплекса этических понятий; для христианина же, опирающегося на Библию, это подтверждает бесконечное коварство зла» [5, с. 115].

В ответ на действия «немецких христиан» часть протестантских пасторов образовали «Исповедующую церковь», которая заявила о несовместимости идей национал-социализма и христианства. В 1934 году ими была принята «Барменская декларация», главным автором и вдохновителем которой был Барт. В ней заявлялось: «Иисус Христос, как он засвидетельствован нам в Священном Писании, есть единое слово Бога, которое мы должны слушать, которому мы должны доверять и покоряться в жизни и в смерти. Мы отвергаем ложное учение о том, что Церковь якобы может и должна признавать в качестве источника своего провозвестия помимо этого единого Слова Бога и рядом с ним еще и другие события и силы, образы и истины как откровения Бога… Мы отвергаем ложное учение о том, что Церковь в человеческом самовозвеличивании якобы может ставить слово и дело Господа на службу каким-либо самовольно выбранным желаниям, целям и планам» [6, с. 232–233].

Бультман, Тиллих и Бонхеффер также принадлежали к Исповедующей церкви. Судьба каждого из них сложилась по-разному: Бультман смог пережить в Германии годы нацизма, Тиллих был вынужден эмигрировать в США, Бонхеффер в 1945 году был повешен за участие в заговоре против Гитлера. Но перед ними стояла уже иная проблема, чем перед Бартом. Барт выступил против искажения христианства в либеральной теологии и смешения божественного с человеческим. Бультман, Тиллих и Бонхеффер попытались ответить на вопрос о том, какое место занимает христианство в жизни современного человека. Они исходили из того, что мир стал современным и интенсивно секуляризуется. Поэтому христианство должно говорить на понятном ему языке. Однако, в отличие от классического гуманизма, протестантские теологи XX века исходили не из сущности человека, наличия у него хороших или плохих качеств, а из его ситуации. Все они для решения проблемы о месте христианства в жизни современного человека использовали терминологию экзистенциализма, в том виде, в каком оно было сформулировано Мартином Хайдеггером (1889–1976) в его наиболее известной работе «Бытие и время» (1927).

Бультманом была предложена программа демифологизации христианства. Он исходил из того, что необходимо отделить мифологическую трактовку мира в Новом Завете от керигмы – провозглашения Благой Вести: «Новозаветная картина мира мифична. Мир считается разделенным на три этажа: в середине находится земля, над ней – небо, под ней – преисподняя. Небо – обиталище Бога и небесных существ, ангелов; подземный мир – это ад, место мучений» [7, с.

86]. Но в результате развития науки и техники человек овладел миром и опытным знанием о мире в такой степени, что никто уже не в состоянии всерьёз держаться и не держится за новозаветную картину мира. «Теперь ни один взрослый человек не представляет себе Бога как некое находящееся на небе существо, да и «небеса» в прежнем смысле для нас более не существуют. Точно так же не существует и ада, мифического подземного мира у нас под ногами» [7, с. 88].

Однако, согласно Бультману, необходимо говорить о критике христианства, вырастающей не столько из данных современного естествознания, сколько из самопонимания современного человека. Поэтому христианскую картину мира «следует интерпретировать исходя из присущего им понимания экзистенции, т. е. экзистенциально» [7, с. 96]. В этой интерпретации Бультман исходит из библейского положения, что причина тленности мира и смертности человека не в материи, а в грехе. Но само понятие греха он интерпретирует в терминах экзистенциальной философии. Грех для него – это следствие неподлинности человеческого существования. Грешный мир – это «сфера видимого, наличного, доступного распоряжению, измеримого, а поскольку видимого, то и преходящего» [7, с. 97]. Эта сфера овладевает человеком тогда, когда тот полагает ее в основание своей жизни, живет в соответствии с ней, т. е. поддается соблазну жить из видимого, доступного распоряжению, вместо того чтобы жить из невидимого и недоступного. Грешный человек заботится о том, чтобы обеспечить свою жизнь, и соразмерно своим возможностям и достижениям в видимом «надеется на плоть». Бультман пишет, что такая установка, однако, не соответствует фактической ситуации человека, ибо у нее нет никакой надежности: «В результате он как раз теряет свою «жизнь», свое подлинное существование, подпадает под власть той сферы, которую мнит доступной распоряжению и в которой он собирается добиться для себя надежности» [7, с. 97]. Подлинная жизнь человека, напротив, – это жизнь из невидимого, недоступного распоряжению и, следовательно, отказ от всякой добытой собственными усилиями надежности. Именно такова жизнь «согласно духу», жизнь «в вере» соответствует фактической ситуации человека. Подобная жизнь становится возможной для него в результате веры в «благодать Божью», т. е. веры в то, что именно невидимое, неизвестное, недоступное встречает человека как любовь, приносит ему его будущее, означает для него не смерть, но жизнь.

Тот же подход для объяснения ситуации современного человека использовал и П. Тиллих. Он писал, что любая теологическая система должна удовлетворять двум основным требованиям: «утверждать истину христианской Вести и толковать эту истину для каждого нового поколения» [8, с. 11]. Для этого она должна пользоваться концептуальными средствами своего времени: она не может просто пересказывать библейские эпизоды. Тиллих считал, что вся протестантская теология, начиная с Лютера, имеет апологетический характер. Она отвечает на подразумеваемые «ситуацией» вопросы силой вечной Вести, делая это средствами той исторической ситуации, проблемы которой теология стремится решить.

В понимании человека Тиллих исходит из того, что он занимает преимущественное положение в мире, однако не в качестве такого объекта, который чем-то выделяется среди других объектов, но в качестве такого сущего, которое задает онтологический вопрос, причем онтологический ответ может быть найден именно в его самосознании.

В соответствии с установками экзистенциализма, из которых Тиллих исходил, основной характеристикой человека, по его мнению, является самотрансцендирование. В отличие от других живых существ человек осознает свою конечность и пытается ее преодолеть и именно в этом – основа его обращения к Бесконечному: «Человек, чтобы опытно воспринять свою конечность, должен взглянуть на себя с точки зрения потенциальной бесконечности. Человек, чтобы осознать свое движение к смерти, должен взглянуть на свое конечное бытие как на целостность, он должен так или иначе быть вне него» [8, с. 189].

Чтобы воспринять свою конечность, человек нуждается в мужестве: «Мужество приемлет угрозу утраты как индивидуальной субстанции, так и субстанции бытия вообще. Человек приписывает субстанциальность чему-то такому, что оказывается предельно акцидентальным: созидательной деятельности, любовным отношениям, конкретной ситуации, себе самому. Это является не самовозвышением конечного, но скорее мужеством утверждения конечного, мужеством брать на себя свою тревогу. Вопрос состоит в том, каким образом это

мужество возможно. Как может конечное сущее, осознающее неизбежность утраты своей субстанции, эту утрату принять? [8, с. 196]. То есть, осознавая угрозу своему бытию, человек нуждается в том, опираясь на что, он может этому небытию противостоять. Эту опору человек может найти в Боге: «Вопрос о Боге следует поставить, поскольку та угроза небытия, которую человек воспринимает как тревогу, наводит его на вопрос и о бытии, побеждающем небытие, и о мужестве, побеждающем тревогу» [8, с. 205–206].

Таким образом, как мы видим, Тиллих стоит на гуманистических позициях, хотя и поиному понимаемых, чем это было у теологов Нового времени. Он показывает необходимость Бога исходя из потребности человека в преодолении тревоги перед небытием. Религия выводится им из человеческого существования («базовой онтологической структуры»), понимание которого было заимствовано у Хайдеггера. «Бог» для Тиллиха – это ответ на предельные вопросы человеческого существования.

Такая трактовка религии была подвергнута резкой критике Д. Бонхеффером. Он считал ее надуманной: «Религиозные люди говорят о Боге, когда человеческое познание (иногда просто по причине лености мысли) дошло до предела или когда человеческие силы пасуют; причем это всегда deus ex machina – они призывают его либо для мнимого разрешения неразрешимых проблем, либо как силу перед лицом человеческого бессилия, т. е. всегда эксплуатируя человеческие слабости или пребывая на пределе человеческих сил; это длится до тех пор, пока человек своими усилиями не раздвинет границы чуть подальше, и тогда Бог – как deus ex machina – станет излишним» [9, с. 112].

Бонхеффер считал, что в результате развития европейской культуры «мы приближаемся к абсолютно безрелигиозному периоду; люди уже могут просто быть нерелигиозными. Те же, кто честно называет себя «религиозными», не практикуют религии никоим образом; возможно, под «религиозностью» они понимают нечто иное» [9, с. 111].

Бонхеффер задается вопросом: какое место христианства в обезбоженном мире, что оно может предложить современному человеку? Прежде всего, он считает, что христианин должен принять ту ситуацию, в которой находится мир, и именно это и будет подлинной христианской позицией: «Так наше совершеннолетие ведет нас к подлинному познанию нашей ситуации перед Богом. Бог дает нам понять, что мы должны жить, справляясь с жизнью без Бога. Бог, который с нами, есть Бог, который хочет, чтобы мы жили без рабочей гипотезы о Боге, есть Бог, перед которым мы постоянно пребываем» [9, с. 136].

Рассуждения Бонхеффера кажутся парадоксальными, особенно для протестантского пастора. Однако в них есть своя логика. Бонхеффер утверждает: «Быть христианином не значит быть религиозным на тот или иной манер, строить из себя по какой-либо методике грешника, кающегося или святого; быть христианином значит быть человеком; Христос творит в нас не какой-то тип человека, но просто человека» [9, с. 137]. Он не считает, что в результате процесса секуляризации европейской культуры христианство утратило свое значение для человека XX века. Несомненно, оно должно стать посюсторонним, однако христианин – это тот, кто по примеру Иисуса Христа живет для других. Именно в этом значимость христианства для человека XX века.

Отметим, что в учениях Бультмана, Тиллиха и Бонхеффера произошел отказ от того понимания гуманизма, которое было характерно для теологов Нового времени, в основе которого лежала вера в человека, приписывание ему положительных качеств. Бонхеффер утверждал, что христианство далеко от «гуманистического взгляда, предполагающего в человеке – благодаря его божественным качествам или благодаря предназначению к осуществлению того или иного идеала – божественное начало или сродство Богу» [10, с. 26–27]. Но их рассуждения целиком в русле того понимания гуманизма, которое было предложено Сартром (1905–1980) в его знаменитой работе «Экзистенциализм – это гуманизм» (1946). Как и Сартр, они исходили из краха ценностей европейской культуры и образа одинокого человека, на свой страх и риск принимающего решения в ситуации «смерти Бога».

Логическим продолжением концепции «безрелигиозного христианства» Бонхеффера явилась теория секуляризации американского теолога Харви Кокса, изложенная в его известной работе «Мирской град» (1965). Ее центральный тезис состоит в том, что Бог равно

присутствует как в мирской, так и в религиозной сферах жизни. Отсюда выводятся два следствия. Во-первых, это подразумевает, что людям веры вовсе не надо бежать из якобы безбожного современного мира. А, во-вторых, это значит, что не всякая религия хороша для человеческого духа» [11, с. 9].

Кокс пишет, что «секуляризация – это освобождение человека от опеки религиозных и метафизических систем, смена его интересов: он отворачивается от иных миров и обращается к этому миру» [11, с. 21]. Более того: «тот, кто бежит от трудностей и разрушений, которые несет всякое изменение, кто суетится, постоянно пытаясь соотнести каждый элемент опыта с каким-нибудь утешающим целым, точно Вселенная лопнет, если мы не скрепим ее собственными концептуализациями, – такой человек обнаруживает не веру, а неверие. Мы должны научиться жить в нечитаемом городе, не испытывая потребности в Большой Отмычке, но это не значит, что мы стали нигилистами» [11, с. 17].

Согласно Коксу, христианство – это призыв к творческой и зрелой секулярной жизни: «Евангелие не требует от человека отказаться от интереса к земным проблемам, а предлагает принять на себя всю тяжесть этих проблем как дар Творца. Евангелие – призыв быть человеком нашей технической эры со всем, что отсюда следует, и стремиться сделать этот мир по-настоящему человеческим обиталищем для всех, кто в нем живет» [11, с. 95]. Но тогда непонятно, что специфически христианского в такой установке? Если сущность христианского отношения к миру – это принятие его таким, какой он есть, то что нового оно приносит в мир? Каково его место в жизни современного человека?

В заключение отметим, что рассуждения протестантских теологов XX века о проблеме гуманизма прошли путь от безусловного утверждения Бога как «абсолютно Иного» по отношению к человеку у Барта до попытки найти место христианства в обезбоженном мире у Бонхеффера и Кокса. Следует отметить, что степень этой обезбоженности и ее окончательная неизбежность для европейской культуры были ими явно преувеличены, что наглядно продемонстрировал процесс возрождения религии в конце XX века.

Литература

1. Философский энциклопедический словарь / глав. науч. ред. Л.Ф. Ильичев [и др.]. – М. : Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

2. Лютер, М. О рабстве воли / М. Лютер // Эразм Роттердамский. Философские произведения. – М. : Наука, 1986. – С. 290–545.

3. Барт, К. Послание к Римлянам / К. Барт. – М. : Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2005. – 560 с.

4. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с.

5. Бонхеффер, Д. Сопротивление и покорность / Д. Бонхеффер // Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 114–167.

6. Барт, К. Барменская декларация / К. Барт // Путь. – 1992. – № 1. – С. 231–233.

7. Бультман, Р. Новый Завет и мифология. Проблема демифологизации новозаветного провозвестия / Р. Бультман // Вопросы философии. – 1992. – № 11. – С. 86–114.

8. Тиллих, П. Систематическая теология / П. Тиллих. – Т. I–II. – М. ; СПб. : Университетская книга, 2000. – 463 с.

9. Бультман, Р. Иисус / Р. Бультман // Путь. – 1982. – № 2. – С. 3–136.

10. Бонхеффер, Д. Сопротивление и покорность / Д. Бонхеффер // Вопросы философии. – 1989. – № 11. – С. 90–162.

11. Кокс, Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте / Х. Кокс. – М. : Восточная литература, 1995. – 263 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 124.6:2–18

Лёс чалавека і яго праявы

А.Д. Паўлавец

Артыкул прысвечаны даследаванню лёсу чалавека і яго праяваў у культуры. Робіцца спроба сістэматызацыі гэтых праяваў на падставе разнастайных суаднесенасцяў чалавека.
Ключавыя словы: біялагічны лёс, боскае наканаванне, ідэнтычнасць, імя, калектыўны лёс, лёс, накід, самасны лёс, суаднесенасць.

The article is devoted to a man's destiny and his manifestations in the culture. The author tries to organize these manifestations on the basis of different correlations of a person.
Keywords: biological destiny, divine plan, identification, name, collective destiny, destiny, sketch, own destiny, correlation.

У нашай прымардыяльнасці мы можам сфармаваць нейкую зыходную кропку нязменнасці. Яна супрацьстаіць усялякім спробам паўтарэння, перфарматыўнасці, артыкуляцыі. Гэта закон і накіраванасць функцыянавання нашага свядомага, тая кропка, якая ўтрымлівае нас і нашае існаванне. Тое, што можна ахарактарызаваць як волю альбо як быццё, альбо як лёс. Гэта сэнс, які стаіць за межамі нас саміх, з'яўляецца намі і адначасова не з'яўляецца. Ён затрымлівае свой надыход, даючы нам з'явіцца, і адначасова з'яўляецца нашым надыходам. Мы можам стварыць апісанне, прыпісаць яму нешта, але гэта прыпісанае не будзе ім. Таму вызначыць яе, гэтую кропку нязменнасці ў пастаяннай зменлівасці, было актуальнае раней і стала вельмі актуальна зараз. Лёс як нешта, што ўпарадкоўвае, што накіроўвае і структуруе. Цэнтр структуры альбо сістэмы, які абумоўлівае ўсю сістэму, выбудоўвае яго па вызначаных правілах, прычым, калі правілы мы здольныя апісаць, то лёс, які ёсць умова гэтых правілаў, іх крыніца, мы ўлавіць не здольныя. Гэта няўмольная логіка лёсу і сэнсу: ён паўсюль і нідзе. Мы ў ім, і ён у нас і адначасова па-за намі. Вымушаныя круціцца ў коле зменаў, вымушаныя пастаянна артыкуляваць, мы забываемся, што сама гэтая магчымасць кружэння ёсць магчымасць гэтай кропкі, гэтай нязменнасці. Тое, што кола ёсць толькі таму, што ёсць цэнтр. Цэнтр, які ўбірае ў сябе, цэнтр, які выводзіць з сябе і кружыць навокал сябе.

Такі характар лёсу, які ёсць і выніковая ўсіх магчымых уплываў, і адначасова ўсе ўзаемаўплывы, якія рэзультуюць у ім. Лёс разнастайны, паколькі ён умова гэтай разнастайнасці. Чалавек спрабуе сфарміраваць накід свайго нязменнага, у фармаванні свайго накіду сутыкаецца з тым, што няўмольна памыляецца, няўхільна ідзе супраць плыні ці, наадварот, "трапляе ў струмень" і здзяйсняе сваё наяўнае з дакладнасцю і мернасцю. Чалавек сутыкаецца са зменлівасцю і зыходзіць, забывае на свой лёс. Ён робіць крок ад таго, што нязменна, да сталага і зменлівага. Карта чалавека біта, ён прайграе сабе самому, забывае на тое, што ён вызначаны, як вызначаны ход зораў, узвышэнне і заняпад імперыяў і культураў. Ён тут таму, што ён тут быць павінен. І як бы мы не глядзелі на гэтае "павінен": ці як на абмежаванне, ці як на бязмежнае, альбо як на перфарматыў, які прыводзіць нас і дае нам нас, лёс – гэта заўсёдны самадэтэрмінізм. Мы вызначаем: быць нам альбо не быць, ці спраўдзіцца тое нязменнае, тая кропка прымардыяльнага, ці мы забудзем на яе і будзем спраўджваць тое, што падмяняе нас.

Якраз наш накід вызначае і тое, якія мэты ў жыцці мы спрабуем рэалізаваць, яно абумоўлівае каштоўнасці, якія мы выбіраем (калі выбіраем іх ўвогуле). Патрэбна ўказаць на адрозненне накіда ад "праекта" Сартра: праект стварае існасць, накід жа не адмаўляе існасці, але ён ёсць спроба знайсці і вызначыць нязменнае ў сабе, вызначыць крыніцу гэтай існасці, тое, дзякуючы чаму толькі і магчыма разгарнуць нашую існасць і існаванне. Мы ведаем, што наш план шукае недасяжнага і адначасова з'яўляецца яго вынікам. Гэтае слізганне праекта ўздоўж паверхні, якая абарочваецца глыбінёю, нашаю глыбінёю, якая нам ніколі прынале-

жыць не будзе. Але гэтая глыбіня праз сваю затрымку становіцца паверхняй, па якой рухаецца нашае жыццё, на якой мы малюем карункі нашага жыцця. Праз затрымку, адцягненне і прыход без прыходу, наяўнасць без наяўнасці, праз пісьмо да пісьма. Праз тое, што мы вымушаны пісаць па напісаным, якое мы нярэдка не разумеем і прачытаць не здольныя, дзякуючы гэтаму мы ёсць.

Лёс – гэта не толькі глядзенне іншых на мяне, гэта яшчэ і самаразгляд: не толькі іншы кажа мне пра мой лёс, але і я сам разглядаю жыццё, выношу меркаванне пра лёс. Лёс можна назваць суразгледжаным, паколькі ён узнікае на мяжы майго ўласнага досведу пра сябе і вопыту іншага чалавека пра мяне. Лёс у дадзеным аспекце – гэта самавідавочнае, самаўяленае ў маім жыцці і тым самым тое, што праходзіць міма мяне, паколькі відавочнае ўяўляецца як тое, што бачаць вочы, што не схаванае, ляжыць на відавоку, “і так зразумела”. Хаця гэтая непрыкрытая, несхаваная відавочнасць хавае ў сабе маю магчымасць быць, якая адначасова адмяжоўвае мяне ад Іншага тым, што мой лёс можа быць толькі маім, яго немагчыма падзяліць з іншым, мой лёс дае мне цэльнасць і звязанасць. Іншы можа быць толькі ўплецены ў мой лёс. Аднак гэтае ўпляценне хутчэй нагадвае зварот, чым страту. Мы звяртаемся да Іншага нават, калі гэта маўклівы зварот. Гэты зварот – зварот паглядзець, разгледзець, увайсці і стаць. Паглядзець на мой лёс, разгледзець лёс у маім жыцці, а таксама ўбачыць, што Іншы свой лёс можна ўбачыць толькі праз мяне і мой лёс. А разгледзеўшы гэта, Іншы ўвойдзе і стане ў маім лёсе, а Я ўвайду і стану ў яго лёсе. Гэты ўзаемны рух магчымы толькі таму, што адцягваючая глыбіня лёсу не мае месца, таму яе месца можа быць паўсюль. Гэты ўзаемны рух магчымы таму, што прымардыяльная кропка ў ва мне, гэта шматкроп’е, якое знікае за далягляд мяне і патрабуе працягу. Увайсці і стаць – азначае прыйсці да працягу, дапоўніць, суаднесці, паставіць шматкроп’е, вызначыць месца, знайсці сваё месца. Толькі калі Іншы звернуты да майго лёсу, а я да яго, можна казаць пра месца, пра размяшчэнне і знаходжанне месца ў маім лёсе, у лёсе Іншага, якое ператвараецца ў акт, завяршае акт уваходу і звяршэння. Увайсці і стаць – набыць і здзейсніць.

Паколькі мы апынаемся на месцаразмяшчэнні/месцазнаходжанні, то адзінай нашай задачай робіцца самапазнаванне. Праз яго мы раскрываем сябе. Але самапазнаванне – гэта яшчэ і самавычарпанне, звядзенне на нішто свайго зместу, пераход у іншы стан, які інтэрпрэтуе папярэдні. Гэта азначае, што самапазнаванне – гэта не самапазнанне, гэта пазнанне крыніцы нашага месцаразмяшчэння/месцазнаходжання праз тое, якім спосабам мы рэалізуемся ў іх. Такім чынам лёс – гэта самапазнаванне, якое рухае, якое вяртае да крыніцы, якое знімае нас саміх. Самасціранне тоесна самапазнаванню. Чым болей чалавек пазнае сябе, тым больш ён здольны быць сабой. Ён экзісціруе, ён узрастае, стоячы ў быцці, якое яму не прыналежыць, але якое шчыльна звязана з ім самім. Лёс, які дае нам энергію і тое, што энергія дынамізуе ў нас. Лёс разгортваецца з нас у лёс Іншых, і лёс Іншых разгортваецца ў нас саміх. Мы глядзім на сябе і слізгаем да Іншага. Да таго, хто маўчыць у нашым лёсе, сказаўшы ўсё без слоў.

Каб убачыць лёс чалавека больш празрыста, мы павінны ўбачыць чалавека: ён надзелены такім анталагічным статусам, які трапна ахарактарызаваны ў вучэнні суфізму як барзах برزخ (перашэек). Чалавек уяўляе з сябе асяродак усяго свету праяўлення, адначасова чалавек з’яўляецца і адлюстраваннем Бога. Гэта памежнасць характарызуецца паняццем суаднесенасці, нісба نسبة. Але гэта такая суаднесенасць, якая ўказвае на адзіны Пачатак, на роднасць з Ім і праз Яго з іншымі, якія былі праяўленыя Ім, праз якую Ён усхвалены. Гэтым адрозны чалавек ад іншых істот. Вырашальнымі для лёсу чалавека становяцца наступныя суаднесенасці:

1) суаднесенасць чалавека і яго прыроднага пачатку;
2) суаднесенасць чалавека і яго самасці;
3) суаднесенасць чалавека і калектыву;
4) суаднесенасць чалавека і Бога.

Менавіта ў гэтых суаднесенасцях праяўляецца лёс чалавека, акурат гэтыя суаднесенасці ўплываюць на тое, што можна было б назваць чалавекам у часе. Кожная суаднесенасць можа быць разгледжана як адзінае, што ўплывае на чалавека ў часе, а можа – як сістэма, якая ўключае ў сябе і элементы, якія ад чалавека не залежаць і залежныя ад яго. Чалавек ў часе апісваецца як лёс, а значыць, кожная суаднесенасць спараджае свой лёс:

1) біялагічны лёс;
2) самасны лёс;
3) калектыўны лёс;
4) боскае наканаванне.

Падобную спробу апісаць складнікі лёсу робіць В.Э. Чудноўскі. Такімі, з яго пункту гледжання, з'яўляюцца: планетарна-касмічны, біялагічны, сацыяльны [9].

Біялагічны лёс. Кожны чалавек нараджаецца ўжо з зададзенымі біялагічнымі параметрамі. Напрыклад, агульнай прыкметаю для ўсіх з'яўляеццца тое, што чалавек не здольны лятаць ці не валодае жабрамі. Відавое адрозненне чалавека ад птушак і іншых жывёл прадвызначанае і абмяжоўвае яго фізічныя магчымасці.

Нават працэс зачынання чалавека фізічна абумоўлены: нельга адназначна сказаць, што будзе дзяўчынка альбо хлопчык, але дакладна можна сказаць, што ёсць спалучэнне ХХ храмасомаў і ХУ храмасомаў, якія і накладваюць на чалавека знешнія прыкметы і абмежаванні фізічнага полу.

Звычайным і нармальным будзе сказаць, што біялагічная прадвызначанасць ніяк не можа паўплываць на лёс чалавека ў культуры, нават больш: культурны і біялагічны пачаткі ніяк не звязаны паміж сабою. Але чалавек, чыё здароўе слабое, не прызнаецца прыдатным да службы ў войску, кар'ера вайскоўца для яго закрыта, нават калі ён нарадзіўся ў сям'і, дзе ўсё мужчынскае пакаленне абараняла радзіму. Дрэнны зрок можа не дазволіць чалавеку кіраваць машынай, а наяўнасць псіхічных адхіленняў прыводзіць да таго, што праца псіхолагам для чалавека назаўсёды зачынена.

Калі ж успомніць, што той жа фактар біялагічнага полу цесна звязаны з фактарам культурнага полу, то можна канстатаваць, што першы з'яўляецца адным са складнікаў і падмуркаў калектыўнага лёсу. Мужчыну/жанчыну па біялагічных прыкметах не залічаць да жанчыны/мужчыны, і адносіны да яго будуць у межах тых чаканняў, якія сфарміравала культура да біялагічных прадстаўнікоў мужчынскага/жаночага полу.

Але не ўсе сучасныя даследчыкі, якія даследуюць біялагічны лёс, пагадзіліся з такім сцверджаннем. Так, прадстаўнікі нейрабіялогіі з'яўляюцца паслядоўнымі дэтэрміністамі, якія кладуць біялагічны лёс у аснову асноў, а астатнія паняткі, звязаныя з культурнаю роляю чалавека ("свабода волі", "свядомае"), з'яўляюцца неістотнымі і штучнымі, калі не бяруць свой пачатак у глыбінях нейрабіялагічага дэтэрмінізму. Генетычны дэтэрмінізм знаходзіць свае праявы ва ўсім: "Самцы чалавечага віду генетычна запраграмаваныя на палігамію, г. зн. нявернасць юрыдычнай жонцы. <…> Жанчын фізічна цягне да мужчын-славутасцяў, бо яны – жанчыны – генетычна запраграмаваныя адчуваць, што першыя сярод лепшых змогуць лепш паклапаціцца пра нашчадкаў. <…> Дзяўчынкі-падлеткі генетычна запраграмаваныя спаць абы з кім. <…> Большасць забойстваў таксама з'яўляецца вынікам генетычна запраграмаванай неадольнай цягі" [3, с. 107]. Вяршыняй дэтэрмінізму з'яўляецца вера некаторых нейрабіёлагаў у тое, што пры наяўнасці камп'ютэраў адпаведнай моцы і складанасці было б магчыма "прадказаць усё жыццё любой чалавечай істоты, момант за момантам" [3, с. 107].

Самасны лёс. Акрамя фізічных асаблівасцяў, чалавек набывае самасныя асаблівасці, менавіта на іх грунтуецца класічнае ўяўленне пра індывідуальнасць асобы, пра яе адрознасць ад іншых. Пачынаецца ўсё з імя. Спіс іх хаця і абмежаваны, аднак менавіта з ім звязана нашае самаснае аддзяленне ад іншых, хаця называць гэта прадвызначэннем ў плане Боскага прадвызначэння даволі складана, аднак яно іграе сваю адмысловую ролю. Дастаткова паглядзець, наколькі цесна звязана характарыстыка долі чалавека і імя ў межах культуры. Якая вялікая колькасць табу звязана з імем чалавека [8, с. 261–279]. А колькі тлумачэнняў супадзення імя і характару чалавека. Так, П.А. Фларэнскі піша: «Собственное имя, внутренний концентр прочих имен, и выразим одним словом, и охватывает полный круг энергий личности» [7, с. 448]. Чалавек, які страчвае самасць, у першую чаргу губляе імя як прыкмету індывідуальнасці і набывае такую якасць, як безасабовасць да любых імёнаў, якія яму надаюць іншыя. Пры гэтым ён зліваецца з Першаснай крыніцаю, а значыць, і перастае залежыць ад індывідуальных праяваў лёсу. Імя каментуе ўсё жыццё чалавека сваёй наяўнасцю і тым, як ён праяўляецца.

Менавіта імя – здольнасць даваць імёны і прымаць імёны – робіць чалавека падобным да Бога. Ён здольны спалучаць у сваім жэсце веру і веды, магутнасць перформансу, права на “гэта”, права пераводзіць з ня існага ў існае, права ўвасаблення. Чалавек – гэта ўсеахопны канспект імёнаў Бога, што адкрывае яму магчымасць спазнання сусвету і Бога, паколькі ён ў стане адкрываць ў самім сабе, у вопыце пра самога сябе свет і Бога.

Праява ў імя чалавека (стварэння). Чалавек без імя не мае інструмента, як для спазнання Бога ў свеце, так і для спазнання света. Іншая справа, што даванне імёнаў створанаму свету падобнае да спляцення павуціны ілюзій, паколькі апошняе ператварае свет з цэласна ўспрымальнай праявы Абсалютнага Быцця ў свет дыферэнцыяваны і строга размечаны, і вызначанай рэчаіснасці. Гэта сімвалічны акт другога стварэння, калі вобразы набываюць абстрактнае значэнне, а Рэчаіснасць – акрэсленыя рысы, і ўвасабляецца як запісанае чалавекам, а пасля – прамоўленае Імя. Страціўшы здольнасць да называння, чалавек губляе магчымасць спазнання самога сябе і навакольнага свету.

Імя (з вялікай літары) адрозніваe свайго носьбіта ад усіх астатніх людзей, асабліва ў яго ўласным самасвядомым. Уласныя імёны першымі засвойваюцца дзіцём і апошнімі страчваюцца пры растройствах маўлення. У той жа час імёны функцыянуюць як вызначаныя сацыяльныя знакі, што ўказваюць на паходжанне, сямейнае становішча, сацыяльны статус і многія іншыя якасці сваіх носьбітаў [4, с. 43].

Налімаў адзначае, што імя (з вялікай літары) псіхалагічна адносіцца да “далагічнага”, вобразнага слоя двумання. Успрыманне імя – свайго рода пазванне. «Человек, услышавший имя, должен был его узнать, “читая” внутри себя… Над именем не производится логических операций, просто происходит внутреннее сосредоточение над ним, его узнавание в процессе медитации над ним. Имя стоит вне логики – о том, что стоит за именем, нельзя узнать из сопоставления слова-имени с другими словами, ибо с именем связано именно то, что органически присуще только ему одному… Имена не передают чего-то от одного лица к другому, а служат только ключом для включения механизма воспроизведения чего-то внутри нас» [5, с. 204, 208].

Акрамя ўсяго, ёсць яшчэ шмат індывідуальных характарыстык, якія можна аднесці да тэрміну тунель рэчаіснасці альбо, як некаторыя яе называюць, да мапы рэчаіснасці. Наш індывідуальны спосаб арганізацыі інфармацыі, што паступае да нас з асяродку, а таксама тое, як мы падаем інфармацыю асяродку, калі сказаць некалькімі словамі, то гэта наш тунель рэчаіснасці. Фармаванне яе далёка не выпадковасць, і хаця нярэдка гэтая сістэма змяняецца, асноўныя яе пабудовы застаюцца нязменнымі на працягу ўсяго жыцця. Такое прадвызначэнне таксама магчыма аднесці не столькі да Боскага, а хутчэй да культурнага абумоўлення, таму што некаторыя рэчы звязаны з нашымі карэннымі характарыстыкамі і тым больш з фізічнымі. Тып тэмпераменту чалавека залежыць, па адной з версій, ад тыпу нервовай сістэмы чалавека, і адначасова на знешнім выглядзе адбіваецца тэмперамент. Так, успрыманне большасці людзей і базавыя каштоўнасці фарміруюцца на абумоўленай стадыі люстэрка, калі верыць Ж. Лакану, гэтая стадыя запраграмавана і непазбежна. Згодна ж з К.Г. Юнгам, чалавечы тэмперамент закладваецца ўвогуле ў межах спалучэння архетыпічных уяўленняў, а чалавечае эга – толькі комплекс і не больш. З тэалагічнага ж пункту гледжання, жыццё чалавека абумоўлена тым, што ён нараджаецца са “спадчынай Адама” – першародным грахом.

Калектыўны лёс. Такім чынам можна ўбачыць, што біялагічнае і самаснае прадвызначэнне цесна пераплеценыя і складваюць падмурак адзінай з’явы – такой, як прадвызначэнне культурай.

Чалавек, які прыходзіць у наш свет, адразу ж апынаецца ў культурным асяродку. Незалежна ад таго, у якой культуры ён нарадзіўся (ці то ва ўсходняй, дзе месца яму прымеркавана, ці то ў заходняй, дзе чалавек свабодны ў выбары месца), ён у рэшце рэшт займае месца паміж людзьмі. Гэта адразу ж прыводзіць да таго, што людзі пачынаюць глядзець на яго і ацэньваць яго лёс. Своеасаблівая эстэтыка, кожнае месца прывязвае чалавека.

Чалавек апынаецца пад поглядамі іншых людзей. Яны пачынаюць глядзець на яго, ацэньваць яго лёс. Чалавек валодае добрым альбо дрэнным лёсам. Гэтае вызначэнне залежыць ад таго, што можа быць, якія набыткі бачныя наяве. Паспяховая/няўдалая кар’ера, моц-

нае/слабое здароўе, добры/дрэнны фінансавы стан і яшчэ вялікая колькасць прыкметаў, па якіх ацэньваюць калектыўны лёс чалавека. Гэта знешні чалавек. Наяўнасць знешніх элементаў вымушае чалавека ператварыцца ў статычную фігуру, якая ў той ці іншай ступені спалучае ў сабе сталыя для пэўнай культуры сімвалы паспяховасці/няўдаласці лёсу. З пункту гледжання калектыву ён сам ператвараецца ў сімвал – сімвал добрага/дрэннага лёсу.

Ключавым для лёсу чалавека аказваецца адказнасць. Яна пранікае ў свабоду і адказнасць. Здольнасць даць адпаведны адказ на погляд Іншага, на чалавека, які разглядае мяне і чакае ад мяне прадказанага дзеяння. Але гэта не проста адказнасць, яна звязваецца з усведамленнем дзеяння, разгортвае лёс у свабоду праз адказнасць і ўсвядомленасць. Самасны і надындывідуальны лёс праяўляе сябе толькі ў адказнасці і ўсвядомленасці. Любое дзеянне з'яўляецца лёсавызначальным настолькі, наколькі яно задае чалавека і задаецца чалавекам.

Свабода ў чалавечай рэчаіснасці не больш чым лёс. Гэта не азначае, што свабода рэдуцыруецца да лёсу і больш ніяк сябе не праяўляе. Наадварот, Лёс і свабода – адзіная сістэма. Але ж гэта не азначае таго, што чалавек асуджаны на свабоду, што свабода з'яўляецца лёсам чалавека. Не. Гэта паказвае на тое, што свабода не адна. Свабоды розняцца адна ад адной, маюць мноства ступеней і якасцей, пранізваюць усе спосабы і формы чалавечага існавання. Свабода арганізуе і праяўляе сваё нутраное становішча – месцаразмяшчэнне і месцазнаходжанне. З іншага боку, свабода – гэта адказнасць. Такім чынам, сістэма адказнасць-свабода-лёс – гэта сістэма, ў якой чалавек знаходзіцца ў разгубленасці, і немагчыма вызначыць, ці быў ўчынак вольным ці быў наканаваны.

Сучаснае думаннее ўзводзіць пытанне калектыўнага лёсу чалавека і ператварае яго ў лёс толькі калектыўны. Чалавек, як вынік дыскурсіўнай прасторы сімвалічных і палітычных шэрагаў, не можа ўяўляць цэласнай сістэмы, завершанага цэлага. Тэкст альбо паглынае яго, як гэта піша Барт у сваёй аўтабіяграфіі "Ралан Барт пра Ралана Барта", і наступае: "время повествования (галереи образов) заканчивается вместе с юностью субъекта: биография бывает только у непроизводительной жизни. Как только я начинаю производить, писать, то сам Текст и лишает меня (к счастью) повествовательной длительности. Он, Текст, не может ничего рассказывать; он увлекает мое тело далеко прочь от моей воображаемой личности, к какому-то беспамятному языку, который является уже языком Народа, внесубъектной массы" [2, с. 10].

Індывідуалізацыя робіцца асноўным працэсам утварэння чалавека і яго лёсу. Узнікае на мяжы шэрагаў эквіваленцыіі пры атаясамленні сябе з нейкімі дыскурсамі, з нейкімі гуртамі, якія таксама носяць характар сімвалічнага. Чалавек і яго лёс робіцца закладнікам калектыву, але гэты калектыў не мае матэрыяльнага ўвасаблення, паколькі ён поўнасцю пераведзены ў стан сімвалічнага. Такі лёс – гэта выпадковы вынік свядомай ці несвядомай артыкуляцыі сябе як часткі агульнага дыскурсіўнага шэрагу. На месца чалавека прыходзяць Людзі, на месца чалавека прыходзіць Індывід. Чалавецтва ператвараецца ў Нішто, якое існуе толькі як знакавы асяродак. Лёсам такога асяродка робіцца нараджэнне знакаў і новых сімвалаў, а таксама абмен імі. Калі абмен будзе парушаны, а знакі вырабляцца больш не будуць, то застанецца толькі Нішто.

Боскае наканаванне. Зусім іншая справа, калі мая суаднесенасць з Богам уваходзіць і ўступае ў свае правы. Праблема ўстае даволі востра. Ці можна казаць пра "лёс", калі ёсць Бог. Ці магчымы лёс, калі ёсць наканаванне. Устае пытанне пра тое, што людзі з прадвызначэннем не маюць лёсу. Хаця і прадвызначэнне і лёс адносяцца да дэтэрмінісцкай канцэпцыі, аднак ні прадвызначэнне ні лёс не выключаюць адзін аднаго. Гэтая праблема сур'ёзна абмяркоўваецца менавіта ў арабскай філасофіі, тут робіцца спроба сінтэзу дэтэрмінізму і індэтэрмінізму, а разам спроба зынтэграваць Боскае і чалавечае праз сінтэз прадвызначэння і лёсу. Так, у сваім трактаце "Зубдат ал-хакаік" Азіз Ад-Дзін Ібн Мухаммад Насафі кажа пра адрознасць некаторых паняткаў. Ён выдзяляе і аддзяляе наступныя рэчы:

- "промысл (*кадар)* Истинного", які ён вызначае наступным чынам: "вращение же того, что создал", ён з'яўляецца "деянием Господа в этом мире";
- "повеление *(хукм)* Господа" , "знание Его, которое предвечно";
- "предопределение *(каза)* Господа" , "сотворение Им того, что знал" [6, с. 50].

Ібн Аль-Арабі праводзіць раздзел паміж лёсам і прадвызначэннем. Апошняе ён вызначае як “суждение (хукм) Божье о вещах, а судит Бог о вещах соответствено тому, как знает Он их и о них, а знает Бог вещи так, как то дано самими познаваемыми, каковы они суть”. Лёс жа ён вызначае як “временное осуществление (тавкит) вещей такими, какие они в воплощенности своей, и не более того” [1].

Такім чынам, лёс – гэта праява касмічнага працэсу ў межах аднаго жыцця, якое знаходзіцца ў прамым падпарадкаванні касмічнаму працэсу, які ён жа сам і абумоўлівае.

Тут мой лёс – гэта тое, што вызначае Бог сваёй воляю, таму мая аўтаномія цалкам і поўнасцю вызначаецца воляю Бога. Усе мы, у тым ліку і Іншы, суаднесеныя з Богам, таму наша лучнасць, наша множная Адзінкавасць – гэта эманацыя, якая замацоўвае за намі тую альбо іншую сітуацыю, месцаразмяшчэнне ці месцазнаходжанне. Мы замацаваны ў іерархічнай структуры свету, якая спалучае нутраное і знешняе, пераразмяркоўвае эманацыі неабходным чынам, але калі яна пераходзіць ў свет увасобленасцей, то можа ўвасабляцца ці не рэалізоўвацца, паколькі выбар застаецца ў руках чалавека.

Літаратура

1. Ибн ал-Араби, ад-Дин Муйи. Гемма мудрости о судьбе в слове Ездры / Муйи ад-Дин ибн ал-Араби // Геммы мудрости. – Режим доступа : http://smirnov.iph.ras.ru/win/publictn/bezels/g14.htm. – Дата доступа : 09.02.2012.

2. Барт, Р. Ролан Барт о Ролане Барте / Р. Барт. – М. : Ad marginem, Сталкер, 2002. – 288 с.

3. Вулф, Т. Даруйце, але ваша душа сканала / Т. Вулф // ARCHE-пачатак. – 2004. – № 2. – С. 101–115.

4. Кон, И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание / И.С. Кон. – М. : Политиздат, 1984. – 335 с.

5. Налимов, В.В. Вероятностная модель языка / В.В. Налимов. – М. : Наука, 1979. – С. 304.

6. Насафи, Ад-Дин Азиз. Зубдат ал-хакаик / Азиз Ад-Дин Насафи // Суфизм в контексте мусульманской культуры. – М., 1989. – С. 38–79.

7. Флоренский, П.А. Имена / П.А. Флоренский // Имена : сочинения. – М., 2006. – С. 433–650.

8. Фрэзер, Дж.Дж. Золотая ветвь / Дж.Дж. Фрэзер. – М. : АСТ, 1998. – 784 с.

9. Чудновский, В.Э. Смысл жизни и судьба человека / В.Э. Чудновский // Общественные науки и современность. – 1998. – № 1. – С. 175–183.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 14:005.41

Современные философские интерпретации концепции устойчивого развития

Н.О. Сиротко

В статье рассматривается пять интерпретаций концепции устойчивого развития. Первая – официальная концепция доклада Брундтланд, который оказал огромное влияние на последующую популяризацию термина. Далее рассматриваются попытки экономистов операционализировать определение устойчивости; социально ориентированная концепция; реакция «глубинных» экологов; взгляды теоретиков антиразвития, которые видят в устойчивом развитии идеологическую маску существовавшей и ранее философской идеи развития.
Ключевые слова: биоцентризм, доклад Брундтланд, концепция устойчивого развития, ценности.

Five interpretations of sustainable development are discussed here. The first is that provided in the so-called Brundtland Report, which has had a great deal to do with the subsequent popularity of the term. We then take up, in order, attempts to quantify, or operationalize, the concept of sustainability; social-oriented critique; the reaction of so-called deep ecologists; and the views of anti-development theorists, who see sustainable development as simply an ideological mask for old-fashioned development.
Keywords: biocentrism, Brundtland Report, the concept of sustainable development, values.

В современном глобализованном мире устойчивое развитие является актуальной и многогранной проблемой. Она лежит в сфере интересов многих научных дисциплин, особенно экономических, юридических наук, политологии, экологии, философии.

В данном исследовании рассматриваются основные современные философские интерпретации данного концепта. Первая – основанная на постулатах официальной концепции доклада Брундтланд, который оказал огромное влияние на последующую популяризацию термина. Далее мы рассмотрим попытки экономистов операционализировать определение устойчивости; социально ориентированную перспективу устойчивого развития; реакцию так называемых «глубинных» экологов; взгляды теоретиков антиразвития, которые видят в устойчивом развитии идеологическую маску существовавшей и ранее философской идеи развития.

Устойчивое развитие в докладе Брундтланд (политическая концепция). Именно доклад ООН Международной Комиссии по окружающей среде и развитию, «Наше общее будущее», внес основной вклад в популяризацию термина «устойчивое развитие». Доклад определил это развитие так: «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [1, с. 51]. В намерении комиссии было создать практическое определение, которое должно привести к изменениям в доступе к ресурсам и в распределении цен и расходов.

В данном понимании многие исследователи усматривают устойчивое развитие как обновленную версию уже существующей идеи развития. Согласно этой концепции, устойчивое развитие предусматривает равновесие между экономическим ростом и состоянием экосистем с целью гарантии обществу высокого качества жизни [1, с. 50]. В деталях это означает указание на необходимость принятия экологических ограничений в производственной деятельности и количестве потребления, чтобы потребление не подрывало основ качества жизни, под которым понимается жизнь в здоровом и естественно эстетичном окружении. Тогда как потребление должно находиться в допустимых границах, с точки зрения ресурсов и разумных стремлений всех жителей земного шара к использованию этих ресурсов. Чтобы достичь этой цели, предлагается коррекция господствующей в современном обществе аксиологической системы в сторону большего уважения ценности качества жизни (измеряемого с помощью таких параметров, как свобода, равенство, труд, согласие между людьми, всеоб-

щий доступ к основным благам, в том числе и природе) за счет ценности жизненного комфорта, измеряемого количеством материального потребления. Предлагается внедрение механизмов, прежде всего рыночных, направленных на экономию ресурсов и энергии, а также на уменьшение количества неиспользуемых отходов.

Важным аспектом Доклада Брундтланд являлось примирение устойчивого развития с перспективами будущих поколений в современных расчетах стоимости экономического развития. Результатом являются следующие выводы: «Жизненные стандарты, которые превосходят основной минимум, устойчивы, только если потребительские стандарты будут рассчитаны на долговременную устойчивость. Но уже сейчас многие из нас живут, превосходя мировые экологические запасы, например наше энергопотребление» [1, с. 52].

Доклад сделал упор на практических стратегиях увеличения экономического роста (в то же время изменяя его условия); удовлетворения основных нужд (еда, вода, энергия, работа, санитария); стратегиях контроля роста населения; устойчивости для увеличения количества основных ресурсов; преобразования технологий и управления рисками, связанных с ними; стратегиях работы концернов на благо окружающей среды, опираясь на экономические расчеты. По итогам доклада оказалось, что эти изменения потребуют больших перемен в экономических, социальных и политических структурах в отдельных государствах и на международном уровне.

В докладе комиссии Брундтланд было также отмечено, что для того, чтобы обеспечить равномерное распределение продуктов экономического роста, необходимо активное политическое участие. Соответственно, в докладе была предпринята попытка продвижения концепции справедливости и гражданского участия.

Две наиболее важные перспективы, представленные в докладе Брундтланд, – это экономическая и экологическая. В среде экономистов существуют разногласия среди групп, которые пытаются использовать лозунг устойчивости для «оживления» старой концепции развития, и групп, которые искренне пытаются включить экологические цели в практическую реализацию политики устойчивого развития. На данном этапе консенсус не найден.

Тем не менее, доклад Брундтланд содержит больше резонных положений, чем подвергающихся критике. По существу, это компромисс между взглядами на развитие во имя мировой экономики и попытками сбалансировать политику развития и защиты окружающей среды. Это нечто большее, чем символическое признание, что удовлетворение нужд населения мира может угрожать любому поддержанию баланса окружающей среды.

Экономическая перспектива устойчивого развития. В целях избегания неясностей в определении устойчивости группа ученых попыталась разработать работающее определение, или систему измеримых показателей.

Задача конференции в Рио-де-Жанейро (1992 г.) состояла в выработке подходов для операционализации концепции устойчивого развития. Ввиду многочисленных компромиссных формулировок и неопределенностей в документах конференции попытки операционализировать устойчивость на глобальном уровне не увенчались успехом. Защита окружающей среды (как и в докладе Брундтланд) оставалась второстепенной задачей, после развития экономических перспектив. Согласно данной концепции, смысл устойчивого развития был сведен к тому, как поддержать экономические функции окружающей среды ради будущих поколений, а не к тому, как поддержать саму окружающую среду, т. е. при сопоставлении экономических и экологических целей экономические задачи становились первоочередными.

С точки зрения экономистов, задача сводится к решению вопроса о том, сколько позволительно расходовать природных ресурсов (возобновляемых, невозобновляемых) и в каком соотношении «природный капитал» может замещаться искусственным капиталом, чтобы экономика могла эффективно удовлетворять потребности сменяющихся поколений. Наиболее экологически ангажированные версии концепции устойчивого развития («строгая» устойчивость, «пессимисты») требуют строгого сохранения – неуменьшения запаса природного (естественного) капитала. Очевидно, что потребление любого количества невозобновляемых истощимых ресурсов оставит будущим поколениям меньшее их количество. Подвергает

ли это опасности их способность достичь своих целей? Согласно Р. Солоу, нет, не подвергает при условии, что нынешнее поколение обеспечивает достаточный объем искусственного капитала для восполнения капитала естественного, и, таким образом, общий объем капитала не уменьшается [2, с. 163]. Наименее экологически ангажированные версии («нестрогая» устойчивость, «оптимисты») позволяют полное замещение природных ресурсов в рамках всего агрегированного обществом капитала – требование неуменьшения суммы естественного и искусственного капиталов. Экономисты, придерживающиеся данной концепции, аргументируют: «Вырубание лесов с целью возрастания экспортных доходов согласуется с устойчивым развитием». Но при этом добавляют: «Только если вся или части выручки инвестируются в другие экспортные заработки или деятельность по уменьшению импорта с целью поддержать благосостояние будущих поколений» [3, с. 14]. Эти исследователи подводят данные доводы к одной цели: главная идея данного определения – это устойчивость.

Большинство экономистов считают подход с точки зрения «нестрогой» устойчивости более разумным, чем таковой на основе устойчивости «строгой». Напротив, многие экологи и некоторые экономисты окружающей среды являются сторонниками «строгой» устойчивости (например, Г. Дэйли, Д. Пирс). Возражения против «нестрогой» устойчивости обычно основаны на неадекватном понимании соответствующей концепции сохранения совокупного капитала неуменьшенным.

Главная идея экономической перспективы устойчивого развития – рост благосостояния и в то же время увеличение результативности использования ресурсов, или уменьшение нагрузки на окружающую среду через ограничение использования естественных ресурсов.

На первый взгляд может показаться, что экономисты, предложившие данную интерпретацию, – позитивисты: они хотят свести сложность процессов устойчивого развития к математической простоте. Ученые настаивают на операционализации определения, что является пробной попыткой методологии раннего позитивизма. Однако это слишком поспешные выводы; различные школы философов, ученых, экономистов в частности настаивают на работающих определениях в различных целях.

Антагонизм концепций устойчивости и экономического роста, входящих в концепцию устойчивого развития, предопределяет неизбежный компромисс в пользу одной из них при операционализации концепции устойчивого развития.

Социально ориентированная перспектива устойчивого развития. Определение Брундтланд вошло в употребление в ситуации отсутствия согласия относительно концепции устойчивого развития, которая почти для каждого является желательной. Однако, как считают представители данной интерпретации концепции (М.Р. Рэдклифт), простота этого понимания обманчива и заслоняет сложность проблематики.

Политики, выступающие от имени третьего мира, указывают на приоритет нужд бедности и бедных стран, что и зафиксировано в докладе Брундтланд. Как утверждает М.Р. Рэдклифт, «до тех пор, пока бедные люди вовлечены в удовлетворение своих стремлений» [4, с. 35], развитие никогда не будет соответствующе устойчивым. Согласно докладу, «решающий приоритет должен быть отдан концепции “нужды”, в частности насущным нуждам мировой бедноты» [1, с. 51].

М. Рэдклифт делает этот акцент, критикуя как традиционную теорию развития, так и ортодоксальный марксизм. Ученый также отвергает устойчивость при неправильном употреблении концепции: «Постоянная ссылка на “устойчивость” как желательную цель иногда служит затушевыванию противоречий, которые “развитие” вносит в окружающую среду» [4, с. 2].

Согласно М. Рэдклифту, необходим исторический анализ отношений между развитием и окружающей средой. И только анализ, говорит он, обнаружит ограничения тех подходов, которые показывают развитие исключительно с точки зрения экономического роста. Культуры, не сталкивавшиеся с этой концепцией (в пример он приводит доколумбовскую Америку), понимали устойчивое развитие совсем иначе. Исторический анализ показывает, что международные контакты имеют почти всегда значение экспорта капитала и природных ресурсов – часто в убыток местным трудящимся. Согласно М. Рэдклифту, это закономерный

«исторический процесс, который связывает эксплуатацию ресурсов наиболее развитыми странами со странами Юга». Данный политико-экономический подход предполагает, что «результат экономических усилий связан с поведением общественных классов и роли государства» в необходимости эксплуатации ресурсов [4, с. 3].

Подход к устойчивому развитию М. Рэдклифта заключается в том, что современные направления развития нельзя осуществлять, оставляя без внимания недопустимый уровень ущерба окружающей среде. В развивающихся странах, согласно М. Рэдклифту, развитие всегда присутствует в контексте международной экономики. Даже глобальная экономика игнорирует самые очевидные различия в природной реальности развитых и развивающихся стран. В развивающихся странах действительно устойчивое развитие предполагает, что экономическая производительность может поддерживаться перед лицом системных сбоев, и рост численности населения – особенно насущные нужды растущего населения – должен быть принят во внимание. Каждая из стран делает устойчивость причиной борьбы за политическую власть. «Выбор устойчивого развития может быть достигнут только через политические изменения на местном, национальном международном уровнях» [4, с. 36].

Как справедливо отмечает исследователь, в определении доклада Брундтланд есть неточности и противоречивые тенденции. Из критики, появившейся позднее, справедливо следует, что, согласно Докладу Брундтланд, решающее значение, приоритет основных потребностей должен быть отдан нуждам мировой бедности, а не защите окружающей среды.

Бедность и охрана окружающей среды являются несовместимыми в соответствии с принятой в докладе Комиссии Брундтланд перспективой, потому что экономическое неравенство приведет к перерасходу ресурсов, а в более бедных странах для удовлетворения основных человеческих потребностей необходим экономический рост. То, что основные потребности неимущих людей не удовлетворяются, заставляет их удовлетворять свои нужды такими методами, которые могут привести к разрушению окружающей среды, например, в некоторых местах использование леса в качестве топлива приводит к опустыниванию; бедные люди живут в непригодных для жилья помещениях, которые часто лишены удобств, в антисанитарных условиях, небезопасных для всего общества. Необходимо переносить акцент с промышленного роста на удовлетворение нужд мирового большинства; больше внимания уделять проблеме возобновляемых энергоресурсов; природные ресурсы необходимо перенаправить с гонки вооружений на защиту и развитие сельскохозяйственной и биологической систем.

Ученый приходит к выводу: устойчивое развитие, если оно не лишено аналитического содержания, означает больше, чем поиски компромисса между экологией и экономическим ростом. Это означает определение развития, которое признает, что пределы устойчивости имеют не только структурное, но и природное происхождение [4, с. 199].

Этика окружающей среды и устойчивое развитие. Основной постулат данного понимания устойчивого развития – это приоритет состояния экологии над экономическим ростом и качеством жизни, под которым понимаются категории материального комфорта. Это означает, что в случае конфликта экономических, социальных и экологических целей в первую очередь разрешается вопрос состояния экосистем. Такой подход обусловлен признанием экономики подсистемой экосистем.

Обратим внимание на позиции некоторых авторов, которые считают защиту окружающей среды наиболее важным аспектом устойчивости. Согласно рассуждениям Стэнли Капентера, доклад Брундтланд пытается примирить две непримиримые цели. Одна цель – это восстановить экономический рост (по крайней мере, частично удовлетворить нужды мировой бедности); вторая – избежать деградации окружающей среды. Капентер считает необоснованным то, что главная теория, на которой основывается доклад Брундтланд в достижении этих целей, – это теория неопределенного роста; она несовместима с целью жизни в границах природных пределов, а от нее никогда категорически не откажется Международная комиссия по окружающей среде и развитию [5, с. 481].

С. Капентер говорит о следующих положениях. С одной стороны, индустриализированный мир занимается технологической практикой, производящей богатство и комфорт для

20% мирового населения, тогда как получает редукцию капитала на земном шаре. В то же самое время оставшиеся 80% населения принуждены к отказу от практически устойчивого сельского хозяйства для получения денег, и это сопровождается разрушением хрупких экосистем. Колониализм первичной эксплуатации ресурсов, налагаемый на менее развитые страны индустриализированными странами, таким образом, распространяет неустойчивые результаты по всему миру [5, с. 485].

Это, считает С. Капентер, отражает проблему последних нескольких десятилетий. Но, аргументирует он, в настоящее время растет осведомленность о новых масштабах влияния результатов деятельности людей на геологические и биологические системы планеты. Так как влияние антропогенного фактора сейчас находится в планетарных масштабах, то область дискуссий об устойчивости расширяется. Это создает благоразумные основания для формирования у человечества осознания необходимости устойчивого развития [5, с. 485].

Многие из трудов С. Капентера посвящены критике доклада Брундтланд за не очень приемлемое отделение от неоклассической экономической теории: «Связь экономики и экологии, – говорит он, – увековечивает неустойчивые системы». И он особенно скептичен по отношению к предположению устойчивости тех ученых, которые пытаются операционализировать определение устойчивости доклада Брундтланд. Согласно С. Капентеру, «технологии, узаконенные существующими экономическими моделями (включая якобы устойчивые модели), не только не совместимы с заботой об окружающей среде, но и неблагоприятны для нее» [5, с. 487].

Важным во взглядах С. Капентера является понятие автопоэзиса. Он определяет автопоэзис как процесс, посредством чего живые организмы воспроизводятся из постоянно восстанавливаемой окружающей среды и реорганизуют сами себя. С. Капентер утверждает, что именно этот процесс обязательно входит в противоречие с требованием бесконечного роста, взятого за основу почти всеми современными экономическими моделями.

В этом же ключе Вандана Шива, широко известный в мире эколог и лидер движения за охрану окружающей среды, директор независимого Фонда исследований науки, технологий и природно-ресурсной политики (Дели), выступает за биоцентричный подход, в котором человеческая жизнь – это лишь часть целостной системы жизни. Она провозглашает «древнюю идею об отношениях между людьми и природой: земля вознаграждает людей, которым, в свою очередь, необходимо приложить усилия для того, чтобы воспользоваться ее щедростью» [6]. В. Шива также скептична по отношению к современным экономическим моделям, включая те, которые предполагают, что устойчивость может быть поддержана заменой ресурсов. Она цитирует Роберта Солоу: «Если очень легко заменить другими факторами природные ресурсы, то в принципе, это не проблема. Действительно, мир может развиваться далее без природных ресурсов, так что их извлечение – это обыкновенное событие, не катастрофа» [6]. На что В. Шива отвечает: «Это отсылает нас к поддержанию не природы, а самого развития. Устойчивость в этом контексте не включает признание пределов природы и необходимость придерживаться их» [6]. В заключение В. Шива отмечает: «Устойчивость в природе подразумевает поддержание целостности природных процессов, циклов и ритмов» [6].

Ни С. Капентер, ни В. Шива не выступают против развития, если оно не означает возвращение обратно к мировой проблеме бедности; они лишь настаивают, что развитие в нормальном понимании – даже для тех, кто выступает за устойчивость – закончится катастрофой одинаково для богатых и бедных, если мы не научимся жить в границах, установленных «природой» В. Шивы и «автопоэзиса» С. Капентера.

Данная философия устойчивого развития предпочитает стратегию ограничений (отказа, экологической аскезы). Сохранение динамического равновесия экосистем, трактованное как непременное условие, считается первичной задачей экономической деятельности. В данном понимании концепция устойчивого развития эволюционирует в направлении видения новой общественно-экономической, экосоциальной модели развития.

Радикальная философская критика устойчивого развития (культурная критика). Данное понимание концепта основано на критических комментариях Вольфганга Сачса, Густаво Эстевы и других авторов по отношению к устойчивому развитию. В. Сачс говорит о

развитии следующим образом: устойчивое или нет, оно как «устарелый памятник в нескромную эру» [7], пришло время демонтировать эту ментальную структуру. Согласно В. Сачсу, биологическая метафора эволюции природы стала экономической метафорой – развитие – и затем императивом для всего человеческого вида. Результат – это обращение людей, всех обществ и природы непосредственно в ресурсы для экономического развития. Но, отмечает автор, «маркирование вещей в качестве ресурсов снимает все то уникальное, что они имеют, и открывает их для вмешательства извне. Рассматривая воду, почвы, животных с точки зрения ресурсов, люди делают их объектами для управления и ценообразования» [7].

В. Сачс считает понятие устойчивости утопией. Данный термин только лишь служит оживлению традиционной философской идеи развития, дает ей новую лицензию на жизнь, пытаясь направить ее на окружающую среду. Он допускает, что сторонники «экоразвития» в некотором смысле отличаются от традиционных приверженцев развития – в их допущениях более очевидно, что существуют природные лимиты производства. Тем не менее, «их связывает со взглядами мировых экономистов невозможность оценить культурные рамки господствующего производства, культурные рамки, которые делают менее важным производство и, следовательно, также уменьшают давление на окружающую среду» [7].

Исходное понятие в концепции В. Сачса – это понятие культуры; согласно его мнению, «развитие всегда предполагает взгляд на другие миры с точки зрения того, чего они не имеют, и препятствует разнообразию местных возможностей» [7].

Для В. Сачса позиция критики развития – это не артефакт; скорее пропаганда развития – даже устойчивого развития – означает стать жертвой реакционного мифа. В мире существуют многочисленные и разные культуры и, в частности, неразвитый мир, который может предложить нам надежду. Нам необходимо, утверждает Сачс, приложить «усилия в предоставлении широкого спектра шансов, открытых для обществ с ограниченным уровнем материального производства, чтобы сохранить все достижения, появившиеся благодаря их культурному наследию» [7]. Это устойчивость такого типа, о котором экономисты никогда и подумать не могли.

Вольфганг Сачс справедливо говорит о том, что мы не должны никогда забывать, что история развития повлекла за собой трагические последствия в странах третьего мира. Трагедия, прежде всего, повлияла на культурные ценности людей, которых экономические империалисты заставили принять модель развития, хотели они того или нет. Коренное население повсеместно принуждалось к труду и зачастую гибло в результате. Плоды этих трудов не оставались в странах третьего мира, а вывозились в развитые страны. С данной точки зрения культурная критика соглашается с марксистами и остальными радикалами. Но, согласно утверждениям культурной критики, материальные, физические, экономические лишения и принуждения бледнеют по сравнению с утраченными духовными ценностями коренных народов, принужденных сдаться, обманутых мифом развития.

Культурная критика предполагает выразительный контраст между современной и архаичной системой ценностей. Представляется, что досовременные, таинственные, мистические, метафизические системы являются более ценными, особенно с точки зрения истинной, долгосрочной устойчивости природного мира, в том числе и места человечества в нем.

Анализируемые интерпретации концепции устойчивого развития имеют свои философские основания. В философские основания устойчивого развития входят онтологические, антропологические, аксиологические, историософские аспекты. Именно они по-иному конкретизируют существенные для интерпретации устойчивого развития вопросы такие, как: подход к отношениям человека и природы, понимание места человека в мире, способ представления человека и человеческих сообществ, граница между справедливостью внутри поколений и между поколениями, разница между развитием и ростом. В совокупности они создают философию устойчивого развития с помощью проводимых учеными исследований и созданных ими концепций.

Существование различных подходов к проблеме устойчивого развития основано на серьезном расхождении в понимании того, что мы называем «ценностью». Для технократа

ценность имеет лишь то, что можно построить и эксплуатировать, то, из чего можно извлекать выгоду, пользу, прибыль. Понятие «жизнь природы», например, бессмысленно для технократа, в то время как экологу оно напоминает о сакральной ценности природы.

Литература

1. Наше общее будущее : Докл. Междунар. комис. по окружающей среде и развитию (МКОСР) ; пер. с англ. / под ред. С.А. Евтеева, Р.А. Перелета ; предисл. Г.Х. Брундтланд. – М. : Прогресс, 1989. – 371 с.

2. Solow, R.M. An almost practical step toward sustainability / R.M. Solow // Resources Policy. – 1993. – № 19. – P. 162–172.

3. Bolo, J. Environment and Development An Economic Approach / J. Bolo, K. Maler, L. Unemo. – Dordrecht : Kluwer, 1990. – 246 p.

4. Redclift, M.R. Sustainable Development: Exploring the Contradictions / M.R. Redclift. – London : Methuen, 1987. – 367 p.

5. Carpenter, S.R. Inventing Sustainable Technologies / S.R. Carpenter // Pitt J. The Technology of Discovery and the Discovery of Technology: Proceedings of the Sixth International Conference of the Society for Philisophy and Technology. – Blacksburg : Society for Philisophy and Technology, 1991. – P. 481–492.

6. Shiva, V. Poverty and Globalisation / V. Shiva // BBC Reith Lecture Series [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.mindfully.org/WTO/Poverty-Globalisation-Shiva14may00.htm. – Date of access : 13.05.2009.

7. Sachs, W. Sustainable development vs economic growth / W. Sachs // Development [Electronic resource]. – Mode of access : http://development.thinkaboutit.eu/think3/post/wolfgang_sachs_sustainable_development_vs_economic_growth. – Date of access : 04.01.2009.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 113–047.58

Эвристический потенциал глобального моделирования в осмыслении феномена социоприродного взаимодействия

В.К. Степанюк

В статье рассматриваются методологические предпосылки и основания процесса моделирования сложных системных объектов. Показано, что перспективы дальнейшего прогресса в исследовании биосферной проблематики связываются с методологическим и концептуальным совершенствованием системного междисциплинарного подхода к теоретическому описанию биосферы и использованием эвристического потенциала методов глобального моделирования социобиосферных процессов.
Ключевые слова: биосферосовместимость, коэволюционная взаимосвязь, синергетика, системно-экологическое моделирование, социоприродные системы.

The article considers the methodological assumptions and the foundations of the process of modelling a complex system of objects. There is shown that the prospects for further progress in the study of the biosphere problems are associated with the methodological and conceptual improvement of the system of an interdisciplinary approach to the theoretical description of the biosphere and use of heuristic methods of global modelling socio-biospheric processes.
Keywords: biospheric compatibility, coevolutionary interconnection, synergetics, system and ecological modelling, socio-natural systems.

Среди глобальных проблем современной эпохи особое место занимает проблема взаимодействия общества и окружающей среды, которое дошло до опасного напряжения.

Если в доиндустриальную эпоху человек развивался как органичный и неотъемлемый элемент биосферы, то в нынешних условиях его независимость от неё нарушила это равновесие. Активное вмешательство общества в тщательно отлаженные эволюционные механизмы поддержания динамического равновесия биосферы создаёт реальную угрозу её основному ресурсу – живому веществу.

Система «человек – окружающая среда» представляет собой целостное образование, где оба составляющих элемента коэволюционно взаимосвязаны. Резкое усиление антропогенного давления как на отдельные экосистемы, так и на биосферу в целом, всё возрастающее воздействие природных катаклизмов на жизнедеятельность общества обострили значимость осмысления феномена социоприродного взаимодействия. Состояние окружающей среды стало предметом внимания многих областей науки. Принципиально новым в современной научной картине мира является признание единства общества и биосферы как уникальной, исторически развивающейся, открытой системы. В связи с новой картиной мира природа выступает не как материал для жизнедеятельности человека, который можно до бесконечности преобразовывать, а как живой организм.

Экологическая проблема поставила человечество перед выбором дальнейшего пути развития: ориентироваться ли ему по-прежнему на безграничный рост производства или этот рост должен быть согласован с реальными возможностями природной среды и человеческого организма, соразмерен не только с ближайшими, но и с отдалёнными целями социального развития.

Эти вопросы требуют глубокого философского осмысления, поскольку возникла пограничная ситуация неординарного порядка. Биосфера предъявляет человечеству ряд требований:

– умеренность в потреблении природных ресурсов, преодоление расточительности, потребительской структуры общества;

– биосферосовместимость на основе знания и использования законов сохранения биосферы;

– взаимная терпимость и миролюбие народов планеты в отношении друг с другом;

– следование общезначимым, экологически продуманным и сознательно поставленным целям общественного развития [1, с. 66].

Важно отметить, что способность биосферы к саморегуляции, несмотря на ее кажущуюся сверхнадежность, является весьма ограниченной. Как отмечает А.И. Зеленков, «современное человечество не обладает достаточной энергетической мощью для того, чтобы серьезно изменить общее количество живого вещества в биосфере Земли, но вместе с тем оно уже вполне способно нарушить сложившуюся структуру видового разнообразия жизни, обеднить их популяционно-видовой состав. Не исключено, что в результате подобной перестройки человек как биологический вид может оказаться избыточным в структуре модифицированной биосферы» [2, с. 116].

В связи с этим идет активный анализ методологических вопросов взаимодействия общества и природы, рассматривается социальный статус и значение этой проблематики для судеб человека и цивилизации. Прежде всего, необходимо отметить работы Э.В. Гирусова, А.А. Горелова, В.В. Загладина, А.И. Зеленкова, В.А. Лося, Н.М. Мамедова, П.Н. Федосеева и многих других.

Большое значение в обеспечении стратегии социального развития приобретает экологически обоснованное управление социальными процессами и их прогнозирование. Значительную часть человеческой деятельности составляют экономические проблемы, и поэтому так важна экологизация экономической жизни общества. Экономика должна непрерывно функционировать и совершенствоваться. В то же время постановка эксперимента в экономике трудноосуществима, а большей частью вообще невозможна ввиду тяжелых последствий для людей. Поэтому большое значение в теоретическом воспроизведении экономических процессов имеет применение методов моделирования, в результате чего становится возможным модельное имитирование экономической реальности и опережающая оценка намечаемых новаций хозяйственной жизни.

Еще в большей мере сказанное относится к природной сфере. Здесь эксперимент большей частью просто недопустим на сколько-нибудь больших природных массивах в силу опасности повлечь за собой непоправимые последствия, пагубные для самих людей.

В последнее время в трудах Д.М. Гвишиани, В.Ф. Крапивина, Н.Н. Моисеева, Ю.М. Свирежева, А.М. Тарко, Дж. Форрестера и других предприняты попытки системного подхода к исследованию закономерностей функционирования и эволюции биосферы, базирующиеся на использовании методов глобального моделирования и современной компьютерной техники.

Метод моделирования выдвигается ныне на рубеж одного из основных методов познания. Распространенность применения его связана с одной из главных особенностей современного этапа развития науки и техники – неуклонным наращиванием их конструктивности, потенциальной эффективности.

Сложные, многоаспектные явления в области взаимоотношений вооруженного высокоразвитой техникой человека с природой можно адекватно изучать лишь с помощью комплексного, системного междисциплинарного подхода, причём одним из основных методов исследования должен служить метод моделирования.

В философской литературе моделирование определяется как метод, при котором непосредственно рассматривается не сам объект, а некоторое промежуточное, существенно более простое, естественное или искусственное образование (модель), которое: а) находится в определенном соответствии с объектом; б) в процессе познания может замещать его в данных конкретных отношениях; в) в результате можно получить представление о самом объекте [3, с. 42].

Социоприродные процессы не обладают определённостью. Ни один социоприродный процесс не существует автономно, он имеет исторически необратимый характер, в нём определенность и неопределенность находятся в диалектическом единстве.

Ориентация современной науки на исследование уникальных, открытых, исторически развивающихся систем требует качественно иного характера исследовательской деятельности. Специфика такого объекта, вариабельность его поведения требует широкого применения

новых способов описания и предсказания его состояний – построения моделей возможных фаз развития системы в точках бифуркаций. Преобразование таких систем уже не требует наращивания энергетического потенциала, зачастую достаточно (в точках бифуркаций) незначительных воздействий, чтобы система коренным образом изменила свою структуру [4, с. 65].

Динамика социоприродных систем характеризуется переходом от одного относительно устойчивого состояния к другому с новым уровнем организации элементов и связей и новым типом саморегуляции. Изучение эволюции таких систем показывает, что до сих пор выходы из состояния неустойчивости не приводили к глобальным катастрофам, однако теперь, когда мощь человечества, по выражению В.И. Вернадского, стала сравнимой с геологическими процессами, деятельность социума может привести к исчезновению человечества.

Экосистемы относятся к классу нелинейных самоорганизующихся систем и характеризуются неопределенностью состояний. Существенный вклад в их познание может внести синергетика. Синергетика позволяет делать выбор между альтернативными путями развития, если известны внутренние тенденции развития сложных систем. Она также обращает внимание на возможность детерминации эволюционного процесса не только из прошлого, но и из будущего. В случае социоприродных систем это обстоятельство приобретает особое значение [5, с. 101].

Системно-экологическое моделирование основывается на некоторых методологических принципах [6]. Исходное основание заключается в требовании органической целостности субъекта и объекта в процессе построения системы моделей. Самые сложные из них, в первую очередь социально-экологические, связаны с деятельностью субъекта, поэтому уже сама постановка задачи модельного описания предполагает учет субъект-объектного взаимодействия. Этот важный интегральный принцип включает в себя ряд взаимосвязанных моментов: комплексность, междисциплинарность.

Следующий принцип – требование единства структурности и иерархичности. Одной из фундаментальных черт экологических объектов является наличие у них сложных структур, которые можно представить в виде некоторых подсистем. Следует учесть, что не все взаимосвязи между подсистемами равнозначны. В систему организуются лишь наиболее зависимые друг от друга подсистемы и элементы, а не те, влияние которых относительно слабо.

Важную роль играет также принцип многомодельного описания процессов и явлений. Новые объекты изучения заставляют ученых делать упор не на дедуктивные теории, а на построение множества сменяющих и дополняющих друг друга уникальных сложных систем.

Следующий важный принцип состоит в единстве формализованного и неформализованного описания сложных процессов и явлений, то есть здесь используются методы как традиционных наук, так и математического моделирования и компьютерного исследования.

Принцип единства теории и практики также существен для системно-экологического моделирования, потому что оно, выполняя определенные функции теоретического рассмотрения сложных объектов, является в то же время важнейшим практическим орудием преобразования человеком окружающей среды и собственных условий существования.

Кроме того, следует указать на принцип методологической значимости аксиологических и культурологических факторов. Принципиально важно формировать экологическую культуру, являющуюся необходимым элементом развития целостного, научно обоснованного гуманистического мировоззрения. «Данные научных исследований должны помочь усилению мотивации населения на осуществление экологической инновации образа жизни и мышления. Эта инновация предполагает активную практическую включенность широких масс населения, а не только правительства или элиты, поскольку ее невыполнение не может наказываться санкциями: экологизация образа жизни должна быть осознанной каждым гражданином общества и реально мотивировать поступки» [7, с. 222].

Научная теория общества немыслима без такой составляющей, как ноосферная ориентация. Поэтому в свете идеи о биосфере и формировании ноосферы существенно по-новому осознаются место и роль человека на Земле. Чем более масштабной становится деятельность человека, тем в большей степени он должен брать на себя роль фактора, поддерживающего природную среду не только непосредственно окружающую общество, но и на уровне всей

биосферы, вплоть до взаимодействия ее с космосом. При этом средоподдерживающая деятельность людей должна основываться на законах целостности биосферы.

Современная социально-экологическая ситуация усиливает необходимость учета диалектического принципа универсальной взаимосвязанности и взаимовлияния всех явлений в мире. Наиболее примечательной чертой этой ситуации является нарастающий динамизм изменения природных явлений под воздействием человека. В последнее время темпы изменения природных явлений на земной поверхности стали вполне сопоставимы с темпами изменения общественных явлений. Происходит стремительное стирание граней между природным и общественным.

Прежнее понимание процессов взаимодействия общества и природы претерпевает изменения по многим параметрам самым радикальным образом. По сути дела, совершается переход от упрощенной модели в понимании этой проблемы, когда природная среда рассматривалась как инвариант, а роль динамического фактора во взаимодействии отводилась лишь обществу, к модели более сложной и диалектической, где не только общество, но и природная среда находятся в состоянии взаимного изменения и подвижного равновесия.

Если принять такую модель взаимодействия, то становится обязательным системное понимание проблемы единства общества и природы как находящихся в состоянии функциональной взаимозависимости при определяющей в конечном счете роли социального фактора в обеспечении управляющего воздействия на параметры системы. Законы целостности этой системы являются законами ее сохранения и одновременно важнейшей основой социального развития в единстве с окружающей природной средой. Таким образом, неотъемлемой стороной и условием социального прогресса является отныне обеспечение обществом также и прогресса в отношении к природной среде жизни. Это означает преодоление в теории и на практике того наивного антропоцентризма, который был осью всей прежней культуры. Жизненно необходимой становится задача формирования у людей мировоззрения биосфероцентрической направленности, а это потребует переоценки всей системы традиционно сложившихся духовных ценностей и, прежде всего, адекватного понимания людьми места и роли общества в биосфере как одной из частей этой сложной и уникальной природной системы.

Литература

1. Гирусов, Э.В. Социальная экология в системе современного научного знания / Э.В. Гирусов // Философские науки. – 2011. – № 6.

2. Зеленков, А.И. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А.И. Зеленков, П.А. Водопьянов. – Минск, 1987.

3. Новик, И.Б. О моделировании сложных систем / И.Б. Новик. – М., 1965.

4. Шилов, А.С. Экополитология – основа политической деятельности в социоприродной среде / А.С. Шилов // Философские науки. – 2011. – № 8.

5. Мамедов, Н.М. Новые грани экологического познания / Н.М. Мамедов // Философские науки. – 2011. – № 6.

6. Природа моделей и модели природы. – М., 1986.

7. Титаренко, Л.Г. Экологическая составляющая как инновационное звено трансформации современного образа жизни белорусов / Л.Г. Титаренко // Системная трансформация общества: инновации и традиции. – Сб. науч. трудов. Вып. VIII. – Брест, 2011.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 930.1:1

Субстантивная философия истории

В.В. Цацарин

В статье анализируются основные положения субстантивной философии истории, критика подобных представлений американским философом А. Данто. Показывается несостоятельность философско-исторических построений субстантивного толка, то есть притязаний философов истории на построение теорий, проецируемых в будущее.
Ключевые слова: исторические знания, историческое значение, исторические сочинения, исторические теории, философия истории.

The article analyzes the main issues of the substantive philosophy of history, the criticism of similar ideas of American philosopher A. Danto. It shows the failure of philosophical and historical constructions of a substantive sense, i.e. the claims of the philosophers of history about the construction of theories projected into the future.
Keywords: historical knowledge, historical value, historical compositions, historical theories, philosophy of history.

Американский философ Артур Данто (родился в 1924 году) подразделяет философию истории на субстантивную и аналитическую. Себя он относит к аналитической философии истории, противопоставляя такой способ рассмотрения истории так называемой субстантивной философии истории, которая, по мнению Данто, столь же мало относится к философии, как и сама история. Философ-субстантивист, как и историк, занимается описанием того, что произошло в прошлом. К тому же, он стремится также дать описание будущего, как будто оно уже произошло, что Данто явно не приемлет [1, с. 20–24]. Аналитическая философия истории не просто связана с философией, она и есть философия, но философия, применяемая для решения специальных концептуальных проблем, возникающих как в практике изучения истории, так и в субстантивной философии истории [1, с. 11]. Основные положения аналитической философии истории Данто рассмотрены нами ранее [2], целью же данной статьи является рассмотрение критики Данто субстантивной философии истории, её анализ, выявление достоинств и недостатков.

В отличие от обычных исторических сочинений, субстантивная философия истории стремится дать описание *всей* истории. Такая характеристика, однако, сразу сталкивается с некоторыми трудностями. Даже если объединить все исторические сочинения и дополнить их сведениями, восполняющими все пробелы, всю историю этим не изложить. В лучшем случае мы получим изложение всего *прошлого.* Данто отличает целостность истории от целостности прошлого. Считается, что историк заинтересован в тщательном изучении и описании конкретных событий прошлого. Однако в истории каждого конкретного народа (территории), а следовательно, в истории человечества в целом имеется множество пробелов. Данто вводит воображаемую идеальную хронику всего прошлого, в которой зафиксированы все события, случившиеся в истории человечества [1, с. 12]. И все-таки это была бы еще не вся история, которая интересует философа-субстантивиста. Идеально полное изложение всего прошлого предоставило бы, в лучшем случае, лишь *данные* для субстантивной философии всей истории, на основе которых субстантивная философия истории пыталась бы строить свои теории. Данто выделяет два вида таких теорий – *описательные* и *объяснительные.*

Под описательной он понимает теорию, которая стремится выявить некоторую структуру в череде событий прошлого и экстраполировать эту структуру в будущее, делая вывод о том, что будущие события либо повторяют, либо дополняют структуру, выявленную в событиях прошлого. Объяснительная теория пытается дать истолкование этой структуры в терминах причинности [1, с. 12]. По Данто, объяснительная теория является философией истории лишь в той мере, в которой она связана с описательной теорией. Философией истории

является, например, марксизм, включающий в себя обе теории – описательную и объяснительную. С точки зрения его описательной теории, основным является конфликт между классами, причем любой данный класс создает своего антагониста как условие собственного существования и ниспровергается им: «вся прежняя история... была историей борьбы классов» [3, с. 208]. И история носит диалектический характер. Эта структура будет существовать до тех пор, пока действуют определенные причины, и попытка отождествить эти причины с различными экономическими факторами образует объяснительную теорию марксизма. Маркс предсказывал, что эта структура прекратит свое существование в будущем вследствие того, что причины, благодаря действию которых она существует, прекратят свое действие.

Данто предлагает аналогию с астрономией: есть астрономические наблюдения и теоретическая астрономия, строящаяся на этих наблюдениях. Так, Тихо Браге произвёл множество наблюдений за планетами, Кеплер вывел нечто, напоминающее описательную теорию, а Ньютон – объяснительную теорию. Философы истории иногда видят свою задачу именно в этом последнем, то есть претендуют на создание некой «теоретической» истории, которая за многообразием исторических фактов и событий отыскивает и формулирует исторические законы, основанные на обобщении эмпирического исторического материала. На долю «традиционной» истории остаётся сбор и первичная систематизация такого материала. Если следовать классической схеме развития науки, то в ней выделяют три уровня: сбор фактов, их описание и объяснение. Тогда субстантивную философию истории можно было бы представить как этап исследования, поднимающий историю на последние два уровня научного познания. Продолжая аналогию с астрономией, Данто отмечает, что законы Кеплера хотя и опирались на данные, собранные Тихо де Браге, однако были чем-то гораздо большим, предоставляя астрономам возможность не только систематизировать положения планет, наблюдавшиеся Тихо, но и предсказывать их *будущие* положения, причем даже тех планет, которые еще не были известны во времена Кеплера. Законы Ньютона объясняли не только те факты, которые были известны Тихо и Кеплеру, но (потенциально) и громадное число фактов, о которых они не знали. Точно так же можно было бы сказать, что по-настоящему успешная *историческая* теория далеко превосходит данные, собранные историей, и не только приводит их в некоторую систему, но также предсказывает и объясняет даже события будущей истории [1, с. 14].

По Данто, такая трактовка чрезмерно принижает саму историю. Если концепции философии истории не имеют атрибутов научности (даже наиболее влиятельные из концепций объяснительной философии истории обладают чрезвычайно низкой степенью проверяемости), то обычные исторические исследования выглядят вполне удовлетворительными в своем собственном жанре, соответствуют критериям этого жанра и выполняют свои задачи. Да и жанр исторических исследований весьма отличен от жанра астрономических наблюдений. Работы историков отличаются от наблюдений астрономов. Данто в самой истории, «внутри» неё находит сходный вид деятельности, с которым история как целое соотносится в рассматриваемом отношении. Это те процедуры, в которых историк пользуется специальными приёмами для установления подлинности документов и предметов культуры, при датировке событий, при идентификации отдельных личностей или при решении таких вопросов, как, например, вопрос о том, действительно ли сэр Уолтер Рэли был атеистом. Такого рода процедуры действительно полезно рассматривать как процедуры наблюдения, приводящие к установлению предположительно истинных единичных предложений типа: «Сэр Уолтер Рэли не был атеистом» [1, с. 15]. Однако деятельность историка не сводится только к этому. Историк не просто отыскивает факты, анализирует их подлинность, датирует события, но и соединяет известные факты в последовательные структуры, и такое упорядочение фактов имеет почти столь же много общего с научными теориями, как и концепции философии истории. Обладают они и некоторой предсказательной силой, правда, предсказания эти касаются не будущего, а прошлого. Определённое понимание того, что произошло в прошлом, основанное на свидетельствах, даёт возможность предсказать некоторый дополнительный факт – факт, о котором прежде не знали, и независимое исследование может подтвердить это предсказание. То обстоятельство, что предсказанный факт имел место в прошлом, не отменяет самого факта предсказания. Если оно правильно, то мы, осуществив историческое исследо-

вание, впоследствии установим предсказанный факт. Это весьма похоже на предсказание того, что мы увидим на небе, если осуществим определенные наблюдения. Так, обнаружив при раскопках Гомеля следы большого пожара, выяснив, что территория города после него значительно сократилась, а сам город пришёл в явное запустение, и найдя в данном культурном слое вещи середины XII века, археологи предсказали, что Гомель был захвачен и сожжён во время монголо-татарского нашествия, хотя факт этот дошедшие до нас летописи не зафиксировали. Различие между наблюдением и теорией, таким образом, в истории совершенно аналогично этому отношению в науке.

По Данто, неверно рассматривать сочинения историков просто как материал для будущих концепций философии истории. К примеру, один историк очень добросовестно занимается установлением некоторого факта прошлого. Затем другой историк использует этот факт, создавая определённое описание какого-то фрагмента прошлого. В глазах его коллег это описание может быть удовлетворительным или неудовлетворительным. Если данное изложение неудовлетворительно, может быть предложено другое изложение, точно такого же вида, что и первое, но удовлетворяющее тем критериям, с точки зрения которых было отвергнуто это первое изложение. Такие изложения являются завершёнными – в том смысле, что любое их улучшение продолжает оставаться в рамках истории. Иными словами, эти описания не являются подготовительными материалами для какого-то другого вида деятельности [1, с. 16].

В таком случае различие между историей и философией истории не может состоять в том, что последняя, в отличие от первой, создает описания, опирающиеся на исторический материал. Такие описания создаются как самой историей, так и философией истории. Поэтому, чтобы выходить за рамки истории и представлять собой нечто иное по сравнению с историей, описание, создаваемое философом истории, должно быть совершенно иным по характеру. Но, отмечает Данто, концепции философии истории отнюдь не похожи на научные теории. Если они и похожи на что-нибудь, то лишь на обычные исторические описания, в которые они вносят некоторые утверждения о будущем, что обычно не характерно для истории.

Это последнее сходство заключается не только в том, что подобно историческим описаниям концепции философии истории часто имеют структуру повествования. Оно проявляется также в том, что концепции философии истории обычно стремятся к определенной интерпретации событий прошлого, что часто встречается в самой истории, но очень нетипично для науки. По мнению Данто, концепции философии истории используют понятие интерпретации совершенно не свойственным для науки образом – как определенное понятие «значения». По Данто, когда мы говорим, что события обладают определенным «значением», мы имеем в виду некоторую более широкую временную структуру, компонентами которой они являются. Он сравнивает такое употребление с критикой литературного произведения. Когда говорят, что тот или иной его эпизод не имел значения, «был несущественным», имеют в виду, что он не повлиял на дальнейшее действие, был излишним и, следовательно, эстетически неоправданным. Однако такое суждение относительно конкретного эпизода можно высказать лишь тогда, когда познакомились со всем романом или пьесой [1, с. 16–17]. Критика эпизода пьесы возможна лишь ретроспективно, после ознакомления с произведением в целом. В этом смысле понятие значения используется также и в истории. И вот теперь, когда Великая французская революция давно завершилась, мы можем сказать, каково было значение её того или иного события – значение, относительно которого могли сильно заблуждаться даже сами участники этого события. В этом смысле мы можем считать, что философы истории пытаются понять значение событий в контексте исторического целого, напоминающего художественную целостность, однако в этом случае мы имеем дело с целостностью истории, охватывающей прошлое, настоящее и будущее. Но философ истории не обладает знанием всей истории. В лучшем случае он знаком с её фрагментом – всем прошлым. Однако он рассуждает в терминах всей истории и, опираясь только на известный ему ее фрагмент, пытается, с одной стороны, открыть структуру всей исторической целостности, которую он экстраполирует в будущее, а с другой стороны, в свете этой целостной структуры установить значение событий прошлого [1, с. 18].

Данто, вслед за профессором Левитом, на построения которого ссылается, относит такой способ рассмотрения истории к теологическому истолкованию истории, которое рас-

сматривает историю *in toto,* как осуществление некоего божественного замысла. Взгляды Маркса и Энгельса, по сути, не отличаются от данного рассмотрения, только роль Бога у них занимают некие исторические законы.

Субстантивная философия истории, по Данто, связана с *пророчеством.* Пророчество есть утверждение о будущем определенного *рода*, которое говорит о будущем так, как можно говорить только о прошлом, или говорит о настоящем с точки зрения будущего, рассматриваемого *как уже свершившееся.* Пророк истолковывает настоящее так, как это мог бы сделать будущий историк, для которого настоящие события стали уже прошлым и который может понять их значение. Поэтому Данто также называет такие пророчества *историческими* утверждениями о будущем [1, с. 18]. Схожее разделение встречается у Карла Поппера. Он также разделяет высказывания о будущем на научные предсказания и пророчества историцистского толка. И если первые имеют под собой основания, следовательно, могут высказываться, то пророчества Поппер оценивает только негативно. В качестве примера он приводит построения Гегеля и Маркса. Несмотря на отличия в конкретном содержании, Поппер объединяет их взгляды на историю развития человечества, так как оба мыслителя экстраполировали свои воззрения в будущее (будь то осознание свободы у немцев, по Гегелю, или развитие производительных сил и переход к коммунистической формации, по Марксу). Такого рода построения Поппер считал недопустимыми, так как они не поддаются никакой проверке (принцип верификации) и даже являются в принципе неопровержимыми (принцип фальсификации, введённый Поппером). Такие ненаучные концепции ничем не отличаются, по Попперу, от религиозных представлений [4].

Данто отмечает, что концепции субстантивной философии истории неоправданно пользуются тем же понятием «значение», которое оправданно употребляется в обычных работах историков. Нам может быть, например, известно, что совершённое индивидом *B* в значительной степени было обусловлено влиянием на него деяний индивида *A*. С точки зрения историка, спрашивать о значении деяний *A* – значит ожидать приблизительно такого ответа: это значение состоит в том, что они повлияли на деяния *B*. Ясно, что этот смысл понятия значения не является исчерпывающим: поэзия имеет значение только в том случае, если это по существу своему великая поэзия. И, по-видимому, можно доказать, что если бы мы не употребляли термин «значимый» в некотором ином, внеисторическом, смысле, мы вообще не могли бы употреблять его в историческом смысле. Скажем, мы считаем деяния *B* великим свершением, имеющим большое значение; и вследствие этого эпизод в биографии *B,* когда он впервые познакомился с деянием *A,* мы склонны считать *исполненным* значения, поистине судьбоносным. Конечно, современники не видели этого значения, ибо великие деяния *B* еще не были совершены. В отличие от нас у них не было информации, которая появилась только после этого знакомства. *Впоследствии* биограф может выделить этот эпизод как наиболее важное событие в жизни *B*. Современники же могли этого не заметить и не считать его заслуживающим упоминания [1, с. 19]. Общую особенность исторического упорядочения событий Данто видит в том, что события постоянно переписываются, а их значение переоценивается в свете более поздней информации. И благодаря обладанию этой информацией историк может сказать нечто такое, чего не смогли бы сказать очевидцы и современники событий.

Спрашивать о значении некоего события в *историческом* смысле этого термина – значит ставить вопрос, на который можно ответить только в контексте завершенного *рассказа* [story]. Одно и то же событие будет приобретать различные значения в соответствии с тем рассказом, в который оно включается, или, иными словами, в соответствии с разными множествами более поздних событий, с которыми его можно связать. Рассказ образует тот естественный контекст, в котором события приобретают историческое значение. Рассказывать историю – значит исключать *какие-то* события, т. е. неявно обращаться к критериям отбора событий для *этого* рассказа. Столь же очевидно, что рассказ, в котором в качестве существенного элемента фигурирует событие *E,* мы можем поведать только в том случае, если знаем, какие более поздние события связаны с *E,* поэтому – в определенном смысле – мы можем рассказывать только *истинные* истории относительно *прошлого* [1, с. 20]. В этом смысле взгляды Данто перекликаются с воззрениями на историю его современника, американского

философа Хейдена Уайта, который считает, что на историка при написании им той или иной работы влияют ненаучные моменты – тип построения сюжета, тип формального доказательства и тип идеологического подтекста. Выбор этих средств зависит от пристрастий историка, а не продиктован теми историческими событиями, которые историк исследует [5]. Наше рассмотрение как концепции Уайта, так и применения его построений к анализу белорусской историографии [6]–[7] поставило под некоторые сомнения этот радикальный тезис, тем не менее, ненаучный (в строгом значении термина «наука») компонент в деятельности историка присутствует. Тем более важным моментом является то, что и Данто отмечает некоторую схожесть деятельности историка и, например, писателя, хотя в целом Данто, в отличие от Уайта, стоит на позициях абсолютной научности истории.

Философы истории пытаются описать будущие события так, как будто они уже произошли. Они хотят настоящее и прошлое увидеть в перспективе будущего (причем завершенного будущего, ибо у всякого рассказа должен быть конец). Существуют исторические высказывания и описания, истинные и понятные для исторических произведений, но странные и непонятные для современников описываемых событий. Историк может написать: «Автор “Племянника Рамо” родился в 1715 г.». Но было бы весьма странно, если бы кто-то в 1715 г. произнес: «Автор “Племянника Рамо” только что родился». И еще более странно было бы, если бы кто-то, скажем, в 1700 г. произнёс эту фразу в будущем времени. Тем не менее, именно такое описание событий, существенно опирающееся на более поздние события – будущие события по отношению к тому времени, когда даётся описание, – пытается представить субстантивная философия истории. Фактически она стремится написать историю событий *до того,* как они произошли, и дать изложение прошлого, опираясь на понимание будущего [1, с. 20–21].

Именно это в субстантивной философии истории Данто не приемлет. Говорить о значении некоторого события – значит принимать какой-то контекст, в котором это событие значимо. Это – «знание в истории», и вполне правомерно, по Данто, заниматься поисками такого знания. Контекст, в котором рассматриваемое событие занимает важное место, обычно представляет собой некоторое ограниченное множество событий, образующих определенную целостность, частью которой является наше событие. Существуют более или менее широкие контексты, но история в целом представляет собой наиболее широкий из таких контекстов, и говорить о значении всей истории – значит лишать себя той контекстуальной структуры, в рамках которой такое обсуждение только и имеет смысл. Для истории в целом не существует более широкого контекста, чем она сама. Хотя это чрезвычайно важное обстоятельство, оно, по существу, не затрагивает субстантивную философию истории. Во-первых, философ может сказать, что история в целом получает своё значение из некоторого совершенно внеисторического контекста, например из некоторого Божественного замысла, а Бог находится вне истории и вне времени. Во-вторых, он может указать на то, что приписывание исторического значения само зависит от приписывания некоего иного, внеисторического значения, например, деяния *A* исторически значимы как повлиявшие на *B,* ибо деяния *B* мы рассматриваем как важные в некотором совершенно ином смысле. Затем философ может согласиться с тем, что нельзя говорить об историческом значении истории в целом, однако историческое значение никоим образом не является единственным видом значения. Наконец, он может указать на то, что под «историей в целом» он не обязан понимать все события, которые произошли или произойдут. Далеко не все оказывается частью истории в целом, и история в целом не является самым широким из возможных контекстов. Всё, что происходило в Сибири, например, Гегель не считал частью истории [8]. Он не отрицал того факта, что в Сибири происходили какие-то события, однако, с его точки зрения, эти события не имели никакого значения для главного развития событий, историю которого он стремился представить. Говоря о значении истории в целом, он усматривал его в том, что история – это поступательное движение к самосознанию Абсолютного Духа. Всё, происходившее в истории, имело значение применительно к этому развитию или было лишено значения. Однако ошибка философов истории, по мнению Данто, не сводится просто к смешению двух разных смыслов понятия значения. Если бы вещи были важны только с точки зрения истории, то

бессмысленно было бы говорить о чём-либо (скажем, о неаполитанской живописи XVIII столетия), что оно представляет *только* исторический интерес.

Субстантивная философия истории по сути своей ошибочна и опирается на фундаментальную ошибку. Ошибочно предполагать, что мы способны написать историю событий еще до того, как они совершились. Эту ошибку можно представить таким образом: философы пытаются дать неподходящее по времени описание событий, описать события так, как их нельзя описывать в данный момент. Мы пишем историю событий лишь после того, как события произошли.

Учёные делают точные предсказания относительно будущего, да и все мы на это способны в повседневной жизни. Однако тот *вид* высказываний о будущем, которые делает философ истории или которых требует от него его деятельность, отличен от выше названных. Такие утверждения о прошлом и настоящем логически связаны с утверждениями о будущем, и если последние неправомерны, первые не являются надёжными. Историк описывает некоторые прошлые события, ссылаясь на другие события, которые для первых событий находятся в будущем, но для самого историка являются прошлым. Философ же истории описывает прошлые события, ссылаясь на другие события, которые находятся в будущем и для описываемых событий, и для самого философа. Данто это отвергает. Присущий истории способ упорядочения событий не допускает экстраполяции в будущее, и структуры, в соответствии с которыми осуществляется такое упорядочение, в этом смысле не являются научными теориями. Отчасти это обусловлено тем, что историческое значение связано с внеисторическим значением, а это последнее изменяется вместе с интересами людей. Рассказы, повествуемые историками, связаны не только с периодом, к которому они относятся, но и внеисторическими интересами историков как представителей человеческого рода. В историческом описании всегда присутствует неустранимая конвенциональность и произвольность, поэтому чрезвычайно трудно говорить о единственном рассказе, повествующем об истории в целом или о любом множестве событий.

Литература

1. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М., 2002. – 289 с.

2. Цацарин, В.В. Проблема верификации исторического знания и аналитическая философия истории Артура Данте / В.В. Цацарин // Научные труды Республиканского института высшей школы. Философско-гуманитарные науки : сб. науч. ст. Вып. 5 (10) / под ред. В.Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2008. – С. 360–367.

3. Маркс, К. Развитие социализма от утопии к науке / К. Маркс, Ф. Энгельс // Полное собрание сочинений. – Т. 19.

4. Поппер, К. Нищета историцизма / К. Поппер. – М., 1993. – 186 с.

5. Уайт, Х. Метаистория : историческое воображение в Европе XIX века / Х. Уайт. – Екатеринбург, 2002. – 527 с.

6. Цацарин, В.В. Белорусская историография в свете поэтологической философии истории Х. Уайта (на примере работ Н.И. Ермоловича) / В.В. Цацарин // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2010. – № 6(63). – С. 53–62.

7. Цацарин, В.В. Историография А.К. Кравцевича в свете поэтологической философии истории Х. Уайта / В.В. Цацарин // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2011. – № 5(68). – С. 211–216.

8. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель. – СПб., 1993. – 479 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 29.02.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

Филология

УДК 811.161.1'36

Специфика синтаксиса витебских русскоязычных газет

А.А. Лавицкий

В статье на примере синтаксических конструкций витебских газет рассматриваются особенности публицистического текста с точки зрения современного дискурс-анализа.
Ключевые слова: публицистический дискурс, экспрессивный синтаксис, синтаксические конструкции, языковые особенности СМИ.

The article deals with the peculiarities of the journalistic text from the point of view of modern discourse-analysis on the example of syntactical constructions of Vitebsk newspapers.
Keywords: journalistic discourse, expressive syntax, syntactical constructions, language peculiarities of mass media.

Феномен газетного дискурса – уникальный материал для исследователя-лингвиста, т. к. язык газеты является одной из наиболее интенсивно развивающихся систем, наблюдая и изучая которую можно понять многие процессы, происходящие в обыденном языке.

Поэтому наше внимание к данному вопросу обусловлено как теоретическими параметрами проблемы – широким полигоном для наблюдения над функционированием языка, когнитивными и прагматическими аспектами проблемы, так и прикладным характером исследования – необходимостью более эффективной подготовки будущих журналистов.

Стоит отметить, что языковые особенности СМИ стали предметом пристального внимания лингвистов лишь в 70-е годы прошлого века, начиная с работ В.Г. Костомарова, И.П. Лысаковой, Г.Я. Солганика, Д.Н. Шмелева и др. Именно эти работы послужили началом исследования языка СМИ с разных точек зрения – грамматики, лексики, стилистики, социолингвистики, теории дискурса, контент-анализа, когнитивной лингвистики и т. д. Актуальность поднятых проблем подтверждается множеством теоретических работ, посвященных анализу отдельных синтаксических приемов, появившихся и в последние десятилетия в языке (В.А. Кухаренко, А.Н. Смолина, М.В. Веккессер, О.Н. Кузьменко, Е.Ю. Кукушкина, И.А. Синица, Ю.Н. Пугачёва, Ю.Н. Власова, О.В. Пузанова, А.Х. Никитина, И.Ю. Ковальчук, G. Molinier, J. Frank и др).

Данная статья посвящена изучению синтаксических особенностей современной публицистики на материале витебских газет. Основой для анализа послужили материалы самых многотиражных витебских газет (Витебский рабочий (ВР.), Витьбичи (В.), Народное слово (НС.)) 2011 года.

Для синтаксиса газетных публикаций последнего десятилетия характерны такие специфические черты, как внимание к экспрессивному синтаксису, употребление эмоционально-оценочных конструкций и т. д. Фактически подобное усиление, акцентирование содержания и является прямым подтверждением экспрессивной направленности текста [1, с. 13].

Под экспрессивностью понимается совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи [3, с. 591]. Экспрессивность свойственна единицам всех уровней языка, однако мы коснемся только экспрессивных синтаксических единиц. На синтаксическом уровне экспрессивность выражается изменением обычного порядка слов, повторами и т. д. К экспрессивным средствам синтаксиса относятся также тропы и фигуры речи, к которым мы, вслед за Н.В. Данилевской и Т.Б. Трошеровой [4, с. 474], относим особые случаи употребления и ис-

пользования главных и второстепенных членов предложения, однородных членов, стилистически значимые структурно-семантические разновидности предложений, средства связи, порядок слов, богатые синонимичные явления и др.

Так, согласно нашим наблюдениям, в периодических изданиях Витебщины журналисты используют многие возможности синтаксиса. К характерным процессам витебских печатных СМИ относятся инверсия, парцелляция, имитация «живой речи», усеченные и вставные конструкции, реже встречаются примеры использования в качестве глагольного сказуемого инфинитива, нестандартное употребление однородных членов предложения.

Инверсия как прием перестановки компонентов предложения, нарушающий их обычный порядок [4, с. 476], используется в современной витебской периодике довольно часто. Ее отличительной особенностью является синтаксическое усиление значения глагола, что придает материалу динамичность. Так, в небольшой заметке «Приглашает Оршанская юморина» (ВР. № 36 (22150) от 31.03.2011 г.) в трех из семи предложений наблюдается инверсия: на первом месте в предложении стоит глагол *(Придумать то, что позабавит окружающих, не так уж просто…; Проверить себя в умении веселить предлагает «Оршанская юморина»; Похохотать над забавной шуткой не прочь каждый…)*. Еще одним примером инверсии является материал «В калейдоскопе городских будней» (В. № 66 (3072) от 02.06.2011 г.). В статье об оперативном совещании у начальника горисполкома структурно-семантические особенности предложений придают не только динамику, но и определенную экспрессию *(Волнует руководителя города в целом ситуация…; Беспокоит руководителя обстановка и в…; Недоумевал председатель горисполкома и о…; Шел конкретный разговор о…; Обратил градоначальник внимание на работу…)*. Еще в одном материале – «Секрет глубокского кроликовода» (ВР. № 4 (22118) от 13.01.2011 г.) – события описываются практически в художественном стиле, а ведущая роль глагола оживляет материал, помогает адресату уловить динамику описываемого, сопереживать героям *(Встретились мы с хозяином…; Открыл хозяин калитку и взял на руки…; Поведал Збигнев и об…; Знает хозяин и о…; Начинает она моститься…; Приобрели Рекути собственную мельницу…)*.

Однако экспрессивность публицистического материала напрямую связана не только с использованными синтаксическими языковыми средствами, но и с содержанием материала, его значимостью для читателя. Именно поэтому прием инверсии часто используется в материалах, раскрывающих наиболее актуальные темы – работа жилищно-коммунального хозяйства, местных органов власти, социально-экономическое развитие региона *(Работают предприятия в двухсменном режиме…; Стоит на повестке дня кадровый вопрос…; Решают проблему нехватки рабочих рук…; Растет размер заработной платы…* («Тяжелый вопрос легкой промышленности» В. № 44 (3050) от 12.04.2011 г.) и др.

Парцелляция – наиболее часто встречающийся прием в витебских газетах. Под парцелляцией понимается стилистический прием, состоящий в таком расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах [3, с. 279]. С точки зрения актуального членения предложения парцелляция представляет собой средство выделения, усиления наиболее важных моментов высказывания. Парцелляционная структура включает в себя базовую (основную) часть и парцелляту либо парцелляты (отчленяемая часть). Между частями устанавливаются определенные лексико-грамматические отношения: соотнесенность видовременных форм глагола, тематическая однородность отчлененных компонентов. В анализируемых печатных изданиях парцелляция в основном встречается в самих статьях (*К весенне-полевым работам в хозяйстве подготовились. Трудились в две смены.* («На посевной в числе первых» В. № 43 (3049) от 09.04.2011 г.); *Оля охотно помогает хозяйничать по дому. Уберет. Постирает. И приготовит.* («Родная в приемной семье» НС. № 6 (2934) от 18.01.2011 г.)).

В подобных сложных конструкциях парцелляция помогает «разгрузить» логико-грамматические отношения, облегчить понимание текста. При этом парцелляция служит и для лучшего выражения эмоционального состояния говорящего (*Сначала работал на предприятии. Уволился. Трудовую не забрал.* («В поисках компромисса» ВР. № 39 (22153) от 07.04.2011 г.); *Это порода фларенд. Чистокровные. Привезли из Минска; Кормлю и свеклой. Она у нас хорошая. Полусахарную сеем.* («Секрет глубокского кроликовода» ВР. № 4 (22118) от 13.01.2011 г.)).

Парцеллированные конструкции используются и в заголовках статей (*Выслушать. Понять. Простить*. (ВР. № 14 (22128) от 05.02.2011 г.)), где ярко проявляется еще одна важная особенность – нарастающий, восходящий семантический лейтмотив, достигающий своей кульминации в последней парцелляте.

Изучение витебских СМИ показывает, что для публицистических текстов характерен также прием имитации живой разговорной речи. Такой прием в основном используется в так называемых социальных рубриках («Писали – Отвечаем», «Горячая линия» (В.), «Действующие лица» (НС.), «Дайте слово», «Комментарий» (ВР.) и др.). К особенностям материала таких рубрик относится широкое употребление бессубъектных оборотов и пассивных образований. Так, в материале «Городской быт желает быть лучше» (В. № 15 (3021) от 05.02.2011 г.) аналогичных фраз более 1/3 *(выполнение работ находится на контроле; устройство ступеней будет обязательно выполнено; посыпка осуществляется; сигналы поступили и др.)*. А в материале о проведении месячника по благоустройству объектов и территорий области «Наведем порядок в нашем общем доме» (В. № 42 (3048) от 07.04.2011 г.) бессубъектные и пассивные конструкции составляют 90% глагольных образований *(В течение месячника необходимо привести в порядок…, очистить от мусора…; Нужно правильно складировать… и своевременно производить очистку…; Призыв привести в надлежащий вид…, заключить договор…; Можно не выбрасывать мусор…; Основное требование соблюдать правила…; Не забывать содержать в чистоте и порядке…, оказывать помощь…)*.

Кроме того, имитация разговорной речи характеризуется и избыточностью текста, выявляемой через многочисленные попутные замечания, дополнительные сведения *(а еще, как выяснилось, есть…; сразу оговоримся, что…; известно конечно, что…; было бы интересно узнать и о; как оказалось, можно…; выяснилось также, что…* и др.*)*. Имитация живой речи всегда несет в себе экспрессивно окрашенный оттенок, т. к. журналист в этом случае, как и говорящий, стремится к выразительности, так или иначе отражающей его эмоциональное состояние, настроение, внутреннюю самодостаточность или неудовлетворенность, одобрение или неодобрение происходящего.

Тенденции к усилению экспрессивности в журналистских текстах обуславливает использование усеченных конструкций. Мы согласны с мнением Е. Соловьевой, утверждающей, что «с коммуникативной точки зрения любая усеченная конструкция – результат экспрессии» [5], а средства усиления экспрессивности, к которым целесообразно отнести усеченные высказывания при их сознательном употреблении, становятся особенно востребованными в то время, когда повышается значимость эффективной печатной речи. В витебских изданиях прием усечения используется в основном в заголовках (*Пусть память говорит…* (ВР. № 19 (22133) от 17.02.2011 г.); *Знать, где соломки постелить…* (В. № 17 (3023) от 10.02.2011 г.)*; Быстро, вкусно и…; Вне поля зрения…* (НС. № 36 (2964) от 31.03.2011 г.)). Введение в публицистический текст усеченных конструкций во многом показывает отношение автора к содержанию материала, указывает на эмоциональную окраску контекста (*И сувенир, и оберег…; Ради жизни, ради нас…* (ВР. № 4 (22118) от 13.01.2011 г.)). Вместе с усечением в таких приемах журналисты используют также вставные конструкции (*Ловись, рыбка, большая… и очень большая!* (ВР. № 36 (22150) от 31.03.2011 г.); *Как говорить с детьми о… сексе* (НС. № 4 (2932) от 13.01.2011 г.); *Точка. Точка. Запятая… Славься, Пасха святая* (В. № 49 (3055) от 23.04.2011 г.)).

К более редким синтаксическим приемам, встречающимся в витебских газетах в основном в заголовках, можно отнести эллиптические предложения, структурирующиеся на основе пропуска глагольного сказуемого. Контекстуальная или структурная неполнота таких предложений коммуникативно обусловлена и восстанавливается в содержании публицистического текста. При этом пропуск понятного из контекста глагольного сказуемого делает эллиптические предложения более динамичными, содержательными, а следовательно, более экспрессивными (*Новые статусы – новые возможности; В лидерах – «Красный борец»* (ВР. № 3 (22117) от 11.01.2011 г.); *Против дачных воров – единым фронтом* (В. № 12 (3018) от 29.01.2011 г.)). Приобретая значения интенсивного действия, эллиптические предложения в заголовках газет зачастую характеризуются лозунгово-рекламным характером (*От слова – к делу* (В. № 16 (3022) от 08.02.2011 г.); *Мы – на связи!* (ВР. № 39 (22153) от 07.04.2011 г.); *Землю – в надежные руки; В отпуск без затрат!* (ВР. № 49 (22163) от 30.04.2011 г.)).

Еще одной особенностью синтаксических структур газет Витебского региона является больша́я вариативность синтаксических единиц, поскольку на сравнительно небольшом пространстве газетной статьи или заметки однообразно построенные предложения не только ослабили бы информирующую функцию, но и вызвали бы скуку у читателя. Поскольку информационное пространство региональных изданий значительно меньше текстового пространства центральных газет, поэтому здесь чаще в одном абзаце встречаются и простые двусоставные, и односоставные, и неполные, и сложные предложения разных типов: *Земля – на вес золота в любом государстве. Глава государства отметил, что земли сельхозугодий могут быть выделены для строительства жилья только в исключительных случаях. Возможно также выделение таких земель под суперинвестиционные проекты.* (В. № 127 (3133) от 20.10.2011 г.). Первое предложение здесь неполное, второе – сложноподчиненное, третье – односоставное безличное.

Однако такая вариативность встречается не всегда. Зачастую информация представлена в однотипных предложениях, к тому же пестрящих цифрами, которые в таком количестве не могут быть усвоены читателем: *В Витебске – 106 общежитий, в которых проживает 27217 человек: 72 – ведомственных, в 34 заселяют студентов и учащихся. Из 72 ведомственных 21 имеет статус малосемейного….* (В. № 127 (3133) от 20.10.2011 г.). Это также важная черта синтаксиса региональных газет, которая является примером расшатывания кодифицированных синтаксических норм современного русского литературного языка средствами массовой информации, в первую очередь, газетной периодикой.

Приведенные примеры отчетливо иллюстрируют тенденцию к использованию синтаксических возможностей текста в публицистической печати Витебска. Наличие в газетных материалах парцеллированных, усеченных, вставных конструкций свидетельствует о тенденции к имитации разговорной речи. Почти все названные приемы создают избыточность текста, которая, однако, оправдана тем, что увеличивает тем самым их понимание, адекватное авторской интенции. Можно также констатировать проникновение в текст конструкций, выступавших ранее в функции заголовков. Хотя, на наш взгляд, региональная печать все же не реализует в полной мере значительный экспрессивный потенциал синтаксических единиц.

Таким образом, «языковой вкус» газет Витебского региона характеризуется ориентированностью на разговорный варианты языка, расшатыванием синтаксических норм литературного языка, более свободным варьированием предложений разных типов на небольшом пространстве заметки. Все это следует рассматривать не как явные нарушения норм, а как закономерные изменения, происходящие в рамках публицистического дискурса в региональных СМИ.

Литература

1. Маслова, В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В.А. Маслова. – Минск : Вышэйшая школа, 1997. – 156 с.

2. Береговская, Э.М. Стилистика в подробностях / Э.М. Береговская. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 232 с.

3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М., 1990. – 591 с.

4. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожиной; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. – М. : Флинта: Наука, 2003. – 696 с.

5. Соловьева, Е. Передача прямых и косвенных смыслов посредством усиленности / Е. Соловьева // Научно-культурологический журнал РЕЛГА [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : http://Relga.ru/Environ/WebObjects/tgu. – Дата доступа : 10.04.2011.

6. Кожина, М.Н. Стилистика русского языка / М.Н. Кожина. – М. : Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

Витебский государственный
университет им. П.М. Машерова

Поступило 31.01.12

Известия Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины, №4(73), 2012

УДК 811.161.1'373.43:070«19/20»

Функционирование лексических инноваций в русскоязычной периодике конца XX – начала XXI веков

А.Л. Стрижак

В статье анализируется функционирование лексических окказионализмов в российских и русскоязычных белорусских газетных текстах за периоды 1992–1999 и 2000–2010 годов. Выделяется и описывается понятие лексической конвергенции как универсального способа организации выразительных средств газетного текста, анализируются виды взаимодействия языковых/речевых единиц, описываются важнейшие функции инноваций.
Ключевые слова: конвергенция лексических единиц, графические, семантические, словообразовательные инновации, заголовок, текст.

The paper analyzes the functioning of the lexical occasionalisms in Russian and Russian-Belarusian newspaper texts during the periods of 1992–1999 and 2000–2010. There is allocated and described the concept of lexical convergence as a universal way of organizing the expressive means of a newspaper text, there are analyzed the interactions of language/speech units, there are described the major functions of innovations.
Keywords: convergence of lexical units, graphic, semantic, derivational innovations, title, text.

Доминирующей лингвистической тенденцией в развитии и функционировании современного газетного текста является активная «неологизация» языка газеты, что в значительной мере обусловлено как экстралингвистическими факторами, так и собственно языковыми преобразованиями, «типичнейшей чертой которых является расцвет неузуального словообразования» [2, с. 138].

Общий объём материала, послужившего фактической основой для настоящей статьи, составляет около 560 контекстов, извлечённых из российских и русскоязычных белорусских газетных текстов за период 1992–2010 годов.

Предметом рассмотрения является прагматический аспект функционирования окказиональных слов, поскольку он позволяет в общих чертах показать те закономерности, которые были выявлены нами в ходе анализа речевых единиц, но не могут быть детально рассмотрены в рамках одной публикации.

Анализ языкового материала показывает, что все инновации способны определённым образом вступать в отношения конвергенции друг с другом, а также с другими выразительными средствами языка/речи, создавая контексты особой экспрессивности, направленные на реализацию воздействующей функции газетного слова: «степень прагматического потенциала <…> может усиливаться при условии вхождения анализируемого окказионализма в контаминированную или конвергированную структуру» [1, с. 96]. В настоящей работе под *конвергенцией лексических единиц* понимается такое расположение языковых/речевых единиц, которое направлено прежде всего на усиление прагматического потенциала высказывания вследствие взаимодействия и взаимовлияния лексем в пределах одного контекста.

Все инновации рассматриваются нами в рамках 3 больших подгрупп:

* словообразовательные;

* графические (особые слова, сочетающие в себе средства различных семиотических систем: кириллицы и латиницы, букв и цифр, букв и разных способов выделения (с помощью подчеркивания, шрифта и т. д.));

* семантические (случаи использования материальной оболочки слова в качестве нового средства наречения, приводящие к возникновению окказиональной семантики).

Обратимся к функционированию названных типов речевых единиц в газетном заголовке. Анализ использования словообразовательных инноваций в данной позиции показы-

вает актуализацию прежде всего экспрессивно-оценочной функции новообразования: *Как повернуть к рынку* ***проммонстры****?* (БР, окт. 1993); или: *По дорогам* ***Совражества*** (о разгуле беззакония на дорогах СНГ) (КП, окт. 1992). Семантика новообразования *проммонстры* вполне прозрачна и служит лишь для привлечения читательского внимания, тогда как удачно сконструированный способом аналогического словообразования окказионализм *совражество* (Совражество ← Содружество) выражает авторскую иронию, являясь ёмкой и выразительной характеристикой напряжённой социально-экономической обстановки в странах бывшего СССР.

Максимальная выразительность контекста достигается в том случае, когда заглавие представлено собственно окказионализмом: ***ТРУБОПРОДАВЦЫ.*** *Конфликт с «Газпромом» нанес мощный удар по идеологии белорусского потребителя* (БГ, янв. 2007). Инновация *трубопродавцы*, построенная по аналогии с бранной лексемой *христопродавец* ‘предатель’, реализует экспрессивный потенциал не столько благодаря новизне формы, сколько путём столкновения возвышенной религиозной и «приземлённой» экономической сфер. Аллюзия на известный библейский сюжет об Иуде и 30 серебрениках, «спроецированная» на современную действительность, задаёт нужную автору ироничную тональность изложения, которой пронизан весь последующий текст статьи. Аналогичную функцию экспрессивизации высказывания выполняют новообразования в следующих примерах: ***Днестрадания*** (о напряжённой обстановке в Приднестровье) (МК, март 2006); *днестрадания* ← Днестр + страдания; или: ***Президентопремьер.*** *Изменения в правительстве комментируют эксперты АиФ* (АиФ, № 11, 2004); *Президентопремьер* ← президент + премьер.

Собранный материал даёт основание утверждать, что позиция заголовка накладывает определённые ограничения на сочетаемость лексических инноваций с другими выразительными средствами, предполагая функционирование новообразований преимущественно в нейтральных контекстах. Характеризуя контекст как нейтральный, мы говорим о единичности употребления в нём лексической единицы, выполняющей функцию экспрессивизации высказывания. Подобное употребление выразительных средств мы предлагаем называть **нулевой конвергенцией** (**конвергенцией первой степени**).

Реализация экспрессивно-оценочной функции новообразования в составе заглавия характерна и для графических окказионализмов, что сопровождается регулярным обращением к экспрессивно-оценочным средствам языка: *Кто* ***ОПоГанил*** *Россию? И почему быть честным стало опасно*? (АиФ, нояб. 2009); или: *Украине опять* ***ЮЛИть****? Первыми шагами Тимошенко станут популистские меры: пересмотр итогов приватизации и возвращение населению сгоревших банковских вкладов* (АиФ, № 41, 2007). Обе инновации образованы посредством графического выделения в структуре узуальной языковой единицы определённого слова, попадающего в фокус авторского внимания и образующего тематическую канву публикации. Так, первый контекст представлен вычленением аббревиатуры *ОПГ* ‘организованная преступная группа’ в структуре разговорной лексемы *опоганить* ‘сделать поганым, нечистым’, что приводит к наложению и взаимному обогащению ассоциаций, связанных со значением каждого из слов: семантика инновации расширяется благодаря актуализации внутренней формы глагола *опоганить*, обращению к определённым фоновым знаниям, входящим в тезаурус реципиента. Экспрессия второй иллюстрации достигается благодаря обыгрыванию фонетического сходства антропонима *Юля* (имени известного украинского политика Юлии Тимошенко) и разговорной лексемы *юлить*.

Продуктивным способом образования графических окказионализмов является производство инноваций с последующим выделением в их составе узуальных единиц: *Барак не* ***ОБАМАнет****: очевидно, что при Обаме внешнеполитическая доктрина США действительно будет меняться. Причем кардинально* (БГ, сен. 2008); ***ОБАМАнет*** ← Обама + обмануть ‘намеренно ввести кого-л. в заблуждение’; или: ***НИКАзистая****, но любимая: 9 декабря в московском Доме кино в 8-й раз раздавали главнее призы отечественной статуэтки «Ники»* (АиФ, дек. 1995); ***НИКАзистая*** ← Ника + неказистый ‘некрасивый, непривлекательный на вид’.

Добавим, что гетерогенная природа графических инноваций, способность таких слов развёртываться до уровня словосочетания и даже предложения закономерно программируют

реализацию ими не только экспрессивной и оценочной функций, но и функции экономии языковых средств: ***ПриГАЗ*** *отдан: пока третья белорусско-российская газовая война производит впечатление блицкрига* (БГ, авг. 2007). Графодериват формирует устойчивые ассоциации: *приказ* ‘официальное распоряжение органа власти’; *газ* ‘газообразное топливо’; ***ПриГАЗ*** → приказ, связанный с проблемой газовых поставок. Сравним: *Последний* ***всхлИП****? Милиция вновь разогнала акцию протеста ИП* (БГ, янв. 2008). Необходимый минимум ассоциаций также подсказывается семантикой заголовка: *всхлип* ‘судорожный вздох’; *ИП* – ‘индивидуальный предприниматель’; ***всхлИП*** → что-то, связанное с проблемами представителей малого бизнеса.

Анализ подгруппы семантических инноваций, выполняющих прежде всего рекламную функцию, выявил закономерность, в соответствии с которой в структуре значения таких слов протекают разнонаправленные семантические процессы. Так, в ряде контекстов происходит нейтрализация лексем, обладающих в языке ярко выраженным негативным оценочным значением. Нивелирование отрицательной оценки является следствием употребления экспрессем для именования предметов и явлений обыденной жизни: *Эвакуаторы умерли. Да здравствуют* ***потаскуны*** (МК, авг. 2000). Ср.: *потаскун* ‘тот, кто ведет безнравственную жизнь’, окказиональная семантика возникает благодаря ассоциациям с глаголом *потаскать* ‘таскать некоторое время; перетаскать всё’. Сравним также: *Одни* удят*, другие «****бакланят****»: … китайские бакланы … видят плывущую рыбу, ныряют за ней и послушно отдают хозяину* (СБ, авг. 2002). Выразительность данного контекста построена на созвучии жаргонной лексемы *бакланить* ‘говорить не по делу’ и орнитологической номинации *баклан* ‘большая водоплавающая птица с тёмным оперением’.

Обратный процесс заключается в контекстуальной «негативизации» семантики нейтральной языковой единицы, которая используется в качестве номинации отрицательных явлений в различных сферах человеческой деятельности: *Доллар слегка* ***одеревенел****: после неуверенного танца на отметке 5125–5130 «зелёный» безостановочно падает* (КП, май 1995). Окказиональное значение глагола *одеревенеть* ‘приобрести свойства неконвертируемой денежной единицы’ формируется на основе семантики отфраземного деривата *деревянный*, при этом вполне отчётливо прослеживается влияние переносных значений глагола *одеревенеть* и адъектива *деревянный*, содержащих сему отрицательной оценки. Сравним: «***Устаканенные***» *отношения* (статья о стремительно распространяющемся семейном пьянстве) (СБ, авг. 2004). Прозрачная внутренняя форма разговорной лексемы *устаканиться* ‘прийти в нормальное состояние, успокоиться’ вызывает вполне предсказуемые ассоциации адресата (подсказанные внутренней формой слова): речь должна идти о чём-то, связанном с культурой (сферой) употребления спиртного. Подобный ассоциативный ряд усиливается тем фактом, что лексема *стакан* является компонентом многих фразеологических сочетаний, отражающих специфику названной области.

Употребление лексических окказионализмов преимущественно в нейтральных заголовках мы объясняем тем, что использование инновации в данной позиции представляет собой своего рода «информационный барьер», который читатель объективно стремится преодолеть. Вместе с тем чрезмерное насыщение заглавия экспрессивными средствами (в нашем случае – окказионализмами) «может дать и противоположный психологический результат – адресат будет раздражен высотой «информативного барьера» и текст останется непрочитанным» [3, с. 53].

Значительное количество инноваций в составе текста представлено случаями нулевой конвергенции, вместе с тем определённое количество примеров отражает различные типы взаимодействия окказиональных слов. Рассмотрим данные типы взаимодействия на материале словообразовательных окказионализмов.

Сочетание в одном высказывании двух и более выразительных средств одного порядка (гомогенных), которое направлено на усиление функции экспрессивизации контекста, мы предлагаем называть **однопорядковой конвергенцией**: *Похоже, что российское* ***телеоружие*** *направлено на российскую же телеаудиторию, которую хотят подготовить к более жестким действиям по отношению к Беларуси. В конце недели белорусский президент вынужден был, наконец, отреагировать на пропагандистские* ***телеатаки*** *Москвы* (БР, июль

2010). Использование тематически близких новообразований актуализирует в сознании адресата ассоциации, связанные с «военной» тематикой, способствуя тем самым скрытому внедрению авторской оценки: временные трудности в отношениях между двумя государствами интерпретируются как военные действия и закономерно воспринимаются негативно, не допуская иных трактовок описываемого события. Следующая иллюстрация представлена тремя инновациями, две из которых – *русскость* и *польскость* – вследствие частотности употребления в СМИ в настоящее время воспринимаются скорее как узуальные: *Тадеуш Гавин, председатель Союза поляков Беларуси, задался целью воскресить «польскость на Гродненщине». **Польскость**, **русскость**, а как быть с **белорускостью**?* (СБ, нояб. 1993). Употребление словообразовательных окказионализмов в структуре текста предполагает также актуализацию двух частных подфункций – экономии языковых средств и оценочной функции, давая тем самым возможность адресату как ощутить авторскую характеристику явления, так и в полной мере осознать необычность и оригинальность номинации: *А что касается этих, как я называю, **хитоносцев**… Эта машина – шоу-бизнес – что-то ужасное. Мы к этому никак не относимся* (из интервью с А. Шевчуком) (НГ, окт., 1996); *…демократическая оппозиция сплотит вокруг красно-бело-красного флага сотни тысяч тех, кто объективно не был согласен с режимом, но кого пугала **фюрерообразность** Зенона Станиславовича* (СБ, нояб. 1996).

Разнопорядковые отношения конвергенции между двумя или более чем двумя выразительными единицами газетного текста также способствуют экспрессивизации высказывания, причём такому словоупотреблению часто сопутствует функция стилизации: *На смену официальной медицине идет новое поколение «докторов» – парней с пудовыми кулаками и коммерческой жилкой. Наркоманы, алкоголики, игроманы на такие «**заманухи**» явно **не клюнут**, но не беда: к клиентам без всяких талончиков подъедет «реальная **медбратва**»* (СБ, сен. 2010). Так, окказионализм *медбратва*, мотивирующей базой для которого служит несущая в себе экспрессию разговорности лексема *братва* ‘члены преступной группировки’, выступает здесь своего рода центром, объясняющим и в некоторой степени оправдывающим использование жаргонного слова *замануха* и усечённого варианта разговорной фраземы *клюнуть на удочку*. Таким образом, в рассмотренном контексте происходит имитация криминального стиля общения.

Взаимодействие двух и более однопорядковых единиц с единицами иного порядка мы называем **конвергенцией второй степени**. Указанный тип контекстуальных отношений лексических единиц, обладающий максимальным прагматическим потенциалом, тоже, как правило, сопровождается функцией стилизации определённой манеры общения: *… я тоже, направляясь в Турцию, наслушался «**страшилок**» о пьяных **гулянках** «а-ля рюс». Но с облегчением увидел людей спокойных и совершенно счастливых. Может, все потому, что не был похож на **карикатурно-реликтового** русского первых **турзаездов**?* (СБ, май 2010). Очевидно, что экспрессивность настоящего контекста достигается использованием окказионального адъектива *карикатурно-реликтовый* и субстантива *турзаезд,* создающих неформальную тональность общения, чему способствует употребление разговорных лексем *страшилка* и *гулянка*.

Главная особенность функционирования лексических новообразований в газетном тексте заключается в том, что различные по своим структурно-семантическим характеристикам инновации демонстрируют существенную дифференциацию в возможностях сочетаемости с другими словами, а также в степени активности употребления в словесной ткани газеты. Поясним сказанное. Так, словообразовательные инновации в тексте активно взаимодействуют с аналогичными по структурно-семантическим характеристикам единицами, а также с иными выразительными средствами, что было показано выше. Семантические окказионализмы (являясь преимущественно средством создания выразительности заголовка) в составе текста обнаруживают высокую активность в позиции разнопорядковой ЛК, гораздо меньшую – в контекстах с иными выразительными средствами, абсолютно не характерно для таких инноваций сочетание с аналогичными по структурно-семантическим характеристикам единицами. Отличительной особенностью функционирования графических инноваций является их использование только в составе газетного заголовка.

Анализ материала показывает, что, вступая в отношения разнопорядковой ЛК, семантические окказионализмы взаимодействуют с двумя пластами стилистически маркированной лексики: с разговорными словами и с терминами различных областей научного знания: *Официальная белорусская пресса откликнулась на «газовую атаку» целым ворохом версий происшедшего. Белорусская оппозиция тоже не упустила шанса* ***оттоптаться*** *по поводу скандала.* (АиФ, фев. 2004); сравним: *Между тем стипендию бывшему студенту уже не платят, ... и из общежития горемыку не выгонишь, хотя койка давно уже забронирована за «****новобранцем****»* (НГ, сен. 1995). Если выразительность первого примера достигается взаимодействием в пределах одного контекста инновации *оттоптаться* в значении ‘высказать своё мнение’ и военного термина *газовая атака*, то вторая иллюстрация демонстрирует неузуальное использование слова *новобранец* ‘тот, кто только что призван на военную службу’, которое вступает в синонимичные отношения с разговорной лексемой *горемыка* ‘тот, кого постоянно преследуют несчастья, неудачи’.

Таким образом, анализ функционирования лексических новообразований в газетном тексте целесообразно осуществлять с учётом структурно-семантических особенностей окказионального слова, оказывающих существенное влияние на использование инноваций в структуре заголовка/текста, программирующих актуализацию той или иной функции окказионализма и в значительной степени определяющих характер валентностных свойств индивидуально-авторских образований.

Литература

1. Грищева, Е.С. Структурно-семантическое и функциональное описание лексических окказионализмов в рамках теории элокутивного поля : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е.С. Грищева. – Абакан, 2006. – 232 с.

2. Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Е.А. Земская [и др.] ; под общ. ред. Е.А. Земской. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 478 с.

3. Современная газетная публицистика : проблемы стиля / И.П. Лысакова [и др.] ; под общ. ред. И.П. Лысаковой. – Л. : изд-во Ленинградского ун-та, 1987. – 120 с.

Гомельский государственный
университет им. Ф. Скорины

Поступило 31.01.12

Содержание

История

Аляксейчанка Г.А. Украінская гістарычная думка ў пачатку эпохі нацыянальнага адраджэння (другая палова XVIII – 20-я гады XIX ст.) ... 3
Бурик Е.А. Приграничное экономическое сотрудничество между Республикой Беларусь и Украиной в 1990-е – 2000-е годы ... 8
Дубровко Е.Н. Проблема Срединной Литвы во внешней политике Великобритании ... 18
Жданович П.Л. «Забытый» фронт ... 25
Жихарев С.Б. Проекты железнодорожного строительства в западных губерниях Российской империи в начале XX в. ... 31
Зеленкова А.И., Савинская М.П. Становление Гомельского государственного университета ... 38
Киселев А.А. Конфессиональные аспекты кадровой политики российских властей в полицейских учреждениях МВД белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX вв. ... 44
Королева Н.В. Стереотип современного интеллигента в представлении гомельчан в начале XXI в. ... 53
Кротов А.М. О трансформации национально-политического сознания поляков Беларуси в 1795–1921 гг. ... 58
Лазько Р.Р. Паўночна-Заходняя абласная арганізацыя РСДРП(б) – партыя ўлады ў Беларусі (лістапад 1917 – люты 1918 г.) ... 65
Любавина Т.Г. Организация воспитательной и учебной работы в детских домах БССР (1954–1964 гг.) ... 72
Мязга М.М. Польская міжваенная гістарыяграфія аб усходняй палітыцы Польшчы ў час польска-савецкай вайны 1919–1920 гадоў ... 78
Пичуков В.П. Немецкий аспект национальной политики в БССР (20–30-е гг. XX в.) ... 85
Рубан А.А. Особенности экономической интеграции Беларуси, России и Украины в рамках СНГ ... 90
Старовойтов М.И. Научно-педагогическая и творческая интеллигенция белорусско-украинского пограничья в условиях белорусизации и украинизации: этнокультурный аспект ... 95
Телепень С.В. Армия в политической системе Рима в эпоху кризиса Республики и становления Империи ... 103
Толочко Д.М. Социально-экономические преобразования сельского хозяйства западных областей Беларуси (сентябрь 1939 – июнь 1941 гг.) ... 108
Чаропка С.А. Адроджаная прагай да свабоды: армія Вялікага княства Літоўскага 1812 года ... 113
Бабков А.М. Реэвакуация Белэваком беженцев и военнопленных в 1922 г. ... 120
Ворон В.П. Политика российского самодержавия в сфере среднего сельскохозяйственного образования на Беларуси в середине XIX – начале XX ст. ... 128
Шиляев А.П. Польская пехота конца XVI – начала XVII вв. ... 134
Шкрабова Т.А. Материальная культура населения Гомеля (вторая половина 60-х – середина 80-х гг. XX века) ... 139

Философия

Борецкая В.К. Концепция церковно-государственной диархии в социальных воззрениях средневековых христианских мыслителей ... 146
Калмыков В.Н. Системная природа сознания ... 152
Луковский В.И. Соотношение насилия и ненасилия ... 157
Нарижный В.Э. Становление отдельных проблем феноменологии и философской антропологии ... 162
Новожилов В.С. Организационная праксиология: уровни методологического анализа ... 166
Одиноченко В.А. Проблема гуманизма в протестантской теологии XX века ... 171

Паўлавец А.Д. Лёс чалавека і яго праявы 178
Сиротко Н.О. Современные философские интерпретации концепции устойчивого развития 184
Степанюк В.К. Эвристический потенциал глобального моделирования в осмыслении феномена социоприродного взаимодействия 191
Цацарин В.В. Субстантивная философия истории 195

Филология

Лавицкий А.А. Специфика синтаксиса витебских русскоязычных газет 201
Стрижак А.Л. Функционирование лексических инноваций в русскоязычной периодике конца XX – начала XXI веков 205

Contents

HISTORY

G.A. Alekseichenko. Ukrainian historical thought during the period of national renaissance (late 1700s – 1820s) 3
E.A. Burik. Frontier economic cooperation between the Republic of Belarus and Ukraine in the 1990s – 2000s 8
E.N. Dubrovko. The problem of Middle Lithuania in British foreign policy 18
P.L. Zhdanovich. The "forgotten" front 25
S.B. Zhiharev. The railroad construction projects in west provinces of Russian empire in early 20th century 31
A.I. Zelenkova, M.P. Savinskaya. The formation of Gomel State University 38
A.A. Kiselev. Confessional aspects of staff policy of Russian government in the police establishments of the Ministry of Internal Affairs in Belarusian provinces in late 19th – early 20th century 44
N.V. Koroleva. Stereotype of a modern intellectual in representation of Gomel citizens at the beginning of the 21st century 53
A.M. Krotov. Of transformation of national and political consciousness of the Poles on the territory of Belarus in 1795–1921 58
G.G. Lazko. North-Western regional organization RSDRP(b) as a power party in Belarus (November 1917 – February 1918) 65
T.G. Liubavina. Organization of pedagogical and educational work in orphanages in BSSR (1954–1964) 72
N.N. Mezga. Polish interwar historiography about Eastern policy of Poland during the Polish-Soviet War of 1919–1920 78
V.P. Pichukov. German aspect of the national policy in BSSR (1920s–1930s) 85
A.A. Ruban. The peculiarities of economic integration of Belarus, Russia and Ukraine within the CIS 90
M.I. Starovoitov. Scientific-pedagogical and creative intellectuals of the Belarusian-Ukrainian border in the conditions of Belarusization and Ukrainization: ethno-cultural aspect 95
S.V. Telepen. The Army in political system of Rome during the epoch of crisis of the Republic and the Empire formation 103
D.M. Tolochko. Socio-economic transformation of agriculture in western regions of Belarus (September 1939 – June 1941) 108
S.A. Cherepko. The army of the Great Duchy of Lithuania: the revived thirst for freedom in 1812 113
A.M. Babkov. Reevacuation of refugees and prisoners by Belarusian Evacuation Committee in the year of 1922 120
V.P. Voron. Russian Autocracy's policy in secondary agricultural education on the territory of Belarus in late 19th – early 20th century 128
A.P. Shiliayev. Polish infantry in late 16th – early 17th century 134
T.A. Shkrabova. Material culture of the population of Gomel (late 1960s – mid-1980s) 139

PHILOSOPHY

V.K. Boretskaya. The concept of the church and governmental diarchy in social views of medieval Christian thinkers 146
V.N. Kalmyikov. Systemic nature of consciousness 152
V.I. Lukovsky. Violence and non-violence 157
V.E. Narizhny. Formation of some issues of phenomenology and philosophical anthropology 162
V.S. Novozhilov. Organizational praxiology: levels of methodological analysis 166
V.A. Odinochenko. The problem of humanism in Protestant theology in the 20th century 171
A.D. Pavlovets. Man's destiny and his manifestations 178
N.O. Sirotko. Contemporary philosophical interpretations of the concept of sustainable development 184

V.K. Stepaniuk. The heuristic potential of global modelling in understanding of the phenomenon of socio-natural interaction 191
V.V. Tsatsarin. Substantive philosophy of history 195

PHILOLOGY

A.A. Lavitsky. The specificity of syntax of Vitebsk Russian language newspapers..... 201
A.L. Strizhak. Functioning of lexical innovations in Russian periodical press in late 20th – early 21st century..... 205

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Статья представляется в редакцию в двух экземплярах на белорусском, русском или английском языках и является оригиналом для печати. Объем статьи, как правило, не должен превышать 10 страниц, и ее разметка не требуется. Статья должна иметь разрешение соответствующего научного учреждения на опубликование. Статья должна иметь индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК), к ней следует приложить краткое резюме и ключевые слова (на русском и английском языках), название статьи, фамилии и инициалы авторов на английском языке. Ее необходимо подписать всем авторам, указать полное название учреждения, где выполнена работа, а также почтовый адрес, номер телефона (служебный и домашний). Плата за опубликование статей не взимается.

Авторы представляют на дискете (либо по электронной почте e-mail: `vesti@gsu.by`) tex-файл со статьей, подготовленной в LaTeX'e с опцией 12pt в стандартном стиле article (\textwidth 165 mm, \textheight 245 mm). Аналогичны требования для статей, набранных в редакторе MS Word. При наборе формул в редакторе MS Word необходимо использовать Microsoft Equation. Для набора формул не должны использоваться пакеты сторонних разработчиков (MathType и др.). Занумерованные формулы выключаются в отдельную строку, номер формулы ставится у правого края страницы. Нумеровать следует лишь те формулы, на которые имеются ссылки.

Статьи, претендующие на научный приоритет, оформляются в виде кратких сообщений объемом до 2 страниц текста и, как правило, публикуются в ближайших номерах журнала.

Ссылки в тексте обозначаются порядковым номером в квадратных скобках. Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Поступившие в редакцию статьи направляются на рецензию специалистам. Основным критерием целесообразности публикации является новизна и информативность статьи. Авторы не должны направлять статьи, которые уже опубликованы либо приняты к печати в других изданиях. Если по рекомендации рецензента статья возвращается автору на доработку, то переработанная рукопись вновь рассматривается редколлегией, и датой поступления считается день получения редакцией окончательного ее варианта. Лицам, осуществляющим послевузовское обучение, предоставляется право первоочередного опубликования статей.

Технический редактор: *И.В. Близнец.* Корректоры: *Е.В. Убоженко, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 30.07.2012. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 25,1. Уч.-изд. л. 21,9. Тираж 100 экз. Заказ № 455

Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования
«Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»
ЛИ № 02330/0549481 от 14.05.2009.
Ул. Советская, 104, 246019, г. Гомель.